

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 84

4

Москва
2024

НАУКА
— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 84 № 4

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА
2024

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсон* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),
проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),
проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),
проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморгчов* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *А.В. Иванова*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 84 Issue 4

October—November—December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2024

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Calleri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Peter Funke* (Münster), Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg),
Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens), Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg),
Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg), Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow),
Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Anna Ivanova*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0321039124040014

«Я ХОРОНИЛ СТАРИКА» И ПОХОЖИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

А. Е. Демидчик

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: a.demidchik@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1660-8649

В правление VI династии в древнеегипетских кладбищенских жизнеописаниях появилось словесное клише «я хоронил не имевшего своего сына». Позже в них распространилась похвальба благотворительностью при похоронах «стариков». В статье рассмотрено развитие данной темы и фразеологии до конца Среднего царства. Мемфисская чиновная элита, вероятно, считала организацию похорон непрременным долгом одного только сына-наследника, но необязательной для остальной, даже очень близкой, родни. «Не имевшими своего сына» чаще всего оказывались бедняки. Однако при массовом обнищании населения в Первый переходный период даже в семьях покойников, имевших «своих сыновей», часто не было средств для должного погребения. Поэтому у «благотворителей» вошло в обычай похвалиться похоронами «стариков» вообще.

Ключевые слова: Древний Египет, Старое царство, Первый переходный период, Среднее царство, кладбищенские жизнеописания, похороны, малоимущие

“I BURIED AN OLD MAN” AND SIMILAR STATEMENTS IN ANCIENT EGYPTIAN AUTOBIOGRAPHIES: HISTORICAL AND CULTURAL COMMENTARY

Arkadiy E. Demidchik

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: a.demidchik@spbu.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 23-28-00155

Данные об авторе. Аркадий Евгеньевич Демидчик – доктор исторических наук, профессор кафедры Древнего Востока СПбГУ.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00155 «Культура взаимопомощи в цивилизации Древнего Египта (III – первая половина II тысячелетия до н.э.)».

Сердечно благодарю рецензентов ВДИ за существенные библиографические дополнения.

The verbal cliché “I buried him who had no son” appeared in the ancient Egyptian tomb autobiographies of the early and mid-Sixth Dynasty. Later, it was replaced by boasting about spending on the funerals of ‘old people’. The article examines the development of this topic and phraseology until the end of the Middle Kingdom. The Memphite official elite probably considered funeral arrangements to be an indispensable duty of the son-heir alone, but not obligatory for the rest, even very close relatives. Those ‘who had no son’ were most often paupers. However, with the massive impoverishment of the population during the First Intermediate Period, even the families of the deceased who had ‘their sons’ often did not have the means for a proper burial. Therefore, it has become a custom for ‘benefactors’ to boast about the funerals of ‘old people’ in general.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, First Intermediate Period, Middle Kingdom, tomb autobiographies, funerals, the poor

Кладбищенские жизнеописания – важнейший письменный источник для изучения истории и культуры древнеегипетской цивилизации. Но набор их тем весьма ограничен, и большинство таковых «раскрываются» лишь одной-двумя фразами, часто почти без изменений повторяющимися из надписи в надпись. Непростая задача египтолога – правильно распознать отразившиеся в таких словесных клише историко-культурные обстоятельства, понять причины возникновения и развития соответствующей фразеологии. Предмет предлагаемой статьи – похвальба организацией похорон для «не имевших своего сына» и для «стариков» в кладбищенских жизнеописаниях Старого царства, Первого Переходного периода и Среднего царства.

«Я ХОРОНИЛ НЕ ИМЕВШЕГО СВОЕГО СЫНА»

Фраза «я хоронил не имевшего своего сына (*krs.n(=i) iwty s3=f*)» встречается в шести кладбищенских жизнеописаниях первой половины и середины правления VI династии. Пять случаев ее употребления известны в Саккара, в расположенных близ друг друга гробницах верховных сановников Меху (*mhw*), Мерепнебефа (*mr=f-nb=f*; он же *wnis-ḥ(w)*, он же *ffi*), Неферсешемра (*nfr-sšm-r^c*; он же *šši*, он же *wd3-ḥ3-tti*), Хентикаи (*hnty-k3=i*; он же *ihhi*) и одного из высших судебных чиновников (*imy-r3 hwt-wrt*) по имени Неферсешемпта (*nfr-sšm-ptḥ*; он же *šši*, он же *wDA-ḤA-tti*).

Усыпальницы Меху и Мерепнебефа расположены соответственно близ южной и западной стен пирамиды Джосера¹. Высокое социальное положение Меху определялось, помимо прочего, браком с царской дочерью; по мнению Н. Канавати и Дж. Свинтон, он даже мог быть братом фараона Тети². К этому царствованию, вероятно, относится и надпись на известняковом архитраве, первоначально венчавшем вход в гробницу, но по прошествии какого-то времени замененном другим надписанным блоком. Весь биографический раздел этой «ранней надписи»

¹ PM III.2, 619–622; Altenmüller 1998; Kloth 2002, 19, Nr. 37; Myśliwiec *et al.* 2004.

² Kanawati, Swinton 2018, 24–25; об этом визире и его гробнице см. также Krämer 2019, 353–374.

(стк. 7–9) почти полностью совпадает с жизнеописанием, помещенным примерно в это же время на фасаде усыпальницы Мерефнебефа (слева от входа, средний регистр, стк. 16–26)³. В обоих текстах при этом сказано:

Я хоронил не имевшего своего сына,
Я переправлял⁴ не имевшего своего парома.
Я спасал бедствующего от могучего,
Я отдавал отцовское имущество его сыну⁵.

Хотя эти фразы разрозненно встречаются и в других жизнеописаниях⁶, возможно, здесь они составляют «четверостишие», в котором первая и последняя «строки» заканчиваются одинаково — на $z^3=f$ «своего / его сына». В первом «двустии» говорится о похоронах неимущих — слишком бедных, чтобы завести семью и сына (см. ниже), или не имевших плавсредств для перевозки трупа на кладбище в Саккара (см. ниже). Заметим, что словосочетание sm^3-t^3 , «соединять (с) землей», переведенное здесь «переправлять (через реку)», часто употреблялось и в значении «хоронить», «погребать», «быть (благополучно) похороненным»⁷. Смысл второго «двустия» мог состоять в том, что, если от покойного все же оставалось какое-то богатство, Меху и Мерефнебеф защищали наследника от алчности «могучих» и отдавали «отцовское имущество его сыну». В других жизнеописаниях Старого царства дважды встречается похвальба справедливым судейством, при котором сын не был незаконно лишен отцовского имущества⁸.

Гробницы Неферсешемра, Хентикаи и зятя фараона Тети, Неферсешемптаха расположены близ друг друга у северной ограды пирамиды Тети⁹, а жизнеописания могли быть записаны в них при Тети или Пепи I. Интересующие нас тексты практически совпадают, и с необходимыми восстановлениями они таковы:

Я давал хлеб голодному, одежды нагому, переправу не имевшему лодки¹⁰.
Я хоронил не имевшего своего сына,
я устраивал переправу не имевшему своего парома¹¹.

С учетом пространственной и хронологической близости надписей их столь полное совпадение могло быть вызвано либо списыванием друг у друга, либо, что вероятнее, наличием общего протографа.

Необычно предложение «я устраивал переправу не имевшему своего парома». Хотя похвальбы предоставлением плавсредств лицам, их не имеющим, в жизнеописаниях Старого царства и Первого переходного периода часты, словосочетание

³ Myśliwiec *et al.* 2004, 79, n. 75

⁴ Дословно: «соединял землю с».

⁵ Hawass 2002; Kloth 2002, 329, Abb. 3; Myśliwiec *et al.* 2004, 74–80.

⁶ Hawass 2002, 222, n. 24–26.

⁷ Myśliwiec *et al.* 2004, 79, n. 79.

⁸ Kloth 2002, 80–81. В «Почучении царю Мерикара» сказано: «не прогоняй сына от имущества его отца» (стк. 47 Эрмитажного списка).

⁹ РМ III.2, 508–511, 515–516.

¹⁰ Дословно: «соединение земли с не имевшим лодки».

¹¹ Kanawati, Abder-Raziq 1998, 34–35, pl. 18, 58; Mathieu 2021, 211–213, fig. 43; James 1953, 40–41, pl. IV, D; Lloyd *et al.* 2008, 10–11, pl. 5, 33.

iri.n(=i) mḥnt встречается, кажется, только в трех упомянутых надписях¹². Еще более неожиданным данное предложение выглядит здесь оттого, что прямо перед этим сказано «я давал переправу не имевшему лодки». Получается бессмысленный повтор — своего рода «масло масляное», если только не предположить, что слова «я устраивал переправу не имевшему своего парома» продолжают здесь тему похорон. В трехчленной «формуле милостыни» «Я давал хлеб голодному, одежды нагому, переправу не имевшему лодки» речь идет, несомненно, о помощи живым. А в «двустии» «Я хоронил не имевшего своего сына, я устраивал переправу не имевшему своего парома», видимо, говорится о доставке трупа на кладбище. Между столицей начала VI династии близ пирамиды царя Тети *dd-iswt-tti* и кладбищем при пирамиде Пепи I, вероятно, находилось озеро¹³. Известно также, что в Новом царстве Мемфис был отделен от Саккара западным рукавом Нила, а еще западнее — особенно в половодье — тянулись неглубокие озера¹⁴. Поэтому на саккарское кладбище покойников порой удобно было доставлять по воде — «переправлять». Немного позже в Эль-Хагарсе номарх Мериаа (*mry-ḥ3*) в иных выражениях, но тоже хвалился тем, что перевозил по воде усопших¹⁵.

То, что в Саккара четыре из пяти высказываний «я хоронил не имеющего своего сына» содержатся в жизнеописаниях верховных сановников, может быть связано с ответственностью последних за порядок в столице¹⁶. Долгое пребывание на ее территории «бесхозных» разлагающихся трупов было, конечно, недопустимо.

За пределами Саккара формула про похороны «не имевшего своего сына» повторена в жизнеописании Кара (*k3r*), правителя II верхнеегипетского нома, до этого служившего при дворе Пепи I и Меренра. Соответствующий раздел его надписи в Эдфу¹⁷ восходит к саккарскому протографу: как и в гробницах Неферсешемра, Хентикаи и Неферсешемптаха, упоминание о похоронах следует за «формулами милостыни» живущим. Однако Кар расцвел свой текст подробностями, подчеркивающими его щедрость к жителям именно Эдфусской области. Хоть и местный уроженец, он долго жил в столице и теперь должен был убедить земляков, что не чужак, не «варяг» — что заботился прежде всего о «своих», о местных¹⁸. При этом Кар подчеркивает, что всех «не имевших своего сына» хоронил не за «казенный», а за собственный счет, т. е. поступал по отношению к ним как близкий родственник:

¹² Например, Müller-Wollermann 1998; Kloth 2002, 81–83, 181–183. Вопреки расхожему словному переводу «я построил паром не имевшему парома» (Kloth 2002, 79; Strudwick 2005, 300, 302; Franke 2006, 105), словосочетание *iri mḥnt* означает здесь «переправлять, перевозить через реку» (Shehab el-Din 1993, 204); ср. *krs.n(=i) iwty s3=f sm3.n(=i) t3 m iwty mḥnt=f* в надписях Меху и Мерепнебефа, процитированных выше.

¹³ Malek 2000, 104.

¹⁴ Staring 2023, 54–70, fig. 23; Ghoneim *et al.* 2024.

¹⁵ Kanawati 1995, 32–33, pl. 7a, 8, 35.

¹⁶ См. «Предписание о служебных обязанностях верховного сановника». Ср. Franke 2006, 107–108.

¹⁷ El-Khadragy 2002, 205–211, Tf. 4–6.

¹⁸ С библиографическими указаниями см. Coulon 2020, 215–217.

Я давал хлеб голодному и одежду нагому, (какого) находил в этой области; из моего собственного дома (т. е. хозяйства) я давал кринку молока и отмеривал ячмень голодному, найденному мной в этом номе.

Что до любого человека, найденного мной с зерновым долгом другому¹⁹, я возмещал²⁰ его владельцу из моего собственного дома.

Я хоронил²¹ всякого человека этого нома, не имевшего своего сына, в одеянии из моего собственного имущества» (*m išt n(y) dī(=i)*).

Поскольку кладбище Эдфу находилось в западной части города, расположенного на западном берегу Нила²², плыть туда не требовалось, и похвальба «устройством переправы» после упоминания похорон закономерно отсутствует²³.

Примечательно, что в интересующих нас высказываниях говорится об отсутствии у покойного сына, но не родственников вообще. Вероятно, столичная элита Старого царства считала организацию похорон неперенным долгом одного только сына-наследника, но не обязанностью остальной, даже очень близкой, родни. Это вполне согласуется с выводом авторитетных специалистов о том, что важнейшей единицей кровно-родственной организации в данном социальном слое уже стала «малая», или «нуклеарная», семья (родители и дети); связи же «большесемейные», «родовые», «клановые» и т. п., имели гораздо меньшее значение²⁴. «Из народа, соединенного сетью родственных групп, египтяне превратились в народ государственный (ein “Staatsvolk”», – писал Д. Франке²⁵. В Старом и Среднем царстве нам неизвестны какие бы то ни было обязательства, автоматически порождаемые родственными узами за пределами нуклеарной семьи. На родственников, в нее не входивших, видимо, не переходили неоплаченные долги; в отличие от Месопотамии, в Египте не упоминается принцип талиона, тем более – кровная месть²⁶. За регулярное исполнение поминального культа приходилось выделять родственникам гарантированное материальное обеспечение – как поминальным жрецам *hmw-k3*. Нигде в многочисленных письменных угрозах осквернителям погребений и памятников не говорится, что им отомстит родня покойного. Вероятно, не было и родичей, обязанных похоронить «не имевшего своего сына».

¹⁹ Дословно «заем-*t3bt*, что от другого, против него»; литература о термине *t3bt* перечислена в Franke 2006, 115, Anm. 47; Kasparian 2019, 91–94.

²⁰ Дословно: «(это) я возмещавший».

²¹ Дословно: «(это) я хоронивший».

²² Moeller 2013, 4, fig. 4.

²³ Вопреки распространенному мнению, на происходящих из Эдфу стелах *snbw* и CG 20530 умерший не назван «вышедшим из своего дома в свою гробницу, (будучи при этом) перевезен своим паромом» (с указанием литературы см. Trapani 2007, 1831, n. 5). В действительности это два определения, не связанные между собой, и второе (*d3i m mhnt=f*) указывает здесь на богатство эдфусского владельца жизнеописания: «переправлявшийся своим (собственным) паромом, пахавший своими (собственными) упряжками...» (см. CG 20499, стк. 7–8; Kubisch 2008, 224–227; CG 20530; Trapani 2007; Kubisch 2008, 208–213; 2010, 320; стела «наставника судовой команды Правителя» *t3w* в Gardiner 1916, 100; Kubisch 2008, 232–234).

²⁴ Brunner-Graut 1990, 26; Assmann 2005, 27; Bierbrier 2020, 809–810.

²⁵ Franke 1983, 350; Baines, Lacovara 2002, 27: «Egyptian societal organization was ‘political’ rather than kin-centered».

²⁶ Вопреки Baines 1999.

Это, конечно, не означает, что не принадлежавшие к малой семье родственники всегда уклонялись от трат на похороны ее главы. Имеется немало упоминаний об их участии в погребении и последующем культе²⁷. В одном из «писем мертвым» некий Шепси рассказывает, что за свой счет похоронил неимущего брата; похожей заботой о родне похваляются «начальник забойщиков скота» Мерер и «начальник пастухов» Интеф (см. ниже). Тем не менее, участие таких родичей в похоронах, видимо, не считалось само собой разумеющимся, обязательным. Оно случалось только по их желанию, выглядело выдающимся нравственным поступком и потому письменно увековечивалось. Синухет, у которого и после его бегства должны были оставаться в Египте какие-то близкие родственники, не надеялся, что они позаботятся о его похоронах.

КЕМ БЫЛИ «НЕ ИМЕВШИЕ СВОЕГО СЫНА»?

Здесь уместно задаться вопросом, кем были египтяне, которых из-за отсутствия у них «своего сына» приходилось хоронить посторонним лицам. Современный читатель может счесть частой причиной этого бесплодие покойного или раннюю смерть его детей — что, конечно, тоже случалось²⁸. Однако из письменных источников Нового царства и более поздних известно, что в таких случаях желавшие иметь наследника обычно прибегали к усыновлению сирот или близких родственников — вплоть до того, что муж «удочерял» жену²⁹. Поэтому причиной отсутствия у покойного «сына»-наследника чаще всего было не бесплодие или ранняя смерть его потомков, а его неспособность содержать жену и детей.

Рекомендации древнеегипетских «поучений» жениться и обрести потомство «пока ты юнец (*iw=k m ʿdd*)»³⁰ нужно понимать с учетом пояснения Анхшешонка: «Заводи жену, когда тебе (исполнится) *двадцать лет*, чтобы у тебя был сын, когда ты *юн*»³¹ (курсив мой. — А. Д.). Выходит, «юность» древнеегипетских «поучений» — возраст достаточно зрелый, продолжающийся даже после «тинейджерства»; в греко-римском Египте средний возраст женихов составлял 25 лет³². При всей желательности обзаведения потомством еще в молодости, мужчина прежде должен был достичь возраста и общественного положения, позволявшего возглавить и содержать отдельное семейное домохозяйство³³. По мнению Ш. Аллама и Я. Тоивари-Вииталы, «возраст женитьбы мужчины, вероятно, зависел от его профессиональной карьеры, экономического благополучия и репутации семьи»³⁴. В «Поучении Хорджедефа» и в «Поучении Птаххотепа» сказано, что следует

²⁷ Например, Kokina 2014, 140–146; Nelson-Hurst 2010.

²⁸ P. Prisse 7.6–7.7; P. Berlin 3024, 68–80.

²⁹ McDowell 1998, 218–220; Janssen R., Janssen J. 2007, 220–222.

³⁰ Дословно «пока ты в качестве юнца»; P. British Museum EA 10685 (Chester Beatty V) vso, 2,6–7. О значении *ʿdd* см. Hodjash, Berlev 1982, 2.6–7, n. c; Toivari-Viitala 2001, 52 (280).

³¹ P. British Museum EA 10508, 11.7.

³² Montserrat 1996, 82.

³³ В «Поучении Ани» рекомендуется после женитьбы жить отдельным домохозяйством, а не у родителей, родственников и т. д. P. CG 58042 (P. Boulaq 4) 19.1–19.10; также см. «Поучение Анхшешонка» (P. British Museum 10508) 9.12.

³⁴ Allam 1977, 1163; Toivari-Viitala 2013, 7.

обзаводиться своим «домом», «если ты справен», «благополучен» (*ikr*), чтобы муж мог прокормить жену, снабдить ее одеждой, притираниями и т.д.³⁵ Я. Ассман писал, что вступление в брак являлось признаком благосостояния и «на практике было вопросом не столько возраста, сколько достатка»³⁶.

Однако какое-то количество мужчин так никогда и не обрело благосостояния, достаточного для содержания жены и детей; такие умирали неимущими бездетными холостяками. Пример этой печальной участи – некий Себекхотеп (*sbk-htp(w)*), на которого жалуется его брат Шепси (*špsi*) в письмах к покойным отцу и матери на миске из Кау эль-Кебир конца Старого царства или Первого переходного периода. Себекхотеп скончался, имея за собой немалый долг и, по-видимому, не оставив сына-наследника, так что пришлось брату хоронить Себекхотепа за собственный счет³⁷. Номарх Анхтифи рассказал про свою заботу о неимущих так: «Я давал хлеб голодному и одежды нагому. Я умащал иссушенного, я обувал (в сандалии) босого, я давал жену не имевшему жены»³⁸. Слова про раздачу хлеба и одежд – частая в жизнеописаниях «формула милостыни», которая, однако, получила здесь необычное продолжение – про заботу номарха о лишенных умашений (*hs3*), о босых (*dg3*) и о «не имевшем жены (*iwtu hmt*)». Конечно, Анхтифи не раздавал жен, как если бы это был хлеб или одежды. Он давал неимущим мужчинам имущество или средства, позволявшие им содержать жену и будущих детей, что делало их сравнительно завидными женихами и позволяло обрести супругу.

То, что упоминаемые в кладбищенской формуле лица, «не имевшие своего сына», – бедняки, понятно также из того, что хоронить их пришлось посторонним благотворителям. По египетскому обычаю, именно устройство похорон и поминального культа отца давали право сыну или дочери на оставшееся от него наследство³⁹. Если они этого не делали, действовал известный по документам Нового царства «закон фараона (*hp n(y) pr-ʿ3*)»: «имущество отдают похоронившему (*i.di.tw 3ht n krs*)»⁴⁰. Таким образом, если после египтянина оставалось сколько-нибудь дорогостоящее имущество, обычно находились желающие его унаследовать, которые должны были для этого организовать погребение. Если же египтянин умирал совершенным бедняком, на устройство его похорон могли поспешить даже близкие родственники, часто тоже малоимущие⁴¹. Упомянутым выше Меху, Мерэфнебефу, Неферсешемра, Хентикаи, Неферсешемптаху и Кару,

³⁵ Helck 1984, 4, I.4; P. Prisse, 10.8–10.9.

³⁶ Assmann 1976, 16.

³⁷ Gardiner, Sethe 1928, 3–5, 17–19, pl. II–III; Hsieh 2022, 128–155, fig. 5.3–5.8.

³⁸ Vandier 1950, 220, pl. XIX.

³⁹ Теперь см. Lippert 2008, 17, 36; McCorquodale 2012.

⁴⁰ P. CG 58092, rto 1.10–1.11; Janssen, Pestman 1968; Lippert 2008, 61; Toivari-Viitala 2001, 104–106. Для времени Второго переходного периода см. Gardiner, Sethe 1928, 26–27, pl. 9; Wente 1990, 216, 237, n. 351; Lippert 2013, 5.

⁴¹ Хотя помощь в похоронах родственника считалась делом высоконравственным (см. выше прим. 27), она не была юридически фиксированной обязанностью, и потому становилась предметом самовосхвалений (см. ниже). На то, что не оставивший наследства египтянин может в старости и после смерти лишиться заботы даже собственных детей, недвусмысленно намекает «Поучение Каирсу» (§ 12), см. Posener 1976, 127–130; 43–46; Assmann 1984, 693–694.

«хоронившим не имеющего своего сына», едва ли оставалось после этого какое-то «наследство» — в противном случае они не смогли бы похвалиться такими поступками как высоконравственными бескорыстными деяниями. Соседство интересующей нас фразы с «формулами милостыни» также подсказывает, что речь идет о покойниках неимущих.

Древнеегипетская житейская мудрость, сформулированная в «поучениях» и кладбищенских жизнеописаниях, требовала, чтобы мужчина еще при жизни приготовил все, что может понадобится для его похорон и поминального культа: вплоть до строительства гробницы и найма жрецов-«слуг двойника»⁴². Но у похороненного Каром «всякого человека этого нома, не имевшего своего сына», не было даже погребальных пелен: номарх выдавал им «одеяния из моего собственного имущества». Упомянутый Шепси тоже был вынужден предоставить погребальные «одежды» для похорон своего неимущего брата Себекхотепа⁴³. Похоже, что в большинстве случаев «материальное обеспечение» от благотворителя покойному и состояло прежде всего в пеленах, «одежде» для трупа. Поэтому в царствование Сенусерта I дворцовый начальник Интеф (*in-it=f*) похвально, что в собственном хозяйстве (*pr n(y) dt*) «хоронил старика и одевал нагого» — вероятно, в обоих случаях имеется в виду выдача тканей⁴⁴. А начальник пастухов Интеф (*in-it=f*) на рубеже XI–XII династий утверждал, что «поддерживал жизнь (*s^cnh*) всякого человека моего окружения»⁴⁵ в голодную пору (*m hkrw*), не давал умирать; я хоронил мертвеца в моем гробу, одевал его в мои одеяния (*hbsw=i*)⁴⁶. Похвальба пожалованием гроба необычна — вероятно, начальнику пастухов очень хотелось подчеркнуть свое богатство, к пространному описанию которого он переходит сразу вслед за этим.

Примечательно, что ни Шепси, ни кто-либо из Интефов не упоминают про наличие или отсутствие у покойных сыновей: беда не в бездетности, а в том, что в голодную пору у родственников не было средств на похороны. На краковской стеле «начальника забойщиков скота всего Дома Хуу» Мерера времени ранней XI династии⁴⁷ сказано: «Я поддерживал жизнь (*s^cnh*) своих братьев и сестер, я хоронил того, кто умер, и поддерживал жизнь (*s^cnh*) того, кто жив, при всякой моей остановке там в пору этой случившейся “отмели”». Египтяне того времени называли «отмелью» слишком низкое или несвоевременное половодье, следствием чего была острая нехватка продовольствия⁴⁸; глагол *s^cnh* «оживлять» употреблялся прежде всего в смысле «кормить». Таким образом, Мерер рассказывает о случившейся в неурожайные годы крайней бедности, когда его «братья и сестры»⁴⁹

⁴² Otto 1954, 43–45; Posener 1976, 47–50, 136–139; Quack 1994, 160–163.

⁴³ См. выше, прим. 38.

⁴⁴ Стела British Museum EA 562, стк. x+10–11. Предшествующий текст до настоящего времени переводится неправильно, но об этом придется писать особо.

⁴⁵ *n(y) h3wt(=i)*.

⁴⁶ Стела British Museum EA 1628, стк. 7–9; Franke 2007, 151–154, fig. 1–3, 157–158.

⁴⁷ Стела The National Museum in Krakow, inv. no. MNK-XI-999; Černý 1961; Pliń-Tomich 2017, 119, 235; Widmaier 2017, 660, Tf. 2.1; Demidchik 2019b; 2022.

⁴⁸ Demidchik 2019a, 562–563.

⁴⁹ В действительности соответствующие египетские термины могли применяться к гораздо более широкому кругу родственников, см. Franke 1983, 61–136.

не имели даже чем кормиться, не говоря уже о средствах на достойные похороны своих умерших. Поэтому, независимо от наличия у покойного детей, хоронить неимущего родственника приходилось Мереру.

На исходе Старого царства или в начале Первого переходного периода правитель XII верхнеегипетского нома Хенку (*hmkw*) II в гробничной надписи заверял земляков, что он был:

Полюбившийся [вашим] отцам и хвалимый у [ваших] матерей,
(ибо) я хоронил [ваших] стариков и освободил ваших [сирот] от бурлач-
кой повинности (?)⁵⁰, (прежде) влачимой вами на канале;
вот, вы (теперь) проводите старость в палате чиновников!⁵¹.

Показательно, что «старики», которых хоронил «номарх», упомянуты рядом с *nmlhw*⁵². Хотя обычно это слово и переводится как «сирота», до середины Нового царства оно обозначало не только детей, оставшихся без родителей, но и вообще юношей, не получивших сколько-нибудь существенного наследства — как если бы они вступали во взрослую жизнь «сиротами»⁵³. Хенку, таким образом, похваляется, что заботился о лицах, не имевших средств для благополучного перехода в «новое качество»: скончавшиеся «старики» — к обеспеченному должными похоронами загробному бессмертию, «сироты» — к вступлению во взрослую жизнь, где требовалось содержать себя и семью. Отметим, что данный раздел надписи Хенку (стк. 1–17) обращен прежде всего к простолюдинам — ко «всем людям» его нома.

«Я ХОРОНИЛ СТАРИКА МОЕГО ГОРОДА»

После Старого царства из похвальбы благотворительными похоронами исчезает упоминание об отсутствии у покойного сына — погребенных стали называть просто «стариками (*i3w*)», «престарелыми (*tni*)», «тем, кто умер», «достигшим своего двойника» и т. д. Вероятнее всего, это стало следствием распространившихся в Первый переходный период вооруженных конфликтов и массового обнищания населения⁵⁴. В годы бедствий от многих покойников не оставалось сколько-нибудь существенного наследства, и сыновья, даже если они уцелели в междоусобицах, не находили средств на похороны или не считали нужным отдавать для этого последнее. В «Речении Ипувера» говорится, что в подобные времена многим приходится идти умирать к реке, где их пожирают крокодилы и рыбы (2.6–2.7, 2.12–2.13)⁵⁵; некоторых покойников просто выносили на песок нагорья, где

⁵⁰ Дословно: «распутал/развязал ваших сирот из веревок/пут».

⁵¹ Kanawati 2005, pl. 66, 67; Sethe 1932–1933, 76–77.

⁵² Большая часть слова разрушена, но восстановление является общепринятым: например, Sethe 1932–1933, 77; Schenkel 1965, 42.

⁵³ Тема будет рассмотрена в специальной публикации. Пока см. Théodoridès 1965, 115, 118; David 2011, 75, 79, 83–85; Perepelkin 2000, 194–196; Strudwick 2005, 367: «deprived ones».

⁵⁴ Предположения Ш. Зайдлмайера, Х. К. Морено Гарсии и ряда других ученых, будто Первый переходный период был временем роста благосостояния большинства египетских семей, ошибочны, но данный вопрос придется рассматривать особо; пока см. Morris 2022; Demidchik 2023.

⁵⁵ Об этом см. Kaplony 1992, 16–44, 22–23; Taylor 2001, 41.

их кости затем растаскивало зверье (4.4)⁵⁶. И поскольку наличие сына перестало быть гарантией должного погребения отца, в жизнеописаниях стали похваляться похоронами «стариков» вообще. Главам поселений и областей, изображавшим себя благодетелями всего подвластного населения, такие формулировки оказались очень удобны⁵⁷.

В пору военных конфликтов Гераклеопольской и Фиванской монархий в жизнеописании асютского правителя Хети II рассказывалось, что, отразив вражеское нападение на свой город, «он возвращает⁵⁸ бежавших в их дома и хоронит своих стариков⁵⁹»⁶⁰. Даже если сыновья покойных не пали в боях или не бежали из города, в столь бедственное время семьи часто не имели средств на похороны. Поэтому Хети II похваляется похоронами «стариков» вообще, безотносительно того, имелись ли у них сыновья. Много позже, в царствование Аменемхета II, абидосский начальник жрецов Вепуаутаа «хоронил старика своего города и кормил того, кого [не] кормили»⁶¹. Не исключено, что теми, «кого не кормили», здесь названы не только бедствующие живые, но и лишенные жертвоприношений усопшие. В качестве начальника жрецов Вепуаутаа мог распорядиться, чтобы и на таких покойных распространялись какие-то из ритуалов «кормления».

Позже чиновники, желавшие подчеркнуть всеохватность своей заботы «о старых и малых», стали употреблять в подобных контекстах существительное *nḥn*, означавшее ребенка и юношу. В одном из хатнубских жизнеописаний гермопольского правителя Нехери I он назван:

спасающим вдову, поддерживающим бедствующего (*m3r*),
хоронящим старика, возвращающим юнца (*nḥn*),
оживляющим свой город в «отмели»⁶², выручающим его, когда нет (пропитания),
дающим ему без различия — его (т. е. города) великим равно как его малым⁶³.

Нехери, стало быть, заботился обо всех без разбора жителях «города», оказавшихся в бедственном положении. В жизнеописании армантского начальника жрецов Ментухотепа (*mntw-ḥtp(w)*) интересующее нас утверждение частично разрушено: «Я (был) возвращающим юнца, хоронящим старика [... бедствующего (*m(3)ry?*)»⁶⁴. Я давал хлеб голодному, одежду нагому»⁶⁵. Как и в надписи Нехери I, слова о похоромах «старика» здесь соседствуют с «формулой милостыни» и, видимо, с упоминанием «бедствующего». Служивший в Фивах начальник жрецов Интеф (*in-it=*f), сын Мит (*myt*), называет себя «выручавшим великих, хоронившим престарелых

⁵⁶ Археологические свидетельства такого рода см. Vaines, Lacovara 2002, 13.

⁵⁷ Нередко главы местных администраций были и «начальниками жрецов», так что для похорон «стариков», возможно, привлекались ресурсы местных святилищ.

⁵⁸ См. Schenkel 1965, 87, Anm. j.

⁵⁹ Дословно: «старость»; ср. *P. Hermitage* 1116 A rto, 59.

⁶⁰ Brunner 1937, 54.

⁶¹ Boeser 1909, 3, Tf. 4.

⁶² Т. е. в неурожайные годы, см. выше.

⁶³ Anthes 1928, 42–47, Tf. 18.

⁶⁴ См. Schenkel 1964, 9.

⁶⁵ Stewart 1979, 20, pl. 18.

(*tniw*), дававшим вещь юнцам (*nḥnw*) собственными пальцами»⁶⁶. Жрец Хора Эдфусского Мехибхор (*mḥ-ib-ḥr*)⁶⁷ был «хоронившим старика (*i3w*), возвращающим юнца (*nḥ(n)*)»⁶⁸. В пятом лахунском гимне Сенусерту III провозглашается, что это благодаря фараону египтяне могут возвращать своих «юношей (*hrdw*) и хоронить своих стариков (*i3ww*)» (III.10). По мнению ряда специалистов, в позднем Среднем царстве и во Втором переходном периоде роль сыновей в организации похорон и поминального культа отцов заметно уменьшается⁶⁹.

Организацией «благотворительных» похорон хвастались также после похвалы бы заботой о больных. В царствование Сенусерта I домоправитель Монтусер (*mntw-wsr*)⁷⁰ назвал себя «беспокоящимся о больных, хоронящим мертвецов, дающим вещь тому, кто нуждается»⁷¹⁷². В хатнубском граффито «писец божьей книги» Джехутинехетанх (*dḥti-nḥt(w)-ḥn(w)*), «гораздый жрец-чтец, искусный в распознавании болезни» (стк. 5–6), рассказывает, что был

сыном старику, отцом юноше,
командиром молодцев-*ndsw* в месте любом.
Я выручал голодного, умашал иссохшего.
Я давал одежду тому, кто наг.
Я творил заклинания над хворым и проклинал зловоние⁷³,
И (это) я хоронил достигшего своего двойника (*k3*)⁷⁴.

Не исключено, что Джехутинехетанх участвовал в похоронах только декламацией заупокойных заклинаний, ведь он знаток священных текстов — «писец божьей книги». Однако и такое сугубо «техническое» содействие давало Джехутинехетанху формальное право воспользоваться фразеологией, обычно указывавшей на щедрую похоронную благотворительность и потому характерной для жизнеописаний высокопоставленных лиц⁷⁵.

Речь определенно не идет о благотворительности и в уцелевшей со времени Первого переходного периода надписи плотника и гробовщика Нахти (*nḥti*), утверждающего, что «хоронил великих» и «подхватывал (похоронные носилки (?))»⁷⁶ малых»⁷⁷. Подобно мастеру Безенчуку из «Двенадцати стульев», Нахти похваляется востребованностью своей профессии, всеобщим признанием его

⁶⁶ British Museum EA 134 [1164].

⁶⁷ К чтению имени см. PNM, URL: <https://pnm.uni-mainz.de/inscription/570>; дата обращения: 15.11.2024.

⁶⁸ Стела CG 20530. Ср. также Fischer 1968, 149–150; Berlev 1978, 101; однако предложенное там «восстановление» не бесспорно.

⁶⁹ Nelson-Hurst 2010; McCorquodale 2012, 77.

⁷⁰ Имя может быть прочтено и как *wsr-mntw*.

⁷¹ Hannig 2006, 227 [28463].

⁷² Стела Metropolitan Museum of Art 12.184. О похоронах говорится также в стк. 14 стелы Hildesheim 4589, но текст непонятен.

⁷³ В древнеегипетских медицинских папирусах имеются наставления, специально посвященные «изгнанию» зловония, исходящего от больного.

⁷⁴ Anthes 1928, 28–31, Tf. 15.

⁷⁵ Ср. Coulon 2020, 208–209.

⁷⁶ См. Régen 2010, 455–456, 467–468.

⁷⁷ Т.е. людей невысокого социального статуса, см. Berlev 1978, 88–89.

мастерства и тем, что его изделия сгодились для множества похорон — 180 гробов!⁷⁸ Но тема профессиональной гордости древних египтян выходит далеко за рамки данной статьи.

Подводя итог, отметим, что распространение самовосхвалений «я хоронил не имеющего своего сына», «я хоронил старика своего города» и т. п. связано и с развитием жанра жизнеописаний в целом. Если первоначально его главной темой было служение индивида царю, то постепенно в центре внимания оказываются также взаимоотношения владельца жизнеописания с сообществами, к которым он принадлежал: с его родней, с поселением, номом, с проживавшими там «великими» и «малыми» и т. д. Естественно, что и о погребении неимущих «благодетели» напоминали как о своей важной заслуге перед обществом.

Литература / References

- Allam, S. 1977: Ehe. In: W. Helck, E. Otto (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. I. Wiesbaden, 1162–1181.
- Altenmüller, H. 1998: *Die Wanddarstellungen im Grab des Mehu in Saqqara*. Mainz.
- Anthes, R. (Hrsg.) 1928: *Die Felseninschriften von Hatnub. Nach den Aufnahmen G. Möllers*. Leipzig.
- Assmann, J. 1976: Das Bild des Vaters im Alten Ägypten. In: H. Tellenbach (Hrsg.), *Das Vaterbild in Mythos und Geschichte: Ägypten, Griechenland, Altes Testament, Neues Testament*. Stuttgart–Berlin–Köln–Mainz, 12–49.
- Assmann, J. 1984: Vergeltung und Erinnerung. In: F. Junge (Hrsg.), *Studien zu Sprache und Religion Ägyptens (Zu Ehren von Wolfhart Westendorf)*. Göttingen, 687–701.
- Assmann, J. 2005: *Death and Salvation in Ancient Egypt*. Transl. by D. Lorton. Ithaca.
- Baines, J. 1999: Feuds or Vengeance? Rhetoric and Social Forms. In: E. Teeter, J.A. Larson (eds.), *Gold of Praise: Studies on Ancient Egypt in Honor of Edward F. Wente*. Chicago, 11–20.
- Baines, J., Lacovara, P. 2002: Burial and the Dead in Ancient Egyptian Society: Respect, Formalism, Neglect. *Journal of Social Archaeology* 2/1, 5–36.
- Berlev, O.D. 1978: *Obshchestvennyye otnosheniya v Egipte epokhi Srednego tsarstva* [The Social Relations in Egypt in the Middle Kingdom]. Moscow.
- Берлев, О.Д. *Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства*. М.
- Bierbrier, M.L. 2020: Genealogies. In: I. Shaw, E. Bloxam (eds.), *The Oxford Handbook of Egyptology*. Oxford, 809–819.
- Boeser, P.A.A. 1909: *Die Denkmäler der Zeit zwischen dem Alten und Mittleren Reich und des Mittleren Reiches*. Abt. I. *Stelen*. (Beschreibung der ägyptischen Sammlung des niederländischen Reichsmuseums der Altertümer in Leiden, 2). Haag.
- Brunner, H. 1937: *Die Texte aus den Gräbern der Herakleopolitenzeit von Siut mit Übersetzung und Erläuterungen*. Glückstadt.
- Brunner-Traut, E. 1990: Wohltätigkeit und Armenfürsorge im Alten Ägypten. In: G.H. Schäfer, T. Strohm (Hrsg.), *Diakonie, biblische Grundlagen und Orientierungen: Ein Arbeitsbuch zur theologischen Verständigung über den diakonischen Auftrag*. Heidelberg, 23–43.
- Černý, J. 1961: The Stela of Merer in Cracow. *Journal of Egyptian Archaeology* 47, 5–9.
- Coulon, L. 2020: Clichés in Ancient Egyptian Autobiographies. In: J. Stauder-Porchet, E. Frood, A. Stauder (eds.), *Ancient Egyptian Biographies: Contexts, Forms, Functions*. Atlanta, 205–219.
- David, A. 2011: The *nmh* and the Paradox of the Voiceless in the Eloquent Peasant. *Journal of Egyptian Archaeology* 97, 73–85.
- Demidchik, A.E. 2019a: [Observations on Monumental Stone Construction in Ancient Egyptian Provincial Temples under the Early XIth Dynasty]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 79/3, 549–568.
- Демидчик, А.Е. О каменном строительстве в древнеегипетских храмах при ранней XI династии. *ВДИ* 79/3, 549–568.

⁷⁸ Roccati 1985; Grajetzki 2020, 157.

- Demidchik, A.E. 2019b.: [Lines 10 and 11 of the Stela of Merer in Cracow]. In: A.M. Chegodaev, N.V. Lavrent'eva (eds.), *Aegyptiaca Rossica*. Issue 7. Moscow, 132–145.
- Демидчик, А.Е. Строки 10–11 краковской стелы начальника забойщиков скота Мерера. В сб.: А.М. Чегодаев, Н.В. Лаврентьева (ред.), *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 7. М., 132–145.
- Demidchik, A. 2022: The Reference to the Leasing of Land on Stela Krakow National Museum MNK-XI-999 from the First Intermediate Period. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 149/1, 17–22.
- Demidchik, A.E. 2023: [“Years of Hunger” in the Oryx Nome: Egyptian Arable Farming in the First Intermediate Period and Early Middle Kingdom]. *Vostok/Oriens* 3, 21–32.
- Демидчик, А.Е. «Годы голода» в Номе белой антилопы: о древнеегипетском земледелии в Первый переходный период – начале Среднего царства. *Vostok/Oriens* 3, 21–32.
- El-Khadragy, M. 2002: The Edfu Offering Niche of Qar in the Cairo Museum. *Studien zur altägyptischen Kultur* 30, 203–228.
- Fischer, H.G. 1968: *Dendera in the Third Millennium B.C. down to the Theban Domination of Upper Egypt*. Locust Valley–New York.
- Franke, D. 1983: *Altägyptische Verwandtschaftsbezeichnungen im Mittleren Reich*. Hamburg.
- Franke, D. 2006: Arme und Geringe im Alten Reich Ägyptens: “Ich gab Speise dem Hungernden, Kleider dem Nackten...”. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 133/2, 104–120.
- Franke, D. 2007: The Good Shepherd Antef (stela BM EA 1628). *Journal of Egyptian Archaeology* 93, 149–174.
- Gardiner, A.H. 1916: The Defeat of the Hyksos by Kamōse: The Carnarvon Tablet, No. I. *Journal of Egyptian Archaeology* 3/2–3, 95–110.
- Gardiner, A.H., Sethe, K. 1928: *Egyptian Letters to the Dead, Mainly from the Old and Middle Kingdoms*. London.
- Ghoneim, E., Ralph, T.R., Onstine, S., El-Behaedi, R., El-Qady, G., Fahil, A.S., Hafez, M., Atya, M., Ibrahim, M., Khozym, A., Fathy, M.S. 2024: The Egyptian Pyramid Chain Was Built along the Now Abandoned Ahramat Nile Branch. *Communications Earth & Environment* 5. URL: <https://www.nature.com/articles/s43247-024-01379-7>; date of access: 15.11.2024.
- Grąjczki, W. 2020: *The People of the Cobra Province in Egypt. A Local History, 4500 to 1500 BC*. Oxford.
- Hannig, R. 2006: *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. Mainz am Rhein.
- Hawass, Z. 2002: An Inscribed Lintel in the Tomb of the Vizier Mehu at Saqqara. *Lingua Aegyptia. Journal of Egyptian Language Studies* 10, 219–224.
- Helck, W. 1984: *Die Lehre des Djedefhor und die Lehre eines Vaters an seinen Sohn*. Wiesbaden.
- Hodjash, S., Berlev, O. 1982: *The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*. Leningrad.
- Hsieh, J. 2022: *Ancient Egyptian Letters to the Dead: The Realm of the Dead through the Voice of the Living*. Leiden–Boston.
- Ilin-Tomich, A. 2017: *From Workshop to Sanctuary: The Production of Late Middle Kingdom Memorial Stelae*. London.
- James, T.G.H. 1953: *The Mastaba of Khentika called Ikhekhi*. London.
- Janssen, J.J., Pestman, P.W. 1968: Burial and Inheritance in the Community of the Necropolis Workmen at Thebes (Pap. Bulaq X and O. Petrie 16). *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 11/ 2, 137–170.
- Janssen, R.M., Janssen, J.J. 2007: *Growing up and Getting Old in Ancient Egypt*. London.
- Kanawati, N. 1995: *The Tombs of El-Hagarsa*. Vol III. Sydney.
- Kanawati, N. 2005: *Deir el-Gebrawi*. Vol. I. *The Northern Cliff*. Oxford.
- Kanawati, N., Abder-Raziq, M. 1998: *The Teti Cemetery at Saqqara*. Vol. III. *The Tombs of Neferseshemre and Seankhuiptah*. Warminster.
- Kanawati, N., Swinton, J. 2018: *Egypt in the Sixth Dynasty: Challenges and Responses*. Wallasey.
- Kaplony, P. 1992: Wasser. In: W. Helck, W. Westendorf (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. VII. Wiesbaden, 16–44.
- Kasparian, B. 2019: Le contrat de prêt et ses variantes de l’Ancien au Nouvel Empire égyptien. In: S. Démare-Lafont (ed.), *Debt in Ancient Mediterranean Societies, a Documentary Approach: Legal Documents in Ancient Societies VII, Paris, August 27–29, 2015*. Genève, 87–110.
- Kloth, N. 2002: *Die (auto-)biographischen Inschriften des ägyptischen Alten Reiches: Untersuchungen zu Phraseologie und Entwicklung*. Hamburg.

- Kokina, E.A. 2014: *Pravovye aspekty vladeniya velmozheskimi grobnitsami v Egipte epokhi Starogo tsarstva* [Legal Aspects of the Ownership of Noble Tombs in Old Kingdom Egypt]. PhD thesis. Moscow. Кокина, Е.А. *Правовые аспекты владения вельможескими гробницами в Египте эпохи Древнего царства*. Канд. дисс. М.
- Krämer, S. 2019: *Die Vergöttlichung von Privatpersonen: Untersuchungen zu persönlichen Glaubensvorstellungen und Erinnerungskultur im Alten Ägypten. Die Persönlichkeiten des Alten Reiches*. Wiesbaden.
- Kubisch, S. 2008: *Lebensbilder der 2. Zwischenzeit: Biographische Inschriften der 13.–17. Dynastie*. Berlin–New York.
- Kubisch, S. 2010: Biographies of the Thirteenth to Seventeenth Dynasties. In: M. Marée (ed.), *The Second Intermediate Period (Thirteenth–Seventeenth Dynasties): Current Research, Future Prospects*. Leuven–Paris–Walpole (MA), 313–328.
- Lippert, S. 2008: *Einführung in die altägyptische Rechtsgeschichte*. Berlin–Münster.
- Lippert, S. 2013: Inheritance. In: E. Frood, W. Wendrich (eds.), *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. URL: <http://escholarship.org/uc/item/30h78901>; date of access: 15.11.2024.
- Lloyd, A.B., Spencer, A. J., El-Khouli, A. 2008: *Saqqara Tombs III: The Mastaba of Neferseshemtah*. London.
- Malek, Ja. 2000: The Old Kingdom (c. 2686–2160). In: I. Shaw (ed.), *The Oxford History of Ancient Egypt*. Oxford, 83–107.
- Mathieu, B. 2021: *La littérature de l'Égypte ancienne*. T. I. *Ancien Empire et Première Période intermédiaire*. Paris.
- McCorquodale, K. 2012: Reconsidering the Term ‘Eldest Son / Eldest Daughter’ and Inheritance in the Old Kingdom. *Bulletin of the Australian Centre for Egyptology* 23, 71–88.
- McDowell, A. 1998: Legal Aspects of Care of the Elderly in Egypt to the End of the New Kingdom. In: S. Marten, S.P. Vleeming (eds.), *The Care of the Elderly in the Ancient Near East*. Leiden–Boston–Köln, 199–221.
- Moeller, N. 2013: Edfu. In: W. Wendrich, J. Dieleman, E. Frood, J. Baines (eds.), *UCLA Encyclopedia of Egyptology*, Los Angeles. URL: <http://escholarship.org/uc/item/75p1n928>; date of access: 15.11.2024.
- Montserrat, D. 1996: *Sex and Society in Graeco-Roman Egypt*. London–New York.
- Morris, E. 2022: Reassessing the Value of Autobiographical Inscriptions from the First Intermediate Period and “Pessimistic Literature” for Understanding Egypt’s Social History. In: C.D. Candelora, N. Ben-Marzouk, K.M. Cooney (eds.), *Ancient Egyptian Society. Challenging Assumptions, Exploring Approaches*. London–New York, 265–278.
- Müller-Wollermann, R. 1998: „Ich bin ein Besitzer von Booten“. *Studien zur altägyptischen Kultur* 26, 229–237.
- Myśliwiec, K., Kuraszkiewicz, K., Czerwik, D., Rzeuska, T., Kaczmarek, Kowalska, A., Radomska, M., Godziejewski, Z. 2004: *Saqqara I: The Tomb of Meregnebef*. Warszawa.
- Nelson-Hurst, M.G. 2010. ‘...Who Causes His Name to Live’: The Vivification Formula through the Second Intermediate Period. In: Z. Hawass, J.H. Wegner (eds), *Millions of Jubilees: Studies in Honor of David P. Silverman*. Vol. II. Cairo, 13–31.
- Otto, E. 1954: *Die biographischen Inschriften der ägyptischen Spätzeit: Ihre geistesgeschichtliche und literarische Bedeutung*. Leiden.
- Perepelkin, Yu.Ya. 2000: *Istoriya Drevnego Egipta* [The History of Ancient Egypt]. Saint Petersburg. Перепелкин, Ю.Я. *История Древнего Египта*. СПб.
- Posener, G. 1976: *L'Enseignement loyaliste. Sagesse égyptienne du Moyen Empire*. Genève.
- Quack, J.F. 1994: *Die Lehren des Ani: Ein neuägyptischer Weisheitstext in seinem kulturellen Umfeld*. Freiburg (Schweiz)–Göttingen.
- Régen, I. 2010: *Šfdy.t* et le transport du mort: enquête lexicographique et archéologique. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 109, 451–471.
- Roccati, A. 1985: La stele di un falegname. *Rendiconti, Accademia nazionale dei Lincei, Classe di scienze morali, storiche e filologiche* 40, 225–233.
- Schenkel, W. 1964: Eine Neue Weisheitslehre? *Journal of Egyptian Archaeology* 50, 6–12.
- Schenkel, W. 1965: *Memphis. Herakleopolis. Theben. Die epigraphischen Zeugnisse der 7.–11. Dynastie Ägyptens*. Wiesbaden.
- Sethe, K. 1932–1933: *Urkunden des Alten Reiches*. 2. Aufl. Leipzig.

-
-
- Shehab el-Din, T.M. 1993: *Autobiografiya v Drevnem Egipte v epokhu IV–VIII dinastiy* [Autobiography in Ancient Egypt in the Epoch of the IV–VIII Dynasties]. PhD thesis. Saint Petersburg.
- Шахаб эль-Дин, Т.М. *Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV–VIII династий*. Канд. дисс. СПб.
- Staring, N. 2023: The Memphite Necropolis at Saqqara in the New Kingdom. In: N. Staring, *The Saqqara Necropolis through the New Kingdom*. Leiden–Boston, 54–82.
- Stewart, H.M. 1979: *Egyptian Stelae, Reliefs and Paintings from the Petrie Collection*. Pt. 2. *Archaic Period to Second Intermediate Period*. Warminster.
- Strudwick, N.C. 2005: *Texts from the Pyramid Age*. Atlanta–Leiden–Boston.
- Taylor, J.H. 2001: *Death and Afterlife in Ancient Egypt*. London.
- Théodoridès, A. 1965: Le Papyrus des Adoptions. *Revue internationale des Droits de l'Antiquité* 12, 79–142.
- Toivari-Viitala, J. 2001: *Women at Deir el-Medina. A Study of the Status and Roles of the Female Inhabitants in the Work-men's Community during the Ramesside Period*. Leiden.
- Toivari-Viitala, J. 2013: Marriage and Divorce. In: W. Wendrich, J. Dieleman, E. Frood, J. Baines (eds.), *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. URL: <https://escholarship.org/uc/item/68f6w5gw>; date of access: 15.11.2024.
- Trapani, M. 2007: A Prominent Family from Edfu in the Second Intermediate Period (a Study of Stela CGC 20530 = JdE 22183). In: J.-C. Goyon, C. Cardin (eds.), *Proceedings of the Ninth International Congress of Egyptologists: Grenoble, 6–12 September 2004*. Vol. II. Leuven, 1827–1839.
- Vandier, J. 1950: *Moaalla. La tombe d'Ankhtify et la tombe de Sébekhotep*. Le Caire.
- Wente, E.F. 1990: *Letters from Ancient Egypt*. Atlanta.
- Widmaier, K. 2017: *Bilderwelten. Ägyptische Bilder und ägyptologische Kunst: Vorarbeiten für eine bildwissenschaftliche Ägyptologie*. Leiden–Boston.

DOI: 10.31857/S0321039124040022

СОПРАВИТЕЛЬСТВО, РЕГЕНТСТВО ИЛИ ВЫБОР НАСЛЕДНИКА? АСПЕКТЫ ДИНАСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Э. В. Рунг

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: eduard_rung@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4200-4486

В статье рассматриваются сведения античной и древневосточных традиций в отношении соправительства, регентства и выбора наследника в Ахеменидской империи. По мнению автора, античная традиция единодушна в том, что персидские цари в целях династической преемственности назначали царями своих сыновей, причем не только во время своего отсутствия на войне, но и в других обстоятельствах. Однако ни в одном из случаев, засвидетельствованных в античных источниках, назначение наследника царем не может считаться подлинным соправительством и/или регентством. Древневосточные свидетельства также предполагают, что наследник престола не обладал царским титулом. Назначение Камбиса царем Вавилона при Кире Великом выглядит единственным примером такого рода. Из рассмотренного материала (как античного, так и древневосточного) может следовать, что один из сыновей Великого царя традиционно провозглашался наследником своим отцом в целях беспроблемной передачи власти. В случае назначения наследника монархом последний мог получать титул царя и/или *madīšta*, который при Дарии I служил обозначением должности главнокомандующего.

Ключевые слова: Ахеменидская империя, наследник, соправительство, регентство, династическая политика

Данные об авторе. Эдуард Валерьевич Рунг – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00374-П, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

CO-RULERSHIP, REGENCY, OR CHOICE OF HEIR?
ASPECTS OF DYNASTIC POLITICS
IN THE ACHAEMENID EMPIRE

Eduard V. Rung

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: eduard_rung@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374-П

The article discusses evidence from classical and ancient eastern traditions regarding co-rulership, regency and the choice of an heir in the Achaemenid Empire. It is concluded that the classical tradition is unanimous that the Persian kings, for the purpose of dynastic succession, appointed their sons as kings, not only during their absence for a war, but also in other circumstances. However, in none of the cases attested in classical sources, the appointment of an heir by the king can be considered a genuine co-rulership and/or regency. Ancient Near Eastern evidence also does not confirm that the heir to the throne held the royal title. The appointment of Cambyses as king of Babylon under Cyrus the Great appears to be the only example of this kind. From the material considered, it may follow that one of the sons of the Great King was traditionally proclaimed heir by his father in order to have a legitimate succession, and both classical and ancient eastern traditions agree on this. If an heir was appointed by the king, he could receive the title of the king and/or *maθiṣta*, which under Darius I served as a designation for the position of a military commander.

Keywords: Achaemenid Empire, heir, co-rulership, regency, dynastic politics

Вопросы династической преемственности всегда находились в центре внимания монархов на Древнем Востоке и в античном мире. Одним из средств обеспечения такой преемственности являлся выбор наследника, который часто принимал форму соправительства и/или регентства¹. Однако, между соправителем и регентом была существенная разница. Если соправителем принято считать властное лицо (царь, император и т.д.), осуществляющее управление территорией (страной, регионом) вместе с кем-либо, то регент являлся временным правителем в монархических государствах, назначавшийся в случае вакантности престола, а также отсутствия, болезни, недееспособности и т.п. монарха.

Одним из важных маркеров соправительства царя и его наследника является наличие у последнего царского титула, однако даже отсутствие такового не свидетельствует против вывода о возможном соправительстве². Поэтому, наряду

¹ Институт соправительства наиболее обстоятельно изучался на примере эллинистических монархий, в частности, государства Селевкидов: Smirnov 2009; Verzon 2014; 2015.

² По мнению Э. Бикермана, соправитель являлся царем только при отсутствии суверенного монарха. В документах, где они себя называют совместно, — письмах, монетах (Селевка I и Антиоха I) — только отец носит титул царя. Само собой разумеется, что второстепенная царская власть соправителя сохраняет субординацию в отношении монарха

с формальными признаками, при определении соправительства, следует принимать во внимание и фактическое участие соправителя в руководстве различными сторонами религиозной, военной и политической жизни в государстве³. Вопрос о соправительстве в Ахеменидской державе по-разному интерпретировался в историографии. Так, Ф. Кальмейер принимал идею соправительства (синархии)⁴, однако Й. Визехёфер и П. Бриан оспаривали эту точку зрения⁵. Между тем в современной историографии все еще наблюдается явное смешение между соправительством, регентством и просто выбором наследника с целью обеспечения династической преемственности⁶.

В данной статье предполагается рассмотреть свидетельства античной традиции о случаях назначения монархами из династии Ахеменидов своих наследников царями, определить, можно ли считать эти назначения соправительством и/или регентством. Представляется необходимым соотнести данные античных источников со сведениями древневосточных источников, которые фактически не дают основания считать, что наследник престола получал от действующего монарха царский титул (исключением является разве только Камбис, сын Кира, однако его случай требует особого рассмотрения). Мы предполагаем дать ответ на вопрос о причинах подобного расхождения в традициях.

В Ахеменидской империи большинство случаев, когда правящий монарх назначал преемником своего сына, упоминаются в текстах античных авторов. Так, Геродот (I. 208) говорит о том, что Кир передал Камбису царскую власть (τὴν βασιλείην ἐδίδου) перед своим походом против массагетов в 530 г. Ктесий (*FGrHist.* 688. F. 9. 8) сообщает, что Кир в преддверии смерти назначил своего «первого сына» Камбиса царем (Κῦρος δὲ μέλλων τελευτᾶν Καμβύσην μὲν τὸν πρῶτον υἱὸν βασιλέα καθίστη)⁷, а Ксенофонт (*Xenoph. Cyr.* VIII. 7. 11–13) говорит о предоставлении царства Камбису, которое сделал Кир уже на своем смертном одре. В ряде случаев при упоминании о выборе наследника античные авторы ссылаются на соответствующие персидские правовые нормы (νόμοι)⁸. Об одной из

(Bickerman 1985, 24). Е.М. Берзон определяет четыре типа формулировки, использовавшихся в официальной титулатуре соправителя в царстве Селевкидов: 1) βασιλεύς – *šarru* (LUGAL); 2) υἱός – *mār* (DUMU) *šarri* (LUGAL); 3) υἱός [καί] βασιλεύς; 4) соправитель именуется без каких-либо титулов (Berzon 2014, 112–115).

³ Smirnov 2009, 162–164, 169; Berzon 2015, 57–59; 2020, 55–61.

⁴ Calmeyer 1976, 63–95; 1977, 191–195.

⁵ Wiesehöfer 2001, 30; Briant 2002b, 958.

⁶ Примеры такого рода смешения присутствуют в работах Ж. Жерту, в которых соправительство считается наиболее значимым фактором династической преемственности (Gertoux 2018; 2020), однако ряд выводов автора спорны, а некоторые вообще ошибочны. Так, Жерту постулирует соправительство Артаксеркса I и его сына Дария II Оха (которого он называет Дарием В), но приведенные им свидетельства античных авторов фактически относятся к передаче власти от Артаксеркса II к Артаксерксу III Оху.

⁷ Словосочетание ὁ πρῶτος υἱός может быть передачей аккадского титула наследника престола – «первородный сын» (IBILA.SAG = *aplu rēštū*). См. CAD, I, 2, A. s. v. *aplu*: 1. heir, oldest son, son. 2. oldest daughter, heiress; CAD, XII, P. s. v. *rēštū*: 1. first (in a sequence), firstborn. 2. old, original, ancient, primordial. 3. preeminent, foremost, supreme, outstanding. 4. first quality, choice.

⁸ О персидских обычаях, связанных с наследованием престола см. Briant 2002, 44.

таковых, в частности, сообщает Геродот (Hdt. III. 2): у персов «не было принято, чтобы царствовал незаконный сын при наличии законного» (μὲν νόθον οὐ σφι νόμος ἐστὶ βασιλεῦσαι γνησίου παρεόντος). Другую историк (VII. 2. 2) приводит со ссылкой на Дария I: «Нужно было ему объявить царя по закону персов при выступлении в поход» (δεῖ μιν ἀποδέξαντα βασιλέα κατὰ τὸν Περσέων νόμον οὕτω στρατεύεσθαι). Как и в случае с назначением царем Камбиса, которое, по сведениям Геродота (I. 208), сделал Кир перед походом против массагетов, так в случае с Ксерксом, которого Дарий объявил царем перед планировавшимся походом против Египта (VII. 2. 2), эти назначения напоминают разновидность регентства: наследнику престола поручалось исполнение обязанностей царя во время отсутствия монарха, отправившегося на войну.

Однако другие аналогичные случаи показывают, что таким «регентом» при нахождении царя на войне не обязательно становился сын царя, который мог быть также и наследником престола⁹. Так, например, Камбис, который, вероятно, был бездетным¹⁰, отправляясь в Египет, согласно Геродоту (III. 61, 63), поставил управляющим царским домом евнуха Патизифа. Ксеркс на время похода в Грецию, возможно, вследствие малолетства своих сыновей, назначил регентом своего дядю Артабана, сына Гистаспа (Hdt. VII. 53; VIII. 54). Поэтому объявление монархом своего сына царем в преддверии военного похода должно было носить скорее символический характер, а не представлять собой подлинное регентство. Так, неизвестно, должен ли был наследник принимать реальное участие в управлении государством во время отсутствия царя на войне, но, скорее всего, правящий монарх мог рассчитывать на то, что в случае своей гибели на войне преемственность власти в итоге будет гарантирована.

Но означал ли упомянутый Геродотом персидский обычай объявлять царя при выступлении в военный поход то, что провозглашение царя в данных обстоятельствах оказывалось равнозначно назначению наследника престола? Геродот (VII. 2) утвердительно отвечает на этот вопрос, поскольку сообщает, что перед решением царя, в Персии «между его сыновьями случилась большая распря за власть» (τῶν παίδων αὐτοῦ στάσις ἐγένετο μεγάλη περὶ τῆς ἡγεμονίης):

У Дария еще до вступления на престол было трое сыновей от первой супруги, дочери Гобрива, а после воцарения — еще четверо от Атоссы, дочери Кира. Из прежних сыновей старшим был Артобазан, а из родившихся после — Ксеркс. Как сыновья разных матерей, те и другие притязали на власть. Так, Артобазан [утверждал], что он — старший в роде и что у всех народов власть, по обычаю, принадлежит старшему (καὶ ὅτι νομιζόμενον εἶη πρὸς πάντων ἀνθρώπων τὸν πρεσβύτατον τὴν ἀρχὴν ἔχειν). Ксеркс же основывал свои притязания на том, что он — сын Атоссы, дочери Кира, а Кир — освободитель персов¹¹.

⁹У. Хау и Дж.Уэллс полагают, что нет даже намек на такую норму или закон, когда Камбис вторгся в Египет (Hdt. II. 1; III. 1), Дарий в Скифию (Hdt. IV. 1, 83) или Ксеркс в Грецию, хотя Ксеркс определенно сделал своего дядю Артабана регентом (viceroi) в период своего отсутствия (Hdt. VII. 52) (How, Wells 1912, II, 125).

¹⁰Balcer 1993, 91.

¹¹Здесь и далее цитаты из труда Геродота даются в переводе Г.А. Стратановского.

Далее Геродот (VII. 3) повествует о совете, который якобы Дарию дал изгнанный спартанский царь Демарат, сын Аристонa, ссылаясь на обычай наследования престола в Спарте. Согласно этому совету, Ксеркс должен был опираться на то, что родился после воцарения Дария, когда тот был уже владыкой персов, Артобазан же – когда Дарий еще не был царем, поэтому нелепо и несправедливо, чтобы кто-либо другой, кроме Ксеркса, обладал царским саном. Ксеркс, по словам Геродота, принял этот совет Демарата, и Дарий, признав совет правильным, объявил царем Ксеркса (βασιλέα μιν ἀπέδεξε).

Однако далее «отец истории» резюмирует: «Я думаю, впрочем, что Ксеркс, пожалуй, воцарился бы и без этого совета, потому что Атосса была всемогуща». Этот рассказ Геродота свидетельствует, что у персов назначение наследника из числа законных сыновей еще не определялось каким-то установленным правилом, но зависело от воли монарха. Возможно, что даже без такого сомнительного вмешательства Демарата в вопросы персидского престолонаследия Ксеркс мог выдвинуть два сильных аргумента в пользу своей кандидатуры: он был сыном Атоссы, а следовательно, внуком Кира Великого, а также то, что он был старшим сыном Дария-царя, потому, что родился уже после прихода своего отца к власти. Таким образом, Ксеркс, которого Дарий объявил царем персов (ἀποδέξασ δὲ βασιλέα Πέρσησι Ξέρξεα Δαρείου), должен был и наследовать власть своего отца (Hdt. VII. 3–4). Более того, думается, что такой выбор был обусловлен не столько необходимостью в организации управления царством на время нахождения царя в военном походе, сколько потребностью в династической преемственности в случае гибели царя на войне.

Таким образом, назначение царя-наследника могло значительно укрепить власть и авторитет последнего. Поэтому, как представляется, спор за власть, упомянутый Геродотом, стал результатом попытки Дария I узаконить выбор наследника, обеспечив гарантированную передачу власти после своей смерти.

Другие свидетельства античных авторов, относящиеся к деятельности более поздних Ахеменидов, не связывают назначение царя-наследника с потребностями действующего монарха возглавить военную экспедицию, но особо акцентируют внимание на то, что правящие монархи таким образом формально передавали царскую власть главным образом из соображений обеспечить беспроблемную передачу престола, особенно, в условиях династических споров.

Плутарх (*Art.* 2. 2–3) сообщает о том, что Дарий II во время своей болезни, предчувствуя смерть, объявил царем своего старшего сына Арсика¹² именно с той

¹² Следует отметить, что греческие авторы предлагают различные традиции произношения личного имени царя Артаксеркса II – Арсик (*Plut. Art.* 1) и Арсак (*Ctes. FGrHist.* 688. F. 15.55; 16.57). Плутарх (*Art.* 1), цитируя Диона Колофонского (*FGrHist.* 690. F. 14), предлагает альтернативный вариант имени Артаксеркса II – Ὀάρης. Р. Шмитт вполне справедливо предлагает следующее прочтение имени: [ὁ] Ἄρης (*Schmitt* 1982, 92). Исследователь также утверждает, что правильной версии имени было Арсес (и это подтверждается в вавилонских текстах), тогда как Арсак и Арсик были гипокоризмами, содержащими суффиксы *-ка или *-ика. Д. Ленфант отмечает, что в манускриптах Плутарха «Артаксеркс» упоминаются оба варианта имени – Ὀάρης и ὁ ἄρης (*Lenfant* 2009, 70, 166, n. 2).

целью, чтобы его права на престол не подвергались сомнению со стороны его брата Кира Младшего, которого поддерживала царица-мать Парисатида:

Поэтому, когда Дарий заболел и Кира вызвали из приморских областей ко двору, он ехал в твердой уверенности, что, заботами и стараниями матери, уже назначен наследником престола (διάδοχον αὐτὸν ἀποδείχθῃναι τῆς ἀρχῆς). В самом деле, Парисатида выдвигала тот же самый благовидный довод, которым, в свое время, по совету Демарата, воспользовался Ксеркс, а именно — что Арсика она родила еще подданному, а Кира — уже царю. Однако уговоры ее на Дария не подействовали, и царем, под новым именем Артаксеркса, был провозглашен старший (ὁ πρεσβύτερος ἀπείχθη βασιλεύς, Ἀρτοξέρξης μετονομασθεὶς), а Кир назначен сатрапом Лидии и начальником войск в приморских провинциях¹³.

Собственно, назначение царя-наследника еще при жизни правящего монарха с целью обеспечения династической преемственности подтверждается и другим эпизодом, о котором сообщает также Плутарх (*Art.* 26. 3) рассказывающий о последних годах правления Артаксеркса II Мнемона:

Желая разом лишить Оха всякой надежды, чтобы он не вздумал повторить того, на что некогда отважился Кир, и царство не оказалось бы еще раз ввергнутым в жестокую войну, Артаксеркс провозгласил Дария, — которому шел уже пятидесятый год, — царем и позволил ему носить так называемую прямую китару (ἀνέδειξε τὸν Δαρεῖον βασιλέα πεντηκοστὸν ἔτος γεγονότα, καὶ τὴν καλουμένην κίταριν ὀρθὴν φέρειν ἔδωκε). По персидскому обычаю вновь назначенный наследник престола мог просить любого подарка, а царь, назначавший наследника, был обязан исполнить любую его просьбу, если только это оказывалось возможным.

В этом своем сообщении Плутарх упоминает персидский «закон» (νόμου δὲ ὄντος ἐν Πέρσαις), связанный с назначением царя-наследника: последний мог просить любого подарка, а царь был обязан исполнить любую его просьбу, если это было возможным (δωρεὰν αἰτεῖν τὸν ἀναδειχθέντα καὶ δίδοναι τὸν ἀναδείξαντα πᾶν τὸ αἰτηθὲν, ἅντῃ ἢ δυνατὸν). Кроме того, автор упоминает о разрешении царя носить царю-наследнику прямую китару (κίταριν ὀρθὴν φέρειν ἔδωκε), которую, по данным ряда авторов, мог носить только сам царь¹⁴. Может ли это сообщение указывать на то, что наследник получал царский титул? По крайней мере, античные авторы, которые связывали ношение прямой китары с наличием царского титула, могли думать подобным образом.

В дальнейшем Дарий, сын Артаксеркса II, возглавил заговор против своего отца (*Plut. Art.* 29). Царевич был приговорен к смерти и казнен, однако сам царь очевидно уже не назначал кого-то из сыновей своим наследником. Плутарх (*Art.* 30)

¹³ Здесь и далее цитаты из «Артаксеркса» Плутарха даются в переводе С.П. Маркиша.

¹⁴ Современные исследователи следуют мнению античных авторов о том, что прямую китару дозвоительно носить только одному царю (*Xen. Anab.* II. 5. 23; *Cyr.* VIII. 3. 13) (Tuplin 2007, 67–97; Berndt 2017, 69), однако свидетельство Плутарха (*Art.* 26. 3) в отношении позволения носить прямую китару также и наследнику опровергает это мнение.

сообщает, что два наиболее вероятных претендента на престол, Ариасп и Арсам, погибли в результате действий Оха. Дальнейший ход событий, в частности, излагает Полиен в своих «Стратегемах» (VII. 17), описывая увенчавшуюся успехом попытку Артаксеркса III Оха обеспечить наследование престола посредством сокрытия смерти своего отца¹⁵:

Ох, когда его отец, Артаксеркс, умер, видя, что отец, будучи живым был грозным с подданными, а после смерти его сам он будет презируемым, с ввнухами, с постельничьими, и с хилиархом договорившись, скрыл смерть отца в течение десяти месяцев; и в это время рассылая царское подтверждение, от имени отца постановил провозгласить Оха царем (τὴν βασιλικὴν σφραγίδα διαλέμτων ἐξ ὀνόματος τοῦ πατρὸς προσέταξεν Ὀχον ἀναγορεῦσαι βασιλέα). Когда же все провозгласили и повиновались ему (ἐπεὶ δὲ πάντες ἀνηγόρευσαν καὶ ὑπήκουσαν), тогда он признался в смерти отца и объявил в царстве траур по законам персов¹⁶.

Итак, античная традиция единодушна в том, что персидские монархи в целях династической преемственности назначали царями своих сыновей, причем не только во время своего отсутствия на войне, как это полагает Геродот, но и в других обстоятельствах. При этом античные авторы употребляют разные глаголы при упоминании о назначении царя-наследника: ἀποδείκνυμι (Hdt. VII. 2. 2; Plut. *Art.* 2. 2–3), ἀναδείκνυμι (Plut. *Art.* 26. 3), ἀναγορεύω (Polyaen. VII. 17), — во всех случаях эти слова имеют коннотации «публично провозглашать», «объявлять»¹⁷. Таким образом, античные авторы делают акцент не столько на выборе или назначении царя-наследника, которое обычно выражается глаголом καθίστημι в значении «ставить», «назначать» (Ctes. *FGrHist.* 688. F. 9. 8), сколько на его публичном провозглашении¹⁸. Причем публичное провозглашение царя-наследника могло носить в большей степени символический характер и означать, что последний приобретал реальную царскую власть лишь после смерти правящего монарха. Следует предположить, что в данных контекстах слово «царь» (βασιλεύς) служило просто обозначением наследника престола, и в таком случае соответствовало словосочетанию «преемник власти / царства» (διάδοχος τῆς ἀρχῆς / βασιλείας), которое само по себе относительно редко встречается в античной традиции, а кроме того, не было *terminus technicus* для обозначения наследника

¹⁵ Д.М. Льюис справедливо относит этот эпизод к восшествию на престол Артаксеркса III Оха (Lewis 1977, 71, n. 141), однако П. Бриан, думает, что он может относиться к смерти Артаксеркса I и приходу к власти Дария II Оха (Briant 1987, 5–6).

¹⁶ Цитата из «Стратегем» Полиена дается в переводе И.В. Косинцевой, под редакцией А.Б. Егорова.

¹⁷ *LSJ*, s. v. ἀναγορεύω: proclaim publicly, make public proclamation; ἀναδείκνυμι: I. lift up and show, exhibit, display; II. notify, esp. proclaim any one as elected to office; ἀποδείκνυμι: I. point out, display, make known; II. show forth. О терминологии античных авторов, правда в отношении периода эллинизма, описывающих акты воцарения см. Gabelko 2018; 2023.

¹⁸ Э. Бикерман делает акцент на том, что церемония торжественного провозглашения — ἀνάδειξις в эллинистической терминологии, была заимствована у персов: о каждом важном назначении официально сообщалось народу и назначенное лицо показывали толпе (Bikerman 1985, 24).

престола¹⁹. Но при таком варианте сохранялась двусмысленность, ибо создавалось впечатление, что после объявления монархом своего наследника царем, в Персии устанавливалась синархия.

Итак, провозглашение царя-наследника было характерно, в частности, для Дария I, Дария II и Артаксеркса II, но совсем ничего неизвестно о таковых случаях для Ксеркса I, Артаксеркса I, Артаксеркса III и Артаксеркса IV. Возможно, в тех случаях, когда правящий монарх не посчитал нужным или же не успел официально объявить о своем наследнике, мог действовать принцип первородства, о котором говорит Платон в своем диалоге «Алкивиад I» (121c):

Когда рождается старший сын, коему будет принадлежать власть, тотчас все подданные устраивают празднество (ἐπειδὴν δὲ γένηται ὁ παῖς ὁ πρεσβύτατος, οὐτέρ ἢ ἀρχή, πρῶτον μὲν ἑορτάζουσι πάντες οἱ ἐν τῇ βασιλείῳ, ὧν ἂν ἀρχῆ), а в последующие времена в этот же день вся Азия совершает жертвоприношения и празднует рождение царя (εἴτα εἰς τὸν ἄλλον χρόνον ταύτῃ τῇ ἡμέρᾳ βασιλείῳ γενέθλια πᾶσα θύει καὶ ἑορτάζει ἡ Ἀσία)²⁰.

Ксеркс I был убит в 465 г. в результате заговора во главе с Артабаном и, вероятно, так и не успел официально утвердить себе наследника; поэтому ожидалось, что его первый сын Дарий займет престол по принципу первородства²¹. Поэтому Дарий, сын Ксеркса, и был обвинен в отцеубийстве и умерщвлен по приказу своего брата Артаксеркса I, возведенного на царство заговорщиками (Ctes. *FGrHist.* 688. F. 13. 33; Diod. XI. 69. 1–6; Just. III. 1. 1–9).

Артаксеркс I мог не посчитать нужным назначить наследника, поскольку, согласно Ктесию (*FGrHist.* 688. F. 15. 48), имел лишь единственного законного сына Ксеркса, который после смерти отца и унаследовал престол в 424 г.²² Когда Ксеркс II был убит во дворце заговорщиками во главе с Секиндианом

¹⁹ Так, в труде Геродота слово διάδοχος обозначает преемника в военном командовании (διάδοχος τῆς στρατηγίας: Hdt. I. 162; V. 26) или в тиранической власти (διάδοχος τῆς τυραννίδος: Hdt. III. 53; V. 92). Ктесий (*FGrHist.* 688. F. 13.14) говорит об ответе магов Камбизу, что у него не останется наследника престола (οὐ καταλείψει τῆς ἀρχῆς διάδοχον). Сочетание διάδοχος τῆς ἀρχῆς встречается у Плутарха в его биографии Артаксеркса, когда автор говорит об ожидании Кира Младшего своего назначения наследником, причем далее по контексту ясно, что речь идет о провозглашении его царем (Plut. *Art.* 2. 3–3). Сочетание διάδοχος τῆς βασιλείας также встречается относительно нечасто. Например, Диодор (XIX. 52. 4) говорит, что Кассандр решил убить семью Александра Великого, чтобы у того не осталось никакого наследника царства (διάδοχος τῆς βασιλείας).

²⁰ Перевод С.Я. Шейнман-Топштейн. По словам Геродота (I. 133), самым большим праздником у персов признается день рождения каждого человека. В этот день они считают нужным устраивать более обильное, чем в другие дни, угощение. А в другом месте своего труда историк сообщает, что царский пир бывает раз в году в день рождения царя и называется по-персидски туктá (др.-пер. *tuxta; на греческий язык Геродот переводит как τέλειον). Только в этот день царь умащает свою голову и одаривает персов (Hdt. IX. 110).

²¹ Диодор (XI. 69. 2) называет Дария самым старшим сыном Ксеркса (Δαρεῖος μὲν ὁ πρεσβύτατος), а Юстин (III. 1. 1) говорит, что Дарий был совершеннолетним и вскоре мог бы овладеть царской властью (erat adulescens, quo maturius regno potiretur).

²² Ктесий (*FGrHist.* 688. F. 15.47) особо подчеркивает, что Ксеркс II был единственным законным сыном от царицы Дамаспии (μόνος ἦν γνήσιος ἐκ Δαμασπίας).

(Согдианом/Согдием) после 45 дней царствования, началась борьба за власть между «гаремными» сыновьями Артаксеркса I, в которой в итоге одержал победу Ох, короновавшись под именем Дария II (Ctes. *FGrHist.* 688. F. 15. 49–50)²³.

Последние из Ахеменидов, Артаксеркс III Ох и Артаксеркс IV Арсес, могли также официально не назначить себе наследников, поскольку всецело зависели от позиции по этому вопросу евнуха Багой, который и определял династическую политику империи (Diod. XVII. 5. 3–5)²⁴. Так, например, по словам Диодора (XVII. 5. 3), «хилиарх Багой, евнух по телесной сути, но негодяй и воинственный по природе, убил ядом Оха при помощи какого-то врача, а Арсеса, самого младшего из сыновей царя, возвел на царство» (Βαγώας ὁ χιλίαρχος, εὐνοῦχος μὲν ὢν τὴν ξέιν, πονηρὸς δὲ καὶ πολεμικὸς τὴν φύσιν, ἀνεῖλε φαρμάκῳ τὸν Ὀχον διὰ τινος ἰατροῦ, τὸν δὲ νεώτατον τῶν υἱῶν τοῦ βασιλέως Ἀρσῆν εἰσήγαγεν εἰς τὴν βασιλείαν). Понятно, что Багой сознательно пошел на нарушение династического принципа первородства по причине, также отмеченной Диодором (XVII. 5. 4): «Он убил и братьев царя, бывшего еще очень молодым, с тем чтобы оставшийся в одиночестве юноша (ὁ νεανίσκος) стал бы более ему подвластен». Однако поскольку Арсес оказался не таким послушным, как ожидал этого Багой, то тот отравил его и его детей, и помог получить престол Дарию III, внучатому племяннику Артаксеркса II (Diod. XVII. 5. 3)²⁵.

Античная традиция об официальном назначении наследника еще при жизни правящего царя находит подтверждение в иконографии Персидской империи. Примечательно, что изображенные на рельефах ападаны и здания Совета в Персеполе царь и его наследник имели абсолютно идентичный облик вплоть до деталей одежды и головного убора (китары); последнему, однако, недостает только атрибутов царской власти в виде трона и скипетра²⁶. Царь всегда изображался сидящим на троне, держащим в правой руке цветок (лотоса?), а в левой – длинный скипетр; наследник обычно на рельефах представлен стоящим позади царя также с цветком в правой руке²⁷, и с левой рукой, поднятой в знак приветствия (рис. 1). Присутствие фигуры наследника на изображениях сцен аудиенции царя со своими подданными на лестницах ападаны Персеполя может предполагать вовлеченность царевича в различные дворцовые церемониальные действия. Примечательно также и то, что на некоторых изображениях царя, сидящего на троне, – на косяках дверного проема в здании тронного зала Персеполя, на которых, в том числе, видны и сцены аудиенции, царь уже представлен без своего наследника. Последнее думается едва ли было случайным;

²³ О роли метономасии (переименования) в легитимации царя см. Rung 2023.

²⁴ Rung, Orlov 2021, 606–609.

²⁵ Страбон (XV. 3. 24), однако, подчеркивает, что Дарий III не был царского рода (Δαρεῖον οὐκ ὄντα τοῦ γένους τῶν βασιλέων). Р. Шмитт ссылаясь на сообщение вавилонских астрономических дневников, из которых следует, что собственное имя Дария III было Арташат (ár-ta-šá-ta šá da-ri-ia-a-muš) (Schmitt 1982, 90).

²⁶ Olmstead 1948, 215; Schmidt 1953, 164. Общепринято считать, что на рельефах изображен царь Дарий I и его наследник Ксеркс (Schmidt 1953, 40; Stoneman 2015, 24).

²⁷ Обычно считают, что в руке царя и наследника был цветок лотоса как символ власти в Ахеменидской империи, однако, недавно было высказано мнение, что это был церемониальный «растительный букет» (см. Caneva *et al.* 2023, 10–11).

Рис. 1. Часть рельефа сцены аудиенции из ападаны Персеполя. Изображены царь и его наследник. Национальный музей Ирана, Тегеран. Фотография Э.В. Рунга, 22.02.2020

не исключено, что такие изображения относятся ко времени, когда наследник престола еще не был официально провозглашен²⁸.

Царская одежда и китара на голове наследника возможно побуждали античных авторов считать, что при своем назначении он получал от правящего монарха также и титул царя. Атрибуты царской власти в виде трона и скипетра наследник очевидно обретал уже после смерти царя, когда проходил ритуал интронизации в Пасаргадах, о котором сообщает Плутарх (*Art.* 3. 1–2). Эту церемонию Плутарх, в частности, называет обрядом посвящения на царство, которую проводили у персов жрецы храма богини войны²⁹ (τελεσθεΐη τὴν βασιλικὴν τελετὴν ὑπὸ τῶν ἐν Πέρσαις ἱερέων):

Вскоре после смерти Дария новый государь отправился в Пасаргады, чтобы персидские жрецы совершили над ним обряд посвящения на царство. Там стоит храм богини войны, которую можно, пожалуй, отождествить с Афиною. Ищущий посвящения входит в храм, снимает свою одежду и облачается в платье, которое носил Кир Древний до того, как взшел на престол, затем он отвеживает пастилы из плодов смоковницы, разгрызает несколько фисташковых орехов и выпивает небольшую чашу кислого молока. Присоединяются ли к этому какие-либо иные действия, посторонним неизвестно.

Следовательно, с полным на то основанием можно утверждать, что наследник становился полноправным царем лишь только после этого обряда инвеституры,

²⁸ Root 1979, 75–76.

²⁹ П. Бриан полагает, что это была богиня Анахита (Briant 1991, 7). Высказывается мнение, что упомянутый Плутархом храм богини войны мог быть идентифицирован с так называемым Зендан-и Сулайман («Темница Соломона») в Пасаргадах (de Jong 2010, 546).

а предшествующее «назначение на царство», таким образом, преследовало исключительную цель узаконить права наследника на престол³⁰.

Однако ни в одном из упомянутых случаев назначение царя-наследника не может считаться подлинным регентством или же соправительством. Назначение царя-наследника скорее всего давало ему лишь статус, а не фактическую власть, тем более что в античной традиции случаи реального соправительства отца и сына не упоминаются. Но знали ли античные авторы о самом факте синархии в Ахеменидской империи? Один из эпизодов, рассказанных Плутархом в биографии Артаксеркса II (*Art.* 26. 2) о стремлении царского сына Оха жениться на своей единокровной сестре Атоссе, кажется, может дать утвердительный ответ на этот вопрос: «Он добивался ее расположения, чтобы взять ее в жены и сделать своею соправительницей после смерти отца» (ἐκεῖνην γὰρ ἐθεράλευεν ὡς γαμησομένην καὶ συμβασιλεύσουσαν αὐτῷ μετὰ τὴν τοῦ πατρὸς τελευτήν). Употребленное автором причастие будущего времени женского рода συμβασιλεύουσα происходит от глагола συμβασιλεύω, который буквально переводится «совместно царствовать», и, таким образом, непосредственно относится к осуществлению соправительства. Данный отрывок Плутарха может поднять вопрос о том, а могли ли в Персии царицы быть соправителями своих мужей. Возможно, с одной стороны, такого соправительства прежде и не существовало; его введение должно было стать инициативой Оха. Однако, с другой стороны, если совместное правление царя и царицы и существовало в Ахеменидской империи, то оно было иного рода, чем могло бы быть соправительство царя и его наследника, если бы оно имело место.

Вообще же влияние цариц на политические решения Великих царей общеизвестно, однако вполне очевидно, что оно скорее было неформальным³¹. Все же можно предположить особую роль при дворе Атоссы, дочери Кира Великого, которая стала супругой Дария I. Геродот (VII. 7. 3) говорит о том, что именно она сумела повлиять на царя при выборе наследником их сына Ксеркса, поскольку, по словам историка, она была всемогуща (ἡ γὰρ Ἄτοσσα εἶχε τὸ πᾶν κράτος). При Дарии II Охе наибольшим влиянием пользовалась его сестра и супруга Парисатида, которая имела обширные имущественные владения вблизи Вавилона³²; она также попыталась еще при жизни царя решить династический вопрос в пользу своего любимого сына Кира (*Plut. Art.* 2). Однако это косвенные свидетельства, не подтверждающие, но и не отрицающие существования института женского соправительства при Ахеменидах. Возможно такое «соправительство» предполагалось только в тех случаях, когда супруга персидского монарха была из царского рода, как, например, Атосса, Парисатида, или Атосса Младшая, на которой и хотел жениться Ох. В любом случае тема женского соправительства имеет перспективы дальнейшего изучения.

Теперь обратимся к вопросу, какой статус наследника престола был согласно древневосточным источникам, обладал ли он царским титулом, считался

³⁰ П. Бриан называет церемонию, описанную Плутархом, «обрядом инвеституры и коронацией» (Briant 1987, 6), но А. де Йонг отрицает, что это был ритуал коронации царя, так как «посвящение на царство» было скрыто от «любопытных глаз» (de Jong 2010, 547).

³¹ О политической роли цариц в Персии см. Brosius 1993, 105–122.

³² Stolper 2006, 463–472.

ли регентом и/или соправителем? Некоторые хозяйственные документы из Вавилонии, датируемые 534, 535, 532, 530 гг. именуют Камбиса эпитетом «сын царя» (DUMU LUGAL = *mār šarri*) (Сур. 177, 199, 270, 325). Однако применение эпитета «сын царя» (*mār šarri*) в месопотамской традиции еще не говорит в пользу того, что он мог считаться официальным наследником³³. Между тем хроника Набонида упоминает Камбиса в качестве «сына царя» (*mār šarri*) сразу после изложения событий о захвате Киром Вавилона, сообщая об его участии в праздновании акиту по случаю нового года 27 марта 538 г. (ABC. vii. 27), когда он получил скипетр страны от жреца храма бога Набу. Таким образом, весьма вероятно, что Камбис как наследник Кира участвовал в церемонии инвеституры, назначавшей его на царство Вавилона³⁴.

В «Цилиндре Кира» (стк. 27, 35) имя Камбиса упоминается дважды после имени самого царя, что, в свою очередь, может свидетельствовать в пользу того, что царский сын в это время уже по всей видимости обладал статусом наследника. Таким образом, данные «Цилиндра Кира» предполагают, что Кир мог выбрать Камбиса наследником не менее чем за 10 лет до своей смерти, и этот свой статус царский сын сохранял вплоть до своего вступления на престол в 530 г. Однако не исключено, что между выбором наследника и его официальным провозглашением мог пройти значительный хронологический интервал. Поэтому, представляется вероятным, что Кир мог неофициально выбрать Камбиса своим наследником еще в 539 г., но официально объявить его таковым в 530 г. Поэтому сообщения античных авторов о том, что Кир назначил своего сына Камбиса царем незадолго до похода или смерти, не противоречит данным вавилонских свидетельств о выборе им наследника, если только предположить, что выбор наследника и объявление его в этом качестве в целях династической преемственности должны быть разнесены по времени.

Вальдо Дабберстейн в поддержку сведений Геродота ссылался на ряд вавилонских хозяйственных документов в качестве подтверждения того, что Камбис мог быть в течение некоторого периода времени в 530/29 г. соправителем Кира, незадолго до смерти последнего, поскольку эти документы включают датировочную формулу одновременно по двум царям: Кир, царь стран (^m*Kuraš šār māṭāti*), Камбис, царь Вавилона (^m*Kambuzia šār Bābili*)³⁵. Эту хронологию так называемого «соправительства» Кира и Камбиса поддержал У. Ши³⁶, который, однако в более поздней своей статье допускал и более раннюю дату «соправительства» — второй год Кира после завоевания им Вавилона (538/7 г. до н.э.)³⁷. Последующая переоценка данных клинописных свидетельств привела исследователей к поддержке более старого заключения, выдвинутого еще Ж. Прашеком и Ф. Вайсбахом в 1897 г.³⁸, что пребывание Камбиса в должности царя Вавилона должно было относиться к первому году Кира после завоевания им этого города

³³ Hussein 2020.

³⁴ George 1996, 380; Brosius 2004, 180.

³⁵ Dubberstein 1938, 417–419.

³⁶ Shea 1971, 101–105.

³⁷ Shea 1982, 239–240. Эту же дату принимает М.А. Дандамаев (Dandamaev 2009, 54).

³⁸ Prášek 1897, 27; Weissbach 1897, 661–665; 1908, 631.

(539/8 г.): именно в этот год, по мнению исследователей, Камбис мог быть «соправителем» Кира³⁹. Однако П. Бриан полагает, что в любом случае не следует на основании самого факта назначения царя Вавилона говорить о соправительстве Кира и Камбиса, так как Камбис занимал должность всего несколько месяцев⁴⁰. Тем не менее в современной историографии пребывание Камбиса в должности царя Вавилона продолжает считаться разновидностью соправительства, однако теперь справедливо полагают, что оно могло распространяться исключительно на Вавилонию⁴¹. М. Уотерс, например, в связи с этим случаем, даже замечает: «Сопрравительство, если его так правильно понимать, было аномалией в ахеменидской истории»⁴².

Пребывание Камбиса в должности царя Вавилона не может послужить надежным подтверждением точки зрения о его совместном с Киrom управлении царством. Гораздо важнее другое: занимая должность *šār Bābili*, Камбис не был равен по своему статусу своему отцу Киру, являвшемуся *šār mātāti*. Конечно, в литературе встречается мнение, что данный факт означает лишь статус Камбиса-соправителя в роли *Unterkönig* по отношению к Киру⁴³. Однако этот факт можно интерпретировать по-другому: Кир еще сохранял Вавилонское царство, первоначально прибавив к своему титулу царя стран еще и «царь Вавилона», а затем предоставил на некоторое время этот титул и Камбису⁴⁴.

Однако независимо от самого факта известного по клинописным данным менее чем годичного пребывания Камбиса в должности царя Вавилона, в случае с передачей Камбису царской власти перед военной кампанией против массагетов мы имеем другой прецедент: если таковая передача власти и имела место, согласно Геродоту (I. 208), то только в случае официального объявления его наследником, поскольку Камбис не только оставался в Персии при отсутствии царя, отправившегося в поход, но и легитимно получал власть после гибели последнего на войне. Ктесий (*FGrHist.* 688. F. 13) же к этому добавляет, что именно Камбис переправил тело Кира в Персию и похоронил его там.

Итак, назначение наследника престола еще при жизни самого персидского монарха, таким образом, не выглядит невероятным, так как «сын царя» получал ценный управленческий опыт, необходимый ему после занятия царского престола, однако сохранившиеся свидетельства не могут интерпретироваться однозначно в пользу существования соправительства и/или регентства.

Что касается Ксеркса, то Дарий, кажется, мог выбрать его своим наследником незадолго до своей смерти в 486 г., когда, по сведениям Геродота (VII. 2–4), он официально объявил его царем. А. Олмстед, мнение которого поддержала М. Рут, ссылаясь на документ из Вавилонии, упоминающий «сына царя Элама» в 15 год

³⁹ Peat 1989, 199–216; Zawadsky 1996, 171–183; Beaulieu 2018, 248; Mitchell 2023, 15–16, 33, 37.

⁴⁰ Briant 2002b, 92–93. М. Уотерс также полагает, что сам эпизод остается загадкой (an enigma) (Waters 2014, 53).

⁴¹ «A kind of co-regency of father and son in Babylonia»; «dual kingship in the region of Babylon» (Heller 2023, 667).

⁴² Waters 2023, 403.

⁴³ Petschow 1988, 78–82.

⁴⁴ Dandamaev 2009, 52, 54.

Дария I (507 г.) (*Dar.* 411), и на этом основании полагал, что первоначально царь выбрал наследником своего старшего сына Артобазана, а затем уже ближе к концу своего правления изменил мнение в пользу Ксеркса⁴⁵. Однако новейшее прочтение этого вавилонского документа показывает, что он относился к строительству «царского канала Элама», а прочтение «сын царя Элама» является ошибочным⁴⁶. Таким образом, не существует явных свидетельств, что Дарий выбрал своим наследником кого-то еще из своих сыновей, кроме Ксеркса, причем вавилонские тексты, датируемые временем правления Дария I (архив завершается 498 г.), не содержат упоминания сына царя.

О статусе же Ксеркса при Дарии наиболее важным источником являются надписи на воротах царского дворца Персеполя (тачары), на которых по обе стороны зеркально изображены фигуры царя. Над рельефами царей присутствуют трилингвальные надписи: «Дарий, великий царь, царь царей, царь стран, сын Гистаспа, Ахеменид, который построил дворец» (*DPa*); на складках одежды царской фигуры на рельефе западного косяка: «Дарий, великий царь, сын Гистаспа, Ахеменид» (*DPb*); а на складках одежды царской фигуры на рельефе восточного косяка — «Ксеркс, сын Дария царя, Ахеменид» (*XPk*)⁴⁷. Таким образом, надписи над рельефами сообщают, что дворец был непосредственно построен Дарием, другая надпись идентифицирует правителя, представленного на рельефе; надпись же с именем Ксеркса, по мнению Э. Шмидта, могла быть уже добавлена после смерти Дария его наследником Ксерксом⁴⁸. Однако обращает на себя внимание, что из этих надписей только тексты, относящиеся к Дарию, содержат царскую титулатуру; текст, упоминающий же Ксеркса, не включает его царский титул⁴⁹. Между тем фигуры на рельефах обоих косяков ворот абсолютно идентичны, но кажется, что оба рельефа изображают по всей видимости только царя Дария, который и построил этот царский дворец. Очень показательным, что Ксеркс, который очевидно и приказал вырезать надпись со своим именем на одной из фигур Дария, хотел представить себя уже как наследника своего отца, причем без царского титула⁵⁰. Если это так, то надпись Ксеркса наглядно доказывает ошибочность представлений античной традиции о том, что наследник престола получал царский титул от царя. Если бы такой титул когда-либо был предоставлен Ксерксу его отцом, то Ксеркс наверняка не преминул бы указать на это в своей надписи.

Ш. Шахбази, следуя мнению Кальмейера⁵¹, считает, что это свидетельство говорит в пользу соправительства Дария и Ксеркса⁵², однако оно скорее может

⁴⁵ Olmstead 1948, 214; Root 1979, 84–85.

⁴⁶ Tolini 2011, 287.

⁴⁷ Надпись впервые была опубликована Э. Герцфельдом (Herzfeld 1932, 8; 1938, 42).

⁴⁸ Schmidt 1953, 224.

⁴⁹ Schmitt 1999, 323–325.

⁵⁰ Э. Герцфельд полагал, что эта надпись показывает официальный титул наследника престола — «сын» (*puça*) (Herzfeld 1932, 8). Однако, как представляется, слово *puça* такого-то царя означало только царевича, как это видно из «гаремной надписи» Ксеркса: «у Дария были другие сыновья» (*Dārayavauš puçā aniyaiçiy āhatā*) (*XPf.* § 4).

⁵¹ Calmeyer 1976, 80.

⁵² Shahbazi 1985, 11.

говорить здесь о выборе царем своего наследника. В то же время сам Шахбазид подкрепляет эту точку зрения о совместном правлении отца и сына ссылкой на другую надпись с именем Дария, обнаруженную на воротах царского дворца Ксеркса (хадиша): «Дарий, великий царь, сын Гистаспа, Ахеменид» (*DPb^H*)⁵³. Но присутствие такой надписи не может быть надежным аргументом в пользу соправительства. Скорее всего она свидетельствует в пользу того, что тем самым Ксеркс хотел показать, что сооружение дворца было уже начато его отцом и, таким образом, изобразить себя его преемником.

Кроме того, относительно недавно В. Хенкельман опубликовал и проанализировал табличку из персепольского архива крепостной стены (PF-NN 1657), содержащую имя Ксеркса и датируемую маем/июнем 498 г., т. е. за 12 лет еще до восшествия на престол этого царя в 486 г. В табличке сообщается, что Ксеркс направил 7 литров муки через парфиянина, копьеносца Тамшакану, вместе с еще тремя сопровождающими, посланными от царя, в Парфию. Из таблички, вопреки осторожному заключению Хенкельмана⁵⁴, отнюдь не следует, что Ксеркс официально уже был наследником⁵⁵. Самое большое, о чем может свидетельствовать этот документ, так это то, что Ксеркс занимал некую должность в царской администрации, не исключено, что он был сатрапом в Парфии. Вообще, практика назначения сыновей царя сатрапами была распространена у Ахеменидов, однако можно сказать с определенностью, что таковыми не были выбранные или же провозглашенные царем наследники престола⁵⁶. Но то, что объединяет надпись на табличке, упоминающая Ксеркса, и надпись, оставленную Ксерксом на складках одежды царской фигуры во дворце Дария, так это то, что царевич в обоих случаях представлен безо всякого титула⁵⁷. Трудно сказать,

⁵³ Shahbazi 1985, 12.

⁵⁴ «Контекст делает молчание писца о титуле Ксеркса (или тот факт, что он был сыном Дария) красноречивым: его положение, по-видимому, было известно» (Henkelman 2010, 31). Однако думается, что титул Ксеркса был бы упомянут, если бы он обладал им.

⁵⁵ Р. Роллингер и Ю. Деген также на основании этой таблички приходят к далеко идущему выводу, что Ксеркс задолго готовился стать преемником своего отца (Rollinger, Degen 2021, 446–447).

⁵⁶ Так, в частности, еще Кир одновременно с назначением «царем» Камбиса, поставил Таниоксарка (Бардию), младшего сына, наместником ряда областей: по Ксенофону (*Сур.* VIII. 7. 9–11), – сатрапом Мидии, Армении и кадусиев (σατραπὴν εἶναι δίδωμι Μῆδων τε καὶ Ἀρμενίων καὶ τρίτων Καδουσίων); согласно Ктесию (*FGrHist.* 688. F. 9. 8) – повелителем Бактрии, Хорасмии, Парфии и Кармании (δεσπότην Βακτρίων καὶ τῆς χώρας καὶ Χωρασιῶν καὶ Παρθίων καὶ Καρμανίων), освободив эти области от уплаты дани (ἀτελεῖς εἶχειν). Один из сыновей Ксеркса, Гистасп, согласно Диодору (XI. 69. 3), был сатрапом в Бактрии (εἶχε γὰρ τὴν ἐν Βακτροῖς σατραπείαν), а Ох (будущий Дарий II), незаконнорожденный сын Артаксеркса I от вавилонской наложницы Космартидены, по данным Ктесия (*FGrHist.* 688. F. 15), – сатрапом в Гиркании. Плутарх помещает Ариамена, старшего сына Дария, в Бактрию (*Mor.* 173b) или же в Мидию (*Mor.* 488d); возможно в труде Геродота он фигурирует под именем Масиста, сына Дария и Атоссы (VII. 82; IX. 107. 1), наместника Бактрии (ὑπαρχος τῶν Βακτρίων), который впоследствии был убит по приказу Ксеркса при попытке поднять восстание в этой своей области (IX. 113); причем названное историком его имя Μασίστης может фактически передавать его титул при дворе царя – *mādišta* (Rung, Orlov 2016, 83–91).

⁵⁷ Rossi 2012, 454–455.

означает ли это, что Ксеркс еще не был провозглашен наследником, или уже был, но без какого-то титула. И если в случае надписи во дворце Дария можно допустить такую возможность, то при упоминании имени Ксеркса на табличке из персепольского архива это выглядит менее очевидно.

Для характеристики статуса наследника теперь обратимся к «гаремной надписи» Ксеркса. Надпись была обнаружена на территории здания гарема в Персеполе и опубликована Э. Герцфельдом в 1932 г. (потому надпись называется «гаремной») ⁵⁸. Ее древнеперсидская версия гласит (*XPf. § 4*):

Говорит Ксеркс царь: у Дария были другие сыновья; таково было желание Ахурамазды, чтобы Дарий, мой отец, после себя меня сделал величайшим (*pasā tanūm mām mađištām akunauš*) ⁵⁹. Когда мой отец Дарий в место (отведенное судьбой) ушел, милостью Ахурамазды, я стал царем на месте/троне отца (*yađāmaġ pitā Dārayavauš gāđavā ašiyava, vašna Auramazdahā adam xšāyađiya abavam piça gāđavā*) ⁶⁰.

Э. Герцфельд первоначально считал, что древнеперсидское выражение *yađāmaġ pitā Dārayavauš gāđavā ašiyava*, которое он понимал как «когда мой отец Дарий сошел с трона», должно интерпретироваться буквально и обозначать отречение царя от престола ⁶¹. Однако после обнаружения вавилонской версии надписи, в которой на месте выражения *gāđavā ašiyava* древнеперсидской версии стоит аккадское *ina šīmit illiki* («отправился к своей судьбе»), Герцфельд пришел к выводу, что данное место надписи следует понимать не буквально, а фигурально ⁶². Действительно, вполне очевидно, что сам Ксеркс в этой своей надписи говорил о занятии царского престола только после смерти своего отца Дария. Тем не менее остается непонятным, почему в древнеперсидской версии «гаремной надписи» потребовался эвфемизм типа *gāđavā ašiyava* вместо того, чтобы прямо сказать о смерти царя по естественным причинам, как это могло говориться, например, о смерти Камбиса в Бехистунской надписи (*DB. § 11*): «после этого Камбис умер своей смертью» (*pasāva Kambūjiya uvāmṛšiyuš amariyatā*) ⁶³. Поэтому может быть

⁵⁸ Herzfeld 1932.

⁵⁹ В вавилонской версии надписи говорится, что Дарий назначил Ксеркса «великим после себя» (*XPf. Akk. R a23–24: ár-ki ra-ma-an-ni-i-šú a-na-ku GAL-ú il-ta-kan-an-ni*), таким образом, дается почти дословный перевод на аккадский с древнеперсидского.

⁶⁰ В.И. Абаев дает следующий перевод этой части надписи: «Когда мой отец Дарий сошел с трона, по воле Ахурамазды я стал царем на троне отца» [ИДВТид, 403]. Здесь исследователь следует переводу Р. Кента (Kent 1950, 150): «When my father Darius went away from the throne, by the will of Ahuramazda, I became king on my father's throne».

⁶¹ Herzfeld 1932, 6.

⁶² Herzfeld 1938, 38.

⁶³ Об этом обозначении смерти посредством древнеперсидского выражения *uvāmṛšiyuš amariyatā* существует обширная литература, однако вся дискуссия обычно сводится к двум точкам зрения: 1) выражение означает «умереть своей смертью»; 2) оно означает «умертвить себя». Однако, проблема состоит в том, что аккадский эквивалент *mi-tu-tu ga-¹ma¹-ni-šu mi-i-ti* этого выражения (*DB. Akk. § 10*), как это считает М.А. Дандамаев, не может содержать в себе указание на естественную смерть (Dandamaev 1962, 371). Если так, то и *uvāmṛšiyuš amariyatā* не могло употребляться при ссылке на естественную смерть Дария. Правда не исключен вариант, что в данном случае аккадское выражение лишь является калькой соответствующего древнеперсидского, подобно тому, как, например,

прав был Р. Шмитт, который переводил выражение *yaḍāmaī pitā Dārayavauš gāḍavā ašiyava* следующим образом: «Когда мой отец Дарий отправился в свое (отведенное) место (в потусторонний мир)»⁶⁴. По крайней мере, перевод Р. Шмитта грамматически более верен⁶⁵ и непосредственно соотносится с вавилонской версией текста. Поэтому представляется вполне вероятным то, что древнеперсидское выражение *gāḍavā ašiyava* является простой калькой аккадского *ina šīmit illiki*.

Древнеперсидское слово *madišta* переводится как «величайший», «самый великий» (мидийское слово *masišta, суперлатив от *masa- — «великий», «большой») ⁶⁶. В древнеперсидских текстах в своем первоначальном значении слово *madišta* употребляется применительно к Ахурамазде как «величайшему из богов» (*madišta bagānām*) (*DPd.* 1–2; *DPh.* 9–10; *DSf.* 8–9; *DSp.* 1; *DH.* 6–8; *XE.* 1–2; *A2Hc.* 1–2). Однако в контексте, описанном в Бехистунской надписи Дария I, слово *madišta* уже приобретает иное значение: «глава» или «вождь», причем с явной военной коннотацией (*DB.* II. 13, 20, 24, 83; III. 12, 31, 57, 70, 85; V. 6, 8, 12, 27)⁶⁷. В «гаремной надписи» Ксеркса термин *madišta* на первый взгляд не означает военную должность, а характеризует статус близкого соратника царя, возможно его наследника, соправителя или регента⁶⁸. В связи с этой надписью Ксеркса в историографии дискутируется вопрос о том, было ли это обозначение официальным титулом будущего наследника престола в Ахеменидской империи, и можно ли, например, говорить о назначении Ксеркса наследником Дария, полагаясь на эту надпись⁶⁹. Г. Ньюли полагал, что выражение «после себя» (*pasā tanūm*), встречающееся в надписи, имеет параллели со среднеперсидским *pasāgrīw* и с его сирийским заимствованием *pašgribā* также в значении «после себя», которые обозначают людей, связанных с царской семьей, при этом *pasā* указывает на вторичность: «второй после царя», «регент», «представитель царя» или «наследный принц». Сам исследователь, отрицая саму практику соправительства

древнеперсидское *gāḍavā ašiyava* является калькой аккадского *ina šīmit illiki* в «гаремной надписи».

⁶⁴ Schmitt 2000, 84: «When my father Darius went to his (allotted) place (in the beyond), by the favour of Auramazdā, I became king in the father's place». Подобным же образом эту часть надписи переводит и Р. Стоунман: «When my father Darius went to his allotted place, by the favour of Ahuramazda I became king in my father's place» (Stoneman 2015, 25).

⁶⁵ Э. Герцфельд считал, что «гаремная надпись» содержит грамматическую ошибку, в частности, связанную с использованием локатива для слова *gāḍu-* (*gāḍavā*), поскольку в таком случае следовало бы переводить слово с предлогом «в», а не «с», для которого в древнеперсидском используется предлог *haca* с аблативом (Herzfeld 1932, 7). Таким образом, мнение Герцфельда, поддержанное также Кентом, что выражение *gāḍavā ašiyava* означает «сошел с трона» встречает грамматические трудности.

⁶⁶ Kent 1950, 201–202; Tavernier 2007, 242; Schmitt 2014, 213–214.

⁶⁷ Rung 2015, 338–339.

⁶⁸ В пользу последнего варианта доказывал еще Э. Герцфельд (Herzfeld 1932, 11–13).

⁶⁹ Р. Кент полагал, что слово *madišta* здесь обозначало первородного сына царя, т. е. наследника престола (Kent 1933, 41). В пользу этой точки зрения см. Melikyan 2013, 105; Smirnov 2013, 123; Stoneman 2015, 171; Bridges 2015, 88. М. Гарсия Санчес допускал возможность, что титул *madišta* означал ранг «второго после царя» по отношению к трону (García Sánchez 2005, 228; 2009, 165; 2014, 58).

в Ахеменидской империи и приводя в качестве примера «гаремную надпись» Ксеркса, склоняется к тому заключению, что выражение *pasā tanūm* должно обозначать наследника престола⁷⁰.

Кажется, что в своей «гаремной надписи» Ксеркс заявляет о присвоении ему привилегированного придворного титула, характеризуемого самим Дарием как *pasā tanūm mādīštam*. Можно допустить, что термин *mādīšta*, ввиду специфики его употребления, мог применяться не только к наследнику престола, но и к другим наиболее приближенным к царю, лишь обозначая их положение в дворцовой иерархии. Поэтому этот термин мог не являться официальным обозначением наследника. Хотя царевичи в Ахеменидской империи могли обозначаться термином **visapudra* (мид.) / **vidaruçra* (др.-перс.), — «сын дома царя / дворца»⁷¹, неизвестно древнеперсидское обозначение собственно наследника престола. Таким образом, титул *mādīšta* может свидетельствовать о наделении Дарием Ксеркса как своего наследника особо привилегированным статусом в дворцовой иерархии, но это очевидно не был статус соправителя или же регента; не говорит этот факт в пользу свидетельства Геродота об объявлении Ксеркса царем еще при жизни Дария. Какой же статус давал Ксерксу титул *mādīšta*? Другие определения, соотносимые со словом *mādīšta*, появляются в античной традиции, и даже не только в контексте Ахеменидов.

Согласно сообщениям Плутарха (*Mor.* 173b–c; 488c–f) и Юстина (II. 10. 1–10) уже после смерти Дария I Ариамен, старший сын царя, претендовал на престол. Между ним и Ксерксом разгорелся конфликт, но династический вопрос в конечном итоге был урегулирован мирным путем, благодаря авторитетному вмешательству брата Дария — Артабана (*Plut. Mor.* 488c–f) или же Артаферна (*Just.* II. 10. 9). Согласно сведениям Плутарха, представленным в двух его трактатах («Изречения царей и полководцев» и «О братской любви»), Ариамен смирился с переходом престола к Ксерксу (*Mor.* 173b–c; 488c–f). Далее уже из сообщений Плутарха следует, что Ксеркс назначил этого Ариамена «величайшим при нем» (μέγιστος παρ' αὐτῷ) и «вторым после себя» (ὁ δὲ Ξέρξης ἐκείνῳ τὴν δευτέραν μεθ' ἑαυτὸν ἔδωκε τάξι) (*Mor.* 173b–c; 488c–f). Так, первое сообщение Плутарха (*Mor.* 173b–c) излагает ход событий кратко:

Ксеркс, сын Дария, спорил за власть с братом своим Ариаменом, вышедшим на него из Бактрианы. И вот Ксеркс послал ему подарки, а посланным велел сказать так: «Этими дарами воздаст тебе честь брат твой Ксеркс: а если будет он провозглашен царем, то из всех ты станешь при нем величайшим». И когда Ксеркс подлинно был провозглашен царем,

⁷⁰ Gnoli 2002, 79, 86.

⁷¹ Причем данный термин известен по данным с табличек персепольского архива на эламском как *misapušša*, *miššapušra* или *miššaputra* (*PF.* 1197; 1793; *PF.* NN 669; 931) (Halkok 1969, 731; Tavernier 2007, 351–352, 355, 568–569). По сведениям писем архива Аршамы (A 6.3: 9; A 6.4:5; A 6.7:10) царевич называется *br byt* (*bar bayta*) («сын дома») (Tuipin 2020, 10, 31–36). Согласно данным архива Мураши — царский сын Мануштану (Меностан в труде Ктесия Книдского: *FGrHist.* 688. F. 38, 39, 46), именуется LÚ.DUMU.É.LUGAL (*mār bit šarri*), т. е. «сын дома царя» (Stolper 1985, 90–91).

то Ариамен тотчас перед ним простерся и возложил на него диадему, а Ксеркс его поставил над персами вторым после себя⁷².

Второе сообщение Плутарха (*Mor.* 488с–f) более обстоятельно. Согласно ему, в то время, когда Ариамен предъявил свои права на престол, Ксеркс уже вел дела так, как если бы он был царем. Когда же брат прибыл, тот отложил диадему и опустил вниз тиару, которую только царствующие особы носили прямой (θεῖς τὸ διάδημα καὶ καταβαλὼν τὴν τιάραν, ἣν φοροῦσιν ὀρθῆν οἱ βασιλεύοντες), вышел к нему навстречу и радушно поприветствовал, и дары послав, повелел сказать доставлявшим их: «Этим тебя теперь почитает брат Ксеркс, но если царь будет провозглашен по суду и голосованием персов, то он сделает тебя вторым после себя (δίδωσί σοι δευτέρῳ μεθ' ἑαυτὸν εἶναι)». Когда же Ксеркс был признан достойным обладать царской властью над персами, Ариамен простерся перед братом и, взяв его правой рукой, посадил на царский трон (προσεκύνησε τὸν ἀδελφὸν καὶ λαβόμενος τῆς δεξιᾶς εἰς τὸν θρόνον ἐκάθισε τὸν βασιλείον). Плутарх далее резюмирует: «С этого времени был он у него величайшим (ἐκ τούτου μέγιστος ἦν παρ' αὐτῷ) и был столь предан ему, что, отличившись в морской битве при Саламине, он пал за его славу».

Прежде всего понятно, что греческое слово μέγιστος характеризует статус Ариамена при царе; оно может являться дословным переводом древнеперсидского слова *madišta*. Также вполне очевидно, что обладатель статуса μέγιστος закономерно считался вторым после царя в дворцовой иерархии. При такой трактовке сообщение Плутарха перекликается с «гаремной надписью» Ксеркса, упомянутой выше, с той лишь разницей, что там Дарий сделал сына Ксеркса «величайшим после себя» (*pasā tanūm*), а здесь Ксеркс – брата Ариамена. Если вся эта история достоверна, Ариамен не мог никак быть провозглашен наследником Ксеркса, причем уже в самом начале его царствования, и потому, с учетом данного контекста, статус «величайшего» или же «второго» после царя не означал исключительно только статус наследника престола, но был почетным обозначением того, кто был наиболее приближен к себе царем.

В биографии Красса Плутарх (*Plut. Crass.* 21) так описывает положение парфянского военачальника Сурены: «По богатству, знатности рода и славе он занимал второе место после царя» (πλούτῳ μὲν καὶ γένει καὶ δόξῃ μετὰ βασιλέα δεύτερος). Далее, по словам херонейского биографа, по происхождению своему он владел наследственным правом первым из парфян возложить на царя диадему при вступлении его на престол (καὶ κατὰ γένος μὲν ἐξ ἀρχῆς ἐκέκτητο βασιλεῖ γινομένῳ Πάρθων ἐπιτιθεῖν τὸ διάδημα πρῶτος). В связи с этим правом следует упомянуть описанное Плутархом признание Ариаменом прав на престол Ксеркса: «И когда Ксеркс подлинно был провозглашен царем, то Ариамен тотчас перед ним простерся и возложил на него диадему, а Ксеркс его поставил над персами вторым после себя» (ὁ μὲν Ἀριαμένης εὐθὺς προσεκύνησε καὶ τὸ διάδημα περιέθηκεν, ὁ δὲ Ξέρξης ἐκείνῳ τὴν δευτέραν μεθ' ἑαυτὸν ἔδωκε τάξιν) (*Mor.* 173с). Таким образом, в этих двух свидетельствах Плутарха прослеживается связь между статусом второго после царя и правом возложения на него диадемы как символа царского

⁷² Цитата из «Изречения царей и полководцев» Плутарха дается в переводе М.Л. Гаспарова.

достоинства. И даже позднее Аммиан Марцеллин называет другого Сурену, военачальника царя Шапура II, «вторым по достоинству после царя» (XXIV. 2. 4: *post regem apud Persas promeritae dignitatis*; XXX. 2. 5: *potestatis secundae post regem*). Корнелий Непот (*Conon*. 3) же полагает, что положение второго после царя (*secundum gradum imperii tenebat*) при дворе Ахеменидов занимал хилиарх Тифравст; о статусе же хилиарха как второго по полномочиям (*δευτερεύοντα κατὰ τὴν ἔξουσίαν*) после правителя, правда уже при диадохах, пишет и Диодор Сицилийский (XVIII. 48. 4–5, пер. Э.Д. Фролова)⁷³:

Впервые пост и звание хилиарха приобрели славу и почет благодаря персидским царям, затем хилиарх вновь был наделен властью и авторитетом при Александре, когда тот стал подражать и другим персидским обычаям.

В книге Эсфирь Септуагинты (*Sept. Esth.* III. 13γ; 13ξ) вторым по достоинству после царя (*δεύτερον τῶν βασιλειῶν γέρας ἀπενηνεγμένος; τοῦ τεταγμένου ἐπὶ τῶν πραγμάτων καὶ δευτέρου πατρὸς ἡμῶν*) назван Аман, который, согласно библейской традиции, был самым высокопоставленным сановником в царской администрации Артаксеркса I, т.е. возможно занимал должность хилиарха: «после этого возвеличил царь Артаксеркс Амана, сына Амадафа, Бугеянина, и вознес его, и поставил кресло его выше всех друзей» (*Sept. Esth.* III. 1).

Таким образом, все эти данные позволяют допустить, что статус «величайшего» или «второго» после царя, обозначенного впервые в «гаремной надписи» Ксеркса термином *madīšta* и не утратившего своего значения после смерти Александра Великого, а затем при Аршакидах и Сасанидах, не означал наследника престола *par excellence*⁷⁴. Однако Дарий, поставив Ксеркса «величайшим после себя», мог таким образом выделить его среди остальных сыновей как будущего наследника престола, о чем собственно и говорит «гаремная надпись», предоставив ему привилегированный титул при царе. Более того, можно даже допустить, что, в отличие от военачальников Дария, также носивших титул «величайших» (*madīšta*), придворный титул, который получил от отца Ксеркс, мог также предполагать предоставление сыну царя права командования персидскими войсками от имени царя или в случае его отсутствия.

Однако, эта надпись Ксеркса не проясняет вопрос о том, получал ли наследник престола царский титул. Другие древневосточные свидетельства, кажется, предполагают, что наследник таким титулом не обладал. Назначение Камбиса царем Вавилона при Кире Великом выглядит единственным примером такого рода предоставления царского титула принцу, но в данном случае речь не идет о разделении двумя царями одной царственности, царство одного входит в царство другого. Поэтому вызывает сомнения, можно ли считать этот случай

⁷³ М. Чарльз, приводя мнения исследователей о статусе хилиарха как второго после царя, сам полагает, что недостаточно свидетельств в пользу этой точки зрения (Charles 2015, 289, 299–300; 2016, 392, 399).

⁷⁴ Известен случай соправительства двух царей сасанидской династии – Ардашира I (224/5–240/1 гг.) и его сына Шапура I (240/1–271/2 гг.). Примечательно, что, в отличие от ахеменидской практики, этот случай синархии подтверждается нумизматически существованием монет с двумя портретными изображениями. Об этом подробнее см. Shahbazi 2002.

полноценным соправительством? И не был ли он уникальным, поскольку другие подобные случаи в древневосточных традициях не отмечены? Подобным образом древневосточные тексты прямо не зафиксировали и случаев какого бы то ни было регентства в династии Ахеменидов.

Итак, из рассмотренного материала определенно следует, что один из сыновей Великого царя традиционно провозглашался наследником своим отцом в целях легитимной передачи власти, и в этом сходится как античная, так и древневосточная традиция. Причем возможно, между выбором будущего наследника среди сыновей правящего монарха и его официальным провозглашением в качестве такового мог пройти значительный временной интервал. Официальное объявление наследника преследовало цель добиться гарантированной передачи власти, избежать династических смут после смерти царя; поэтому такое объявление обычно делал уже престарелый монарх перед своим военным походом или в условиях политической нестабильности. Античная традиция единодушна в том, что официально назначенный наследник получал титул царя, однако, согласно «гаремной надписи» Ксеркса, то был титул *madišta* («величайший»), который при Дарии I служил обозначением должности главнокомандующего в Ахеменидской империи⁷⁵. Однако тот факт, что вновь назначенный наследник мог получать некоторые знаки царского достоинства (одеяние, прямая китара) мог побуждать античных авторов думать, что он вместе с этими знаками приобретал и царский титул; остальные же знаки (трон, скипетр) он уже приобретал после официальной процедуры интронизации в Пасаргадах, которая имела место уже после смерти правящего монарха и предполагала вступление на престол его непосредственного преемника с принятием им царского титула *xšāyadīya*, о чем и говорит «гаремная надпись» Ксеркса. Таким образом, назначение сына царя «величайшим после царя» не означало соправительства и/или регентства, а было легитимацией наследника.

Литература / References

- Balcer, J.M. 1993: *A Prosopographical Study of the Ancient Persians Royal and Noble, c. 550–450 B.C.* Lewiston–Queenstone–Lampeter.
- Beaulieu, P.-A. 2018: *A History of Babylon 2200 BC – AD 75.* Chichester–Weinheim–Singapore.
- Berndt, E.S. 2020: The Upright Tiara of the Persian King. In: A.P. Dahlén (ed.), *Achaemenid Anatolia: Persian Presence and Impact in the Western Satrapies 546–330 BC: Proceedings of an International Symposium at the Swedish Research Institute in Istanbul, 7–8 September, 2017.* (Boreas: Uppsala Studies in Ancient Mediterranean and Near-Eastern Civilizations, 37). Uppsala, 65–79.
- Berzon, E.M. 2014: [The Titulature of a Co-Ruler in the Seleucid Kingdom]. *Antiquitas Aeterna* 4, 105–118.
- Берзон, Е.М. К вопросу о титулатуре соправителя в царстве Селевкидов. *Antiquitas Aeterna* 4, 105–118.
- Berzon, E.M. 2015: [Antiochus, the Heir and the Co-ruler of the Great King Antiochus]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 2, 52–64.
- Берзон, Е.М. Антиох — наследник и соправитель великого царя Антиоха. *Проблемы истории, филологии, культуры* 2, 52–64.
- Berzon, E.M. 2020: [Activities and Authorities of Co-Ruler in the Seleucid Babylonia: The Case of Antiochus I]. *Vostok/Oriens* 3, 51–64.
- Берзон, Е.М. Деятельность и полномочия соправителя царя в Селевкидской Вавилонии: пример Антиоха I. *Восток/Oriens* 3, 51–64.

⁷⁵ Rung 2014, 375–376; 2017, 49–50.

- Bikerman, E. 1985: *Gosudarstvo Selevkidov* [State of the Seleucids]. Moscow.
- Бикерман, Э. *Государство Селевкидов*. М.
- Briant, P. 1987: Le roi est mort: vive le roi! Remarques sur les rites et rituels de succession chez les Achéménides. In: J. Kellens (éd.), *La religion iranienne à l'époque achéménide. Actes du Colloque de Liège 11 décembre 1987*. Leuven, 1–11.
- Briant, P. 2002a: Guerre et succession dynastique chez les Achéménides: entre 'coutume perse' et violence armée. In: A. Chanotis, P. Ducrey (eds.), *Army and Power in the Ancient World*. Stuttgart, 39–49.
- Briant, P. 2002b: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Transl. by P.T. Daniels. Winona Lake (IN).
- Bridges, E. 2014: *Imagining Xerxes. Ancient Perspectives on a Persian King*. London–New Delhi–New York–Sidney.
- Brosius, M. 1993: *Women in Ancient Persia 559–331 BC*. Oxford.
- Brosius, M. 2004: Investiture. i. Achaemenid Period. *Encyclopaedia Iranica* XIII/2, 180–182.
- Calmeier, P. 1976: Zur Genese altiranischer Motive. V. Synarchie. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 9, 63–95.
- Calmeier, P. 1977: Zur Genese altiranischer Motive. V. Synarchie. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 10, 191–195.
- Caneva, G., Lazzara, A., Hosseini, Z. 2023: Plants as Symbols of Power in the Achaemenid Iconography of Ancient Persian Monuments. *Plants* 12, 1–25.
- Charles, M. 2015: The Chiliarchs of Achaemenid Persia: Towards a Revised Understanding of the Office. *Phoenix* 69/3–4, 279–303.
- Charles, M. 2016: The Achaemenid Chiliarch *par excellence*: Commander of Guard Infantry, Cavalry or Both? *Historia* 65/4, 392–412.
- Dandamaev, M.A. 1962: [Uvāmaršiyuš amariyatā in the Behistun Inscription]. In: *Drevniy mir: sbornik statey* [The Ancient World: Collection of Articles]. Moscow, 371–376.
- Дандамаев, М.А. Uvāmaršiyuš amariyatā Бехистунской надписи. В сб.: *Древний мир: сборник статей*. М., 371–376.
- Dandamaev, M.A. 2009: *Mesopotamiya i Iran v VII–IV vv. do n.e. Social'nye instituty i ideologiya* [Mesopotamia and Iran in VII–IV Centuries B.C.: Social Institutions and Ideology]. Saint Petersburg.
- Дандамаев, М.А. *Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н.э.: Социальные институты и идеологии*. СПб.
- Dubberstein, W.H. 1938: The Chronology of Cyrus and Cambyses. *American Journal of Semitic Languages and Literatures* 55/4, 417–419.
- Gabelko, O.L. 2018: ["Language of Power" in the Hellenistic Monarchy: Peculiarities of Terminology of Classical Authors When Describing the Action of Royal Accession]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Istoricheskii vestnik. Ellinizm: lichnost', vlast', obshchestvo* [The Historical Reporter. Hellenism: Personality, Power, Society]. Vol. XXVI. Moscow, 22–41.
- Габелко, О.Л. «Язык власти» эллинистической монархии: особенности терминологии античных авторов при описании акции воцарения. В сб.: О.Л. Габелко (ред.), *Исторический вестник. Эллинизм: личность, власть, общество*. Т. 26. М., 22–41.
- Gabelko, O.L. 2023: On the "Language of Power" in Hellenistic Monarchy: The Description of Royal Accession by the Greek Authors. *Ricerche ellenistiche* 4, 75–94.
- García Sánchez, M. 2005: La figura del sucesor del Gran Rey en la Persia aqueménida. In: V. Alonso Troncoso (ed.), *ΔΙΑΔΟΧΟΣ ΤΗΣ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. La figura del sucesor en la realeza helenística*. Madrid, 223–239.
- García Sánchez, M. 2009: *El Gran Rey de Persia. Formas de representación de la alteridad persa en el imaginario griego*. Barcelona.
- García Sánchez, M. 2014: The Second after the King and Achaemenid Bactria on Classical Sources. In: B. Antela-Bernárdez, J. Vidal (eds.), *Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches*. Oxford, 37–43.
- George, A.R. 1996: Studies in Cultic Topography and Ideology. *Bibliotheca Orientalis* 13/3–4, 363–395.
- Gertoux, G. 2018: Dating the Reigns of Xerxes and Artaxerxes. *Orbis Biblicus et Orientalis Series Archaeologica* 40, 179–206.
- Gertoux, G. 2020: Intercalations during the Co-regency of Xerxes with Darius I. *NABU* 4, 273–279.

- Gnoli, T. 2002: 'Pasgribā' at Hatra and Edessa. In: A. Panaino, G. Pettinato (eds.), *Ideologies as Intercultural Phenomena. Proceedings of the Third Annual Symposium of the Assyrian and Babylonian Intellectual Heritage Project Held in Chicago, USA, October 27–31, 2000*. Milano, 79–87.
- Hallock, R. 1969: *Persepolis Fortification Tablets*. Chicago.
- Heller, A. 2023: The Satrapies of the Persian Empire: Babylonia and Assyria. In: K. Radner, N. Moeller, D.T. Potts (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East. Vol. V. The Age of Persia*. Oxford, 649–688.
- Henkelman, W.F.M. 2010: Xerxes, Atossa, and the Persepolis Fortification Archive. In: J. Eidem, C.H. van Zoest (eds.), *Annual Report 2010*. Leiden–Istanbul, 27–33.
- Herzfeld, E. 1932: *A New Inscription of Xerxes from Persepolis*. Chicago.
- Herzfeld, E. 1938: *Altpersische Inschriften*. Berlin.
- How, W.W., Wells, J. 1912: *A Commentary on Herodotus. With Introduction and Appendixes*. Vol. I–II. Oxford.
- Hussein, A. 2020: Crown Prince or Prince? The Translation of *mār šarri* and Its Impact on the Succession in the Neo-Assyrian Period. *State Archives of Assyria Bulletin* 26, 59–88.
- Jong, A. de 2010: Religion at the Achaemenid Court. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *Der Achämenidenhof – The Achaemenid Court. Akten des 2. Internationalen Kolloquiums zum Thema „Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen“*, Landgut Castelen bei Basel, 23.–25. Mai 2007. Wiesbaden, 533–558.
- Kent, R.G. 1933: A New Inscription of Xerxes. *Language* 9/1, 35–46.
- Kent, R.G. 1950: *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven.
- Lenfant, D. 2009: *Les Histoires perses de Dinon et d'Héraclide. Fragments édités, traduits et commentés par Dominique Lenfant*. Paris.
- Lewis, D.M. 1977: *Sparta and Persia: Lectures Delivered at the University of Cincinnati, Autumn 1976 in Memory of Donald W. Bradeen*. Leiden.
- Melikyan, A.T. 2013: [The Institution of “The Second after the King” in the State System of Achaemenid Period]. *Metamorfozy istorii [Metamorphoses of History]* 4, 88–118.
Меликян, А.Т. Институт «второй после царя» в иранской государственной системе Ахеменидской эпохи. *Метаморфозы истории* 4, 88–118.
- Mitchell, L. 2023: *Cyrus the Great. A Biography of Kingship*. London–New York.
- Olmstead, A.T. 1948: *The History of the Persian Empire (Achaemenid Period)*. Chicago.
- Peat, J. 1989: Cyrus “King of Lands,” Cambyses “King of Babylon”: The Disputed Co-Regency. *Journal of Cuneiform Studies* 41/2, 199–216.
- Petschow, H. 1988: Das Unterkönigtum des Cambyses als «König von Babylon». *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale* 82/1, 78–82.
- Prásek, J.V. 1897: *Forschungen zur Geschichte des Altertums. I. Kambyses und die Überlieferung des Altertums*. Leipzig.
- Rollinger, R., Degen, J. 2021: The Establishment of the Achaemenid Empire: Darius I, Xerxes I, and Artaxerxes I. In: R. Rollinger, B. Jacobs (eds.), *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. Hoboken (NJ).
- Root, M.C. 1979: *The King and Kingship in Achaemenid Art: Essays on the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden.
- Rossi, A. 2012: Building Chronology and Epigraphy Chronology at Persepolis: DPa, DPb and XPk. In: G.P. Basello, A.V. Rossi (eds.), *Dariosh Studies II. Persepolis and its Settlements: Territorial System and Ideology in the Achaemenid State*. Naples, 445–457.
- Rung, E.V. 2014: [The Terms for Army Commander in the Achaemenid Empire]. In: A.A. Sinitsyn, M.M. Kholod (eds.), *Koinon doron. Issledovaniya i esse v chest' 60-letnego yubileya Valeriya Pavlovicha Nikonorova ot druzey i kolleg [Koinon doron. Studies and Essays in Honour of Valerii P. Nikonorov on the Occasion of His Sixtieth Birthday Presented by Friends and Colleagues]*. Saint Petersburg, 374–378.
- Рунг, Э.В. Термины для обозначения военачальника в Ахеменидской империи. В кн.: А.А. Синицын, М.М. Холод (ред.), *Koinon doron. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег*. СПб., 374–378.
- Rung, E. 2015: Some Notes on *karanos* in the Achaemenid Empire. *Iranica antiqua* 50, 333–356.
- Rung, E.V. 2017: [The Title of an Army Commander in the Achaemenid Empire]. In: O.L. Gabelko, E.V. Rung, A.A. Sinitsyn, E.V. Smykov (eds), *Iranica: Iranskie imperii i greko-rimskiy mir v VI v. do n.e. – VI v. n.e. [Iranica: Iranian Empires and the Greco-Roman World from the Sixth Century BC to the Sixth Century AD]*. Kazan, 45–64.

- Рунг, Э.В. Должность военачальника в Ахеменидской империи. В кн.: О.Л. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Сеницын, Е.В. Смыков (ред.), *Iranica: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э.* Казань, 45–64.
- Rung, E. 2023: On *Metonomasia* in the Achaemenid Dynasty. *Iranica antiqua* 58, 149–171.
- Rung, E.V., Orlov, V.P. 2016: [The Name of Masistes in the History of the Achaemenid Empire]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 83–91.
- Рунг, Э.В., Орлов, В.П. Имя «Масист» в истории Ахеменидской империи. *Проблемы истории, филологии, культуры* 2, 83–91.
- Rung, E.V., Orlov, V.P. 2021: [“The Mighty, Quasi-Sovereign”: Eunuch Bagoas in the History of the Achaemenid Empire]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 81/3, 590–614.
- Рунг, Э.В., Орлов, В.П. «Полудержавный властелин»: евнух Багой в истории Ахеменидской империи. *ВДИ* 81/3, 590–614.
- Schmidt, E.F. 1953: *Persepolis I: Structures. Reliefs. Inscriptions*. Chicago.
- Schmitt, R. 1982: Achaemenid Throne-Names. *AION Linguistica* 42/1, 83–95.
- Schmitt, R. 1999: On Two Xerxes Inscriptions. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 62/2, 323–325.
- Schmitt, R. 2000: *The Old Persian Inscriptions of Naqshi-Rustam and Persepolis*. London.
- Schmitt, R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden.
- Shahbazi, Sh.A. 1985: *Old Persian Inscription of the Persepolis Platform*. London.
- Shahbazi, Sh. 2002: ŠĀPUR I: History. *Encyclopædia Iranica*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/shapur-i>; accessed on: 01.09.2024.
- Shea, W.H. 1971: An Unrecognized Vassal King of Babylon in the Early Achaemenid Period: Pt. 2. *Andrews University Seminary Studies* 9/2, 99–128.
- Shea, W.H. 1982: Darius the Mede: An Update. *Andrews University Seminary Studies* 20/3, 229–247.
- Smirnov, S.V. 2009: [The First Experience of Co-Regency in the Seleucid Kingdom]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 159–168.
- Смирнов, С.В. Первый опыт соправительства в государстве Селевкидов. *ВДИ* 4, 158–168.
- Smirnov, S.V. 2013: *Gosudarstvo Selevka I: politika, ekonomika, obshchestvo* [The State of Seleukos I: Politics, Economics and Society]. Moscow.
- Смирнов, С.В. *Государство Селевка I (политика, экономика, общество)*. М.
- Stolper, M.W. 1985: *Entrepreneurs and Empire. The Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian Rule in Babylonia*. Leiden.
- Stolper, M.W. 2006: Parysatis in Babylon. In: A.K. Guinan, (ed.), *If a Man Builds a Joyful House: Assyriological Studies in Honor of Erie Verdun Leichty (Cuneiform Monographs)*. Leiden–Boston, 463–472.
- Stoneman, R. 2015: *Xerxes. A Persian Life*. New Haven–London.
- Tavernier, J. 2007: *Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B.C.)*. *Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords, Attested in Non-Iranian Texts*. Leuven–Paris–Dudley (MA).
- Tolini, G. 2011: *La Babylonie et l'Iran: les relations d'une province avec le cœur de l'Empire achéménide (539–331 avant notre ère)*. Vol. 1–2. Thèse de doctorat. Paris.
- Tuplin, C.J. 2007: Treacherous Hearts and Upright Tiaras. The Achaemenid King's Head-dress. In: C.J. Tuplin (ed.), *Persian Responses. Political and Cultural Interaction with(in) the Achaemenid Empire*. Swansea, 67–97.
- Tuplin, C.J. 2020: *Aršama: Prince and Satrap*. In: C.J. Tuplin, J. Ma (eds.), *Aršama and His World. The Bodleian Letters in Context*. Vol. III. *Aršama's World*. Oxford, 3–72.
- Waters, M. 2014: *Ancient Persia: A Concise History of the Achaemenid Empire, 550–330 BCE*. Cambridge.
- Waters, M. 2023: The Persian Empire under the Teispid Dynasty: Emergence and Conquest. In: K. Radner, N. Moeller, D.T. Potts (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East*. Vol. V. *The Age of Persia*. Oxford, 376–416.
- Weissbach, F.H. 1897: Zur Chronologie des Kambyses. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 51/4, 661–665.
- Weissbach, F.H. 1908: Zur Neubabylonischen und Achämenidischen Chronologie. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 62/4, 629–647.
- Wiesehöfer, J. 2001: *Ancient Persia from 550 BC to 650 AD*. London–New York.
- Zawadsky, S. 1966: Cyrus-Cambyses Coregency. *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale* 90/2, 171–183.

DOI: 10.31857/S0321039124040035

ΔΕΠΑΣ В ПОЭМАХ ГОМЕРА: ВОЗМОЖНЫЕ СЛЕДЫ МИКЕНСКОГО СЛОЯ В ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

А. А. Брайловская¹, К. В. Круглова²

^{1,2}*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

¹*E-mail:* anasta.bray@gmail.com

²*E-mail:* kapitolina93@gmail.com

¹*ORCID:* 0000-0002-1269-6709

²*ORCID:* 0009-0000-5502-8244

В статье рассматривается употребление названия сосуда δέπας в текстах «Илиады» и «Одиссеи» в исторической и лингвистической перспективе. Δέπας у Гомера обозначает два вида сосудов: кубок для питья и большой сосуд-кратер. Два вида di-ра встречаются также в микенских текстах, что подтверждается определениями при них: te-zo-he (большие сосуды) и te-wi-jo-e (меньшие сосуды). Разнообразие идеограмм и синонимичное употребление у Гомера нескольких терминов (κύπελλον, ἄλεισον и δέπας) свидетельствуют об отсутствии ясного представления о форме сосуда δέπας. В трех примерах в форме δέπαιι наблюдается флексия с долгим ī, которое не может быть объяснено закономерным удлинением слога перед группой согласных. Предлагается видеть в данной форме реликт древнего датива *-ei, который был широко распространен в микенский период. Таким образом, архаичность гомеровского эпоса выражается как в описании предметов ахейского периода (δέπας/di-ра), так и в грамматических формах лексем, описывающих эти предметы.

Ключевые слова: кубок, возлияния, микенский диалект, линейное письмо Б, эпос, Гомер, дательный падеж, метрика, просодия, история греческого языка, греческая религия

ΔΕΠΑΣ IN HOMER: POSSIBLE TRACES OF THE MYCENAEAN LAYER IN THE EPIC TRADITION

Anastasia A. Braylovskaya¹, Kapitolina V. Kruglova²

^{1,2}*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

¹*E-mail:* anasta.bray@gmail.com

²*E-mail:* kapitolina93@gmail.com

Данные об авторах. Анастасия Андреевна Брайловская – старший преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова; Капитолина Владимировна Круглова – преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова.

The article analyses the usage of the vessel's name δέπας in the *Ilias* and the *Odyssey* from historical and linguistic perspective. In Homer, δέπας denotes two types of vessels: a drinking bowl and a large crater vessel. Two types of *di-pa* are also found in Mycenaean texts, which is confirmed by their definitions: *me-zo-he* (large vessels) and *me-wi-jo-e* (smaller vessels). The variety of ideograms and multiple synonymous terms used by Homer (κύπελλον, ἄλεισον and δέπας) demonstrate an absence of a clear understanding of the form of the vessel called δέπας. Three examples of the form δέπαῖ have an inflection with a long ī, which cannot be explained by positional elongation. We suggest that this form is a relic of the ancient dative *-ei, which was widespread in the Mycenaean period. Thus, the archaism of the Homeric epic is expressed both in the description of objects of the Achaeen period (δέπας/*di-pa*) and in the grammatical forms of lexemes describing these objects.

Keywords: goblet, libations, Mycenaean dialect, Linear B, epic, Homer, dative case, metric, prosody, history of the Greek language, Greek religion

ВВЕДЕНИЕ

Свидетельства текстов, фольклорных в своей основе, часто дают понимание древнейшей истории. Анализ таких текстов требует учета филологических данных, включая историческую фонетику и морфологию языка. Словосочетание χρυσεῖφ δέπαῖ в поэмах Гомера представляет собой интерес и с точки зрения истории сосуда δέπας и его названия в микенских текстах¹, и как возможный пример древней эпической формулы, и как пример сохранения древнего окончания датива. В греческом языке первого тысячелетия произошло замещение окончания древнего датива *-ei локативным окончанием -ῖ, которое получило значение трех падежей в результате синкретизма датива, локатива и инструменталиса². Однако окончание -ei сохранилось в некоторых формах (например, в кипрском имени ΔιΓειφιλος «милый Зевсу»)³. Некоторые примеры флексии датива с долгим ī в эпических текстах объяснялись удлинением перед сонорным (например, λίσσομ' Ἀχιλλῆϊ μεθέμεν χόλον, ὃς μέγα πᾶσιν | ἔρκος Ἀχαιοῖσιν, «Я прошу оставить гнев на Ахилла, который является великим оплотом для Ахейцев», *Il.* I. 283) или влиянием последующей цезуры⁴. Однако в гомеровских поэмах сохранилось немало форм с долгим ī не перед группой согласных или сонорным, за которыми могут стоять архаические формы датива на -ei⁵, например форма Δί, «Зевсу» (в строке ἄλλ' ἴθι νῦν Πάτροκλε Δί' φίλε | Νέστορ' ἔρειο, «а теперь иди, Патрокл, милый Зевсу, спроси Нестора», *Il.* XI. 611), которая после расшифровки микенских текстов была сопоставлена с формой di-we /diwei/, «Зевсу», и долгое ι в ней было объяснено сохранением просодии древнего датива *-ei⁶.

¹ Сопоставление микенских и гомеровских текстов уточняет значение терминов и топонимов и позволяет проследить историю святилищ (Kazansky 2021).

² При этом синкретизм датива и локатива имел место уже в микенском диалекте и окончание -ei в нем употреблялось и в значении датива, и в значении локатива (Rix 1992, 120).

³ *JCS* 327.A 8 (650–500 гг. до н. э.); 352.1.3 (400–325 гг. до н. э.).

⁴ Fayer 2015, 44.

⁵ Wathelet 1962, 14.

⁶ Ruijgh 1991, 223.

Реконструкция таких архаичных форм может быть средством разрешения просодической проблемы гомеровского текста. На существование эпического гекзаметра в микенское время указывал А. И. Зайцев, опираясь на труды Хукстры и Уэста⁷, а реконструкция Корнелисом Ройхом микенской титулатуры βίη Ἦρακλήειη /g^wiā Nērakleweheīā/ с восстановлением дактиля в пятой стопе убедительно доказывает правомерность этого тезиса⁸. Восстановление древней формы окончания датива может в некоторых случаях объяснить долготу конечного гласного формы dat. sg. δέλαϊ.

Форма dat. sg. δέλαϊ от существительного δέλας «кубок» в гомеровских поэмах встречается в трех случаях с диерезой и долгой йотой в окончании (δέλαϊ) и один раз без диерезы с сокращением дифтонга перед гласным (δέλαι), в трех примерах долгое ι в арсисе не может быть объяснено закономерным удлинением слога перед группой согласных в начале следующего слова. Помимо просодической особенности флексии датива, формулы χρυσεῖω δέλαϊ (χρυσέω δέλαι) встречаются в контекстах описания возлияний, которые, возможно, сохраняют черты ахейского слоя эпической традиции. Обратимся к примерам, в которых форма δέλαϊ стоит перед словом, начинающимся с гласного или одного согласного:

1) πολλὰ δὲ καὶ σπένδων χρυσέω⁹ δέλαϊ λιτάνευεν — «и, раз за разом возливая с помощью золотого кубка, молился», *Il.* XXIII. 196.

2) οἶνον ἔχουσ' ἐν χειρὶ μελίφρονα δεξιτερῆφι | χρυσέω ἐν δέλαϊ, ὄφρα λείψαντε κιοίτην — «держа в правой руке медовое вино в золотом кубке, чтобы, совершив возлияние, они отправились в путь», *Il.* XXIV. 284–285.

3) δῶκε δ' ἄρα σπλάγχων μοίρας, ἐν δ' οἶνον ἔχευεν | χρυσεῖω δέλαϊ: δειδισόμενος δὲ προσήδα — «и дал часть потрохов, а в золотой кубок налил вино и, приветствовав, сказал», *Od.* III. 40–41.

4) τεῦχε δέ μοι κικεῶ χρυσέω δέλαι, ὄφρα πίοιμι | ἐν δὲ τε φάρμακον ἦκε, κακὰ φρονέουσ' ἐνὶ θυμῷ — «приготовила мне кикеон в золотом кубке, чтобы я выпил, и добавила в него зелье, зло замышляя в душе», *Od.* X. 315–316.

Исследуемая форма δέλαι будет рассматриваться в различных контекстах в эпосе, которые в основном связаны с возлияниями. Также будут рассмотрены семантическое поле употребления и синтаксические конструкции при глаголах (и отглагольных существительных) со значением «совершать возлияние». Тем самым мы сможем уточнить синтаксическую функцию окончания -ι и объяснить в некоторых случаях долготу конечной йоты как возможный реликт древнего датива.

ВОЗЛИЯНИЯ

Возлияние было одним из аспектов древнегреческой религии и одной из самых распространенных форм религиозной практики. Возлияния совершались уже

⁷ Zaytsev 1994, 124; Hoekstra 1981, 34; West 1973, 188–189; 1988. Г. Данек предполагает, что Одиссея являлась частью устной эпической традиции, которая возникла до Гомера, и имела несколько альтернативных версий развития сюжета (Danek 2011, 4). Однако Кульманн (Kullmann 1995, 74–75; 2001), Хауг (Haug 2002, 46) и Маслов (Maslov 2011) являются противниками данной теории и полагают, что гомеровский эпос сформировался позднее и не мог содержать в себе ахейский слой.

⁸ Ruijgh 1995, 73.

⁹ Форма прилагательного χρυσέω возникла из более древней χρυσεῖω с ι неслоговым.

в среднеминойский период на Крите: сохранились небольшие каменные алтари для возлияний с одним или несколькими углублениями в центре. Такие алтари были обнаружены на Крите – в пещере Психро, во Врисине, в Кноссе и в горном святилище Сумы¹⁰. В микенских табличках упоминаются посвященные божествам небольшие порции вина, меда и масла, которые, как считается, использовались для ритуальных возлияний. На предметах эпохи бронзового века изображались возлияния, совершаемые гениями (фантастическими существами)¹¹. К примеру, на лентоиде из Вафио изображается возлияние, совершаемое двумя гениями над алтарем¹². На микенском золотом кольце из Тиринфа сохранилось изображение процессии из четырех гениев, несущих сосуды с возлияниями сидящей на троне богине¹³.

В поэмах Гомера (и в греческой традиции в целом) употребляются три основных глагола для обозначения совершения возлияния: σπένδω, λείβω и χέω. Им соответствуют существительные: σπονδή и λοιπή обозначают возлияния небесным богам, χοή обычно обозначает возлияния хтоническим божествам¹⁴. В некоторых контекстах σπένδω и λείβω употребляются синонимично¹⁵, провести различие в значении не всегда возможно. У Гомера σπένδω может обозначать разнообразные виды возлияния при молитве: σπεισῆς τε καὶ εὖξεα (*Od.* III. 45), пиршественном застолье и питье вина, заключении договора: σπονδαὶ τ' ἄκρητοι καὶ δεξιά, ἧς ἐπέλιθμεν (*Il.* II. 341; IV. 159). Глагол λείβω может употребляться в значении «совершать возлияние»: ἐπὶ αἴθολα οἶνον | λείβε, «сверху совершил возлияние сверкающим вином» (*Il.* I. 463–464; *Od.* III. 459–460); с указанием божества или божеств – λείψαι Κρονίωνι, «совершать возлияние Зевсу» (*Il.* VII. 481), λείψαι θεοῖς, «совершать возлияние богам» (*Od.* II. 432), Διὶ λείβειν αἴθολα οἶνον, «Зевсу совершать возлияние сверкающим вином» (*Il.* VI. 266). Также этот глагол встречается вне ритуального контекста: лить слезы – δάκρυα λείβων (ср. *Il.* XIII. 658)¹⁶, так же χέω – δάκρυ χέοντος (ср. *Il.* I. 360), а σπένδω вне контекста возлияния у Гомера не употребляется. Э. Бенвенист понимает значение глагола λείβω как «капать, окроплять»¹⁷, а σπένδω как ритуальное возлияние с последующем развитием значения «заключать договор, выступать гарантами по отношению друг к другу», например, у Геродота τριήκοντα ἔτεα εἰρήνην σπεισάμενοι (*Hdt.* VII. 148)¹⁸. Хеттский глагол išpanti («возливать»)¹⁹ и латинский spondeo восходят вместе со σπένδω к одному и.-е. корню *spend- и имеют сходное значение и семантическое развитие (spondeo «заключать договор»)²⁰. Глагол χέω и существительное χοή предполагают более обильное возлияние и полное опорожнение сосуда, предназначенное для хтонических богов

¹⁰ Nilsson 1950; Jones 1999, 11.

¹¹ Wright 2004, 164.

¹² Andreev 2002, 357, fig. 95.

¹³ Sakellariou 1964, 202, fig. 179.

¹⁴ Naiden 2020, 67; Hanell 1937, 2134.

¹⁵ *Lfgre* s.v. σπένδω.

¹⁶ *Lfgre* s.v. λείβω.

¹⁷ «Ритуал, обозначаемый λείβειν, состоит в выливании жидкости по капле. И это совсем иное, нежели большое возлияние χοή, которое производилось на могиле» (Benvenist 1995, 363).

¹⁸ Benvenist 1995, 363.

¹⁹ Kloekhorst 2008, 405.

²⁰ Beekes, van Beek 2010, 1381.

и умерших: χοῖν χεῖσθαι πᾶσιν νεχέεσσιν, «совершить возлияние подземным богам» (*Od.* X. 518; XI, 26)²¹.

Ритуальные возлияния часто сопровождаются молитвой, при этом контексты ритуала разные: во время жертвоприношения, ритуального пира, приветствия или прощания с гостем, погребения. Рассмотрим подробнее контексты, в которых появляется кубок (δέλας) или уточняются синтаксические конструкции при глаголах.

Ι. ΠΟΓΡΕΒΕΝΙΕ

Описание погребения²² Патрокла, очень подробное, содержит упоминание молитвы ветрам Борею и Зефиру (пример 1, *Il.* XXIII. 194–196):

στὰς ἀλάνευθε πυρῆς δοιοῖς ἦράτ' ἀνέμοισι
 Βορέῃ καὶ Ζεφύρῳ, καὶ ὑπίσχετο ἱερά καλὰ
 πολλὰ δὲ καὶ σπένδων χρυσέῳ δέλαϊ λιτάνευεν

Встав далеко от огня, начал молиться обоим ветрам
 Борею и Зефиру, и обещал прекрасные жертвы,
 Раз за разом совершая возлияние золотым кубком, умолял.

В этом примере привлекает внимание форма δέλαϊ в *dat. instr.*²³ при причастии σπένδων с долгой йотой в окончании перед одиночным согласным, которая может указывать на микенскую древность примера: долгота гласного (если только это не употребление *metri causa*) может быть объяснена тем, что в этой позиции была форма **depahei* с древним окончанием датива в арсисе 5-й стопы дактилического гекзаметра.

Необходимо отметить, что культ ветров²⁴ существовал в микенское время и архаичный контекст с восстановлением древней флексии может восходить к нему. В микенских табличках из Кносса KN Fp 1, Fp 13 упоминается *a-ne-to i-je-ge-ja*

²¹ Burkert 1983, 70.

²² Погребальные возлияния подробно описываются в надписи из Селинунта (Сицилия), где упоминается о совершении возлияния на крышу гробниц с помощью глиняных кубков (Kazansky 2005, 108).

²³ Отдельный инструментальный падеж еще существовал в микенскую эпоху и употреблялся с данным окончанием в описаниях предметов мебели (*e-ge-ra-te /elephantē/* «отделанный» слоновой костью», PY Ta 642.2), а синкретизм датива-локativa и инструментального падежей произошел в послемикенскую эпоху, позднее синкретизма дательного и локativa (Najnal 1995, 26; Sharypkin 1989, 87).

²⁴ Культ ветров известен и в Греции первого тысячелетия. Геродот упоминал о почитании ветров в Дельфах, в память о прорицании, согласно которому нужно было молиться ветрам, так как боги ветров будут союзниками для греков в войне против персов: Δελφοὶ μὲν δὲ κατὰ τὸ χρηστικότητα ἔτι καὶ νῦν τοὺς ἀνέμους ἰλάσονται, «Даже теперь дельфийцы в прорицалище умилоустивляют ветра», *Hdt.* VII. 178. Для поклонения ветрам был сооружен алтарь в Фие на священном участке (темене): οἱ Δελφοὶ τοῖσι ἀνέμοισι βωμόν τε ἀπέδεξαν ἐν Θυίῃ, τῇ περ τῆς Κηφισοῦ θυγατρὸς Θυίης τὸ τέμενος ἐστί, ἔλ' ἦς καὶ ὁ χώρος οὗτος τὴν ἑλωνυμῖην ἔχει, καὶ θυοίησι σφέας μετήισαν, «Дельфийцы соорудили алтарь ветрам в Фие, в которой находится священный участок, посвященный Фи, дочери Кефиса (по ее имени было названо это место) и почтили их (ветра) жертвами» (*ibid.*). Еще ранее культ ветров встречался также в Аттике, где был алтарь западному ветру Зефиру (*Paus.* I. 37. 2) и, по свидетельству Гезихия, устраивался праздник в честь северного ветра Борея (οἱ Βορέασμοί) (*Parker* 1996, 156, n. 14; Burkert 2004, 317).

/anemōn ijereja/ (жрица ветров). Это единственное ясное упоминание в «комнате глиняного ларца» (Clay Chest Room) о подношении жрице, а не божеству или местности²⁵. Жрице, возможно, полагалось в определенные периоды года совершать подношения, чтобы призывать благоприятные для плавания ветры²⁶.

Завершив молитву ветрам и убедившись, что огонь погребального костра разгорелся, Ахилл совершает возлияния мертвому Патроклу. Теперь он льет на землю (χαμάδις χέε) вино, зачерпывая кубком (ἐλὼν δέλας) из золотого кратера: χρυσέου ἐκ κρητήρος ἐλὼν δέλας ἀμφικύπελλον | οἶνον ἀφυσσόμενος χαμάδις χέε, δεῦτε δὲ γαῖαν | ψυχὴν κικλήσκων Πατροκλήος δευλοῖο, «взяв двуручный кубок²⁷, зачерпывая из золотого кратера, он лил вино на землю и орошал ее, призывая душу несчастного Патрокла», *Ил.* XXIII. 219–221.

Таким образом, кубком δέλας совершается возлияние при молитве ветрам и при молитве умершему.

II. ОТПРАВЛЕНИЕ В ПУТЬ

Отправление в дорогу сопровождается возлиянием и молитвой. Например, Телемах молится у корабля, возливая, перед возвращением в Итаку: σπένδοντ' εὐχόμενόν, «(его) совершающего возлияния и молящегося» (*Od.* XV. 258). Когда Ахилл посылает Патрокла на битву, он достает из своего сундука кубок (δέλας τετυγμένον, «кубок искусно сделанный», *Ил.* XVI. 225), из которого он совершал возлияние только Зевсу (οὐτέ τιφ σπένδεσκε θεῶν, ὅτε μὴ Διὶ πατρί, «никому из богов не возливал, если только не Зевсу отцу», *Ил.* XVI. 227), очищает его и наливал вино. Затем, выйдя во двор, совершает возлияние, молится о победе и благополучном возвращении своего друга: εὐχετ' ἔπειτα στάς μέσφ' ἔρκεϊ, λείβε δὲ οἶνον, «затем помолился, встав посередине двора, и совершил возлияние вином» (*Ил.* XVI. 231; повтор стихов в *Ил.* XXIV. 305–306). Зевс позволяет свершиться одному молению, но отказывает в другом. В стихах *Ил.* XVI. 253–254 вновь употребляется глагол σπένδω: ἦτοι δ' μὲν σπείσας τε καὶ εὐξάμενος Διὶ πατρί | ἄψ κλισίην εἰσῆλθε, δέλας δ' ἀπέθηκ' ἐνὶ χηλῶ, «после того, как Ахилл совершил возлияние и молитву Зевсу, он зашел обратно в палатку и положил кубок в сундук». Отметим, что в соседних стихах встречаются глаголы σπένδω (σπενδέσκω с инхоативно-фреквентативным суффиксом) и λείβω, которые употребляются синонимично, описывая одно и то же действие героя.

Гекуба провожает Приама, идущего с выкупом за телом Гектора к Ахиллу. Она несет в руке кубок и просит Приама совершить возлияние и молить Зевса подать доброе знамение в виде птицы. В этом контексте встречается следующий пример (пример 2) с δέλαϊ (*Ил.* XXIV. 284–285):

οἶνον ἔχουσ' ἐν χειρὶ μελίφρονα δεξιτερῆφι
χρυσέω ἐν δέλαϊ, ὄφρα λείψαντε κιοίτην

²⁵ Nilsson 1950; Gulizio 2008.

²⁶ Ruipérez, Melena 1990, 199; Hampe 1967.

²⁷ Словосочетание δέλας ἀμφικύπελλον («двуручный сосуд») используется в археологии как термин, обозначающий узкий, вытянутый сосуд с двумя полукруглыми ручками, который был широко распространен в Анатолии, северной Сирии и материковой Греции с конца раннего бронзового века (Bilgen, Kuru 2015, 2).

В правой руке неся вино в золотом кубке,
чтобы, совершив возлияние, они отправились в путь.

Затем Приам оmyвает руки и совершает возлияние, приняв от супруги кубок, названный теперь κύπελλον: νιψάμενος δὲ κύπελλον ἐδέξατο ἧς ἀλόχοιο: | εὐχεται ἔπειτα στὰς μέσῳ ἔρκει, λείπει δὲ οἶνον, «омыв руки, он принял кубок от своей супруги, затем помолился, встав посреди двора, и возлил вино» (II. XXIV. 305–307).

В данном примере форма δέλαϊ имеет долгую йоту, которую нельзя объяснить удлинением перед группой согласных, так как союз ὄφρα имеет начальное краткое /о/, которое Шантрэн возводит к относительному местоимению ὁ < *jо с диссимиляцией придыхательных по закону Грассмана²⁸. Долгота йоты может объясняться сохранением древнего датива *-ei или положением перед главной цезурой (после первого долгого 3 стопы). Форма δέλαϊ здесь и в примере 3 имеет локативное значение, что не препятствует восстановлению окончания древнего датива /-ei/, потому что уже в микенский период оно выражало оба значения, и дативное, и локативное²⁹: например, po-se-da-o-ne PY Es 646 /poseidāonei/ «Посейдону» наряду с a-ka-si-jo-ne (PY Jn 389.1) /akansionei/ «в местности Акансион».

В XV песни Одиссеи мы находим повтор стиха с иным порядком слов: ἐν δέλαϊ χρυσέῳ. Менелай несет в правой руке в золотом кубке вино, услаждающее душу, чтобы после совершения возлияния Телемах и Писистрат отправились в путь и, напутствуя, произносит: οἶνον ἔχων ἐν χειρὶ μελίφρονα δεξιτερῆφι, | ἐν δέλαϊ χρυσέῳ, ὄφρα λείψαντε κιοίτην. | στῆ δ' ἵπλων προλάροιθε, δεδισκόμενος³⁰ δὲ προσήυδα, «Держа в правой руке сладкое вино | в золотом кубке, чтобы, совершив возлияние, они отправились в путь. | Он встал перед конями и, приветствуя, сказал» (Od. XV. 148–152). Союз ὄφρα присутствует здесь и в II. XXIV. 285 (провода Приама) сразу после χρυσέῳ ἐν δέλαϊ / ἐν δέλαϊ χρυσέῳ. Можно предполагать, что это был исходный вид формулы (занимающей первый колон³¹), перед цезурой³² и перед ὄφρα, где δέλαϊ с долгим ι заменяет позицию окончания древнего датива *-ei.

О хорошем путешествии молятся феаки в XIII песни Одиссеи и совершают возлияние Зевсу. Одиссей возвращает кубок (δέλας ἀμφικύπελλον) царице Арете и говорит прощальное слово: οἱ δὲ θεοῖσιν | ἔσπεισαν μακάρεσσι, τοῖ οὐρανὸν εὐρὺν ἔχουσιν, | αὐτόθεν ἔξ ἐδρέων. ἀνὰ δ' ἴστατο δῖος Ὀδυσσεύς, | Ἀρήτη δ' ἐν χειρὶ τίθει δέλας ἀμφικύπελλον, | καὶ μιν φωνήσας ἔλεα πτερόεντα προσήυδα, «они (феаки) совершили возлияние бессмертным богам, живущим на широком небе, каждый со своего места. Божественный Одиссей поднялся и в руки Арете дал кубок» (Od. XIII. 54–60).

²⁸ DELG 1968, 842.

²⁹ Negri 1991, 36.

³⁰ Форма δεῖδισκόμενος, причастие от глагола δεῖδίσκομαι «приветствовать», который, согласно мнению С. И. Дмитриевой, восходит к и.-е. корню *dwey- / dwi- < *duwo-, от которого также образовано слав. *dvigati, а семантика корня связана с движением вверх – «приответственно поднимать вверх» (Dmitrieva 2016, 232–233).

³¹ Nagy 2004, 151.

³² Неясно, как объяснить гиа́т перед трохеической цезурой, которого не должно быть в древних слоях эпического повествования (Hoekstra 1981, 32).

III. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Во время сжигания жертвенного животного совершается возлияние вином: καίε δ' ἐπὶ σχίζης ὁ γέρον, ἐπὶ δ' αἴθολα οἶνον | λείβε, «старец (жрец Хрис в Илиаде и Нестор в Одиссее) сжигал, уложив на дрова мясо, обернутое жиром, возливал сверкающее вино» (*Il.* I. 460–461 и повтор стихов в *Od.* III. 459–460). Интересно возлияние водой в XII песни Одиссеи. Изможденные голодом спутники Одиссея встречают запретное стадо быков Гелиоса: ни один смертный не смеет убивать этих быков. Они же закололи одного и зажарили, однако прежде чем вкусить его мяса, они совершают возлияние за отсутствием вина водой: οὐδ' εἶχον μέθυ λείψαι ἐπ' αἰθομένοις ἱεροῖσιν, | ἀλλ' ὕδατι σπένδοντες ἐλώπτων ἔργατα πάντα, «и не было вина, чтобы возлить на сжигаемые жертвы, но водой окропив, начали жарить потроха» (*Od.* XII. 362–363). Обратим внимание на падежное управление при σπένδοντες dat. instr. (ὕδατι) и асс. αἴθολα οἶνον при ἐπιλείβε в примерах выше. Появление dat. instr. при обозначении жидкости возлияния необычно и появляется только в этом контексте. При глаголе σπένδω чаще употребляется аккузатив, например, в *Il.* XI. 774–775: ἔχε δὲ χρύσειον ἄλεισον | σπένδων αἴθολα οἶνον ἐπ' αἰθομένοις ἱεροῖσι, «он держал золотой кубок, возливая сверкающее вино на сжигаемые жертвы» – из рассказа Нестора мы узнаем о том, как Пелей совершал возлияние во дворе своего дома, когда они с Одиссеем пришли просить его принять участие в походе на Троию. Еще один пример на употребление аккузатива при σπένδω – в XIV песни Одиссеи. Свинопас Эвмей, совершив возлияние, отдал Одиссею вино: Ἦ ῥα καὶ ἄργατα θῦσε θεοῖς αἰειγενέτησι, | σπείσας δ' αἴθολα οἶνον Ὀδυσσῆϊ πτολιπόρθῳ | ἐν χεῖρεσσιν ἔθηγεν (*Od.* XIV. 446–448), «Принес в качестве жертвы первый сбор плодов вечным богам | И, совершив возлияние сверкающим вином, Одиссею, разрушителю городов, в руки дал (кубок)».

IV. ПИР

Описания пиров у Гомера опираются на запас традиционных формул, сцен и образов, восходящих часто к более ранней эпической традиции³³. «Героический пир» – это глубоко религиозное событие, которое начинается с церемониальных омовений и возлияний и завершается также возлияниями³⁴. Приведем в качестве примера формульное выражение, которое описывает действие героя: сперва он «совершает возлияние, затем пьет вино, сколько душе угодно» – σπείσαν τ' ἔπιόν θ' ὄσον ἢθελε θυμός (*Il.* IX. 177; *Od.* III. 342; XVIII. 427; XXI. 274). В некоторых случаях (*Od.* III. 338; XXI. 270) формуле предшествует типическая сцена, включающая в себя омовение рук: глашатаи льют воду на руки пирующим, затем слуги (χοῦροι) смешивают вино в кратерах и обносят (νώμῃσαν) всех участников пира кубками δελάεσσιν, чтобы налить первые капли для возлияния (ἐπαρχάμενοι). В VII песни Одиссеи Эхней просит Алкиноя принять Одиссея и велеть глашатаям³⁵ принести

³³ Reese 1993, 191.

³⁴ Sherratt 2004, 306–307.

³⁵ Κήρυκες являлись не просто глашатаями, но и распорядителями пира, κῆρυξ засвидетельствовано еще в микенских текстах как обозначение культовой должности (ka-ru-ke PY Fn 187, Un 219, см. *DMic* I. 327).

вино для возлияний Зевсу, «который сопутствует всем, о защите молящим»: σὺ δὲ κηρύχῃσσι κέλευσον | οἶνον ἐπικρῆσαι, ἴνα καὶ Διὶ τερπικεράων | στείσομεν, ὅς θ' ἰκέτησιν ἄμ' αἰδοίοισιν ὀτηδεῖ, «Ты же глашатаям прикажи | вино разбавить, чтобы и Зевсу, радостно мечущему молнии, | мы совершили возлияние, который молящим о помощи и почитающим сопутствует» (*Od.* VII. 163–165). Понтоной смешивает вино и раздает всем присутствующим на пиру кубки, чтобы совершить возлияние: Ποντόνοος δὲ μελίφρονα οἶνον ἐκίρνα, | νόμησεν δ' ἄρα πᾶσιν ἐπαρξάμενος δελάεσσι, «Понтоной же смешал услаждающее душу вино, раздал всем, наполнив кубки для возлияния» (*Od.* VII. 183–184). В этом контексте интересно аористное причастие ἐπαρξάμενος от глагола ἐπάρχεσθαι со специальным значением «наливать первые капли — начинать совершать возлияние»³⁶, от которого зависит датив δελάεσσι и которое входит в состав формулы пиршественных возлияний: νόμησεν δ' ἄρα πᾶσιν ἐπαρξάμενοι δελάεσσι (*Il.* I. 471; *IX.* 176; *Od.* VII. 183; *III.* 340; *XXI.* 272). Ритуал таков: виночерпий, подходя к каждому из присутствующих на пиру, наливал в кубок по первой капле, которую следовало вылить во время возлияния (σπένδω / λείβω), а затем наливал полный кубок³⁷. Воззвание к виночерпию «наполнить чаши» Амфинома знаменует окончание пира: ἀλλ' ἄγετ', οἶνοχόος μὲν ἐπαρξάσθω δελάεσσι, | ὄφρα στείσαντες κατακείμεν οἴκαδ' ἰόντες, «пусть виночерпий наполнит кубки для возлияния, чтобы, совершив возлияние, мы ушли домой спать» (*Od.* XVIII. 418–419). Повтор этих стихов в *Od.* XXI. 263–264 — речь Антиноя после неудачного состязания из лука. Мы видим глаголы ἐπαρξάσθω и στείσαντες в соседних стихах и δελάεσσι в *dat. pl.* при первом глаголе.

В цитате οἶνον δ' ἐκ δελάων χαμάδις χέον, «вино из кубков на землю проливали» (*Il.* VII. 480) можно увидеть предложную конструкцию ἐκ δελάων с глаголом χέω: «лили из кубков на землю». Обратим внимание, что это единственная подобная конструкция в обеих поэмах. Вызывает интерес, во-первых, употребление глагола, который обычно обозначает возлияние мертвым, а во-вторых, предлог ἐκ (δελάων); можно привести параллельную конструкцию: οἶνον δ' ἐκ κρητῆρος ἀφυσσόμενοι δελάεσσι | ἔκχεον, ἦδ' εὐχοντο θεοῖς αἰειγενέτησιν, «проливали вино, зачерпывая кубками из кратера, и молились вечным богам», *Il.* III. 295–296; здесь, очевидно, кратер — это объемный сосуд, в котором смешивали воду с вином³⁸, а кубки (δελάεσσι) — небольшие кубки, и глагол χέω употребляется в контексте возлияния небесным богам (далее идет молитва Зевсу). В X песни Илиады (после вылазки в стан врага) герои устраивают пир с совершением возлияния Афине: ἀλλ' ὁ δὲ κρητῆρος Ἀθήνῃ | πλείου ἀφυσσόμενοι λείβον μελιηδέα οἶνον, «из кратера полного черпая, Афине совершили возлияние сладким как мед вином» (*Il.* X. 579–580). Здесь, в отличие от *Il.* III. 295, нет формы в *dat. instr.* при причастии ἀφυσσόμενοι «черпая», поэтому можно считать, что δελάεσσι в *Il.* III. 295

³⁶ «Pour the first drops before a libation», LSJ s.v. ἐπάρχω; Kirk 1985, 102.

³⁷ Kirk 1985, 102.

³⁸ Время первого появления «кратеров» (ПЭ (позднеэладский) IIIA1 или начало ПЭ IIB) в керамике по археологическим находкам совпадает с появлением микенских дворцов в материковой Греции. Более того, сохранение керамических «кратеров» с этого периода вплоть до восьмого века позволяет предположить, что впоследствии эта практика продолжалась без перерыва (Sherratt 2004, 326).

употребляется в инструментальной функции и зависит от глагола ἔρχεον. Глагол ἀφύσσομαι в Одиссее появляется в контексте «набрать пресной воды», но не в контексте возлияний: ἔνθα δ' ἔλ' ἠλείρου βῆμεν καὶ ἀφυσσάμεθ' ὕδωρ, «там мы вышли на сушу и набрали пресной воды» (*Od.* IX. 85; X. 56).

В сцене пиршества после жертвы Посейдону в III песни Одиссеи Писистрат, усадив на мягкие шкуры гостей, с кубком обращается к Афине в обличье Ментора, чтобы та первой совершила возлияние и молитву Посейдону (пример 3, *Od.* III. 40–41):

...ἐν δ' οἶνον ἔχευε
χρυσείῳ δέπαι· δειδισκόμενος δὲ προσηύδα
Παλλάδ' Ἀθηναίην, κούρην Διὸς αἰγιόχοιο

...налил вина
в золотой кубок и, приветственно поднимая,
обратился к Палладе Афине.

В этом месте дательный падеж используется в локативном значении χρυσείῳ δέπαι в предложной конструкции при ἐγγέω, где долгота йоты в δέπαι, вероятно, объясняется так же, как и в примере 2: это был исходный вид формулы с древней флексией датива *-ei, занимающей первый колон. Золотой кубок в речи Писистрата назван δέπας, далее χρύσειον ἄλεισον (*Od.* III. 50), в конце же Афина берет καλὸν δέπας ἀμφιπέλλον, «прекрасный кубок» (*Od.* III. 63). Очевидно, слова ἄλεισον и δέπας (а также κύπελλον) воспринимались как взаимозаменяемые³⁹, однако также служили и для метрического удобства.

V. ВНЕ КОНТЕКСТА ВОЗЛИЯНИЯ

Кубки упоминаются в повествовании и вне ритуальных контекстов совершения возлияния. Например, сразу после застолья хозяин или гость могут наполнить кубок вином и произнести тост. Это винопитие отличается от общей трапезы и питья на пиру, и оно совершается отдельно от возлияния, которое иногда разделяют хозяин и гость⁴⁰.

Значительную роль в чем в контексте описания возлияния играет употребление глаголов δειδίσκομαι и δειδέχεται «приветствовать» (сопровождая приветствие движением руки с кубком или без него). Так, после победы Одиссея в борьбе с Иром Антиной ставит перед ним наполненный кровью и жиром козий желудок (награду), а Амфином, положив перед ним два хлеба из корзины, приветствует (δειδίσκετο) его золотым кубком (δέπαι χρυσέω – dat. instr.): Ἀμφίνομος δὲ | ἄρτους ἐκ κανέοιο δύο παρέθηκεν αἰείρας | καὶ δέπαι χρυσέω δειδίσκετο, «Амфином же положил два хлеба из корзины, приветствовал его золотым кубком» (*Od.* XVIII. 119–120). В XX песне Одиссеи Телемах во время пира женихов так же принимает Одиссея: πὰρ δ' ἐτίθει σπλάγχων μοίρας, ἐν δ' οἶνον ἔχευεν | ἐν δέπαι χρυσέω, καὶ μιν πρὸς μῦθον ἔειπεν – «около него положил части потрохов, | а в золотой кубок налил вина и молвил ему слово» (*Od.* XX, 260–261). Здесь приветственное

³⁹ Sherratt 2004, 307.

⁴⁰ Reece 1993, 25.

обращение выражено не причастием *δειδισχόμενος*, как в примерах выше, а формулой обращения: *καὶ μιν πρὸς μῦθον ἔειπεν*, а предложная конструкция с дательным падежом *ἐν δέλται χρυσέῳ* зависит от глагола *ἐγγέω* «наливать» (ср. *Il. XXIV. 285* и *Od. XV. 149*).

Приветствие кубками описывается после посольства к Ахиллу: *τοὺς μὲν ἄρα χρυσοῖσι κυπέλλοις υἷες Ἀχαιῶν | δειδέχαι*, «Их сыны Ахейцев приветствовали с золотыми кубками» (*Il. IX. 670—671*). Форма *δειδέχαι* всегда имеет в качестве прямого дополнения адресата приветствия: *νεῦσ' Αἴας Φοῖνικι: νόησε δὲ δῖος Ὀδυσσεύς, | πλησάμενος δ' οἴνοιο δέλτασ δειδέχαι Ἀχιλλῆα*, «Аякс кивнул Фениксу; понял божественный Одиссей, | налив кубок вина, встретил Ахилла» (*Il. IX. 223—224*). В *Il. IV. 1—4*: *Οἱ δὲ θεοὶ παρ Ζηνὶ καθήμενοι ἠγορόωντο | χρυσέῳ ἐν δαπέδῳ, μετὰ δὲ σφισι πτόνια Ἦβη | νέκταρ ἔοινοχόει: τοὶ δὲ χρυσοῖσιν δελάεσσι | δειδέχαι ἄλλήλους*, Тρώων πτόνιν εἰσορόωντες, «Боги, у Зевса сидящие на золотом помосте, совещались; среди них могущественная Геба разливала нектар; а те золотыми кубками приветствовали друг друга, взирая с высоты на город троянцев».

Таким образом, мы видим формулу *δέλται χρυσέῳ* в *dat. instr.* при *δειδίσχεται* (*Od. XVIII. 119*) и *ἐν δέλται χρυσέῳ* в *dat.* с предлогом (*Od. XX. 260*) с долгим гласным в окончании *δέλται*, хотя в этих случаях слог закрыт следующей за ним группой *muta cum liquida*; не исключено, что долгота гласного *ι* в формуле, занимающий первый колон, обусловлена реликтом древнего датива *-ei, как и в *Od. III. 41* (пример 2).

Одиссей рассказывает феакам, как Цирцея приготовила ему зелье в золотом кубке. Сначала она усадила его на трон со скамейкой для ног, подробное описание которого совпадает с микенскими хозяйственными текстами⁴¹, затем подала зелье в кубке (пример 4, *Od. X. 315—316*):

τεῦχε δὲ μοι κικεῶν χρυσέῳ δέλται, ὄφρα πίωμι
ἐν δὲ τε φάρμακον ἦγε, κακὰ φρονέουσ' ἐνὶ θυμῷ

Приготовила мне кикеон в золотом кубке, чтобы я выпил,
И добавила в него зелье, зло замышляя в душе.

В это время ее служанки готовят все для пира: расставляют кресла, покрытые шкурами, пододвигают столы, смешивают вино в кратерах и расставляют золотые кубки, которые уже названы *χρῦσεια κύπελλα* (*Od. X. 357*). В этом эпизоде встречается форма *δέλται* без диерезы и с кратким *ι* с сокращением перед гласным слова *ὄφρα*, которое, как мы уже наблюдали, не вызывало удлинения гласного. Это единственный раз в обеих поэмах, что, весьма вероятно, свидетельствует о более позднем происхождении формы. Еще один важный контекст, связанный с *δέλτασ* (хотя в нем *δέλτασ* не употребляется в *dat. sing.*) — описание кубка Нестора⁴², поскольку оно имеет общие черты с описанием депасов в микенских текстах. Описание ручек

⁴¹ Killen, Bennett 2024, 791.

⁴² Подробный обзор, каким мог быть кубок Нестора, упоминания, объяснения, реплики и аллюзии в греческом и римском искусстве, а также основную библиографию по кубку Нестора см. Logimer 1950, 328—335; Bruns 1970, 42—43; Hainsworth 1993, 292—293; Gaunt 2017. О кубке Нестора из Питекусс см. Watkins 1979; Zaytsev 1987; Faraone 1996 (который предпологал, что надпись на кубке является заклинанием).

(οὔατα δ' αὐτοῦ | τέσσαρ' ἕσαν, «у него были четыре ручки», *Il.* XI. 632–633) соответствует четырем ручкам депаса, перечисленным в микенской табличке PY Ta 641.2 di-ra qe-to-ro-we (/depas k^uetrōwes/ «депас с четырьмя ручками»⁴³).

VI. МИКЕНСКИЙ DI-PA

Слово δέπας сопоставляется с микенским di-ra /dipas/ («кубок»)⁴⁴. Бекес предполагает родство с лув. *tipas*⁴⁵ / *tepas*⁴⁶. Шантрэн определяет слово как лувийское заимствование и так же сравнивает с лув. *teras*⁴⁷. Хейнсворт связывает δέπας с хеттским *tarišana* (сосуд, кубок)⁴⁸. Различие в огласовке корня δέπας / di-ra может восприниматься как признак заимствования, как и обратное чередование -e- в микенском ku-te-so и -i- в греческом первого тысячелетия *κίτιος* («черное дерево»)⁴⁹. Δέπας относится к существительным среднего рода с древней сигматической основой на -ας < -H₂s (таким как *γέρασ* «награда», *κέρασ* «рог»), которые являются более редкими, чем с основой на -ος (*τὸ γένος, γένους*)⁵⁰. От δέπας в гомеровских текстах встречаются формы gen. pl. δελάων, слитная форма ass. pl. δέπα, dat. pl. δελαείοσι и более древняя форма δέπασι⁵¹. Форма с диерезой δέπαϊ отражает следы выпавшей сигмы, которая в виде придыхательного еще сохранялась в микенской форме nom. dual. di-ra-e /dipahe/ (< -H₂s – H₁)⁵².

Идеограммы, сопровождающие слово di-ra в кносских и пилосских табличках, несколько отличаются друг от друга (рис. 1)⁵³.

В кносской табличке KN K 829 (сохранившейся фрагментарно) отсутствует слово di-ra, но есть лигатура идеограммы *202 также со знаком di (, рис. 1, 1) и числом 75, есть также определение *te-wi-jo* («меньший»), но указание на количество меньших di-ra не сохранилось. В другой кносской табличке K 740 перечисленные 30 di-ra явно изготовлены из бронзы: представлена лигатура идеограммы *214 со знаком di внутри, который может быть сокращением слова di-ra: (рис. 1, 2)⁵⁴. Перед ней есть идеограмма, обозначающая материал, из которого изготовлен сосуд (бронза). В кносском тексте K 875 шесть сосудов di-ra без ручек сопровождаются идеограммой *202 (рис. 1, 3) и принадлежат шести людям, вероятно, обладавшим статусом *басилевса* (qa-si-re-wi-ja /g^aasilēciā/) или представителям шести деревень,

⁴³ Killen, Bennett 2024, 784.

⁴⁴ Kazanskene, Kazansky 1986, 120; *DMic* I, 175. Sherratt 2004, 318–319.

⁴⁵ Beekes, van Beek 2010, 317.

⁴⁶ *Lfgre* s. v. δέπας.

⁴⁷ *DELG* 1968, 264.

⁴⁸ Hainsworth 1993, 292. Подробнее о слове *tarišana* см. Tischler 1991, 129.

⁴⁹ Thompson 2002, 342; Duhoux, Morpurgo Davies 2008, 321.

⁵⁰ Blanc 2018, 249; Risch 1974, 87; Chantraine 1968, 421.

⁵¹ Chantraine 1958, 209.

⁵² Bartoněk 2003, 262.

⁵³ Фрагменты изображений взяты с сайта: URL: <https://liber.cnr.it/>; дата обращения 13.03.2024, разрешение на публикацию предоставило Министерство культуры и спорта Греции © Hellenic Ministry of Culture and Sports / Hellenic Cultural Resources Managing and Development Organization (HCRMDO).

⁵⁴ Kazansky 2008, 48. Лигатуры для обозначения сосудов не встречаются в других табличках, кроме кносских (Varias García 2008, 788).

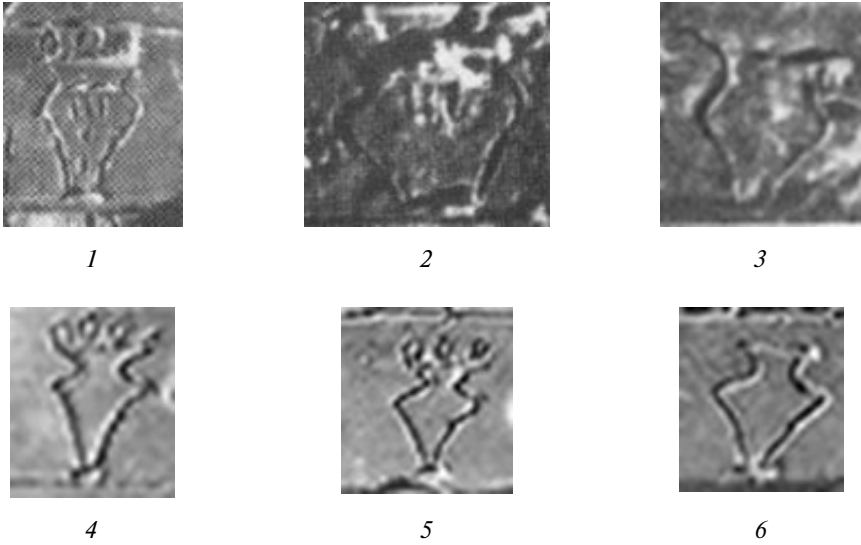

Рис. 1. Идеогаммы для слова *di-ra* в кносских и пилосских табличках. 1 – KN K 829; 2 – KN K 740; 3 – KN K 875; 4–6 – PY Ta 641

допущенным на праздник, что позволяет предположить, что *di-ra* выполнял церемониальную функцию⁵⁵.

В PY Ta 641 (рис. 2) идеограмма *202 представлена в трех вариантах: один сосуд с четырьмя ручками, расположенными сверху бортика, один с тремя ручками и один без ручек (рис. 1, 4–6). Эти идеогаммы соответствуют письменным описаниям *qe-to-go-we* («с четырьмя ушками»), *ti-gi-jo-we* («с тремя ушками») и *a-po-we* («без ушек») соответственно⁵⁶. Также указывается размер сосудов: *me-zo* («большой») и *me-wi-jo* («меньший»).

Табличка относится к серии пилосских табличек Ta, цель которой – ревизия кухонной и столовой утвари в связи с большим праздником, проводимым по случаю назначения нового должностного лица⁵⁷. Перечисляются столы, троны,

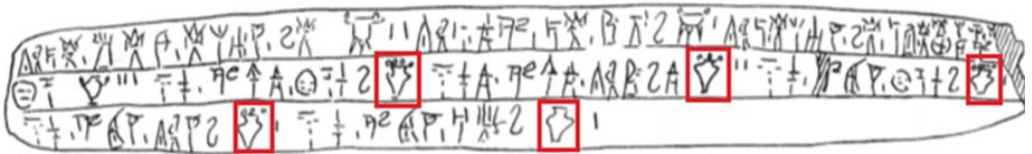

Рис. 2. Пилосская табличка Ta 641 с перечислением сосудов (по: Duhoux, Morpurgo Davies 2008, 319)

⁵⁵ Sherratt 2004, 319.

⁵⁶ De Lamberterie 2009, 79–116.

⁵⁷ Killen 1998, 421. О том, что это именно кухонная (а не парадная или ритуальная) утварь, говорит указание на обожженные ножки треножного котла (Ta 641.1b a-pu ke-ka-u-me-no ke-ge-a₂ «обожженный в отношении ножек»).

скамейки для ног, сосуды для пира, в котором, по предположению Т. Палаймы, участвовало 22 человека; тот факт, что для такого количества людей перечисляется только 6 сосудов *dī-ra*, говорит о том, что он не был индивидуальным сосудом для питья⁵⁸. Более вероятно, что *dī-ra* являлся кувшином для разливания вина⁵⁹. При этом в вышеупомянутых кносских текстах указывается большее количество сосудов: 30 в К 740 и 75 в К 829.

Идеограммы *202 и *214 обычно сопоставляются с бронзовыми сосудами СЭ III периода (рис. 3), хотя он имеет более широкую верхнюю часть, чем сосуд на идеограммах⁶⁰.

Таким образом, сосуды различались по размеру: больший *me-zo-e /medzohes/* и меньший *me-wi-jo-e /meiwjohes/* – и, вероятно, по функции, а различие в изображении на идеограммах в табличках из Кносса и Пилоса может объясняться тем, что форма сосуда эволюционировала в течение времени⁶¹.

Рис. 3. Бронзовый сосуд СЭ III периода (по: Vandenabeele, Olivier 1979, 237)

ВЫВОДЫ

Анализ контекста известных просодических вариантов формы *δέλταϊ* показывает, что в трех из четырех примеров формула *χρυσείω δέλταϊ* с долгой *ι* в окончании датива появляется перед гласным или одиночным согласным (II. XXIII. 196; XXIV. 285; *Od.* III. 41), что можно объяснить замещением окончания древнего датива с локативным значением, просодически точно соответствующим микенскому употреблению синкретического датива-локатива на */-ei/*. Название сосуда *δέλας* также встречается в микенских табличках (*dī-ra /dipas/* в PY Ta 641, KN K 875, KN K 740). На основании этого *χρυσείω δέλταϊ* можно восстанавливать как древнюю форму, в которой *δέλταϊ* относится к ахейскому слою эпической традиции, а прилагательное *χρυσείω* добавлено как эпический эпитет⁶².

К VIII веку до н.э.⁶³ слово *δέλας* прочно закрепилось в эпическом языке, где оно обозначает сосуд для питья и возлияний и большой сосуд-кратер.

⁵⁸ Во всей серии перечислены 11 столов; исходя из того, что за каждым из них сидело по два человека, предполагается участие 22 человек (Palaima 2000, 237).

⁵⁹ Killen 1998, 422. Иную интерпретацию сосудов предлагает Янке, видя в *dī-ra qe-to-ro-we* пифос и др. (Janke 2014, 146–148).

⁶⁰ Vandenabeele, Olivier 1979, 237.

⁶¹ Sherratt 2004, 319–320; Vandenabeele, Olivier 1979, 236–239.

⁶² Однако это прилагательное сохранилось в микенском в других контекстах, не связанных с депасом: в тексте KN K 872 применительно к сосудам другого типа есть определение *ku-gu-so /khrūsōi/ χρυσοῖ* «золотые» (Killen, Bennett 2024, 771), также оно встречается в контексте описания спинки кресла *ku-gu-sa-pi o-pi-ke-ge-me-ni-ja-pi* «с позолоченной спинкой» (Killen, Bennet 2024, 791).

⁶³ Horrocks 1997, 193–194.

Вполне возможно, что термин δέλας восходит к названию ритуального сосуда микенского времени для возлияния или другой формы подношения – функция, с которой ассоциировался di-ра в микенских текстах и которая, в свою очередь, может продолжать еще более древнюю традицию. Наличие разных определений при di-ра в микенских табличках (количество ручек и размер) указывает на то, что уже в микенский период этот термин, по-видимому, был относительно общим по сравнению с другими названиями сосудов⁶⁴.

Отражение микенских реалий мы находим у Гомера в передаче различных функций депаса: кубок для питья (*Il.* III. 295; XVI. 254; XXIII. 196, 219; XXIV. 285; *Od.* III. 41, 63; VII. 137, 184; VIII. 88; XIII. 59; V. 149; X. 315; XVIII. 120, 418; XX. 261; *Od.* XXI. 263), большой сосуд типа кратера (*Il.* VII. 480; XI. 632), а в просодии формулы χρυσεῖον δέλαϊ – черты ахейского слоя эпической традиции.

Литература / References

- Andreev, Yu.V. 2002: *От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н.э.)* [From Eurasia to Europe. Crete and the Aegean World in the Bronze Age and Early Iron Age (III – Early I Millennium BC)]. Saint Petersburg.
- Андреев, Ю.В. *От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н.э.)*. СПб.
- Bartoněk, A. 2003: *Handbuch des mykenischen Griechisch*. Heidelberg.
- Beekes, R.S.P., van Beek, L. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. I–II. Leiden–Boston.
- Benvenist, E. 1995: *Slovar' indoevropeyskikh sotzial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Terms]. Moscow.
- Бенвенист, Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.
- Bilgen, A.N., Kuru, A. 2015: A Group of Depas Amphikypellon from Seyitömer Mound. *Anadolu* 41, 1–23.
- Blanc, A. 2018: *Les adjectifs sigmatiques du grec ancien. Un cas de métamorphisme dérivationnel*. Innsbruck.
- Bruns, G. 1970: *Küchenwesen und Mahlzeiten*. (Archaeologia Homerica. Die Denkmäler und das frühgriechische Epos, Bd. II. Kapitel Q). Göttingen.
- Burkert, W. 1983: *Homo Necans: The Anthropology of Ancient Greek Sacrificial Ritual and Myth*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Burkert, W. 2004: *Grecheskaya religiya: arkhaika i klassika* [Greek Religion: Archaic and Classic]. Saint Petersburg.
- Буркерт, В. *Греческая религия: архаика и классика*. СПб.
- Chantraine, P. 1958: *Grammaire Homérique. Phonétique et morphologie*. T. 1. Paris.
- Chantraine, P. 1968: *La formation des noms en grec ancien*. Paris.
- Danek, G. 2011: *Epos i tsitaty: izuchaya istochniki Odissei* [Epic and Quotes: Exploring the Sources of the Odyssey]. Pt. 1. Moscow.
- Данек, Г. *Эпос и цитаты: изучая источники Одиссеи*. Ч. 1. М.
- Dmitrieva, S.I. 2016: [On the Semantics and Etymology of Greek δειδόμομαι]. *Indoevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 20, 228–238.
- Дмитриева, С.И. К семантике и этимологии греч. δειδόμομαι. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 20, 228–238.
- Duhoux, Y., Morpurgo Davies, A. 2008: *A Companion to Linear B. Mycenaean Greek Texts and Their World*. Vol. I. Paris–Dudley.
- Faraone, Ch. 1996: Taking the ‘Nestor’s Cup Inscription’ Seriously: Erotic Magic and Conditional Curses in the Earliest Inscribed Hexameters. *Classical Antiquity* 15/1, 77–112.

⁶⁴ Sherratt 2004, 320.

- Fayer, V.V. 2015: *Grecheskiy gekzamet: metrika i fonetika* [Greek Hexameter: Metrics and Phonetics]. Moscow.
- Файер, В.В. *Греческий гекзаметр: метрика и фонетика*. М.
- Gaunt, J. 2017: Nestor's Cup and Its Reception. In: N. Slater (ed.), *Voice and Voices in Antiquity. Orality and Literacy in the Ancient World*. Vol. XI. Leiden–Boston, 92–120.
- Gulizio, J. 2008: Mycenaean Religion at Knossos. In: A. Sacconi, M. Del Freo, L. Godart, M. Negro (eds.), *Colloquio Romanum: Atti del XII colloquio internazionale di micenologia, Roma, 20–25 febbraio 2006*. (Pasiphae, II). Pisa–Rome, 351–358.
- Hainsworth, B. 1993: *The Iliad: A Commentary*. Vol. III. Books 9–12. Cambridge.
- Hajnal, I. 1995: *Studien zum mykenischen Kasussystem*. Berlin–Boston.
- Hampe, R. 1967: *Kult der Winde in Athen und Kreta*. Heidelberg.
- Hanell, K. 1937: Trankopfer. In: *RE*. Bd. VI A/2, 2131–2137.
- Haug, D. 2002: *Les phases de l'évolution de la langue épique: trois études de la linguistique homérique*. Göttingen.
- Hoekstra, A. 1981: *Epic Verse Before Homer: Three Studies*. Amsterdam.
- Horrocks, G. 1997: Homer's Dialect. In: I. Morris, B. Powell (eds.), *A New Companion to Homer*. Leiden–Boston, 191–217.
- Janke, R.V. 2014: An Archaeologist's Translation of Pylos Tablet TA 641–1952 (Ventriss), with an Introduction to Supersyllabograms in the Vessels & Pottery Sector in Mycenaean Linear B. *Archaeology and Science* 10, 133–161.
- Jones, D.W. 1999: *Peak Sanctuaries and Sacred Caves in Minoan Crete*. Stockholm.
- Kazanskene, V.P., Kazansky, N.N. 1986: *Predmetno-ponyatiynny slovar' grecheskogo yazyka: krito-mikenskiy period* [The Subject-conceptual Dictionary of the Greek Language: The Cretan and Mycenaean Periods]. Leningrad.
- Казанскене, В.П., Казанский, Н.Н. *Предметно-понятийный словарь греческого языка: крито-микенский период*. Л.
- Kazansky, N.N. 2005: [Koine before koine (about the Language of the Selinunte Law of Purification)]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 9, 108–110.
- Казанский, Н.Н. Койне до койне (о языке Селинунтского закона об очищениях). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 9, 108–110.
- Kazansky, N.N. 2008: 'Linguistic Thought' of Mycenaean Scribes. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* 4/1, 37–63.
- Kazansky, N.N. 2021: [Sanctuaries of Boeotia in the Mycenaean Period. Interpreting the Text TH Av 104+191]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 81/1, 23–51.
- Казанский, Н.Н. Фиванские святилища микенского времени. К интерпретации текста TH Av 104+191. *ВДИ* 81/1, 23–51.
- Killen, J.T. 1998: The Pylos Ta Tablets Revisited. *Bulletin de correspondance hellénique* 122/2, 421–422.
- Killen, J., Bennett, J. 2024: Finished Products I: Vessels and Furniture. In: J. Killen (ed.), *The New Documents in Mycenaean Greek*. Vol. II. *Selected Tablets, Transcription, Translation, Commentary, Endmatter*. Cambridge.
- Kirk, G.S. 1985: *The Iliad: A Commentary*. Vol. I. Books 1–4. Cambridge.
- Kloekhorst, A. 2008: *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden–Boston.
- Kullmann, W. 1995: Homers Zeit und das Bild des Dichters von den Menschen der mykenischen Kultur. In: Ø. Andersen, M. Dickie (eds.), *Homer's World. Fiction, Tradition, Reality*. (Papers from the Norwegian Institute at Athens, 3). Bergen, 57–75.
- Kullmann, W. 2001: Review of Latacz 2001. *Gnomon* 73, 648–663.
- Lorimer, H.L. 1950: *Homer and the Monuments*. London.
- Maslov, B. 2011: The Metrical Evidence for Pre-Mycenaean Hexameter Epic Reconsidered. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 15, 376–389.
- De Lamberterie, Ch. 2009: En hommage à Michel Lejeune: Mycénien o-wo-we et le nom de l'«oreille» en grec. In: Fr. Biville, I. Boehm (eds.), *Autour de M. Lejeune. Actes des Journée d'études organisées à l'Université Lumière Lyon 2. Maison de l'Orient et de la Méditerranée, 2–3 février 2006*. Lyon, 79–116.
- Nagy, G. 2004: *Homer's Text and Language*. Urbana–Chicago.

- Naiden, F.S. 2020: Offerings in Homer. In: C.O. Pache, C. Due, S. Lupack, R. Lamberton (eds.), *The Cambridge Guide to Homer*. Cambridge, 365–368.
- Negri, M. 1991: Linee d'innovazione e aree di conservazione nel greco di età micenea. In: V. Orioles (ed.), *Innovazione e conservazione nelle lingue. Atti dei Convegno della Società Italiana di Glottologia (Messina, 9–11 novembre 1989)*. Pisa, 35–88.
- Nilsson, M.P. 1950: *The Minoan-Mycenaean Religion and Its Survival in Greek Religion*. 2nd ed. Lund.
- Palaima, T.G. 2000: The Pylos Ta Series: From Michael Ventris to the New Millennium. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 44, 236–237.
- Parker, R. 1996: *Athenian Religion: A History*. Oxford.
- Reece, S. 1993: *The Stranger's Welcome. Oral Theory and the Aesthetics of the Homeric Hospitality Scene*. Ann Arbor.
- Risch, E. 1974: *Wortbildung der homerischen Sprache*. 2. Aufl. Berlin–New York.
- Rix, H. 1992: *Historische Grammatik des Griechischen: Laut- und Formenlehre*. 2. Aufl. Darmstadt.
- Ruijgh, C.J. 1991. *Scripta minora ad linguam Graecam pertinentia*. Amsterdam.
- Ruijgh, C.J. 1995: D'Homère aux origines proto-mycéniennes de la tradition épique. Analyse dialectologique du langage homérique, avec un excursus sur la création de l'alphabet grec. In: J.P. Crielaard (ed.), *Homeric Questions. Essays in Philology, Ancient History and Archaeology*. Amsterdam, 1–96.
- Ruipérez, M.S., Melena, J.L. 1990: *Los griegos micénicos*. Madrid.
- Sakellariou, A. 1964: *Die minoischen und mykenischen Siegel des Nationalmuseums in Athen*. (Corpus der minoischen und mykenischen Siegel, I). Berlin.
- Sharypkin, S.Ya. 1989: [About the Most Ancient Stage of the Evolution of the Ancient Greek Case System]. In: N.I. Gadzhieva (ed.), *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semey [Comparative Historical Study of Languages of Different Families]*. Moscow, 84–103.
- Шарыпкин, С.Я. О древнейшем этапе эволюции древнегреческой падежной системы. В сб.: Н.И. Гаджиева (отв. ред.), *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей*. М., 84–103.
- Sherratt, S. 2004: Feasting in Homeric Epic. *Hesperia: Journal of the American School of Classical Studies at Athens* 73/2, 301–337.
- Thompson, R. 2002: Special vs. Normal Mycenaean Revisited. *Minos: Revista de filología egea* 37–38, 337–370.
- Tischler, J. 1991: *Hethitisches etymologisches Glossar*. Teil III/8. Innsbruck.
- Vandenabeele, F., Olivier, J.-P. 1979: *Les idéogrammes archéologiques du linéaire B*. Paris.
- Varias García, C. 2008: Observations on the Mycenaean Vocabulary of Furniture and Vessels. In: A. Sacconi, M. Del Freo, L. Godart, M. Negro (eds.), *Colloquio Romanum: Atti del XII Colloquio internazionale di micenologia. Roma. 20–25 febbraio 2006* (Pasiphae, II). Pisa–Roma, 775–793.
- Ventris, M., Chadwick, J. 1973: *Documents in Mycenaean Greek*. 2nd ed. Cambridge.
- Wathelet, P. 1962: Mycénien et grec d'Homère. *L'antiquité classique* 31/1–2, 5–14.
- Watkins, C. 1979: Observations on the 'Nestor's Cup' Inscription. *Harvard Studies in Classical Philology* 80, 25–40.
- West, M.L. 1973: Greek Poetry 2000–700 B.C. *Classical Quarterly* 23/2, 179–192.
- West, M.L. 1988: The Rise of the Greek Epic. *Journal of Hellenic Studies* 108, 151–172.
- Wright, J.C. 2004: A Survey of Evidence for Feasting in Mycenaean Society. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens* 73/2, 133–178.
- Zaytsev, A.I. 1987: [Lexico-stylistic Features of the Inscription on the 'Nestor Cup' from Pithecus]. *Philologia Classica* 3, 59–65.
- Зайцев, А.И. Лексико-стилистические особенности надписи на «Кубке Нестора» из Питекус. *Philologia Classica* 3, 59–65.
- Zaytsev, A.I. 1994: *Formirovanie drevnegrecheskogo gekzametra [Formation of the Ancient Greek Hexameter]*. Saint Petersburg.
- Зайцев, А.И. *Формирование древнегреческого гекзаметра*. СПб.

DOI: 10.31857/S0321039124040044

ГРАФФИТИ И ДИПИНТИ ИЗ РАСКОПОК

Е.И. ЛЕВИ И А.Н. КАРАСЕВА

6. Частновладельческие граффити

А. П. Бехтер¹, Ю. И. Ильина²

¹Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

²Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

¹E-mail: anabekhter@gmail.com

²E-mail: iouliailiyina@gmail.com

¹ORCID: 0000-0002-1743-5057

²ORCID: 0009-0002-0070-6612

В статье публикуется 12 частновладельческих граффити, происходящих из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева на территории Ольвии. Все надписи, представляющие собой личные имена, написанные полностью или в сокращении, кроме № 1, нанесены на чернолаковые аттические сосуды. № 1: Ἀγέρ[ωχος/ῶ? e.g.] ретроградно (стенка амфоры с отверстием (рыболовное грузило?), рубеж VI–V вв. до н.э.); № 2: Ἀγέλεω εἰμί (килик, 460–450 гг. до н.э.); № 3: Παίδισκης (килик, 460–450 гг. до н.э.); № 4: Μοι(ραγόρος? e.g.) / Μοι(ραγόρῶ? e.g.) (килик, 480–450 гг. до н.э.); № 5: Γλαυκ[---] (килик, 470–465 гг. до н.э.); № 6: Μολ(παγόρῶ? e.g.) (килик, 500–480 гг. до н.э.); № 7: Σό(λωνος?) (скифос, 470–460 гг. до н.э.); № 8: Μίχης (скифос, 350–330 гг. до н.э.); № 9: Ἐρμοφάντου (солонка, ок. 350 г. до н.э.); № 10: Ἀγ[τ]ιφ[ῶν?] / Ἀγ[τ]ιφ[ῶν(τος)?] (солонка, 350–325 г. до н.э.); № 11: Νιχ[---] (солонка, 375–350 гг. до н.э.); № 12: Διο[---] (канфар, 350–325 гг. до н.э.).

Ключевые слова: греческая эпиграфика, греческая ономастика, Ольвия, Ольвийская агора, частновладельческие граффити, Е.И. Леви, А.Н. Карасев

GRAFFITI AND DIPINTI FROM THE EXCAVATIONS OF E.I. LEVI AND A.N. KARASEV

6. Private Ownership Graffiti

Anastasiya P. Bekhter¹, Yuliya I. Il'ina²

¹Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

²The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia

¹E-mail: anabekhter@gmail.com

²E-mail: iouliailiyina@gmail.com

Данные об авторах. Анастасия Петровна Бехтер – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН; Юлия Ивановна Ильина – старший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа.

Предшествующие публикации с описанием истории коллекции: Bekhter, Il'ina 2020; Bekhter 2019; 2023a.

The article publishes 12 privately owned graffiti from the excavations of E.I. Levi and A.N. Karasev on the territory of Olbia. All inscriptions representing personal names, written in full or in abbreviations, except no. 1, are applied to blackglazed attic vessels. No. 1: Ἀγέρ[ωχος/ῶ? e.g.] retrograde (amphora fragment with hole (fishing sinker?), the turn of VI–V centuries BC). No. 2: Ἀγέλεω εἰμί (kylix, 460–450 BC). No. 3: Παιδίσκη (kylix, 460–450 BC). No. 4: Μου(ραγόροσ? e.g.) / Μου(ραγόροῶ? e.g.) (kylix, 480–450 BC). No. 5: Γλαυκ[---] (kylix, 470–465 BC). No. 6: Μολ(παγόροῶ? e.g.) (kylix, 500–480 BC). No. 7: Σό(λωνος ?) (skyphos, 470–460 BC). No. 8: Μίχης (skyphos, 350–330 BC). No. 9: Ἐρμοφάντου (saltcellar, ca. 350 BC). No. 10: Ἀγ[τ]ιφ[ῶν?] / Ἀγ[τ]ιφ[ῶν(τος)?] (saltcellar, 350–325 BC). No. 11: Νιχ[---] (saltcellar, 375–350 BC). No. 12: Διο[---] (kanpharos, 350–325 BC).

Keywords: Greek epigraphy, Greek onomastic, Olbia, Olbian agora, private owners graffiti, E.I. Levi, A.N. Karasev

Статья продолжает публикацию граффити с Ольвийской агоры, найденных в 1960–1970-е годы.

Метки собственности, представляющие собой процарапанные на сосудах имена владельцев полностью или, чаще, в сокращении, – один из наиболее часто встречающихся типов граффити. Не являются исключением и материалы Ольвийской агоры, откуда мы отобрали надписи, которые, несомненно, могут быть отнесены к этому жанру. Большая часть граффити нанесена на чернолаковые аттические сосуды, лишь одна надпись вырезана на фрагменте стенки тонкостенной амфоры. Чернолаковая керамика хронологически распадается на две группы: одна из них датируется первой половиной – серединой V в. до н. э., другая – второй половиной IV в. до н. э. Амфорный фрагмент может быть отнесен к более раннему времени – VI в. до н. э.

Публикуемые граффити не образуют локальных групп, которые можно привязать к какому-либо археологическому комплексу. Тем не менее, обобщенную характеристику все же дать можно. Шесть из представляемых объектов были найдены на участке E 8, четыре из них происходят из засыпи котлована, связываемого с проведением масштабных земляных работ при создании колодца V в. до н. э., потребовавших глубокой выемки материка (№ 4, 7, 8, 11). В засыпи выделяется два периода: VI–V вв. до н. э. и IV в. до н. э., когда после просадки грунта котлован был засыпан вторично¹. Перечисленные фрагменты происходят из всех слоев засыпи, включая пограничную прослойку, содержащую мешаный материал. Пять из представляемых объектов были найдены на участке E3. К древнейшему периоду функционирования агоры принадлежит № 1, найденный в заполнении большого архаического здания, предположительно существовавшего во второй половине VI в. до н. э. Три фрагмента происходят из кв. 388, где в эллинистический период функционировало здание дикастерия: № 3 и № 5 связаны с подвальными помещениями, которые были впущены в лиственный слой, насыщенный керамикой VI–IV вв. до н. э., близкий по составу к слою первого периода засыпки котлована. Таким образом, большая часть граффити связана с этапами

¹ Karasev, Levi 1975, 20.

перестройки агоры: керамические фрагменты перемещались в составе засыпки котлована и строительного мусора.

Ввиду типологической разнородности сосудов и отсутствия общности археологического контекста, наиболее информативным и перспективным для формирования исторических выводов оказывается хронологический критерий, который и лег в основу приведенного ниже каталога.

VI в. ДО Н.Э.

№ 1. Пол. № О-71.2679 (рис. 1). Участок ЕЗ, кв. 3666 у восточного борта, на месте выборки кладки № 1. «Материал... относится ко второй половине VI – рубежу V в. до н.э.»².

Стенка тарной амфоры, декорированная почти стершейся росписью красной краской: видно два широких пояска и между ними узкий поясок в цвете глины. В верхней части черепка имеется круглое отверстие. Высота 7,0 см, ширина 5,5 см, толщина 0,7 см.

Глина, из которой был сделан сосуд: красно-коричневая, рыхлая, с небольшим количеством слюды – позволяет определить амфору как клазоменскую. Незначительная толщина стенок и широкие пояски лакообразной краски указывают на то, что обломок представляет собой фрагмент плечика. Декор в виде двух широких поясков типичен для клазоменских амфор, производившихся в VI и самом начале V в. до н.э.³

Форма и размер отверстия не позволяют видеть в нем след от починки: оно было высверлено намеренно, с целью подвешивания остракона. Стенки тарных амфор нередко использовались для изготовления рыболовных грузил, для Северного Причерноморья такой вариант вторичного использования амфорной тары достаточно типичен. Среди находящихся на хранении в Государственном Эрмитаже материалов из раскопок в Ольвии Б.В. Фармаковского есть несколько рыболовных грузил, изготовленных из стенок ионийских амфор (инв. № ОГ.1907–705, ОГ.1907–706, ОГ.1907–707, ОГ.1907–708, ОГ.1911–358). Все они имеют широкие круглые отверстия, однако выглядят гораздо более массивными, чем публикуемый фрагмент, так как изготовлены из придонных, более толстых, частей амфоры. Легкость и тонкость нашего фрагмента заставляют усомниться в том, что он мог использоваться как грузило; возможно, фрагмент представлял собой подобие бирки (в пользу этого может свидетельствовать и надпись).

Рис. 1. Пол. № О-71.2679.
Фото: Ю.И. Ильина

² Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1971 г.* РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1971. Д. 56. С. 26.

³ Sezgin 2012, 70, 313, 324.

В то же время среди эрмитажной коллекции происходящих из Ольвии грузил имеется один предмет, представляющий собой очень близкую аналогию нашему по размеру и толщине (инв. № ОГ.1911–356). Это фрагмент стенки милетской (?) амфоры, наружная и внутренняя поверхности которого были сознательно оббиты, видимо, с целью уменьшения веса, так что толщина стенки даже меньше, чем у публикуемого (0,5–0,6 см).

В нижней части фрагмента, параллельно нижнему сколу, ретроградно процерчено граффито АГЕР.

Высота букв: 0,5–0,7 см. *Альфа* с прямой поперечной гостой. Крайние боковые наклонные *эпсилона* чуть раскрыты. *Ро* с очень большой петлей.

Текст:

Ἀγέρ[ωχος/ῶ? e. g.]

Агер[ох? e. g.] / Агер[оха? e. g.]

Граффито, судя по всему, является частновладельческой меткой, представляя собой сокращение личного имени, однако на территории Ольвии и Северного Причерноморья в целом имена, начинающиеся на Ἀγέρ-, не засвидетельствованы. В *LGPN* зафиксировано всего четыре примера, два из которых относятся уже к византийскому времени и едва ли могут быть привлечены для реконструкции нашей надписи: Ἀγερούχιος (*LGPN* I s. v., Родос) и Ἀγερῶχιος (*LGPN* IIIB s. v., Лариса в Фессалии). Более перспективны зафиксированное в Милете, хотя и в III в. до н. э., Ἀγέρωχος (*LGPN* VB s. v.) и македонское Ἄγερρος (*LGPN* IV s. v., V–IV в. до н. э.).

Ретроградная манера письма и архаичные формы *эпсилона* и *ро* позволяют предположить, что время нанесения граффито близко ко времени производства амфоры (рубеж VI–V в. до н. э.), видимо, сосуд недолго использовался по своему прямому назначению.

V В. ДО Н.Э.

№ 2. Пол. № О-70.2616 (рис. 2; табл. 1, I). Участок Е8, восточная часть кв. 489, углубление в юго-восточной части, глубина 0,4–1,4 м. Археологический контекст: V–IV вв. до н. э. с преобладанием IV в. до н. э. и единичными находками VI в. до н. э.⁴

Донце чернолакового килика, судя по всему, сознательно оббитое по кругу, с целью вторичного использования. D 6,0 см.

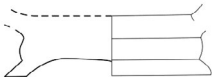
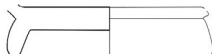

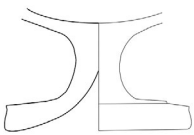

Фрагмент принадлежит килику на кольцевом поддоне без ножки (stemless). Сосуды такого типа появляются после 480 г. до н. э. и продолжают существовать

Рис. 2. Пол. № О-70. 2616.
Фото: Ю.И. Ильина

⁴Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1971 г.* РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1970. Д. 63. С. 41.

Профили сосудов V в. до н.э.

1.		№ 2. О-70.2616
2.		№ 3. О-69.2794
3.		№ 5. Ол-69.2121
4.		№ 6. О-69.3289
5.		№ 7. Ол-73.717+756

до конца столетия, значительно различаясь формой и размерами. Публикуемый фрагмент принадлежит большому килику с прямым краем, представляющему основной тип в этом классе⁵. Ближайшим аналогом нашему образцу среди многочисленных находок на Афинской агоре является килик, датированный 460–450 гг. до н.э.⁶

На внешней стороне донца процарапано граффито ΑΓΕΛΕΩ ΕΙΜΙ. Под надписью прочерчен знак, напоминающий по форме стрелку или примитивное изображение сердечка (возможно, листик плюща?).

Высота букв: 0,4–0,8 см. Буквы традиционных лапидарных очертаний. *Альфа* и *лямбда* с укороченной правой гостой. *Омега* подковообразной формы, правая половина чуть приподнята.

Текст:

Ἀγέλεω εἶμι.

Я (сосуд) Агелая.

Имя Агелай мифологического происхождения, принадлежало одному из женов Пенелопы (Ном. *Od.* XXII. 131). В Ольвии оно зафиксировано впервые и вообще встречается довольно редко. LGPN дает всего два примера: в Милете, 409 г. до н. э., и в Мирине, I в. н. э. (LGPN s. v.); наличие этого имени в Милете, да еще и в относительно раннее время, позволяет предположить, что это редкое ЛИ было принесено в Ольвию из метрополии. Гораздо чаще встречается

⁵ Sparkes, Talcott 1970, 98, 102.

⁶ Sparkes, Talcott 1970, 268, pl. 22, no. 474, fig. 5.

вариант в дорийской огласовке Ἀγέλας — одиннадцать примеров (*LGPN s. v.*), один из которых зафиксирован в Херсонесе (*IOSPE I² 352, 56; 353, 7*; рубеж II—I вв. до н. э.); пик популярности этого имени приходится на период эллинизма. Публикуемое граффито представляет наиболее раннее свидетельство для имени Ἀγέλης.

№ 3. Пол. № О-69.2794 (рис. 3; табл. 1, 2). Участок ЕЗ кв. 388, заполнение подвала 7, глубина 1,05–1,70 м. Археологический контекст: «Материал носил мешаный характер с преобладанием керамики IV в. до н. э. Вместе с тем встречались обломки сосудов V в. до н. э., а также фрагменты III в. до н. э.»⁷.

Дно чернолакового килика на кольцевом поддоне (значительная часть поддона сбита). D ножки 8,5 см.

Килик принадлежит к тому же типу, что и № 2 настоящего каталога: большой килик на кольцевом поддоне с прямым краем. Внешняя сторона донца украшена декоративной росписью в виде трех поясков — одного широкого и двух узких, и точкой в центре, что не вполне типично для киликов этого типа, донья которых обычно декорируются одним или двумя поясками с точкой в центре. Профиль подставки (выпуклая на обеих поверхностях) аналогичен килику с прямым краем с Афинской агоры, который датируется 460–450 гг. до н. э., являясь наиболее ранним образцом этого типа⁸, из которого позднее развились более изящные и тонкостенные варианты, характерные для конца V в. до н. э.⁹

На внешней стороне донца процарапано граффито ΠΑΙΔΙΣΚΗΣ. Высота букв: 0,6 см. *Πι* с укороченной правой гастой. Боковые наклонные *сигмы* раскрыты. Наклонные *каппы* заметно укорочены.

Текст: Παιδίσκες

(Сосуд) Пайдиски.

Текст:

Παιδίσκες

(Сосуд) Пайдиски.

Παιδίσκες в качестве личного имени засвидетельствовано, помимо нашего случая, еще только один раз, — на надгробии из Пирея, датируемом рубежом V–IV вв. до н. э. (*IG II² 12388*). Само слово, согласно *LSJ*, имеет три основных значения: 1) молодая девушка; 2) юная рабыня или служанка; 3) проститутка. Наличие последнего значения, засвидетельствованного, к примеру, у Геродота

Рис. 3. Пол. № О-69.2794.
Фото: Ю.И. Ильина

⁷ Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1969 г.* РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1969. Д. 55. С. 8.

⁸ Sparkes, Talcott 1970, 102, 268, pl. 22, no. 474, fig. 5.

⁹ Sparkes, Talcott 1970, 101.

(Hdt. I. 93), как кажется, исключает возможность принадлежности этого имени приличной женщине. На это же косвенно указывает тот факт, что Пайдиска подписала своим именем сосуд для вина. Ф. Бехтель также помещает Παιδίσχη среди таких женских ЛИ, как Χορηγίς, Κομισή, Πελαιστώ, принадлежавших дамам, чья профессиональная деятельность лежала «за пределами семьи» (ausserhalb der Familie liegenden Beruf)¹⁰ и которые, соответственно, имели низкий социальный статус. Впрочем, и афинская Пайдиска, удостоившаяся мраморного надгробия, и ее ольвийская тезка, владелица дорогого килика, судя по всему, неплохо преуспевали на своем поприще.

№ 4. Пол. № Ол-72.1166 (рис. 4). Участок Е8, кв. 584, 604а, глубина 1,20/1,75–2,25/2,60 м. Археологический контекст: фрагмент происходит из первого слоя засыпи котлована, датируемого VI–V вв. до н. э., хотя в полевом отчете отмечено, что «в юго-восточной части соседнего с юга квадрата 604а наблюдается сильная мешанность как самого грунта, так и находок, среди которых встречается и керамика первых веков н. э.»¹¹.

Донце чернолакового килика. Выступающая часть (поддон) полностью сбитая, видимо, целенаправленно для последующего вторичного использования. D 5,6–5,8 см.

Как и два предыдущих образца, публикуемый фрагмент принадлежит килику без ножки (stemless). Стенки килика толстые, и по их изгибу можно предположить глубокую плоскую чашу, т. е. объект относится к большим киликам, различавшимся формой края: профилированной и прямой¹². Наружная сторона донца декорирована росписью в виде кружка с точкой в центре, типичной для больших киликов с профилированным краем. Среди многочисленных находок на Афинской агоре ближайшие аналогии представляют три килика, два из которых датируются 480–470 гг. до н. э.¹³, а один принадлежит к несколько более позднему периоду: 470–450 гг. до н. э.¹⁴ Таким образом, наш объект можно суммарно датировать второй четвертью V в. до н. э.

На внешней стороне донца процарапано граффито ΜΟΙ.

Высота букв: 0,8 см. *Μ*ю с наклонными боковыми линиями. *Ο*микрон крупный,

Рис. 4. Пол. № О-72.1166.
Фото: Ю.И. Ильина

¹⁰ Bechtel 1902, 67.

¹¹ Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1972 г.* РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1972. Д. 81. С. 13.

¹² Sparkes, Talcott 1970, 101–102.

¹³ Sparkes, Talcott 1970, 470, pl. 22. no. 469, fig. 5.

¹⁴ Sparkes, Talcott 1970, 268, pl. 22, no. 471, fig. 5.

по форме ближе к овалу. Интересная деталь: *μιο* соединена с *ομικροном* наклонной линией, т. е. буквы были написаны в один прием, без отрыва инструмента.

Текст:

Μοι(ραγόρος? e. g.) / Μοι(ραγόρῶ? e. g.)

Мой(рагор? e. g.) / (сосуд) Мой(рагора? e. g.)

За сокращением, вне всякого сомнения, скрывается теофорное имя. Из многочисленных ЛИ, связанных с Мойрами (Μοιραγένης, Μοιρόδωρος, Μοιροφάνης, Μοιροσθένης, etc.), в Ольвии известно только Μοιραγόρης¹⁵ из заклятия на свинцовой пластине V в. до н. э.¹⁶

Скорее всего, сокращения имен этой группы следует видеть в опубликованных А. С. Русяевой граффити первой половины IV в. до н. э. ΜΟΙΡΑ¹⁷ и ΜΟΙΡ¹⁸, хотя нельзя полностью исключить и возможность их интерпретации как посвячительных.

Имена, связанные с мойрами, не имеют какой-либо локальной спецификации, они фиксируются во всех регионах античного мира. Для Северного Причерноморья можно отметить, что ЛИ этого круга более репрезентативно представлены на Боспоре, чем в Ольвии и Херсонесе (см. *LGPN IV*).

№ 5. Пол. № О-69.2121 (рис. 5; табл. 1, 3). Участок ЕЗ, кв. 381, глинистый грунт до глубины 1,60 м вокруг сырцового подвала № 8. Подвал, принадлежавший зданию дикастерия, построенному в эллинистическое время, был впущен в золистый рыхлый слой с материалами VI–V вв. до н. э.¹⁹

Фрагмент ножки чернолакового килика. D ножки 11,0 (восстановлен); высота 3,3 см; ширина 7,0 см.

Фрагмент принадлежит килику типа С, бытовавшего в период 525–480 гг. до н. э. Фрагментарность затрудняет более точное определение типологии

¹⁵ Можно также с известной долей осторожности вычитать Μοίρων в ретроградно написанном граффито середины VI в. до н. э. на донце чернолакового килика, происходящего, предположительно, с некрополя Ольвии: ΜΟΙΡΩΝΟ (Yailenko 1980b, 104, № 182, Табл. IV, 17; *SEG XXX* 958). Сам издатель предложил два варианта прочтения надписи: женское имя Μοιρὼ Νο[---] либо указание на принадлежность сосуда Мойрам: Μοιρῶν ὀ (ποτήριον). Вариант чтения мужского имени Μοίρων был предложен в *LGPN IV*. Известно всего три примера имени Μοίρων, два из которых довольно сомнительны: в рассмотренной выше надписи и в реверсивно прочерченном граффито на чернолаковом килике из некрополя, предположительно, Корокондамы: τοῦ Μοιρωλοῦ или τοῦ Μοιρωνου (Schkorpil 1914, 57, № 179); изображения неизвестны. Единственный пример, убедительно доказывающий само существование этого имени, – [Γρ]ίτυλλος Μοίρωνος из списка жрецов Афины 325/324 г. до н. э., найденного в Камире на Родосе (Segre, Pugliese Carratelli 1952, 164–169, no. 5, I, 10).

¹⁶ Основные издания: Yailenko 1980b, 86–87, № 87, табл. VIII, 1 (прорисовка), рис. 2 (фото); Jordan 1985, 195, no. 171; *IGDOP* 101.

¹⁷ Rusaeva 2010, 166, № 10, табл. 57, 10.

¹⁸ Rusaeva 2010, 144, 183, табл. 51, 19. Издательница читает надпись как ΜΟΙΕ(?), хотя на прорисовке хорошо видна *ρ*.

¹⁹ Карасев, А. Н., Леви, Е. И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1969 г.* РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1969. Д. 55. С. 18–19.

сосуда. Близкие пропорции в профилировке края можно увидеть среди киликов типа *Vicup*. Килики этого типа производились в течение короткого времени (475–460 гг. до н. э.)²⁰ одним мастером или в одной мастерской, главным образом в чернолаковом варианте. Для них характерен плавный переход от вместилища к стволу и вогнутая наружная поверхность основания ножки-подставки, хорошо заметная на нашем фрагменте. Профилировка наружного края подставки придает публикуемому образцу дополнительное изящество.

Рис. 5. Пол. № О-69.2121.

Фото: Ю.И. Ильина

На внешней стороне ножки процарапано граффито ГЛАУК[---].

Высота букв: 0,4–0,5 см. *Альфа* с низко посаженной прямой поперечной гачтой. Верхняя составляющая *ипсилон* по размеру больше вертикали.

Текст:

Γλαυκ[---]

Главк[---] / (сосуд) Главк[---]

Теофорные ЛИ, содержащие элемент *Γλαυκ-*, еще ни разу не были засвидетельствованы в Ольвии, хотя в Северном Причерноморье они известны. Имена этого круга, такие как *Γλαυκία*, *Γλαυκίας*, *Γλαυκίων*, *Γλαῦκος*, хорошо представлены на Боспоре, единичное *Γλαυκίας* засвидетельствовано в Херсонесе (*LGPN IV s. v.*). *Γλαῦκος* является автором нанесенного на донце чернолакового лекифа посвящения Ахиллу, происходящего с Левки²¹. Как и в предыдущем случае, имена этого круга не имеют локальной привязки, будучи распространены на всей территории ойкумены, и их отсутствие до настоящего времени в Ольвии может объясняться чистой случайностью.

²⁰ Sparkes Talcott 1970, 93, 265, no. 434–438.

²¹ Основные публикации с обзором предшествующей литературы: Yailenko 1980a, 84–86, № 3, табл. III, 1–1a; *IGDOP* 98–100, no. 48 (Л. Дюбуа включает посвящение Главка в корпус ольвийских надписей, что совершенно неоправданно: посетители святилища Ахилла, пользовавшегося известностью во всем античном мире, не обязательно должны были быть ольвиополитами). Первые издатели (Н.Н. Мурзакевич, Э.Р. Штерн, И.И. Толстой) не предложили какой-либо датировки; В.П. Яйленко отнес посвящение к началу V в. до н. э., исследователи, обращавшиеся к данному тексту позднее, воспроизводят предложенную им дату. Археологический контекст неизвестен (сосуд «был найден при раскопках в начале 40-х годов минувшего столетия, производившихся по распоряжению Бессарабского военного губернатора П.И. Федорова» (Tolstoy 1918, 12; см. также Yailenko 1980a, 84, прим. 58). Не сохранились также изображения самого лекифа, которые могли бы дать опору для датировки по типу и форме сосуда (как отмечает при публикации В.П. Яйленко, в ОАМ выставлено только основание ножки с надписями, тогда как местонахождение самого лекифа неизвестно). В такой ситуации единственным критерием для датировки служит манера письма, а шрифт выглядит весьма архаичным: особенно показательны *ипсилон* в форме V и *тета* с перекрестьем, что, как кажется, дает возможность относить посвящение Главка к последней четверти VI в. до н. э.

Рис. 6. Пол. № О-69.3289.
Фото: Ю.И. Ильина

№ 6. Пол. № О-69.3289 (рис. 6; табл. 1, 4). Участок ЕЗ, кв. 388ю, сероглинистый слой до верхнего уровня трамбовки, глубина 0,95–1,15. Археологический контекст: V в. до н. э.

Фрагмент ножки и дна чернолакового килика. D ножки 8,0 см; высота 5,0 см.

Килик принадлежит к типу «В»; сосуды этой группы имеют большую и неглубокую чашу на высокой ножке, опирающейся на плоское основание, и горизонтальные ручки. Эта форма возникла в переходный период, когда на смену чернофигурному стилю пришел краснофигурный²². Этот тип был популярен среди расписных изделий, хотя известны и сосуды без росписи,

полностью покрытые лаком. Поскольку от публикуемого килика уцелела только ножка, невозможно определить, был ли он расписным или нет. Образцы позднего VI в. до н. э. – раннего V в. до н. э. являются вариацией киликов типа «С» с высоким стволем ножки²³. Наилучшую аналогию нашему образцу представляет килик из раскопок Афинской агоры, датированный 500–480 гг. до н. э.²⁴

На внешней стороне ножки процарапано граффито МОА. Поверх граффито, в его центральной части, прочерчены несколько вертикальных и горизонтальных линий, не дающих удовлетворительного смысла. Видимо, это попытка продублировать метку небуквенным знаком или, наоборот, уничтожить ее.

Высота букв: 0,7 см (омикрон 0,5). Мю с наклонными боковыми линиями. Омикрон по форме ближе к овалу.

Текст:

Μολ(παγόρῶ? е. г.)

Моль(пагор? е. г.) / (сосуд) Моль(пагора? е. г.)

Надпись, несомненно, представляет собой сокращение ЛИ. Скорее всего, имя владельца сосуда представляло собой дериват от μολλοί, что вполне вписывается в представленную подборку, где присутствуют в основном теофорные и мифологические имена. Существование в Ольвии в V в. до н. э. коллегии мольпов считается вполне общепризнанным фактом²⁵, хотя справедливости ради надо признать, что все свидетельства ее наличия только косвенные: в привлекаемых для доказательства этой гипотезы памятниках лапидарной эпиграфики μολλοί всегда только восстанавливается, оно ни разу

²² Bloesch 1940, 41–110; Sparkes, Talcott 1970, 92.

²³ Sparkes, Talcott 1970, 92.

²⁴ Sparkes, Talcott 1970, 265, no. 432, fig. 4.

²⁵ См., например, Vinogradov 1989, 111–114; Rusyaeva 1992, 193–195; Skrizhinskaya 2010, 47–50.

не засвидетельствовано целиком²⁶. Нельзя также не отметить, что коллегия мольпов не зафиксирована в малой эпиграфике Ольвии, при том что известны граффити, содержащие упоминание коллегии нумениастов²⁷. Из имен, начинающихся на Мол-, в Ольвии засвидетельствовано только Моллϰγόρης на известной надгробной стеле Леокса, сына Мольпагора, начала V в. до н. э.²⁸ Скорее всего, какое-то композитное имя этого круга представлено в стк. 1 процарапанного на венчике чернолакового сосуда первой половины V в. до н. э. граффито, где читается МОЛΠΟ [---]²⁹. Судя по всему, еще одно имя из этой группы представлено в стк. 3 сильно фрагментированного списка имен неясного назначения на чернолаковом венчике конца VI – начала V в. до н. э.: ΜΟΛ[---]³⁰.

ЛИ, содержащие элемент Молл-, имеют ионийское и даже более конкретно милетское происхождение³¹ и могут служить индикатором ионийского происхождения их носителей³². Для Северного Причерноморья, помимо уже упомянутого херсонесского свидетельства (прим. 32), на Боспоре зафиксированы: Моллϰγόρης (1. Кепы, конец VI в. до н. э.³³; 2. Пантикапей (?), 304/3–284/3³⁴; 3. Боспор, рубеж IV–III вв. до н. э.³⁵), Моллᾶς (Пантикапей, первая половина IV в. до н. э.)³⁶ и Молλόθεμς (Нимфей, первая половина V в. до н. э.)³⁷.

²⁶ Остроумное восстановление названия коллегии и должности эсимнета мольпов в НО 55–58 было предложено Ф. Графом (Graf 1974, 209–215), далее эта гипотеза была развита П.О. Карышковским (Karyshkovskiy 1978, 82–88; 1984, 42–51).

²⁷ Rusaeva 2010, 30–32, № 20–24.

²⁸ Основные издания: *IOSPE* Γ 270; *CEGI* 173; *IGDOP* 44; Vinogradov 1991, 499–510 (= PS, 230–241).

²⁹ Rusaeva 2010, 113, № 34, табл. 41, 5; 42, 9. Согласно А.С. Русаевой, «у облома как будто нижний завиток от *сигмы*», однако, судя по фото, уцелевший фрагмент буквы, особенно в сравнении с двумя полностью сохранившимися *сигмами* в стк. 2, напоминает скорее часть окружности (Μολλόθεμς?) или *дельты* неправильной формы. Издательница также не исключает возможности понимания стк. 1 как указания на коллегию мольпов, но восстановление какой-либо формы множественного числа от μολλοι представляется маловероятным. Стк. 2, где отчетливо читается ΑΛΕΩΣΤΕΡΗΣΕΙ, издательница оставила без комментария и какой-либо интерпретации, хотя текст, без сомнения, должен члениться на слова как [---] ἄλω στέρησε, где первое слово представляет собой конечную часть имени на -λης, стоящего в форме генетива, а второе – форму футурума или конъюнктива аориста от глагола στερῆω («лишать, отнимать»): возможно, предостережение потенциальному похитителю чаши или заклятие, нанесенное уже после того, как сосуд был разбит.

³⁰ Rusaeva 2010, 89–90, № 222, табл. 33, 2. Издательница воспроизводит стк. 3 как |ΜΟΙ(?), однако на прорисовке отчетливо видна наклонная галга.

³¹ Согласно LGPN database search, наибольшее количество имен этого круга концентрируется в районе Милета и его округе, а также в Причерноморье – зоне милетской колонизации; наибольшей популярностью подобные ЛИ пользовались в течение VI–IV вв. до н. э.

³² Так, [Μ]ολλᾶς, вырезанное на найденном в Херсонесе остраконе 480–460 гг. до н. э., является неоспоримым аргументом в пользу присутствия в Херсонесе малоазийских ионийцев на самом раннем этапе существования полиса (PS 418, II, 3; Taf. 25. II, 3; *SEG* 40612, 18; Tokhtas'ev 2007, 112–113).

³³ Sokolskiy 1973, 79–91 (*SEG* 41 833, 1).

³⁴ *КБН* 19.

³⁵ *I. Fayoum* III, 193. О возможном тождестве Мольпагоров 2 и 3 см. Vinogradov, Zolotarev 2000, 287–288; Bekhter 2023b, 151–152.

³⁶ *КБН* 210.

³⁷ Sokolova et al. 1999, 329–332, рис. 6 (*SEG* 49 1038).

Относительно небольшое число подобных ЛИ в Ольвии, поддерживавшей весьма тесные связи с метрополией, вызывает некоторое удивление — скорее всего, в процессе обработки хранящихся в ИИМК РАН и Государственном Эрмитаже предметов из раскопок Ольвии 1960—1980-х годов и более раннего времени ольвийский ономастикон будет существенно пополнен.

№ 7. Пол. № Ол-73.717+Ол-73.756 (рис. 7; табл. 1, 5). Участок Е8, кв. 607А-запад, кв. 606А-восток, штык 8, глубина 1,05—1,15 м. Археологический контекст: основной материал датируется IV в. до н. э., но на глубине 1,0—1,10 м наряду с чернолаковой керамикой IV в. до н. э. были найдены килик и красноглиняная чашечка V в. до н. э. На этой же глубине был обнаружен фрагмент чернофигурного килика VI в. до н. э.³⁸ Таким образом, объект был найден в слое на границе двух периодов засыпки котлована.

Фрагмент дна и стенок большого чернолакового скифоса. D 9,8 см.

По профилю кольцевой подставки скифос относится к типу А. Этот тип скифосов появился в первой четверти V в. до н. э. и продолжал существовать во второй четверти того же столетия. Наиболее близкой аналогией из материалов раскопок на Афинской агоре, где хорошо представлены такие сосуды, может быть скифос, который датируется 470—460 гг. до н. э.³⁹

На внешней стороне донца процарапано граффито ΣΟ.

Высота букв: 0,5—1,7 см. Сигма с очень широко раскрытыми боковыми наклонными. Омикрон неправильной формы, по размеру заметно меньше сигмы. Центральная часть донца утрачена. Перед обломом, значительно ниже уровня первых двух букв, видны две перекрещивающиеся линии, образующие угол, явно искусственного происхождения, но вырезанные более твердой рукой. После облома уцелела верхняя часть абсолютно правильной окружности, по размеру и по технике исполнения очень сильно отличающейся от омикрона. Скорее всего, угол и окружность принадлежат к другому, более позднему граффито, вырезанному другой рукой и не подлежащему восстановлению из-за своей фрагментарности (возможно, также владельческая метка, нанесенная лицом, ставшим обладателем сосуда позднее, хотя неясно, почему в таком случае автор не уничтожил граффито с именем предыдущего хозяина).

Текст:

Σό(λωνος?)
Со(лон?) / (сосуд) Сол(она?)

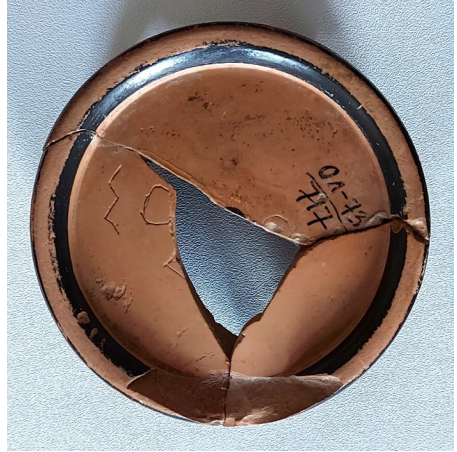

Рис. 7. Пол. № О-73.717+756.
Фото: Ю.И. Ильина

³⁸ Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1973 г.* РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1973. Д. 143. С. 24—25.

³⁹ Sparkes, Talcott 1970, 259, pl. 16, no. 342, fig. 4.

Учитывая раннюю дату надписи и очень чистую греческую ономастику, характерную для всех граффити публикуемой коллекции, есть все основания полагать, что рассматриваемое сокращение также принадлежит ЛИ греческого происхождения. Однако имена, начинающиеся на Σο-, в большинстве своем варварские; из греческих же мы располагаем лишь Σόλων и немногочисленными производными от основы σοφ-, которые появляются только в эллинистическое время⁴⁰. Нельзя исключить возможность использования не-ионийского алфавита, в случае чего Σο- могло бы быть интерпретировано как Σω-, предоставляющее гораздо бóльшие возможности в поиске подходящих имен. Население Ольвии начиная с первого этапа колонизации было довольно однородным, но ряд материалов указывает на присутствие в период VI–V вв. до н. э. носителей алфавитов, отличных от восточно-ионийского⁴¹. Достаточно веских оснований для принятия этой гипотезы в качестве основной нет, мы считаем нужным лишь указать на некоторую вероятность такого прочтения, в качестве основного чтения принимая все же использование автором граффито восточно-ионийского алфавита с различными графемами для долгого и краткого ο.

Появление имени Солон в Ольвии V в. до н. э. довольно неожиданно: оно совершенно нетипично для малоазийской Ионии. LGPN database search дает довольно внушительное число носителей этого имени для Карики (48), но самое раннее свидетельство датируется III–II вв. до н. э., причем в Милете ЛИ зафиксировано всего два раза и уже в римское время. Вообще пик популярности имени Σόλων приходится на первые века нашей эры, для VI–IV вв. до н. э. примеры единичны.

В то же время в происходящем из Ольвии свинцовом заклитии, относимом издателями к середине IV в. до н. э., присутствует Σόλων Σοκράτης⁴². Помимо этого имя Σόλων, как кажется, засвидетельствовано в Пантикапее на черепичном клейме IV в. до н. э.: Σόλω(ν)⁴³; а в Ольвии дважды зафиксировано сокращение ΣΟΛ на донцах чернолаковых сосудов⁴⁴. Эти данные косвенным образом подкрепляют наше восстановление, хотя из всех прочтений в данной подборке оно остается наиболее спорным.

IV В. ДО Н. Э.

№ 8. Пол. № Ол-73.683 (рис. 8; табл. 2, 1). Участок E8, кв. 606А-з, штык 8, слой сероглинистый, золистый, глубина 0,9–1,00 м. Археологический контекст:

⁴⁰ Для Северного Причерноморья известно только Σοφοκλῆς (КБН 576: Пантикапей, вторая половина I в. н. э. – первая половина II в. н. э.).

⁴¹ Rusaeva 2010, 37–39, № 34 с лит., табл. 6, 6 (Χοάνθας ἔδοξε); 52, № 16 со ссылками на литературу; табл. 11, 6 (Σαίτυλος Ἀπόλλωνι); № 19 со ссылками на литературу; табл. 11, 7 ([ἀν]έθεξε τ' ὀλόλλον[ι]); 52–53, № 35 со ссылками на литературу; табл. 16, 6 (τ' ὀλόλλον[ι]); к интерпретации: Tokhtas'ev 2000, 133–134; Bekhter, P'ina 2024; возможно, также Yailenko 1983, 95–96, № 105.

⁴² Dana et al. 2022, 83–92.

⁴³ Gaydukevich 1935, 312, no. 80; Fedoseev 2012, 80, no. 2399–2403 (360–350 гг. до н. э.); Sarygin 2020, 300, табл. VII, 24 (конец 350-х – 330-е годы до н. э., о датировке см. с. 153–158).

⁴⁴ Rusaeva 2010, 145, no. 185, табл. 52, 1 (ранний эллинизм); Yailenko 1980b, 105, no. 193 (V–IV в. до н. э.).

Рис. 8. Пол. № О-73.683.
Фото: Ю.И. Ильина

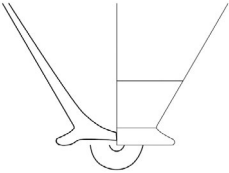
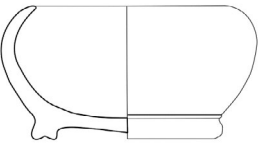
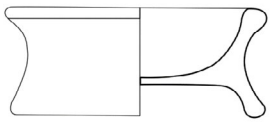

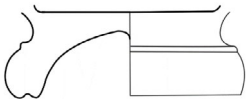
фрагмент происходит из засыпи глубокого котлована, связываемого с проведением масштабных земельных работ в V в. до н. э. С указанной глубины «начинаются обильные вкрапления материала более раннего, чем IV в. до н. э., видимо, принадлежавшего к первому периоду засыпки котлована»⁴⁵, т. е. объект был найден на границе двух слоев.

Нижняя часть скифоса с сетчатым орнаментом. Д дна 4,2 см; высота 5,0 см.

Этот фрагмент относится к типу коринфских скифосов, различающихся по виду росписи. Наш сосуд по форме и росписи

Таблица 2

Профили сосудов IV в. до н.э.

1.		№ 8. Ол-73.683
2.		№ 9. Без пол. №.
3.		№ 10. Ол-72-756
4.		№ 11. Ол-73.603
5.		№ 12. О-70.2347

⁴⁵ Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1973 г.* РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1973. Д. 143. С. 27.

нижней части тулова относится к скифосам IV в. до н. э.⁴⁶ Среди находок на Афинской агоре наилучшую аналогию представляет группа из четырех небольших тонкостенных скифосов второй половины IV в. до н. э., из которых наиболее близкий к нашему датируется 350–330 гг. до н. э.⁴⁷

На внешней стороне донца вырезано граффито ΜΙΚΗΣ.

Высота букв: 0,2–0,8 см. Буквы сильно различаются по размеру. Боковые линии *μ*о наклонны. Боковые наклонные *σ*игмы раскрыты. Наклонные *κ*апты немного укорочены. *Ἔ*та значительно крупнее прочих букв, с сильно смещенной вверх перекладной.

Текст:

Μίης
(Сосуд) Мики.

ЛИ Μίη входит в весьма обширную группу имен, производных от *μικρός*/*μικρός*⁴⁸; в различных вариациях (с экспрессивной геминацией и simplex) начинающая с конца VII в. до н. э. и вплоть до III в. н. э. они фиксируются во всех областях античного мира. В Северном Причерноморье Μίη засвидетельствовано в Ольвии⁴⁹ и на Березани⁵⁰. На Боспоре ЛИ известно в Мирмекии⁵¹. В Херсонесе, возможно, присутствует в форме Μίκα⁵².

⁴⁶ Sparkes, Talcott 1970, 83.

⁴⁷ Sparkes, Talcott 1970, 258, pl.15, no. 326.

⁴⁸ См. обзор в Bechtel 1917, 485–486.

⁴⁹ Μίη на донце чернолакового сосуда, Западный теменос, V в. до н. э. (Rusyaeva 2010, 80–81, no. 162, табл. 29, 13).

⁵⁰ [πυξί]ς? Μίης εἰμί на крышке ионийского сосуда, конец VI в. до н. э. (Yailenko 1980a, 94, no. 28, табл. II, 24). Буквально напрашивающееся дополнение *πυξίς* предложено Л. Дюбуа (IGDOP 32). В LGPN IV в качестве свидетельства имени Μίκα на Березани опрочетливо включено граффито на стенке чернолакового сосуда V в. до н. э. (Yailenko 1982, № 178). Издатель предложил в качестве возможного восстановления Μίκα[ι], хотя, с учетом того, что на Березани ожидаема скорее ионийская форма имени Μίη, предпочтительнее выглядят другие варианты. Можно предположить восстановление таких имен как Μίκας, Μικαλίων, Μικαλίη, etc. (в Северном Причерноморье большинство подобных ЛИ засвидетельствовано для более позднего времени, но геминированная форма Μικαλίων присутствует на фанагорийском надгробии, видимо, первой половины IV в. до н. э. (Belova 1977, 105–106, № 1, рис. 1); предложенная Н.С. Беловой датировка стелы концом V в. до н. э. представляется слишком ранней). Также возможна и иная разбивка текста: [--- εἰ]μί Κα[----]/Κη[----].

⁵¹ ΜΙΚΗΣ на донце чернолаковой аттической чашечки (Пол. № М.83–11) и ΜΙΚΗ[Σ?] на ножке чернолаковой чаши (Пол. № М.83–12), найденные в непосредственной близости друг от друга и, с большой долей вероятности, нанесенные одной рукой (*vidi*), могут быть датированы началом V в. до н. э. Оба граффита не опубликованы, но были представлены С.Р. Тохтасьевым в качестве свидетельств имени Μίη и однокоренных с ним на Боспоре (Vinogradov, Tokhtas'ev 1998, 31–32; SEG 48 1006). С.Р. Тохтасьев отметил также, что ΜΙΚΗΣ может быть интерпретировано как номинатив мужского имени Μικίης. Такой вариант, действительно, нельзя совсем исключить, однако, учитывая отсутствие свидетельств для такого имени и, напротив, достаточную распространенность Μίη/Μίκα, предпочтительнее оказывается чтение здесь женского ЛИ в генетиве.

⁵² ΜΙΚΑ на донце чернолакового килика (ΓΑΧ 1223); сосуд утрачен, изображений не сохранилось, вследствие чего датировка невозможна. Может также представлять собой сокращение более длинного имени наподобие Μικαλίων.

Имя это сильно контрастирует с представленными в данной подборке «благородными»: теофорными и мифологическими – именами мужчин, что позволяет предположить, что Μίση в данном случае могло являться прозвищем, и «малышка» подвизалась на том же поприще, что и «девчонка» (см. килик Пайдиски, № 3 настоящего каталога)⁵³.

№ 9. Без полевого номера (рис. 9; табл. 2, 2). Полевой номер безнадежно поврежден, нельзя уверенно восстановить даже год находки. Описания находок в полевой описи слишком малоинформативны для того, чтобы на их основании можно было восстановить утраченные данные; изучение фотоальбомов Ольвийской экспедиции также не дало результатов: соответствующих изображений найдено не было. Строить предположения о происхождении сосуда можно только на основании его принадлежности к выборке ольвийских материалов, переданной Ю.Г. Виноградову, т. е. предмет происходит из раскопок Ольвийской агоры в период с 1960 по 1974 г.

Рис. 9. Без пол. №. Фото: Ю.И. Ильина

Археологически целая чернолаковая солонка. D донца 5,5 см; высота 4,0 см. Объект относится к типу солонки на ножках. Солонки этого типа изготавливались на протяжении V–IV вв. до н. э.⁵⁴ Наш образец отличается врезанным кольцом на поверхности подставки, что встречается крайне редко. Ближайшая аналогия среди материалов Афинской агоры датируется временем около 350 г. до н. э.⁵⁵, однако наша солонка имеет более тонкие стенки.

На внешней стороне донца процарапано граффито ΕΡΜΟΦΑΝΤΟΥ.

Высота букв: 0,2–0,6 см. *Омикрон* по размеру меньше прочих букв. Правая гаста *ню* приподнята.

Текст:

Ἐρμόφαντου

(Сосуд) Гермофанта.

Имя Ἐρμόφαντος в Ольвии, и шире, в Северном Причерноморье, засвидетельствовано впервые. Вообще теофорные ЛИ, образованные от имени Гермеса, были в Ольвии малопопулярны: *LGPN IV* дает всего пять свидетельств, причем три из них относятся к римскому времени. Впрочем, в своде ольвийских граффити А.С. Русяевой представлены три граффито ΕΡΜ (два на венчике, одно на донце; IV в. до н. э.) и одно ΕΡ (на венчике, V в. до н. э.)⁵⁶,

⁵³ В.П. Яйленко полагает, что и березанская Мика, скорее всего, была гетерой, а расписная шкатулка с ее именем была подарком поклонника (Yailenko 1980a, 94).

⁵⁴ Sparkes, Talcott 1970, 137.

⁵⁵ Sparkes, Talcott 1970, 302, no. 946, fig. 9.

⁵⁶ Rusyaeva 2010, 112, № 27–30, табл. 42, 1–4.

происходящие из разных слоев участков Е-6 и Е-7; по крайней мере, некоторые из них могут представлять собой сокращения теофорных имен. Имена с элементом *Ерμ- не имеют каких-либо локальных привязок, однако следует все же отметить популярность имени Гермофант в Милете в период V–III вв. до н. э. (двенадцать примеров согласно LGPN database search).

Судя по орфографии (генетив на -ου), надпись была нанесена не ранее середины IV в. до н. э.⁵⁷ На Боспоре прогрессивная форма генетива фиксируется уже в надписях конца эпохи Левкона I, т. е. граффито было нанесено не ранее 70–60-х годов IV в. до н. э. (условная середина правления Левкона)⁵⁸, что вполне согласуется с типом сосуда и палеографией.

№ 10. Пол. № Ол-72.756 (рис. 10; табл. 2, 3). Участок ЕЗ, кв. 572, от глубины 0,5 м до глубины 0,8 м. Археологический контекст: мешаный слой, содержащий материал самого разного времени.

Археологически целая чернолаковая солонка, склеена из двух фрагментов. D 5,0 см, высота 2,5 см.

Объект относится к типу солонок с вогнутыми стенками. Вместителище имеет округлую форму; край округлый. Вся покрыта лаком. Солонки этого типа были очень популярны и в целом относятся к IV в. до н. э.⁵⁹ Среди материалов афинской агоры имеется солонка, полностью аналогичная публикуемой, которая датируется 350–325 гг. до н. э.⁶⁰ Следует отметить значительное число солонок этого типа, происходящих из раскопок Б.В. Фармаковского в Ольвии⁶¹.

Рис. 10. Пол. № О-72.756. Фото: Ю.И. Ильина

На внешней стороне донца прочерчено граффито ΑΝ[.]ΙΦ[---].

Высота букв: 0,7 см. Охарактеризовать манеру письма затруднительно из-за сильной поврежденности надписи, уцелевшие буквы имеют классическую лапидарную форму: *альфа* с прямой поперечной гостой, округлая части *фи* по форме ближе к овалу.

Текст:

Αυ[τ]ιφ[ῶν?] / Αυ[τ]ιφ[ῶν(τος)?]
 Αη[τ]ιφ[οντ?] / (Сосуд) Αη[τ]ιφ[он(τα)?]

⁵⁷ Об эволюции написания ложного дифтонга *ō* см. Threatte 1980, § 13.02–13.03.

⁵⁸ См. подробнее Yailenko 2010, 23–25; Bekhter 2023b, 32–34.

⁵⁹ Sparkes, Talcott 1970, 136.

⁶⁰ Sparkes, Talcott 1970, 302, pl. 34, no. 937, fig. 9.

⁶¹ Материалы по большей части не опубликованы, из опубликованных можно указать только одну чернолаковую солонку с граффито X (инв. номер О.1902–213), найденную в 1902 г. в комплексе вещей из погребения 141, которое Б.В. Фармаковский датировал V–IV вв. до н. э. (Farmakovskiy 1906, 150).

В данном случае, несомненно, должно восстанавливаться ЛИ, начинающееся с Ἀντίφ-. В Ольвии из подходящих известно только Ἀντίφῶν (*LGPN IV s. v.*; все свидетельства очень поздние, не ранее I в. до н. э.), которое мы и помещаем в качестве основного варианта, хотя не исключены и другие возможности: Ἀντίφάνης, Ἀντίφιλος etc.⁶² Весьма вероятно, что ЛИ было написано в сокращении.

№ 11. Пол. № Ол-73.603 (рис. 11; табл. 2, 4). Участок Е8, западная часть кв. 606А, сероглинистый золистый слой, на глубине 0,65–0,75 м. Археологический контекст: материал в основном IV в. до н. э., относящийся ко второму периоду засыпки котлована, но с вкраплениями более ранних керамических фрагментов⁶³.

Фрагмент края чернолаковой солонки. D неопределим, высота 1,5 см, ширина 5,0 см.

Типичный образец широко распространенных небольших чернолаковых солонок, незначительно различающихся по профилю края. Сосуды подобного типа известны в большом количестве экземпляров, существовали в течение длительного времени со второй четверти V и на протяжении всего IV в. до н. э. В материалах Афинской агоры представлена целая серия подобных солонок, относящихся к IV в. до н. э.⁶⁴ Наиболее близкими аналогиями по форме края являются три солонки на кольцевом поддоне, которые датируются 375–350 гг. до н. э.⁶⁵, хотя солонки этой формы были популярны и в более поздний период: пять штук были обнаружены в слоях второй половины IV в. до н. э., а самые поздние – в контексте середины III в. до н. э.⁶⁶ Встречаются и еще более поздние варианты 325–300 гг. до н. э.⁶⁷

У самого края очень глубоко и весьма небрежно процарапано граффито ΝΙΚ[---]. Текст относительно сосуда помещен вверх ногами.

Высота букв: 1,0–1,5 см. *Kanna* с укороченными наклонными.

Текст:

Νικ[---]

(Сосуд) Ник[---]

Рис. 11. Пол. № О-73.603.
Фото: Ю.И. Ильина

⁶² Среди ольвийских граффити встречается сокращение AN (Yailenko 1980b, 100, № 12–127), но возможные варианты его раскрытия слишком многочисленны: Ἀναγόρης, Ἀναξιμένης etc.

⁶³ Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1973 г.* Ф. 35. Оп. 1. 1973. Д. 143. С. 24–25.

⁶⁴ Sparkes, Talcott 1970, 137.

⁶⁵ Sparkes, Talcott 1970, 302–303, cat. 944, 946, 947; pl. 34, fig. 9.

⁶⁶ Rotroff 1997, 167.

⁶⁷ Egorova 2009, 128–129, рис. 25; кат. 376, 389.

Надпись, несомненно, представляет собой сокращение одного из многочисленных теофорных ЛИ, образованных от имени богини победы, достаточно репрезентативно представленных в Ольвии⁶⁸. Фрагмент обломан сразу после *каппы*, так что неясно, из скольких букв состояла надпись и было ли имя написано полностью.

№ 12. Пол. № О-70. 2347 (рис. 12; табл. 2, 5). Участок Е8, п-кв 585з, сероглинистый слой на глубине 0,90 м. Археологический контекст: IV–III вв. до н. э.; в этом же слое, перекрывавшем вымостку на кв. 584, был найден фрагмент чернолакового килика рубежа VI–V в. с граффито *πόλεως*⁶⁹.

Фрагмент донца чернолакового канфара со штампованным орнаментом. D 5,5 см.

Канфары пришли на смену киликам и стали основным типом сосудов для вина в IV в. до н. э.⁷⁰ Публикуемый фрагмент принадлежит канфару с прямым краем, округлым вместилищем, с ручками, высоко поднятыми над краем. Для ножек канфаров данного типа характерна наружная профилировка. Близкий аналог нашему сосуду представляет канфар из раскопок Афинской агоры, датируемый 350–325 гг. до н. э.⁷¹ Внутри на дне четыре штампованные хорошо проработанные пальметки с кружком в центре, вокруг пальметок пояс насечек. Этот тип пальметок существовал длительное время и встречается на сосудах еще первой половины IV в. до н. э. Комбинация же из четырех пальметок и насечек на дне характерна для канфаров, относящихся к более поздним периодам: 350–340 и 340–325 гг. до н. э.⁷²

На внешней стороне нацарапано граффито ΔΙΟ.

Высота букв: 0,5–0,7 см. *Дельта* явно задумывалась как имеющая форму равностороннего треугольника, но из-за вогнутости поверхности оказалась несколько вытянутой влево. *Омикрон* в форме не вполне правильного круга.

Рис. 12. Пол. № О-70.2347.

Фото: Ю.И. Ильина

⁶⁸ Помимо зарегистрированных в *LGNP IV*, следует также отметить происходящие из Ольвии граффити на донцах чернолаковых сосудов: ΝΙΚ (Rusyaeva 2010, 81, № 170, табл. 29, 20; 92, № 241, табл. 34, 10; оба V в. до н. э.), ΝΙΚΙ (Yailenko 1980b, 105, № 185, табл. X, 14; IV–III вв. до н. э.) и особенно ΝΙΚΑ (Rusyaeva 2010, 144, табл. 51, 20), так как других имен с таким началом в Ольвии не засвидетельствовано. Сюда же следует добавить нанесенное на донце чернолакового килика конца V в. до н. э. граффито ΝΙΚΗ из подъемного материала на некрополе Широкой Балки (Papanova, Diatroptov 2017, 86, № 17).

⁶⁹ Bekhter, P'ina 2020, 912, № 7.

⁷⁰ Sparkes, Talcott 1970, 117–122.

⁷¹ Sparkes, Talcott 1970, 285, pl. 28, no. 688, fig. 7.

⁷² Sparkes, Talcott 1970, 284–285, pl. 28, no. 683, 684, fig. 7.

Текст:

Διο[---]

(Сосуд) Дио[---]

Граффито представляет собой сокращение теофорного имени, связанного либо с Зевсом, либо с Дионисом, либо с Диоскурами. Ввиду обилия возможных вариантов (Διογένης, Διόδωρος, Διονυσιόδωρος, Διονύσιας, Διοσχορίδης etc.)⁷³ предлагать восстановление, даже ради примера, видимо, не имеет смысла. В своде А. С. Русяевой приведены еще четыре аналогичных граффити, нанесенных на чернолаковые сосуды, датируемые V в. до н. э., которые, скорее всего, представляют собой сокращения теофорных имен⁷⁴. Многочисленные граффити ΔΙ, датируемые VI–V в. до н. э., видимо, также в большинстве своем скрывают теофорные ЛИ, представляя собой либо владельческие метки, либо имена дедикантов, а не теонимы. В посвящениях Диоскурам, найденных в пределах Ольвийского теменоса, имя божественных близнецов всегда прописывается полностью (во избежание путаницы с Зевсом?)⁷⁵, а в посвящениях Зевсу форма Δί, как кажется, появляется в Ольвии не ранее IV в. до н. э., тогда как в более раннее время превалирует Ζηνί. Культ же Диониса, несомненно почитавшегося в Ольвии⁷⁶, практически не отражен в малой эпиграфике.

Хотя приведенные выше граффити не образуют локальных групп, которые можно привязать к тому или иному археологическому комплексу, они демонстрируют ономастический срез почти за полтора столетия (с начала V по середину IV в. до н. э.), причем выборка затрагивает весьма состоятельных людей, которые могут позволить себе дорогостоящую импортную посуду. Особенно показательны сосуды для вина, подписанные женскими именами: ольвиополиты и в V, и в IV вв. до н. э. имели возможность не только приобретать дорогую керамику для собственных нужд, но и одаривать ею своих подруг. Интересна смена форм керамики: если для V в. до н. э. представлены исключительно сосуды для вина, то в материалах IV вв. до н. э. значительное место занимают солонки. Расширение ассортимента показывает, что чернолаковая импортная керамика, использовавшаяся изначально почти исключительно для пиршеств, проникла и в повседневный обиход. С точки зрения ономастики не наблюдается каких-либо изменений: ономастикон чисто греческий, причем мужские имена носят преимущественно теофорный или мифологический характер, тогда как женские представляют собой скорее всего прозвища гетер.

⁷³ К представленным в *LGPN IV* следует добавить Διοχλῆς и Δι(ό)δωρος из магического граффито IV в. до н. э., происходящего с Ольвийского некрополя (Rusyaeva, Ivchenko 2014, 152–170).

⁷⁴ Rusyaeva 2010, № 112, 31а, табл. 42, б; 142, № 166а, табл. 51, 2; 144, № 182, табл. 51, 18 (жилые кварталы); 67, № 122, табл. 21, 14 (Западный теменос, ботрос).

⁷⁵ Rusyaeva 2010, 62–68, № 79–123.

⁷⁶ О почитании Диониса в Ольвии см. Rusyaeva 1992, 95–100.

Литература / References

- Bechtel, F. 1902: *Die Attischen Frauennamen nach ihrem Systeme dargestellt*. Göttingen.
- Bechtel, F. 1917: *Die Historische Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*. Halle.
- Bekhter, A.P. 2019: [Graffiti from the Excavations of E.I. Levi and A.N. Karasev. 2. Dedicatory Graffiti. 3. Convivial (Symposial) Graffiti]. In: V.A. Khrshanovskiy (ed.), *Bosporskiy fenomen: Bosporskoe tsarstvo M.I. Rostovtseva. Vzgl'yad iz XXI veka. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Mikhail Rostovtsev and the Bosporan Kingdom. Looking Back from the 21st Century. Proceedings of the International Scientific Conference]. Pt. 2. Saint Petersburg, 283–292.
- Бехтер, А.П. Памятники малой эпиграфики из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева. 2. Посвятительные граффити. 3. Застольно-посвятительные (симпозиальные) граффити. В сб.: В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен: Боспорское царство М.И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Материалы международной научной конференции*. Т. 2. СПб, 283–292.
- Bekhter, A.P. 2023a: [Graffiti and Dipinti from the Excavations of E.I. Levi and A.N. Karasev. 4. «A Letter to the naukleroi» (IGDOP 26)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] 28, 470–480.
- Бехтер, А.П. Граффити и дипинти из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева: 4. «Письмо навклерам» (IGDOP 26). *Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии* 28, 470–480.
- Bekhter, A.P. 2023b: [ΦΙΛΙΣΚΟΣ Ο ΜΑΧΙΜΟΣ (To the Interpretation of the Graffito from Myrmekion)]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga River Region Archaeology] 3 (45), 148–157.
- Бехтер, А.П. ΦΙΛΙΣΚΟΣ Ο ΜΑΧΙΜΟΣ (к интерпретации одного мирмекийского граффито). *Поволжская археология* 3 (45), 148–157.
- Bekhter, A.P., Il'ina, Yu.I. 2020: [Graffiti and Dipinti from the Excavations of E.I. Levi and A.N. Karasev. 1. Public Ownership Graffiti]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 80/4, 907–924.
- Бехтер, А.П., Ильина, Ю.И. Граффити и дипинти из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева. 1. Общественно-владельческие граффити. *ВДИ* 80/4, 907–924.
- Bekhter, A.P., Il'ina, Yu.I. 2024: [Graffiti and Dipinti from the Excavations of E.I. Levi and A.N. Karasev. 5. Archaic Abecedarium]. *Indoevropeskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] XXVIII/1, 115–126.
- Бехтер, А.П., Ильина, Ю.И. Граффити и дипинти из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева. 5. Архаический абecedарий. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXVIII/1, 115–126.
- Belova, N.S. 1977: [Epigraphic Materials from the Phanagorian Expedition]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 105–117.
- Белова, Н.С. Эпиграфические материалы Фанагорийской экспедиции. *ВДИ* 3, 105–117.
- Bloesch, H. 1940: *Formen attischer Schalen von Exekias bis zum Ende des Strengen Stils*. Bern.
- Dana, M., Dana, D., Nikolaev, M. 2022: Raretès onomastiques et recouplements prosopographiques. Réédition d'une défixion opistographe d'Olbia du Pont. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 223, 83–92.
- Egorova, T.V. 2009: *Chernolokovaya keramika IV–II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma* [Black-glazed Pottery of IVth–IInd Centuries BCE from the Ancient Sites of the Northwestern Crimea]. Moscow.
- Егорова, Т.В. *Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма*. М.
- Farmakovskiy, B.V. 1906: [The Excavations in Olbia in 1902 and 1903]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [Reports of the Imperial Archaeological Commission] 13, 1–332.
- Фармаковский, Б.В. Раскопки в Ольвии в 1902 и 1903 годах. *Известия Императорской Академической комиссии* 13, 1–332.
- Fedoseev, N.F. 2012: *Keramicheskie kleyma. T. I. Bospor* [Ceramic Stamps. Vol. I. Bosporus]. Kiev.
- Федосеев, Н.Ф. *Керамические клейма. Т. I. Боспор*. Киев.
- Gaydukevich, V.F. 1935: [Bosporan Ceramic Building Materials (Bosporan Tiles)]. In: V.F. Gaydukevich, B.N. Grakov, S.A. Zhebelev, T.N. Knipovich, Yu.Yu. Marti, *Iz istorii Bospora* [From the History of Bosporus]. Moscow–Leningrad, 104, 211–315.

- Гайдукевич, В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы). В сб.: В.Ф. Гайдукевич, Б.Н. Граков, С.А. Жебелёв, Т.Н. Книпович, Ю.Ю. Марти, *Из истории Боспора*. (ИГАИМК, 104). М.—Л., 211—315.
- Graf, F. 1974: Das Kollegium des $\mu\omicron\lambda\lambda\omicron\iota$ von Olbia. *Museum Helveticum* 31/4, 209—215.
- Jordan, D.R. 1985: A Survey of Greek Defixiones not Included in the Special Corpora. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 26/2, 151—197.
- Karasev, A.N., Levi, E.I. 1975: [The Excavations of the Olbian Agora in 1970]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 143, 11—20.
Карасев, А.Н., Леви, Е.И. Раскопки Ольвийской агоры в 1970 г. *Краткие сообщения института археологии* 143, 11—20.
- Karyshkovskiy, P.O. 1978: [The Eponyms of Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 82—88.
Карышковский, П.О. Ольвийские эпонимы. *ВДИ* 2, 82—88.
- Karyshkovskiy, P.O. 1984: [Olbian Molpes] In: G.A. Dzis-Rayko (ed.), *Severnoe Prichernomor'e (materialy po arkheologii)*. *Sbornik nauchnykh trudov* [The Northern Black Sea Region (Archeological Material). Collection of Research Studies]. Moscow, 42—51.
Карышковский, П.О. Ольвийские мольпы. В сб.: Г.А. Дзис-Райко (ред.), *Северное Причерноморье (материалы по археологии)*. *Сборник научных трудов*. М., 42—51.
- Papanova, V.A., Diatroptov, P.D. 2017: [Graffiti from Olbia's Suburban Estates]. In: J. Fornasyjer (ed.), *Pivnichne Prichoronomor'ja za antichnoi' doby (na poshanu S.D. Kryzhyc'kogo)* [The Northern Black Sea Region in Ancient Times (In Honour of S.D. Kryzhitskiy)]. Kiev, 82—93.
Папанова, В.А., Диатроптов, П.Д. Граффити с пригородных усадеб Ольвии. В сб.: Й. Форназиер (ред.), *Північне Причоронор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького)*. Киев, 82—93.
- Rotroff, S.I. 1997: *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. Pt. I—II. (The Athenian Agora, XXIX). Princeton.
- Rusyaeva, A.S. 1992: *Religiya i kul'ty antichnoy Ol'vii* [Religion and Cults of Ancient Olbia]. Kiev.
Русяева, А.С. *Религия и культы античной Ольвии*. Киев.
- Rusyaeva, A.S. 2010: *Graffiti Ol'vii Pontiyskoy* [Graffiti of Olbia Pontica]. Simferopol.
Русяева, А.С. *Граффити Ольвии Понтийской*. (МАИЭТ Supplementum, 8). Симферополь.
- Rusyaeva, A.S., Ivchenko, A.V. 2014: A New Graffito from Olbia Necropolis. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXX, 152—170.
Русяева, А.С., Ивченко, А.В. Новое граффито из некрополя Ольвии. *Боспорские исследования XXX*, 152—170.
- Saprykin, S.Yu. 2020: *Bosporskoe cherepichnoe kleymenie* [Bosporian Roof-tile Stamping]. Moscow—Saint Petersburg.
Сапрыкин, С.Ю. *Боспорское черепичное клеймение*. М.—СПб.
- Segre, M., Pugliese Carratelli, G. 1952: Tituli Camirenses. *Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente* 27—29, 141—318.
- Sezgin, Y. 2012: *Arkaik Dönem Ionia Üretimi Ticari Amphoralar* [Ionian Transport Amphorae of the Archaic Period]. Istanbul.
- Shkorpil, V.V. 1914: [Report on Excavations in the City of Kerch and on the Taman Peninsula]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [Reports of the Imperial Archaeological Commission] 56, 1—74.
Шкорпил, В.В. Отчет о раскопках в городе Керчи и на Таманском полуострове. *Известия Императорской Академической комиссии* 56, 1—74.
- Skrzhinskaya, M.V. 2010: *Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e* [Ancient Greek Holidays in Hellas and the Northern Black Sea Region]. Saint Petersburg.
Скржинская, М.В. *Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье*. СПб.
- Sokolova, O.Yu., Pavlichenko, N.A., Kasparov, A.K. 1999: [New Finds in the Area of the Nymphaion Necropolis]. *Hyperboreus* 5/2, 326—340.
Соколова, О.Ю., Павличенко, Н.А., Каспаров, А.К. Новые находки на территории нимфейского некрополя. *Hyperboreus* 5/2, 326—340.
- Sokolsky, N.I. 1973: [The Cult of Aphrodite in Cerei, VIth—Vth Centuries B.C.]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 88—92.
Сокольский, Н.И. Культ Афродиты в Керах конца VI—V вв. до н.э. *ВДИ* 4, 88—92.

- Sparkes, B. A., Talcott, L. 1970: *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centures B.C.* Pt. I–II. (The Athenian Agora, XII). Princeton (NJ).
- Threatte, L. 1980: *The Grammar of Attic Inscriptions*. Vol. I. *Phonology*. Berlin–New York.
- Tokhtas'ev, S.R. 2000: [From the Onomastics of the Nothern Black Sea Area]. *Hyperboreus* 6/1, 124–156.
- Тохтасьев, С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. *Hyperboreus* 6/1, 124–156.
- Tokhtas'ev, S.R. 2007: [Towards the Onomasticon and Dating of Chersonesian Ostraka]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 110–125.
- Тохтасьев, С.Р. К ономастикону и датировке херсонесских остраконов. *ВДИ* 2, 110–125.
- Tolstoy, I.I. 1918: *Ostrov Belyu i Tavrika na Evksinskom Ponte* [Bely Island and Tavrika on the Euxine Pontus]. Petrograd.
- Толстой, И.И. *Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте*. Петроград.
- Vinogradov, Yu.A., Tokhtas'ev, S.R. 1998: [New Dedicatory Graffiti from Myrmekion]. *Hyperboreus* 4/1, 22–47.
- Виноградов, Ю.А., Тохтасьев, С.Р. Новые посвячительные граффити из Мирмекия. *Hyperboreus* 4/1, 22–47.
- Vinogradov, Yu.G. 1989: *Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa VII–I vv. do n.e.* [Political History of the Olbian Polis in the 7th–1st Centuries BC]. Moscow.
- Виноградов, Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М.*
- Vinogradov, Yu.G. 1991: Die Stele des Leoxos, Molpagores' Sohn, aus Olbia und die scythisch-griechischen Beziehungen im frühen 5. Jh. v. Chr. *Archäologischer Anzeiger* 1–4, 499–510.
- Vinogradov, Yu.G., Zolotarev, M.I. 2000: [The Sacred Egyptian Triad in Chersonesus Taurica]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева* [ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Yu.V. Andreev in memoriam]. Saint Petersburg, 284–294.
- Виноградов, Ю.Г., Золотарев, М.И. Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Памяти Ю.В. Андреева*. СПб, 284–294.
- Yailenko, V.P. 1980a: [Graffiti from Leuka, Berezan and Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 72–99.
- Яйленко, В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* 2, 72–99.
- Yailenko, V.P. 1980b: [Graffiti from Leuka, Berezan and Olbia (Conclusion)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 75–116.
- Яйленко, В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии (окончание). *ВДИ* 3, 75–116.
- Yailenko, V.P. 1982: *Grecheskaya kolonizatsiya VII–III v. do n.e.* [Greek Colonisation in the 7th–3rd Centuries BC]. Moscow.
- Яйленко, В.П. *Греческая колонизация VII–III в. до н.э. М.*
- Yailenko, V.P. 2010: *Istoriya i epigrafika Bospora VI v. do n.e. – V v. n.e.* [History and Epigraphy of the Bosporus in the 6th c. BC – 5th c. AD]. Moscow.
- Яйленко, В.П. *История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М.*

DOI: 10.31857/S0321039124040055

РОЛЬ ПТИЦ В МИФЕ О РЕМЕ И РОМУЛЕ

А. В. Мосолкин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: mosolkin@mail.ru

ORCID: 0009-0004-1314-3673

На основании письменных и иконографических источников в статье рассматриваются упоминания птиц — чаще всего дятла — в мифе о Реме и Ромуле. Присутствие дятла в рассказе о близнецах является, по-видимому, избыточным. Самое раннее появление птиц в мифе имело, вероятно, авгуральное значение, которое со временем было либо забыто, либо потеряло свой смысл, а сам дятел стал птицей Марса.

Ключевые слова: Рем, Ромул, основание Рима, дятел, рага, иконография

THE ROLE OF BIRDS IN THE MYTH OF REMUS AND ROMULUS

Alexei V. Mosolkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: mosolkin@mail.ru

The article examines mentions of birds — mostly the woodpecker — in the myth of Remus and Romulus according to literary and iconographic sources. The presence of the woodpecker in the story is apparently redundant. The first appearance of birds in this myth probably had an augural meaning, which over time was either forgotten or lost its sense, and the woodpecker itself became the bird of Mars.

Keywords: Remus, Romulus, foundation of Rome, woodpecker, *parra*, iconographic studies

Данные об авторе. Алексей Владиславович Мосолкин — кандидат исторических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

С этой темой я выступил на семинаре «Суббота и Аристофан» (5 мая 2023 г.), который проходит в стенах исторического факультета МГУ. Хочу принести слова искренней благодарности участникам семинара — студентам, аспирантам и преподавателям МГУ, а также моим оппонентам на том вечере — д.и.н. А.М. Сморгчову и доц. Т. Кишбали. Работа эта была бы много хуже, если бы не помощь моей жены Ю.Е. Краснобаевой, которая взяла на себя труд внимательно вычитать и «вычистить» всю статью.

Согласно некоторым источникам, в знаменитом сюжете о спасении Рема и Ромула действует пара животных. Это волчица и дятел. На первый взгляд, роль их очевидна и оправдана: они вскармливают близнецов и тем самым спасают их от смерти. Кроме этого, являясь животными, связанными с Марсом¹, они показывают, что именно бог войны является отцом детей и он их не забыл.

В том, что дятел появляется в разных мифах у разных народов, нет ничего удивительного. Во-первых, эта птица широко распространена. Разные ее виды населяют почти все регионы Земли, кроме Мадагаскара, Ирландии, многих островов Океании и Австралии, а также территорий, где отсутствуют леса – Северная Африка, Гималаи и проч.² Несколько видов дятла заселяли и заселяют до сих пор Италию и Грецию. В греческом языке существует несколько терминов для обозначения дятлов. Аристотель называет эту птицу общим словом *δρυοκόλαπτης*, а также *κελεός*, *πιλώ* и *κνιτολόγος* (*Hist. an.* 593. 3–14; 610. 9; 614. 4–6, 34–17). У Аристофана в «Птицах» (*Av.* 884, 1155) мы встречаем *πελεκῆς* (от глагола *πελεκῶ*, «обрубать»)³. Греческие авторы того дятла, которые упоминается в мифе о Реме и Ромуле, называют только как *δρυοκόλαπτης*, что является самым общим обозначением дятла⁴. Во-вторых, сама по себе птица, обитающая в Италии, очень эффективная. У одной из них, *picus viridis*, кроме броской внешности – зеленая спинка, красная макушка головы – еще громкий голос, а также ни с чем не сравнимый и издалека слышимый стук: удар мощным клювом по дереву⁵. Таким образом, дятла легко можно услышать и увидеть в самых разных регионах Земли.

Вовсе не удивительно, что дятел в мифах – персонаж частый, многогранный, многофункциональный во многих ипостасях. Вписать его в одну сюжетную линию невозможно. Его название в разных языках становится именем разнообразных персонажей: Пик в римской мифологии (*Val. Ant.* F 8. Cornell), балтийские боги Пикулс и Пеколс (происходят от общего корня *peik-*, связанного с лат.

¹ Вопреки расхожему мнению, ни волк, ни дятел, вероятно, не являлись священными животными Марса. Культа этих животных в Риме, по-видимому, не существовало. Овидий называет птицу «Марсов дятел» (*Martia picus avis*), что не подразумевает священности (*Fasti* III. 37–38; 53–54). Священным дятла называет Плутарх (*ἱερός δ' ὄρνις Ἰταλῶν*), но это слишком зыбкое и слишком позднее основание (*De fort. Rom.* 8; *Aetia Rom. et Gr.* 21; автор *Origo gentis Romanae* туманно говорит, что эти животные находились под покровительством Марса – *lupum picumque Martiae tutelae esse*; *Origo gentis Romanae* 20. 4). Следует поэтому говорить более аккуратно: животные Марса. О том, что волк не был священным животным см. Smorchkov 2024.

² Winkler *et al.* 1995, 14.

³ Capponi 1979, 419–420; Arnott 2007, 39–40 (*Dryokolaptes*), 89 (*Keleos*), 194 (*Pikos*), 195 (*Pipo*).

⁴ Arnott 2007, 39 (*Dryokolaptes*). Происходит от греческих слов *δρῦς* («дуб, дерево») и *κολοῦν* («обрубать, обрезать»), что соответствует английскому woodpecker («долбящий дерево») и русскому «дятел» (имеет общую основу с глаголом «долбить»). См. Vasmer 1986, s. v. дятел). Этимология латинского *picus*, от которого происходит ит. *picchio*, неясна. Возможно, есть связь с санскр. *rikāh*, «кукушка». Отмечу, что *picus* и *pica* обозначают не самца и самку внутри одного вида, но разных птиц. Ср. с русским «ворон» и «ворона». См. Ernout, Meillet 1939, 766 s. v. *pica*.

⁵ Winkler *et al.* 1995, 148 (*Eurasian Green Woodpecker Picus viridis*). Ср. с французским *pivert*, что означает «зеленый дятел».

picus)⁶, греческий царь Келей (κελεός)⁷. Нужно отметить, что мне не удалось найти примеры в греческой и римской мифологии (за исключением случая с Ремом и Ромулом), где дятел был бы связан с близнецами, хотя, возможно, такая связь в европейской мифологии существовала⁸. В качестве примера приведу старое английское выражение: *she has had Martin's hammer knocking at her wicket* («молоток Мартина постучал в ее калитку»), которое употребляли в адрес женщин, родивших двойню. Вероятно, под птицей Мартина следует понимать дятла⁹.

Однако не слишком ли много в мифе о Реме и Ромуле животных, которые играют одинаковую роль, нет ли здесь сюжетной избыточности? Если волчица вскармливает близнецов молоком (приемлемое питание для новорожденных), то зачем им ягоды, которые приносит птица? Согласно Аристотелю, дятел питается личинками и червяками, что не могло быть изысканным лакомством для царских детей¹⁰. Зачем создатели мифа упомянули птицу, если они уже указали на Марса с помощью волчицы, которая в качестве кормилицы и защитницы гораздо более представительна? Или они собрали их по принципу, что кормильцев и животных Марса много не бывает?

В мифах Греции и Италии были сюжеты о том, как ребенка или двоих детей вскармливает одно животное. Например, Каписа, основателя Капуи, Эгиста, Антилока, а также близнецов Филакида и Филандра вскормила олениха. Телефа вскормила коза. Ликаста и Паррасия – волчица. Эола и Беота – корова. Париса и Аталанту – медведица. Иама – два змея, которые кормили его медом. Мелитея – пчела¹¹. Роль дятла в мифе о Реме и Ромуле явно избыточна. Однако птица наравне с волчицей прижилась в мифе и стала широко известной в европейской культуре. В качестве примера приведу картину Рубенса «Ромул и Рем», которая находится в одном из залов Капитолийского музея в Риме (рис. 1).

Вопреки расхожему мнению, птица – воспользуемся пока общим понятием – в сохранившихся текстах о рождении Рема и Ромула упоминается не так часто – восемь раз (всего же в корпусе текстов в издании «*La leggenda di Roma*» представлено 29 фрагментов, где говорится о кормлении детей, II В 1–29). Рассмотрим все эти восемь свидетельств¹².

⁶ Krappe 1941, 245.

⁷ См. Pollard 1948, 360.

⁸ Крапп в 1941 г. (Krappe 1941, 251) высказал крайне интересную мысль, что дятел в разных районах и разных местах связан с близнецами. Однако, к сожалению, это предположение базируется на шатких свидетельствах, и я не буду их отдельно разбирать (Келей и Мероп – для греческой мифологии). Это и вынуждает меня поместить опровержение такого важного положения в сноску.

⁹ Halliwell-Phillips 1847, 543 s. v. *Martin's hammer*; Krappe 1941, 247.

¹⁰ Arist. 8. 43–44 = 614b. 11–13. Хотя Плиний, к сожалению, ничего конкретного не говорит о том, чем питается дятел (*percussi corticis sono pabulum subesse intellegunt* – *NH*. X. 40), мы можем заключить, что здесь речь идет о какой-то пище, которую птицы достают из-под коры. В реальности дятел питается еще фруктами, ягодами и семенами, хотя и реже. О питании дятлов: Winkler *et al.* 1995, 22, 367 (только о *picus viridis*). См. также Carponi 1979, 421. Хотя для мифа, разумеется, такое буквальное понимание было несвойственно.

¹¹ Carandini 2006b, 322.

¹² В своем повествовании я буду следовать за источниками, а не выстраивать источники вокруг своей идеи. Возможно, это затруднит чтение, однако лучше выявит напластование

1) Самое раннее упоминание птицы – дятла – мы встречаем в «Фастах» Овидия. Здесь дятел называется Марсовой птицей, и он приносит детям пищу (III. 37–38; 53–54: *Martia picus avis* [...] *picum tulisse cibos*), т. е. выполняет двойную функцию.

После Овидия мы трижды встречаем дятла у Плутарха.

2) *Rom. IV. 2*: ἐνταῦθα [...] ἰστοροῦσι [...] δρυοκολάπτην τινὰ παρεῖναι συνεκτρέφοντα καὶ φυλάττοντα, «рассказывают, что в это время присутствовал некий дятел, помогая [волчице] кормить [близнецов] и охраняя [их]».

3) *De fort. Rom. 8 = Mor. 320d*: ἱερός δ' ὄρνις ἼΑρεως, ὃν δρυοκολάπτην καλοῦσιν, ἐπιφοιτῶν καὶ προσκαθίζων ἀκρώνυχος, ἐν μέρει τῶν νηπίων ἑκατέρου στόμα τῇ χηλῇ διοίγων, ἐντίθει ψώμισμα, τῆς αὐτοῦ τροφῆς ἀπομερίζων, «священная птица Ареса, которую называют дятлом, прибыв и едва присев возле, открывая рот каждого из детей по очереди когтем, вкладывала [им в рот] кусочки, отделяя от собственной пищи»¹³.

4) В *Quaest. Rom. et Gr. 21* Плутарх задается вопросом, почему латины почитают дятла и не делают ему ничего плохого (Διὰ τί τὸν δρυοκολάπτην οἱ Λατῖνοι σέβονται, καὶ ἀλέχονται πάντες ἰσχυρῶς τοῦ ὄρνιθος;). Среди его ответов два относятся к нашей теме: 1. ἀλλὰ δρυοκολάπτης τις ἐπιφοιτῶν ἐψώμιζεν, «но прибывший некий дятел кормил [Рема и Ромула] мелкими кусочками», а также 2. ἢ μᾶλλον, ὡς ἄλλον ἄλλου θεοῦ, καὶ τοῦτον ἼΑρεος ἱερὸν νομίζουσι τὸν ὄρνιν, «или, скорее, признают эту птицу священной птицей Марса, так как у каждого бога есть своя птица»¹⁴; а дальше Плутарх поясняет, что дятел посвящен Марсу, потому что это птица гордая и смелая, а еще из-за того, что у нее крепкий клюв (καὶ γὰρ

Рис. 1. Питер Пауль Рубенс. «Ромул и Рем», 1617–1618. Palazzo dei Conservatori, Рим

смыслов, которое формировалось вокруг мифа о близнецах в разные времена. Это должно лучше показать, что исследуемый миф со всеми его героями развивался не прямолинейно и равномерно: один персонаж появлялся, другой менял свой смысл, а третий из главного превращался в статиста. Все это могло происходить одновременно, напоминая сложный палимпсест, кое-где затертый до дыр.

¹³ Отмечу, что здесь дятел кормит детей своей собственной едой (τῆς αὐτοῦ τροφῆς), а не специально собранной. Иными словами, младенцы должны были получить, согласно вышеприведенному мнению Аристотеля, червячков и насекомых.

¹⁴ В этих двух фрагментах (*De fort. Rom. 8 u Aetia Rom. et Gr. 21*) есть очевидное лексическое совпадение, что говорит, скорее, о самоцитировании, а не о внешнем заимствовании: ἱερός δ' ὄρνις ἼΑρεως, ὃν δρυοκολάπτην καλοῦσιν, ἐπιφοιτῶν καὶ προσκαθίζων ἀκρώνυχος, ἐν μέρει τῶν νηπίων ἑκατέρου στόμα τῇ χηλῇ διοίγων, ἐντίθει ψώμισμα, τῆς αὐτοῦ τροφῆς ἀπομερίζων и ἀλλὰ δρυοκολάπτης τις ἐπιφοιτῶν ἐψώμιζεν [...] καὶ τοῦτον ἼΑρεος ἱερὸν νομίζουσι τὸν ὄρνιν.

εὐθαρσῆς καὶ γαῦρός ἐστι καὶ τὸ ῥύγχος οὕτως ἔχει κραταῖον, ὥστε δρυὶς ἀνατρέτειν, ὅταν κόπτων πρὸς τὴν ἐντεριώνην ἐξίκηται).

5) К Плутарху, вероятно, восходит, упоминание дятла, которое мы встречаем у Зонары (*Epit.* VII. 1: ἱστοροῦσι [...] καὶ ὄρνιν δρυοκολάπτην παρεῖναι ταῦτα ψωμίζοντα καὶ φυλάττοντα, «рассказывают, что дятел присутствовал при этом, кормя [детей] кусочками пищи и охраняя [их]»).

6) Следующее упоминание дятла – в сочинении неизвестного автора *Origo gentis Romanae*, которое датируют от II до IV в. н.э.¹⁵ Не указывая источники, автор дополняет наиболее распространенную версию¹⁶ о спасении детей следующим образом (20. 4): addunt quidam [...] picum quoque advolasse et ore pleno cibum pueris ingessisse: inde videlicet lupum picumque Martiae tutelae esse – «некоторые добавляют [...], что также и дятел подлетел и в клюве принес детям еду; поэтому, очевидно, волк и дятел находятся под покровительством Марса». Вероятно, в источнике, который использовался до приведенной цитаты, птица не упоминалась. Автор излагает миф на основании этого источника, а затем, ссылаясь на неизвестный текст (addunt quidam), вводит дятла в сюжет о спасении близнецов (picum... advolasse... ingessisse). Потом следует загадочная фраза: inde *videlicet* (курсив мой. – А. М.) lupum picumque Martiae tutelae esse. Эта любопытная инверсия во всей литературе встречается, кажется, только здесь: волчица и дятел помогают детям *не потому*, что Марс отправил их на помощь; они помогли близнецам по своей воле, и *потому* Марс взял их под покровительство. Это очень необычное замечание. Как мы помним, Плутарх называет дятла Марсовой птицей, потому что это птица смелая и сильная и у нее сильный клюв (*Quaest. Rom. et Gr.* 21). Вероятно, автор *OGR* сам приходит к умозаключению, почему «волк и дятел находятся под покровительством Марса». Если это так, то по версии мифа, что приводит автор *OGR*, ни волчица, ни дятел не называются спасителями детей в качестве животных Марса. Ведь если автору потребовалось специальное объяснение (lupum picumque Martiae tutelae esse), то, скорее всего, его не было в источниках, которыми располагал сочинитель. Если бы в неназванном источнике было хоть какое-то толкование, то автор *OGR* скорее привел бы его, а не собственное объяснение, почему волчица и дятел стали животными, находившимися под покровительством Марса, которое столь противоречит всему преданию. Другими словами, в наиболее распространенном варианте мифа, который воспроизвел автор *OGR*, эти животные спасают детей по своей воле, а не потому, что их послал Марс.

В приведенных шести фрагментах о дятле говорится примерно одно и то же. Почти везде (за исключением особого варианта в *OGR*) дятел последовательно играет вместе с волчицей одну и ту же двойную роль: во-первых, он участвует в кормлении близнецов, а во-вторых, называясь Марсовой птицей, показывает, что бог Марс не бросил своих детей.

Пока, к сожалению, нельзя ответить на вопрос, кто «вставил» дятла в предание о близнецах. Самый ранний источник – это текст Овидия, но поэт мог опираться

¹⁵ П в. н. э.: D'Anna 1997, XXVII; IV в. н. э.: Richard 1983, 64–65.

¹⁶ В историографии часто используется выражение «каноническая версия мифа». На мой взгляд, это неудачное выражение. Что должно означать «каноническая версия»? Версия Ливия? Дионисия? Плутарха? Все они различаются между собою, иногда даже значительно.

на более раннее сочинение, которое он не называет и которое до нашего времени не сохранилось.

Заключительные два фрагмента значительно отличаются в отношении количества и вида птиц, а также их роли в мифе.

7) Если во всех рассмотренных случаях присутствие дятла кажется сюжетно избыточным, хоть и мифологически оправданным, то фрагмент из жизнеописания Ромула у Плутарха (*Plut. Rom.* II. 7) ставит нас перед новыми вопросами. Здесь писатель пересказывает, вероятно, этрусский вариант истории о Реме и Ромуле, где братья (впрочем, Плутарх не называет их имен) родились от соития рабыни с фаллосом, восставшим из огня. Некий Терабий отнес новорожденных детей к берегу реки, где их вскормила волчица, спас пастух и проч. В этом месте Плутарх говорит о разных птицах, которые приносили детям кусочки еды — ὄρνιθας δὲ παντοδαπούς ψωμίσματα κομίζοντας ἐντιθέναι τοῖς βρέφεσι, «разнообразные птицы приносили кусочки еды и клали детям в рот». Биограф приписывает этот необычный вариант предания некоему писателю Проматиону, жизнь которого исследователи относят к периоду от V (Мадзарино) до I в. до н. э. (Габба)¹⁷. Первая часть рассказа Проматиона (рождение близнецов от фаллоса) настолько не совпадает с общепринятой версией, что Амполо назвал ее «еретической»¹⁸. Вторая же часть, напротив, почти целиком совпадает с самыми распространенными версиями древних авторов.

Как объяснить, что в рассказе Плутарха присутствуют два столь разных пласта? На мой взгляд, здесь возможны два варианта. Либо эти пласты уже были в сообщении Проматиона и Плутарх точно пересказал текст. Тогда, вслед за Габбой, следует признать, что Проматион жил в I в. до н. э., когда в рамках римского предания уже сложился рассказ о близнецах. Либо в сочинении Проматиона был только первый рассказ, а Плутарх добавил окончание по распространенному варианту мифа¹⁹. В таком случае жизнь Проматиона нужно отнести к тому времени, когда римский вариант мифа еще не был «канонизирован», значит он мог жить в V в. до н. э., как это пытался доказать Мадзарино.

Собственно говоря, для нашей задачи совсем неважно, когда жил Проматион. Гораздо важнее, что научная интуиция — и пока, к сожалению, только она — подсказывает, что в основе рассказа лежит архаическое предание, к которому был присоединен более поздний сюжет о спасении детей. Кто сплавил эти две части воедино, нам сейчас не столь существенно. Мы можем предположить, что в самой ранней, вероятно, этрусской версии — с рабыней, фаллосом, прорицалищем и проч. — волчица и птицы не упоминались, они появились только во второй, более поздней части рассказа.

Историческая добросовестность Плутарха вызывает большие сомнения. Нельзя утверждать, что он точно цитировал Проматиона. Плутарх вполне мог добавить

¹⁷ Mazzarino 1966, 196–198 (V в. до н. э.); Gabba 2000, 33–35 (I в. до н. э.).

¹⁸ Ampolo, Manfredini 1988, 274.

¹⁹ Пусэ утверждал, что за «большими фрагментами», которые приводил Плутарх с упоминанием своих источников, не стоит искать точности цитирования. Греческий автор вполне был волен изменять текст, с которым он работал, не уведомляя читателя об этих изменениях. См. Poucet 1976, 210–216.

или убрать детали и украсить текст, сообразуясь с собственными намерениями или прихотью. Однако если мы все же доверяем свидетельству греческого писателя и признаем, что весь фрагмент – это пересказ сочинения Проматиона без каких-либо вставок, то это, по-видимому, одно из самых ранних и самых необычных упоминаний птиц в сцене спасения детей. Ведь если в тексте Проматиона «отцом» близнецов назван фаллос, то птицы, которые вскармливают детей, не могут указывать на незримое присутствие Марса. Более того, в тексте сказано, что птицы «разнообразные», значит, все они не могут быть птицами Марса – мы не знаем других птиц этого бога, помимо дятла.

Присутствие разнообразных птиц в описании Проматиона совершенно загадочно. Это единственный из сохранившихся вариантов истории, где птицы кормят детей, но не указывают на отца.

8) Наконец, последнее, восьмое, упоминание о птицах мы встречаем у Сервия, комментатора «Энеиды». Комментируя *Aen. I. 273*, он пишет: *lupa de vicinis montibus venit et ubera praestitit. Sed cum eos Faustus pastor eius loci animadvertisset nutriri a fera et picum parramque circumvolitare, suspicatus divinae originis subolem ad Accam Laurentiam uxorem [...] pueros detulit*, «волчица сошла с соседних гор и поднесла сосцы. Но после того, как Фаустул, пастух этого места, увидел, что их [близнецов] кормит дикое животное, а вокруг летают дятел и рагга, он понял, что дети имеют божественное происхождение, и передал мальчиков жене Акке Ларенции».

Идентифицировать птицу рагга, которую упоминает Сервий, сейчас вряд ли возможно. Каппони, автор словаря, посвященного птицам в античности, справедливо полагает, что в указанном тексте и некоторых других, где упоминается рагга, слишком общие описания, чтобы можно было дать точное биологическое определение²⁰.

Итак, у нас теперь две птицы – *picus* и *raffa* – и роль их в сцене с близнецами становится совсем непонятной. Если в предыдущих версиях дятел участвовал в сюжете и указывал на Марса, то для чего появляется рагга? Если про волчицу Сервий пишет, что она накормила детей, то птицы здесь просто облетают место действия (*circumvolitare*), не принося близнецам никакой практической пользы. В тексте Сервия птицы детей не кормят, не наблюдают за ними, не символизируют бога Марса (так как их две), а всего-навсего для чего-то летают вокруг. Комментатор «Энеиды» говорит, что Фаустул догадался о божественном происхождении детей по кружащим вокруг *picus* и *raffa*, но что в этом божественного? Таким образом птицы в тексте Сервия или в источнике играют совсем иную роль, чем в первых шести фрагментах. Возникает впечатление, что Сервий знал о связи дятла с Марсом, но в своем источнике он ее не обнаруживает и пытается толковать присутствие птиц иным способом. Отметим, что в основе текстов Сервия и Проматиона лежит, вероятно, один источник или скажем более широко – одна идея: оба автора пишут о птицах разного рода (*ἄρνιθας παντοδαπούς*), среди которых, разумеется, могли быть *picus* и *raffa*.

²⁰ Capponi 1979, 382. Были сделаны многие попытки определить, что это за птица. На русском языке см. Solopov 1990, 24–25.

Мы исчерпали древние тексты, в которых упоминается связь между птицей/птицами и близнецами²¹. Если древние авторы объясняют присутствие одной птицы, то присутствие нескольких не получило в древности никакого толкования. Попытаемся ответить на этот вопрос.

К счастью, мы располагаем письменными источниками, где непосредственно соседствуют *picus* и *parra*, хотя совсем в ином литературном контексте, не имеющем никакого отношения к римской легенде. Я скажу о четырех таких источниках.

1) Авгуральное искусство римлян различало два типа птиц: *aves oscines* (вещи птицы, которые кричали) и *aves alites* (те, которые летали вокруг). Фест, ссылаясь на Аппия Клавдия, друга Цицерона, говорит, что *picus* и *parra* относятся и к той, и к другой группе (Fest. 214 L): «Аппий Клавдий говорит, что *вещими* птицами являются те, которые производят знамение криком, как, например, ворон, ворона, сыч; *крылатыми* же те, которые производят знамение крыльями и полетом, как сарыч, орлан-белохвост, сокол и коршун; дятлы же, феронийский и марсов²², а также *parra* считаются как *вещими*, так и *крылатыми*»²³. Очевидный вывод: *aves alites* – это птицы, которых для гадания нужно было *увидеть*. *Aves oscines* же могли быть вообще не видны, их достаточно было *услышать*. Однако *picus* и *parra* – это птицы, которых при гадании можно было как слышать, так и видеть.

Обращает на себя внимание фраза про феронийского и Марсова дятла (*picus autem Martius Feroniusque*). Речь идет о двух дятлах: один связан с Марсом, другой – с богиней Феронией²⁴. Вероятно, это были два разных вида дятла, который являлся птицей как Марса, так и Феронии. Но сочетание этих двух птиц требует особого исследования.

2) Ноний Марцелл сохранил короткую фразу Гигина, хотя и вне контекста: *est parra Vestae, picus Martis*, «*parra* – это птица Весты, а дятел – птица Марса». На первый взгляд, фраза Гигина позволяет объяснить присутствие *parra* и *picus* в мифе о близнецах: ведь богиня Веста, которой служила Рея Сильвия, мать Рема и Ромула, и бог Марс играли в этом мифе первостепенную роль. Однако я полагаю, что такое толкование неверно²⁵. Чтобы это понять, мы позднее обратимся к иконографии сюжета.

²¹ Римские предания включали в себя еще одного «дятла» – древнего царя Альбы Лонги Пика, сына Сатурна. Вопреки подозрительному сходству имени, этот царь, вероятно, никакого отношения к мифу о Ромуле и Реме не имеет. По мнению Брелика, латинский Пик вообще не оказал какого-либо влияния на римский культ. Согласно Сервию и Августину, этот царь был знаменитым авгуром (Serv. *Aen.* VII. 190; Aug. *De civ.* 18.15). Это говорит об авгуральной значимости дятла (Сервий говорит, что Пик добывал знания о будущем через дятла, которого держал дома), но не о связи с мифом о Реме и Ромуле. См. Brelich 2010, 85–86; Briquel 2018, 107.

²² Фест – единственный из древних авторов, кто называет два этих типа дятлов. Каппони делает попытку определить, что это были за виды дятлов (*Picus viridis pronus* – это феронийский дятел, а *Dryobates major italiae* – это Марсов дятел. См. Capponi 1979, 423–424). Но номенклатурная точность нам сейчас не важна.

²³ *Oscines aves Ap. Claudius esse ait, quae ore canentes faciunt auspicium, ut corvus, cornix, noctua: alites, quae alis ac volatu; ut buteo, sanqualis, aquila, inmusulus, vulturius: picus autem Martius Feroniusque et parra et in oscinibus, et in alitibus habentur.*

²⁴ Nash 1988, 132–133.

²⁵ Именно так считает д'Алессиньо: Carandini 2006a. Противоположное суждение у Брикеля: Briquel 2018, 105, n. 118.

3) У Плавта в комедии «Ослы» раб Либан совершает ауспиции и говорит следующее (*Asin.* 259–261):

impetritum, inauguratumst: quovis admittunt aves,
picus et cornix ab laeva, corvos, parra ab dextera
consuadent.

Хорошее предзнаменование и гадание по полету птиц: любому [направлению] птицы сулят успех, дятел и ворона – слева [от наблюдателя], ворон и парра – справа [от наблюдателя] настойчиво советуют.

Плавт далее описывает комическую ситуацию, когда Либан слышит дятла, но дятел не кричит, а стучит по дереву, и раб не может понять, стоит ли стук считать добрым предзнаменованием.

Плавт утверждает, что его пьеса – это перевод греческой комедии Демофила (*Marcus vortit barbare* – *Asin.* 11), однако комедиограф позволял себе иногда отклоняться от оригинала и упоминал исконно римские обычаи. Хотя еще у греков был детально разработан ритуал для гадания по различным птицам, включая полет и крик, но нам неизвестны греческие обряды, где упоминались бы дятлы²⁶. Это, разумеется, не значит – учитывая высокую распространенность этой птицы, – что гадалки не принимали дятлов в расчет.

4) В Игувинских таблицах (III–I вв. до н. э.) упоминается птица *parfa*, которую исследователь таблиц Девото соотнес с *parra* и определил как зеленого дятла (VIa): *este persclo aueis aseriatier enetu, parfa curnase dersua, peiqu peica merstu* (questa cerimonia la si inizi con l'osservazione degli uccelli, il picchio verde e la cornacchia da occidente, oppure il picchio e la gazza da oriente)²⁷. Анчиллотти и Черри, авторы

последнего комментированного издания Игувинских таблиц, полагают, что под *parfa* следует понимать удода (чирра). К такому заключению они приходят на двух основаниях. Во-первых, на венецианском наречии до сих пор удода называется *paruzza*, а во-вторых, наряду с дятлами, сороками и воронами, удода распространены в Умбрии²⁸.

Мы видим, что у Плавта и в Игувинских таблицах появление птиц поразительным образом совпадает (рис. 2): дятел (*picus*) прилетает (как *avis ales*) или издает звук (как *avis oscen*) слева, а *parra* – справа.

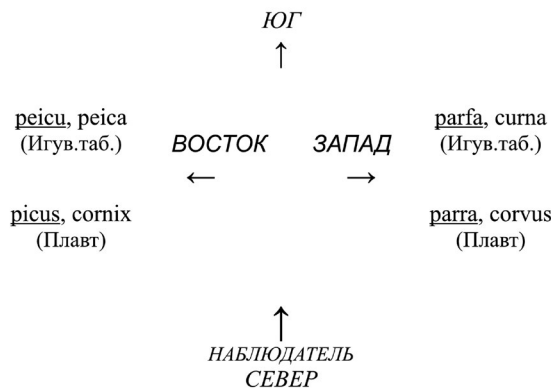

Рис. 2. Появление птиц во время гаданий. Рисунок: А. В. Мосолкин

²⁶ Dillon 2017, 150–152; Green 2023, 47.

²⁷ «Церемония начинается с наблюдения за птицами, зеленый дятел и ворона – с запада; дятел и сорока – с востока». См. Devoto 1974, 29, 75–77.

²⁸ См. Ancillotti, Cerri 2023, s. v. *parfa*.

Вряд ли совпадение между столь разными источниками случайно. Обряды, которые упоминаются в Игувинских таблицах, записанных в III—I вв. до н. э., вероятно, гораздо более древние, чем сами таблицы. Но говорить о происхождении обрядов и точном времени их возникновения пока очень сложно. Мы можем утверждать, что вряд ли Плавт был знаком с предписаниями Игувинских законов, а составитель таблиц был всегдатаем римской сцены. Чуть позднее мы еще раз столкнемся с тем же порядком птиц, где *picus* располагается слева, а *raha* — справа от наблюдателя.

Рис. 3. Зеркало из Больсены. По: Dardenay 2010, 34

В 1975 г. вышла статья Лиз и Пьера Бринд'Амур, которые на основании текстов высказали предположение, что птиц следует рассматривать именно с точки зрения авгуральной практики римлян²⁹. Птицы должны были символизировать успешное начинание и грядущую славу.

Расположение римских авгуров при гадании было связано со сторонами света. Однако древние авторы сохранили сразу два возможных варианта: либо авгуров обращались лицом к югу, либо к востоку³⁰. Девото, а затем Поултни обосновали точку зрения, что в Игувинских таблицах ориентация была южная, т. е. расположение птиц следует рассматривать лицом к югу³¹. Поэтому первая пара птиц, дятел и ворона, должна была подать знак с востока: либо прилететь, и это нужно было увидеть, либо что-то крикнуть, и это нужно было услышать, вторая же пара — подать знак с запада. Такое расположение птиц, согласно Плавту, считалось благоприятным.

Эта теория получает подтверждение и в римской иконографии.

1) Зеркало из Больсены, которое относят к третьей четверти IV в. до н. э. Не будем останавливаться на композиции зеркала, где в центре изображены младенцы, которых вскармливает волчица. Перед нами не каноничный сюжет мифа. Обратим внимание на двух птиц, которые расположены в верхней части сцены (рис. 3).

Справа четко видна сова, а слева — хищная птица, вроде орла или сокола, которую трудно определить. Изображение этих двух птиц одновременно приводит

²⁹ Brind'Amour L., Brind'Amour P. 1975, 22–25. Именно в этой статье была высказана идея об авгуральности птиц, однако идея эта — на более скромном литературном материале и при полном отсутствии иконографического — помещена в рамках совсем иной концепции, чем та которую я высказываю здесь. См. Briquel 1976, 37–40; 2018, 105–108.

³⁰ См. Podossinov 1999, 247–249 (с указанием источников).

³¹ Ориентация на юг и на восток была обусловлена, вероятно, присутствием двух людей во время наблюдения за птицами. И люди эти смотрели в разные стороны. Это хорошо видно у Ливия, где царь обращен к югу, а авгур — к востоку (Liv. I. 18. 6–7). Вероятно, два действующих лица, которые совершали обряда, описанные в Игувинских таблицах, также смотрели в разные стороны. Один — это жрец (*adfertor*), а второй — некий официал, который назван *roe angla aseriat eest*, «тот, кто пришел наблюдать за вестниками». Обращение на юг во время птицегадания исследователи обосновывают на основании топографии, а также этимологии. См. Poultney 1959, 229–231; Devoto 1974, 16, 75–77.

Рис. 4. Керамический медальон из Кампании, 230 г. до н. э. По: Dardenay 2012, 83

Рис. 5. Бронзовый квадранс, 205–195 гг. до н. э. По: Parisi Presicce 2000, 46

до н. э., отчеканенный на юге Италии (рис. 5). На лицевой стороне – волчица, на оборотной – орел, который держит либо гроздь винограда, либо цветок с четырьмя лепестками. Трудно сказать, имел ли орел какое-либо отношение к спасению детей. Изображения на лицевой и оборотной стороне могли быть связаны между собой, но не обязательно настолько буквально³⁴. Тем самым мы видим самый ранний пример изображения орла, которое позднее, уже в императорское время, получит наибольшее распространение³⁵.

4) Денарий С. Помпея Фостла, 137 г. до н. э. (рис. 6). На нем изображено дерево – очевидно, *figus Ruminalis*, – в ветвях которого мы видим трех птиц³⁶. Монета отчеканена представителем рода Помпеев, считавших своим прародителем легендарного Фаустула, который изображен на монете. Можно предположить, что три

в недоумение. Дело в том, что встреча их в реальности необычна, так как сова – птица ночная, а второй хищник, кто бы он ни был, – дневная. Поэтому вряд ли они здесь показаны в их естественной природной ипостаси. Тем не менее есть большой соблазн увидеть в птице слева – *picus*, а в той, что справа – *raha*. Так как сова идентифицируется достаточно хорошо на изображении, то можно предположить, что именно здесь *raha* и есть сова.

2) Примерно к 230 г. до н. э. относится керамический медальон из Кампании, представляющий целую серию сходных изображений (рис. 4)³². В центре композиции мы видим волчицу, кормящую детей, а над ней – ветку *figus Ruminalis*, где расположились две птицы, которые смотрят в противоположные стороны. К сожалению, мы не можем определить, что это за птицы, однако сделаем два замечания. Во-первых, судя по размерам, это разные птицы³³. Во-вторых, здесь нет совы, которая выделялась бы особенной посадкой. Тем самым, можно предположить, что медальон был создан в русле иного мифа, чем зеркало из Больсены.

3) Бронзовый квадрант 205–195 гг.

³² Dulière 1979, 67–75; Dardenay 2012, 82–84.

³³ На этом решительно настаивает Брикель: Briquel 2018, 103.

³⁴ Alföldi 1965, 277–278; Dulière 1979, 77, М6; Briquel 2018, 103.

³⁵ Поскольку, очевидно, что орел не имеет связи с мифом о близнецах, то изображения с этой птицей я рассматривать не буду.

³⁶ Small 1988, 131–132, n. 7.

птицы соответствуют трем человеческим персонажам, Ромулу, Рему и Фаустулу, и сулят каждому из них благополучие.

5) Вероятно, одним из первых изображений с одной птицей, которая сидит в ветвях *ficus Ruminalis*, является инталия, которую датируют от III в. до последней трети II в. до н. э. (рис. 7)³⁷. В центре изображена волчица, которая кормит двоих детей. Слева от группы – пастух Фаустул, справа – достаточно загадочная голова в шлеме, которую определяют по-разному. Одни – как голову Марса, другие – как голову богини Ромы, третьи – как голову Ола, *caput Oli* (Dion. Hal. *RA*. IV. 59–61; Liv. I. 55; Plin. *NH*. 28. 15; Varro *LL*. V. 41; Serv. *Ad Aen*. VIII. 345; Arnob. 6.7)³⁸. Наконец, над волчицей мы видим *ficus Ruminalis*; в ветвях сидит одна птица, контуры которой столь неопределенны, что ее трудно идентифицировать. На мой взгляд, убедительна датировка, которую предложила Дардене – последняя треть II в. до н. э., так как инталия развивает иконографию, уже представленную на денарии Помпея Фостла 137 г. до н. э.

6) Денарий, так называемый *augurium Romuli*, 115–90 гг. до н. э. (рис. 8). Здесь представлена сидящая богиня Рома. Рядом с ней изображены две птицы, в которых видят то ли коршуна, то ли ворона либо какую-либо другую врановую птицу³⁹.

Соблазнительно свести воедино письменные и изобразительные источники. Сюжет зеркала из Больсены, на первый взгляд, хорошо согласуется с сообщениями Плавта и Игувинских таблиц. Гораздо хуже дело обстоит с тем, что бы соотносить с зеркалом фразу Гигина, сохраненную Нонием Марцеллом. Хотя,

Рис. 6. Денарий Сек. Помпея Фостла, 137 г. до н. э. По: Dardenay 2012, 85

Рис. 7. Инталия, III – последняя треть II в. до н. э. По: Dardenay 2012, 86

Рис. 8. Денарий *augurium Romuli*, 115–90 гг. до н. э. По: Dardenay 2012, 89

³⁷ Dardenay 2012, 86–87.

³⁸ Furtwängler 1900, 243; Dulière 1979, 81–84; Dardenay 2012, 86–87.

³⁹ См. Dardenay 2012, 111–112. При Веспасиане была отчеканена золотая монета, на оборотной стороне которой был воспроизведен сюжет с *augurium Romuli*. Но в отличие от оригинала здесь птиц можно определить точнее: хищник. См. Dardenay 2010, 111–112.

по утверждению этого автора, *picus* — это птица Марса, а *raffa* — птица Весты, для художника такая связь, по-видимому, никакой роли не играла. Дело в том, что при значительном разнообразии толкований никто из исследователей не видит на зеркале ни Марса⁴⁰, ни Весты (если только птицы не были своего рода замещением богов). Если это так, то, следовательно, на зеркале распадается связь между *picus* и Марсом, а также *raffa* и Вестой, на чем настаивал Гигин.

Обратим внимание на любопытный нюанс. Когда древние авторы упоминают дятла, который вскормил детей и является Марсовой птицей, то он всегда один (Ovid. *Fasti* III. 37–38, 53–54; Plut. *Rom.* 4. 2, etc.). Если же, как у Плутарха и Сервия, упоминаются несколько птиц, то подразумевается их видовое разнообразие, а не множество птиц внутри одного вида (Plut. *Rom.* II. 7; Serv. *Aen.* I. 273)⁴¹. Можем ли мы сделать вывод, что изображения на монетах и медальонах нескольких птиц также подразумевает их видовое различие, хотя выглядят они одинаково, как, например, на денарии Помпея Фостла, где их даже три, или на денарии *augurium Romuli*? Этот вопрос пока остается без ответа.

Отмечу еще, что в текстах Плавта, Гигина, Феста и в Игувинских таблицах пара птиц *picus* и *raffa* рассматривается только по линии «справа — слева». Мы можем допустить, что если тот же принцип закреплен на зеркале из Больсены и на медальоне из Кампании, где представлена пара разных птиц, то здесь птицы также имеют авгуральное значение.

Трудно сказать, играл ли дятел особенную авгуральную роль среди птиц. Изображения дятла вне предания о Реме и Ромуле более редкие, что обусловлено распространением самого мифа, кроме того, эту птицу вне контекста гораздо труднее идентифицировать⁴². Мне известны два таких изображения.

Первое из них происходит из Этрурии. Как известно, этруски славились своим умением читать будущее по птицам. Но, к сожалению, наши немногочисленные знания об этруском искусстве мало что могут сказать в отношении исследуемой темы. В качестве одного из немногочисленных примеров упомяну фреску из «могилы Франсуа» (IV в. до н. э.). На фреске изображен заказчик, Вел Сатий (Vel Saties) (рис. 9). Он показан в одежде, на которой изображены сцены сражения. Римским соответствием одежды Вела Сатия является *toga picta*, в которую облачались римские триумфаторы. На голове — лавровый венок. Справа мы видим, вероятно, карлика по имени *Agna*, выполняющего роль помощника, который в левой руке держит птицу, привязанную шпагатом к его правой руке. Перо Масса утверждает, что это дятел (*picus Martius*), Коарелли более осторожен

⁴⁰ Категоричное утверждение: Dardenay 2012, 79.

⁴¹ В этом отношении Рубенс, изобразив трех птиц одного рода, шел явно не в античном русле.

⁴² То, что римские художники обращали специальное внимание на видовое разнообразие птиц, говорят многочисленные сохранившиеся изображения. См., например, мозаику из Никеи (II в. н. э.), где изображены зеленая шурка (*Merops supercilliosus*), павлин (*Pavo cristatus*), угод (Урра еропс) и султанка (*Porphyrio porphyrio*), а также фрески из Помпей и Геркуланума, где представлены самые разные виды птиц. См. Mazzoleni, Pappalardo 2004. Хочу поблагодарить Т. Кишбали за то, что обратил мое внимание на мозаику из Никеи.

и не называет вид птицы⁴³. Непонятно, для чего нужна была птица: либо карлик собирался ее отпустить, чтобы затем наблюдать за ее полетом, либо же, напротив, используя ее в качестве приманки, привлечь постороннюю птицу-самца, по направлению полету которого понять будущее⁴⁴. В любом случае мы сталкиваемся с загадкой: Вел Сатий представлен уже в одежде триумфатора, но совершает обряд ауспиций, который должен быть совершен до начала битвы.

Второе изображение с дятлом относится уже к Риму (рис. 10). Это несколько гемм, которые датируют примерно 200–100 гг. до н.э.⁴⁵ Справа⁴⁶ мы видим обнаженного, по-видимому, воина, на голове у него шлем, а в правой руке он держит продолговатый щит. Слева, перед воином, на верхушке колонны, сидит птица. Столб обвивает змея, а у основания столба расположено животное, по-видимому, овца, которую уже принесли или собираются принести в жертву. Воин обращается к птице, очевидно, за оракулом.

Это изображение поразительным образом напоминает прорицалище Марса из Тиоры Матиены, о котором сообщает Дионисий Галикарнасский (*RA. I. 14. 5*, пер. И.Л. Маяк): «Сообщают, что в ней [Тиоре Матиене] имелось очень древнее прорицалище Марса. А по характеру это прорицалище, как говорят, было близко известному по преданиям и существовавшему у додонцев. Только передавали, что в Додоне пророчествует голубь, сидящий на священном дубе; у аборигенов то же самое делала посланная богом птица, появляющаяся на деревянном

Рис. 9. Фреска из «могилы Франсуа», IV в. до н.э. По: Coarelli 2011, 170

Рис. 10. Гемма, 200–100 гг. до н.э. По: Furtwängler 1900, 119 (10)

⁴³ См. Pairault Massa 1992, 122–124; Coarelli 2011, 170.

⁴⁴ Coarelli 2011, 170.

⁴⁵ Furtwängler 1900, 119 (10). Геммы достаточно сходные. Одна из них имеет надпись ΡΟΤΙΤΙ. Согласно Харрис, в 1912 г. она хранилась в Берлинском музее. См. Harris 1916, 101. Дальнейшая судьба геммы мне неизвестна.

⁴⁶ Ориентация по самой гемме, а не по отпечатку с нее.

Рис. 11. Мраморный рельеф из Ареццо. I в. до н. э. — I в. н. э. Фото: А.В. Мосолкин

Рис. 12. Ауреус, 77–78 гг. н. э. По: Parisi Presicce 2000, 49

ми. Можно предположить, что Овидий знал о присутствии птицы/птиц в сюжете о Реме и Ромуле, но не мог его объяснить. Именно поэтому Овидий придает дятлу новую функцию. Вместо вестника блестящего будущего Рима тот оказывается Марсовой птицей.

столбе, которую они называют “пик”, а эллины на своем языке дятлом»⁴⁷.

Как бы ни привлекательно было это сопоставление, однако, на мой взгляд, здесь имеются некоторые нестыковки. К сожалению, мои сомнения не «тяжелые», а количественные, тем не менее их стоит привести. Во-первых, Дионисий говорит о древнем святилище (πάνυ ἀρχαῖον), которое, вероятно, в его время уже не существовало. Во всяком случае, он его не видел. Трудно сказать, если принять раннюю датировку геммы около 200 года до н. э., было ли это время (т. е. примерно за двести лет до написания «Римских древностей») для Дионисия древним. Во-вторых, если Дионисий говорит, что святилище принадлежало аборигенам, то стал ли бы мастер, чье происхождение нам неизвестно, вырезать святилище местных жителей, не-римлян?

Таким образом, мы видим, что изображение дятла вне контекста легенды о Реме и Ромуле фактически не встречаются.

Наконец, важно не только присутствие птиц, но и их полное отсутствие, что не может не бросаться в глаза. В качестве примера приведу мраморный рельеф из Ареццо (I в. до н. э. — I в. н. э.) (рис. 11) и фреску из дома Фабия в Помпеях (I в. н. э.). Можно предположить, что рубеж II—I вв. до н. э. — это время, когда птицы уже, по-видимому, утратили «авгуральность» в глазах художников и стали непонятными и избыточными.

⁴⁷ [Τίώρα δὲ ἀπὸ τριακοσίων, ἢ καλουμένη Ματιήνη]. ἐν ταύτῃ λέγεται χρηστήριον ἄρεος γενέσθαι πάνυ ἀρχαῖον. ὁ δὲ τρόπος αὐτοῦ παραπλήσιος ἦν ὡς φασι τῶ παρὰ Δωδωναίους μυθολογουμένῳ ποτὲ γενέσθαι· πλὴν ὅσον ἐκεῖ μὲν ἐπὶ δρυὸς ἱεράς <πέλεια> καθεζομένη θεσπιφδεῖν ἐλέγετο, παρὰ δὲ τοῖς Ἄβorigίσι θεόπεμπτος ὄρνις, δν αὐτοὶ μὲν πίκον, Ἕλληνες δὲ δρυοκολάπτην καλοῦσιν, ἐπὶ κίονος ξυλίνου φαινόμενος τὸ αὐτὸ ἔδρα.

Вероятно, с начала I в. до н. э., художники перестают создавать новые изображения с птицами, хотя продолжают копировать старые образы. Например, при Веспасиане и некоторых других императорах чеканился ауреус, оборотная сторона которого воспроизводила *augurium Romuli* (рис. 12). Однако с I в. до н. э. дятла, птицу Марса, на известных нам изображениях чаще всего замещает орел, птица Юпитера. Самые первые образцы – это геммы и алтарные памятники (рис. 13, 14)⁴⁸.

После I в. до н. э. изображения двух птиц надолго исчезают из нашего поля зрения. К концу II в. н. э. относится рельеф из города Авентик (совр. Аванш, Швейцария) (рис. 15). По сторонам от кормящей волчицы изображены деревья. В ветвях того дерева, что слева, изображено гнездо с птенцами. На том дереве, что справа, видна птица, в которой исследователи распознают сову (рис. 16)⁴⁹. Перед каждым деревом сидит еще по одной птице. Расположение совы – если это, конечно, она – с правой стороны чрезвычайно интересно. Вряд ли это простое совпадение с текстами Плавта и Игувинских таблиц. Поэтому можно утверждать, что во II в. мастер скопировал ранний образец, не давая себе отчет в его значении.

Наконец, последний раз (рис. 17) мы встречаем разных птиц на изображении в гораздо более позднюю эпоху – в центральной части (74 × 59 см) мозаичного мраморного пола IV в. н. э., обнаруженного в Бовиллах, а ныне принадлежавшего коллекции Колонны в Риме (*opus sectile Colonna*). В ветвях дерева справа сидит, вероятно, гриф⁵⁰. Предположу,

Рис. 13. Гемма. По: Dulière 1979, 2, fig. 48

Рис. 14. Алтарь из Остии, 124 г. н. э. Фото: А.В. Мосолкин

⁴⁸ Dulière 1979, 123; Gasparri, Paris 2013, 88–89.

⁴⁹ Dulière 1979, 227, fig. 109; Briquel 2018, 103.

⁵⁰ Dulière 1979, 188–190, fig. 129; Small 1988, 130, n. 1; Carandini 2006b, fig. 11; Briquel 2018, 103.

Рис. 15. Рельеф из Аванша, конец II в. н. э. По: Parisi Presicce 2000, 41

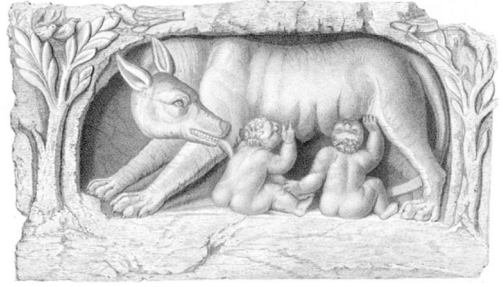

Рис. 16. Рельеф из Аванша, конец II в. н. э. По: Dulière 1979, 2, fig. 109

Рис. 17. Мозаичный мраморный пол из Бовилл, IV в. н. э. По: Dulière 1979, 2, fig. 129

что все три птицы относятся к разным сюжетам. Две птицы, сидящие на дереве, были скопированы и творчески переосмыслены с ранних образцов сцены Фаустула с близнецами, а летящая птица справа относится уже к жертвеннику, хотя смысл ее не очень понятен.

ВЫВОД

Миф о Реме и Ромуле появился не сразу и не целиком. Вероятно, древнейшей его частью был сюжет о близнецах, которых вскормило хищное животное – волчица. Предположу, что время зарождения мифа – примерно VI–V вв. до н. э. Вероятно, позднее, примерно в IV в. до н. э., судя по изображению на зеркале из Больсены, в сцене о рождении близнецов появляются птицы, которые играют авгуральную роль – они предсказывают будущую удачу и славу Рему и Ромулу. Одной

из этих двух птиц был, вероятно, дятел. Роль нескольких птиц надолго осталась в римской иконографии и литературе – вероятно, вплоть до рубежа II и I вв. до н. э. На изобразительном материале не всегда можно понять изменение функций, которые приписывались дятлу, так как чрезвычайно сложно определить вид птицы, которую представил художник, а также сказать, с какой целью она была изображена. В литературных источниках дятел как животное Марса появляется впервые у Овидия. Нельзя сказать, был ли Овидий инициатором этого новшества, так как сохранность его источников, т. е. римской литературы II в. до н. э., весьма плачевна. Очень туманным выглядит переход от нескольких птиц к одной в сцене спасения близнецов. Не слишком понятно, почему Овидий предпочел дятла. Потому ли, что дятел был известен как птица Марса или по иной причине. Некоторые наши источники (Плутарх и *OGR*) позволяют нам предположить, что дятел стал птицей Марса уже впоследствии, после его укоренения в мифе о близнецах. Однако на сохранившихся изображениях мы часто видим орла, который, являясь птицей Юпитера, символизировал могущество римской власти и, таким образом, не имел отношения к мифу о Реме и Ромуле. Вероятно, со II в. н. э. начались антикварные поиски ранних вариантов мифа. Следы этих поисков мы встречаем у Плутарха, цитировавшего загадочного Проматиона, и у Сервия. Скульпторы и художники, вероятно, также находились в том же процессе поиска старого, о чем свидетельствуют рельеф из Аванша и *opus sectile* Colonna.

Вероятно, мы можем разделить удивление, охватившее антикваров II в. н. э., которые в древних текстах и на древних изображениях видели не одну птицу, а сразу нескольких и разных видов. И Плутарх и Сервий, очевидно, понимали, что разнообразие птиц не вписывается в конструкцию с богом Марсом. Писатели лишь беспомощно констатировали факт, что в их древних источниках птиц было много и они летали вокруг основного места действия, не принося толком никакой пользы. Марса здесь, очевидно, не было. Это антикваров притягивало и настораживало. Нужно было объяснить, почему там оказался дятел и почему он вообще стал птицей Марса⁵¹. Художники также, вероятно, не понимали смысла множества птиц и лишь копировали ранние варианты, не вдаваясь в их смысл. Связь с прошлым оказалась утерянной с того времени, когда бог Марс с I в. до н. э. восторжествовал в текстах и в изображениях.

Литература / References

- Alföldi, A. 1965: *Early Rome and the Latins*. Ann Arbor.
Ampolo, C., Manfredini, M. (a cura di) 1988: *Plutarco. Le vite di Teseo e di Romolo*. Milano.
Ancillotti, A., Cerri, R. 2023: *Le Tavole di Gubbio e l'Italia preromana*. Perugia.
Arnott, W.G. 2007: *Birds in the Ancient World from A to Z*. London–New York.
Brelch, A. 2010: *Tre variazioni romane sul tema delle origini*. Roma.
Brind'Amour, L., Brind'Amour, P. 1975: Le dies lustricus, les oiseaux, de l'aurore et l'amphidromie. *Latomus* 34, 17–58.
Briquel, D. 1976: L'oiseau omnia, la louve de Mars, la truie féconde. *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité* 88/1, 31–50.

⁵¹ Дюмезиль обращает внимание, что животные Марса – земные. Дятел является исключением из-за того, что он летает низко. Мне такое объяснение кажется неубедительным. См. Dumézil 1970, 209–210.

- Briquel, D. 2018: *Romulus, jumeau et roi. Réalités d'une légende*. Paris.
- Capponi, F. 1979: *Ornithologia Latina*. Genova.
- Carandini, A. (ed.) 2006a: *La leggenda di Roma*. Vol. I. *Dalla nascita dei gemelli alla fondazione della città*. Milano.
- Carandini, A. 2006b: *Remo e Romolo. Dai rioni dei Quiriti alla città dei Romani (775/750–700/675 a.C. circa)*. Torino.
- Coarelli, F. 2011: *Le origini di Roma*. Milano.
- D'Anna, G. (ed.) 1997: *Anonimo. Origine del popolo romano*. Milano.
- Dardenay, A. 2010: *Les mythes fondateurs de Rome: images et politique dans l'Occident romain*. Paris.
- Dardenay, A. 2012: *Images des fondateurs. D'Enée à Romulus*. Bordeaux.
- Devoto, G. 1974: *Le tavole di Gubbio*. Firenze.
- Dillon, M. 2017: *Omens and Oracles. Divination in Ancient Greece*. London–New York.
- Dulière, C. 1979: *Lupa Romana. Recherches d'iconographie et essai d'interprétation*. Vol. I–II. Bruxelles–Rome.
- Dumézil, G. 1970: *Archaic Roman Religion*. Vol. I–II. Baltimore–London.
- Ernout, A., Meillet, A. 1939: *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris.
- Furtwängler, A. 1900: *Die Antike Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum*. Bd. II. Berlin.
- Gabba, E. 2000: *Roma arcaica. Storia e storiografia*. Roma.
- Gasparri, C., Paris, R. (eds.) 2013: *Palazzo Massimo alle Terme. Le collezioni*. Roma.
- Green, A. 2023: *Birds in Roman Life and Myth*. London–New York.
- Halliwell-Phillips, J.O. 1847: *A Dictionary of Archaic and Provincial Words, Obsolete Phrases, Proverbs and Ancient Customs from the Fourteenth Century*. London.
- Harris, R. 1916: *Picus Who Is Also Zeus*. Cambridge.
- Krappe, A.H. 1941: *Picus Who Is Also Zeus*. *Mnemosyne* 9/4, 241–257.
- Mazzarino, S. 1966: *Il pensiero storico classico*. Vol. 1. Roma–Bari.
- Mazzoleni, D., Pappalardo, U. 2004: *Fresques des villas romaines*. Paris.
- Nash, D.E.M. 1988: *Feronia*. *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae* 4/1, 132–133.
- Pairault Massa, F.-H. 1992: *Iconologia e politica nell'Italia antica: Roma, Lazio, Etruria dal VII all Secolo a.C.* Milano.
- Parisi Presicce, C. 2000: *La lupa Capitolina*. Roma.
- Podossinov, A.V. 1999: *Ex oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii [Ex oriente lux! Orientation on Cardinal Directions in Archaic Cultures of Eurasia]*. Moscow. Подосинов, А.В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. М.
- Pollard, J.R.T. 1948: *The Birds of Aristophanes. A Source Book for Old Beliefs*. *American Journal of Philology* 69, 353–376.
- Poucet, J. 1976: *Fabius Pictor et Denys d'Halicarnasse: «Les enfances de Romulus et Rémus»*. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 25/2, 201–216.
- Poultney, J.W. 1959: *The Bronze Tables of Iguvium*. Baltimore–Oxford.
- Richard, J.-C. 1983: *Pseudo-Aurélius. Les origines du peuple romain. Texte établi, traduit et commenté*. Paris.
- Small, J.P. 1988: *Faustulus*. *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae* 4/1, 130–132.
- Smorchkov, A.M. 2024: [The Statue and the Cult: The Wolf/She-wolf in the Public Religion and Folk Beliefs of Ancient Rome]. In: N.V. Bugaeva (ed.), *Carmina saecularia. Materialy konferentsii pamyati I.L. Mayak [Carmina saecularia. Proceedings of the Conference in memoriam of Iya Leonidovna Mayak]*. Moscow, 47–60.
- Сморчков, А.М. Статуя и культ: волк/волчица в общественной религии и народных верованиях древнего Рима. В сб.: Н.В. Бугаева (ред.), *Carmina saecularia. Материалы конференции памяти И.Л. Маяк*. М., 47–60.
- Solopov, A.I. 1990: [About One of the Augur Birds (Meaning of the Word parra)]. In: *Yazyki i kul'tury v antichnosti [The Languages and the Cultures in the Ancient World]*. Moscow, 24–25.
- Солопов, А.И. Об одной из авгурских птиц (значение слова parra). В сб.: *Языки и культуры в античности*. М., 24–25.
- Vasmer, M. 1986: *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [The Etymological Dictionary of the Russian Language]*. Vol. I–IV. Moscow. Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. М.
- Winkler, H., Christie, D.A., Nurney, D. 1995: *Woodpeckers. A Guide to the Woodpeckers of the World*. New York.

DOI: 10.31857/S0321039124040063

НИКАКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ? ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРИУМВИРАТА REI PUBLICAE CONSTITUENDAE КАК МАГИСТРАТУРЫ AD TEMPUS INCERTUM

Р. М. Фролов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: frolovm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5915-0255

Уго Коли аргументировал тезис о существовании в Римской Республике т.н. магистратов *ad tempus incertum*, полномочия которых не прекращались автоматически по истечении какого-либо срока, а продолжались вплоть до добровольного сложения полномочий (абдикации) после выполнения задачи, поставленной перед ними. В статье рассматривается применение этой концепции рядом исследователей, прежде всего Фредериком Верватом, по отношению к триумvirату *rei publicae constituendae*. Обосновывается вывод о том, что подход, предложенный Коли, не позволяет непротиворечиво объяснить показания источников даже если принять предложенные модификации его концепции. Так, рассуждения Вервата приводят к неразрешимому противоречию между представлением о том, что Октавиан формально оставался триумвиром до 27 г., но всячески скрывал это в своей пропаганде, и идеей о том, что в 27 г. он открыто и подчеркнуто отказался от власти триумвира, чтобы продемонстрировать восстановление легитимного порядка.

Ключевые слова: Римская Республика, срок полномочий, римские магистраты, *ad tempus incertum*, триумvirат *rei publicae constituendae*, М. Антоний (триумвир), Октавиан

NO LIMITS? THE TRIUMVIRATE *REI PUBLICAE* *CONSTITUENDAE* AS A MAGISTRACY *AD TEMPUS INCERTUM*

Roman M. Frolov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Данные об авторе. Роман Михайлович Фролов – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Исследование выполнено в рамках реализации Программы развития ЯрГУ им. П.Г. Демидова, проект № GL-2023-2.

E-mail: frolovrn@yandex.ru

Acknowledgements: P.G. Demidov Yaroslavl State University development program, project no. GL-2023-2

Ugo Coli argued that in the Roman Republic there existed the so-called magistrates *ad tempus incertum*, in whose case the authority did not automatically lapse after a given period, but continued until they voluntarily abdicated upon completion of their assigned task. This paper examines the way in which this model is applied by several scholars, particularly Frederik Vervaeet, to the triumvirate *rei publicae constituendae*. This study contends that Coli's approach fails to provide a coherent explanation for our ancient evidence, even when considering the modifications proposed to his view so far. Thus, Vervaeet's reasoning leads to an irresolvable contradiction between the understanding that Octavian formally retained the office of a triumvir until 27 BC, while actively concealing this fact in his propaganda, and the idea that, in 27 BC, he openly and emphatically abdicated from the triumvirate to demonstrate the restoration of legitimate order.

Keywords: Roman Republic, term of office, Roman magistrates, *ad tempus incertum*, *Triumvirate rei publicae constituendae*, M. Antonius (triumvir), Octavian

Источники подробно документируют существование конкретных временных ограничений для магистратур Римской республики. Сроки варьировались, но общий принцип состоял в том, что должностные полномочия магистратов прекращались по завершении определенного времени¹. Существовало общее представление о том, что власть консулов отличалась от царской не объемом полномочий, а прежде всего ограниченностью по времени (Cic. *Rep.* 2. 56; Liv. 2. 1. 7).

Однако уже Теодор Моммзен выделял особую группу магистратов, власть которых он обозначал как «чрезвычайную конституирующую (устроительную)» (*außerordentliche constituierende Gewalt*). Признавая наличие в источниках прямых указаний на конкретные ограничения должностного срока, установленные для этих лиц тоже, Моммзен тем не менее считал, что его наступление не приводило к автоматическому прекращению их полномочий, так как упомянутые магистратуры имели «надконституционный» характер, будучи созданными для изменения самого конституционного порядка². Критики Моммзена справедливо указывали на то, что он ошибочно обобщил частный случай диктатуры Суллы (либо позднереспубликанских диктатур в целом)³.

Позднее итальянский исследователь Уго Коли попытался доказать существование в Римской республике двух типов магистратур, принципиально различавшихся с точки зрения механизма завершения полномочий: *ad tempus certum* и *ad tempus incertum*. К первым Коли относил всех годовичных магистратов, избираемых для выполнения постоянных, повторяющихся, рутинных функций (консулы,

¹ Frolov 2019.

² Mommsen 1887a, 696–697; 1887b, 718–720, 746–747.

³ Bringmann 1988, 24–32, 35–38; Dement'eva 2003, 78.

преторы и др.). Чтобы их полномочия не продлились до бесконечности под предлогом принципиальной незавершенности стоявших перед ними задач, власть указанных магистратов ограничивалась таким сроком (*tempus*), наступление которого означало автоматическое (*ipso iure*) прекращение полномочий (*cessatio*). Напротив, т. н. магистратуры *ad tempus incertum* создавались для решения конкретной, специальной, *ad hoc* задачи. К ним Коли причисляет диктатора и начальника конницы, цензоров, триумвиров *rei publicae constituendae* (о которых пойдет речь ниже) и других должностных лиц. Поскольку они и так имели определенную задачу, выполнимую в пределах конечного промежутка времени, установленные для них сроки полномочий, с точки зрения Коли, не имели «императивный» (*perentorio*) характер, а являлись только «угрожающими» (*comminatorio*). Должностное лицо должно было само сложить полномочия. Если же магистрат *ad tempus incertum* этого не делал, несмотря на завершение поставленной перед ним задачи, он законно удерживал должность и далее, но мог за это быть подвергнут осуждению после отказа от власти⁴.

В отдельной работе я сделал попытку подробно показать несостоятельность построений Коли⁵. Здесь отмечу только два принципиальных возражения против его концепции. Во-первых, как справедливо подчеркивает Фред Дрогула, отсутствуют надежные свидетельства в пользу того, что магистраты *ad tempus incertum* когда-либо действительно превышали установленный для них срок. С другой стороны, Цезарь, например, вряд ли озаботился бы получением титула пожизненного (*perpetuus*) диктатора, если бы и так имел право удерживать диктатуру до бесконечности⁶.

⁴ Coli 1953.

⁵ Frolov 2019.

⁶ Drogula 2015, 347–348. О некоторых случаях предполагаемого превышения диктаторами шестимесячного срока полномочий и причинах, по которым они не могут служить подтверждением концепции Коли, см. Frolov 2019, 45–46. Члены редакционной коллегии журнала «Вестник древней истории» справедливо указали на эпизод 363 г., когда Л. Манлий Капитолин, назначенный диктатором для вбития гвоздя (*clavi figendi causa*; Broughton 1951, 117), был привлечен плебейским трибуном к суду за превышение легитимного *imperii tempus* (*Val. Max. 5. 4. 3: quod occasione bene <con>ficiendi belli inductus legitimum optinendi imperii tempus excessisset*) или за прибавление «нескольких дней» к сроку диктатуры (*Cic. Off. 3. 112: L. Manlio A. f., cum dictator fuisset, M. Pomponius tr. pl. diem dixit, quod is paucos sibi dies ad dictaturam gerendam addidisset*). Данный случай можно интерпретировать по-разному. Речь могла идти об отказе от абдикации после выполнения ритуала, ради которого была инициирована диктатура, и о ведении диктатором вместо этого войны, под предлогом потребностей которой он смог сохранять должность дольше тех немногих дней, которые требовались для совершения ритуала (ср. *Liv. 7. 3. 9: Qua de causa creatus L. Manlius, perinde ac rei gerendae ac non solvendae religionis gratia creatus esset, bellum Hernicum adfectans dilectu acerbo iuventutem agitavit*). Учитывая эту возможность, уверенно говорить о действительном превышении срока нельзя (Kunkel, Wittmann 1995, 632; Konrad 2022, 102). Если бы мы все же посчитали, что Манлий оставался в должности дольше шести месяцев, мы также должны были бы в таком случае признать, что факт превышения определенного срока стал основанием для судебного преследования. Коли приводит данный эпизод чтобы показать, что гражданский коллектив сохранял возможность привлечь к суду магистрата *ad tempus incertum*, отказавшегося от своевременной абдикации (после выполнения поставленной задачи; Coli 1953, 405). Но если отказ от абдикации был легальным даже после завершения

Во-вторых, из концепции Коли с необходимостью следует, что с публично-правовой точки зрения вовсе не выполнение поставленной задачи (как сначала постулирует итальянский исследователь) определяло механизм завершения магистратуры *ad tempus incertum*⁷. Формально, как признает Коли, лишь абдикация прекращала власть таких должностных лиц. Однако единственным способом принудить их к абдикации было давление со стороны гражданского коллектива. Причем давление такого рода оказывалось в рассматриваемом случае магистрата *ad tempus incertum* нелегальным, и он был в полном праве отреагировать легальным применением силы. Но сложно представить себе, чтобы римляне, скрупулезно регламентировавшие сроки полномочий для всех магистратов (включая тех, которых Коли называл *ad tempus incertum*), сконструировали систему, в рамках которой *civitas* оказывалась лишена легальных методов борьбы с узурпацией. Если бы мы приняли концепцию Коли, то нам также пришлось бы признать, что жесткое «автоматическое» ограничение срока власти, предположим, консулов сочеталось с отсутствием механизма такого рода для, например, диктаторов — магистратов с куда большими полномочиями, чем консулы, не ограниченных, в отличие от последних, действием иных публично-правовых инструментов (например, действием принципа коллегиальности).

Вероятно, понимая слабость построений Коли, Фредерик Верват, об исследованиях которого речь пойдет ниже, делает попытку фактически «мимоходом» (в малозаметном примечании) «спасти» гипотезу итальянского исследователя, добавляя, что существовал и «внешний» легальный механизм борьбы с узурпацией власти со стороны магистратов *ad tempus incertum* — абrogация (*abrogatio* — «принудительное» отстранение от должности)⁸. Однако Верват здесь не учитывает, что абrogация не могла быть инициирована без участия уполномоченного должностного лица⁹. Между тем в рассматриваемой ситуации либо некому было ее осуществить ввиду отсутствия в данный момент магистратов *ad tempus certum* (так как их заменяли магистраты *ad tempus incertum*), либо попытку организовать абrogацию магистраты *ad tempus incertum* (по крайней мере, диктаторы и триумвиры *rei publicae constituendae*) могли бы просто заблокировать, воспользовавшись своими законными (еще не прекращенными) полномочиями высших магистратов Республики. Можно даже сделать умозрительное предположение о том, что в рассматриваемом контексте Коли не писал об абrogации как раз ввиду только что отмеченных противоречий, а не потому, что не учел эту возможность «по недосмотру», как кажется Вервату («Coli apparently overlooked...»).

срока и выполнения задачи магистратуры (а именно так обстоит дело в терминах концепции Коли), становится неясно, на каком юридическом основании трибун смог привлечь к суду за превышение срока, который не имел никакого формального значения? Таким образом, при любой интерпретации этот и другие подобные эпизоды лишь усиливают вывод о том, что никакого автоматического, традиционно признаваемого законным, удержания полномочий сверх установленного периода времени не практиковалось.

⁷ Отсутствие у факта выполнения специальной задачи всякого юридического эффекта не мешает исследователю считать именно ее причиной особого в публично-правовом отнесении механизма регулирования *tempus* у магистратов *ad tempus incertum*.

⁸ Vervaeke 2020, 29.

⁹ О понятии и практике *abrogatio* в эпоху Республики подробнее см. Frolov 2021.

Именно на концепции Коли, чрезвычайно ненадежной основе для любых дальнейших построений, зиждется интерпретация рядом современных исследователей, в первую очередь Верватом, особенностей публично-правового регулирования триумvirата *rei publicae constituendae*, созданного в 43 г.¹⁰ На примере этих исследований хорошо видны последствия применения концепции Коли к конкретному историческому материалу.

Триумвирам власть была предоставлена сроком на пять лет (округленно), и таких сроков было два¹¹. Дискуссия по поводу срока завершения полномочий триумвиров чрезвычайно обширна и требует отдельного рассмотрения, но основные исследовательские позиции можно свести к трем вариантам: 1) власть триумвиров истекла в конце 33 г.; 2) она завершилась в конце 32 г.; 3) она законно удерживалась до момента абrogации, абдикации или смерти ее носителей в независимости от того, какой срок исполнения полномочий был установлен (в рамках такого подхода оказывается, что, например, полномочия Октавиана как триумвира завершились лишь в начале 27 г.; см. об этом ниже). Различия в выборе между двумя близкими датами (конец 33 г. или конец 32 г.) возникает, главным образом, из-за того, что итерация триумvirата была санкционирована ближе к середине 37 г. (*App. BC. 5. 93; Cass. Dio 48. 54. 7; 49. 23*), и у исследователей появляется возможность старт второго *quinquennium* относить как к началу 37 г., так и к началу 36 г. Следует, на мой взгляд, солидаризироваться с теми, кто полагает, что власть триумвиров прекратилась в конце 33 г.¹² Однако для данной статьи важен не вопрос по поводу как такового срока полномочий коллегии, а дискуссия о том, приводило ли наступление любого срока к автоматическому прекращению власти триумвиров.

Верват полагает, что второй срок завершился в конце 32 г., но сами пятилетние сроки не имели никакого юридического значения для обоснования сохранения власти триумвирами, так как триумvirат относился к числу т. н. магистратур *ad tempus incertum*¹³. Альберто Далла Роза в целом соглашается с Верватом, но это не мешает ему подметить, что Верват никак не отреагировал на критику концепции Коли, которую давно озвучили Франческо Де Мартино, Эмилио Габба и другие исследователи. Вторая опора построений Вервата, по верному наблюдению Далла Розы, — это неубедительное предположение о том, что в рассказ о событиях 27 г. Дион Кассий включает речь, которая точно передает суть выступления Октавиана перед сенатом, где он якобы официально объявил об абдикации триумvirата. Следовательно, по логике Вервата, эта должность законно удерживалась Октавианом в течение нескольких лет после окончания второго пятилетнего срока. Впрочем, и на замечания самого Далла Розы Верват по существу дела в своих последующих публикациях не отреагировал¹⁴.

¹⁰ Здесь и далее все даты — до нашей эры.

¹¹ См., например, Girardet 1990, 329–330.

¹² Краткую аргументацию см., например, в работе Pelling 1996, 67–68.

¹³ Vervae 2009; 2010, 79–113; 2020, 29–32.

¹⁴ Dalla Rosa 2015, 172–176. Далее я в основном цитирую статью Вервата, где он приводит наиболее подробную аргументацию (Vervae 2010). Он повторяет ее в сокращенном виде (и без реального отклика на принципиальную критику своих предыдущих публикаций) в более поздних работах (см. прежде всего Vervae 2020, особенно 29–32).

Обратимся сначала к вопросу о речи Октавиана у Диона. Карстен Ланге так же относится к числу тех современных исследователей, которые полагают, что Октавиан законно удерживал власть триумвира до 27 г. И тем не менее Ланге не верит в «аутентичность» речи Октавиана об отставке, передаваемой Дионом. Ланге полагает, что она принципиально схожа с речами, которые Дион приводит при описании знаменитого спора Агриппы и Мецената, и является результатом творчества греческого автора¹⁵. Однако даже не в этом, как мне представляется, заключается основная проблема.

Предположим, как предлагает Верват, что в речи Октавиана перед сенатом Дион описывает формальную абдикацию триумvirата¹⁶. В частности, мы должны будем в таком случае считать, что именно на это указывает выражение ἀφίημι τὴν ἀρχὴν ἄλασσαν (Cass. Dio 53. 4. 3: «Я отказываюсь от всей власти») ¹⁷. В другом фрагменте у Диона (53. 6. 3) Октавиан заявляет о том, что станет *privatus* (ἰδιωτεύσει). Однако по этому поводу Верват замечает, что данное высказывание нужно понимать как «риторическое», поскольку мы знаем, что даже после этой речи Октавиан оставался консулом в течение 27 г. Напротив, фраза ἀφίημι τὴν ἀρχὴν ἄλασσαν, по мнению Вервата, надежно указывает на то, что по-латински называлось *abdicare se magistratu* или *deponere imperium*, а эти процедуры автоматически подразумевали возврат к статусу *privatus*. Верват полагает, что это объясняет появление риторического преувеличения в виде термина ἰδιωτεύσει¹⁸. Такое объяснение не может быть принято именно потому, что в 27 г. Октавиан, независимо от того, какие именно полномочия он сложил с себя (что и отразил Дион), по-прежнему оставался консулом¹⁹. Приходится признать, что речь Октавиана у Диона, — если интерпретировать ее так, как это делает Верват, — является «риторической» до такой степени, что ее автор демонстрирует незнание элементарных аспектов публично-правовой ситуации, так как рисует перспективу для Октавиана каким-то образом стать ἰδιώτης, при этом оставаясь консулом. На мой взгляд, лучшим выходом было бы согласиться с Джоном Ричем. Он считает, что поскольку ἰδιωτεύσει подразумевает «намерение отказаться от консулата и воздерживаться от всякого участия в публичной жизни», в высшей степени маловероятно, что Октавиан действительно употреблял подобного рода терминологию²⁰.

¹⁵ Lange 2009, 54. Сходным образом, например, Rich 2012, 52.

¹⁶ Попутно замечу, что абдикация не могла быть формально осуществлена перед сенатом, а должна была происходить на *contio* (ср. Pina Polo 1989, 157–158). Ни о чем хоть отдаленно напоминающем абдикацию Октавианом триумvirата перед народом Дион, строго говоря, не сообщает. Таким образом, интерпретация Верватом речи Октавиана перед сенатом как абдикации может рассматриваться как изначально не имеющая историко-правовых оснований. Верват определенно признает эту проблему, поскольку в какой-то момент добавляет, что на самом деле Октавиан выступил и перед народом (Vervae 2010, 122). Но подчеркну еще раз: даже Диону об этой *contio* ничего неизвестно, а считать само собой разумеющимся, что она все-таки состоялась, невозможно, так как именно это и требуется доказать, чтобы начинать хоть какую-то дискуссию. Впрочем, и допущение о проведении *contio* принципиально ситуацию не меняет, как я попытаюсь показать ниже.

¹⁷ Vervae 2010, 126.

¹⁸ Vervae 2010, 124.

¹⁹ Справедливо отмечается в работе Börm, Navener 2012, 215.

²⁰ Rich 2012, 59.

Если же, напротив, мы предположим вслед за Верватом, что Дион сохранил суть того, что Октавиан в реальности сказал, но затем сделаем оговорку о том, что ἰδιωτεῦσαι является только риторическим украшением, из которого нельзя делать далеко идущие выводы по поводу публично-правовой ситуации, то мы должны одновременно с этим отказаться от интерпретации ἀφίημι τὴν ἀρχὴν ἄλασιν в этой же речи как, напротив, точного указания на формальную абдикацию триумвирата и вместо этого рассматривать данную фразу в лучшем случае как обобщенное описание отказа от каких-то чрезмерных полномочий.

Возвращаясь к значению концепции Коли для аргументации Вервата, следует заметить, что последний попытался эту концепцию дополнить, порой значительно меняя ее (как мы увидим, вплоть до создания логических противоречий, которых в рассуждениях Коли не было). Так, Верват много пишет о ситуации с консулом Л. Антонием (братом триумвира) в 41 г. Консул потребовал от триумвиров сложить полномочия, поскольку уже были побеждены Брут и Кассий, наказание которых и являлось изначальным *raison d'être* триумвирата. Верват рассматривает заявление Л. Антония как доказательство того, что без искомой абдикации триумвират не мог завершиться, но никак не комментирует то обстоятельство, что в 41 г. до истечения срока полномочий триумвиров оставалось еще более трех лет. Верват настаивает на том, что требования Л. Антония имеют смысл только в случае, если принять гипотезу Коли о специфическом характере *tempus* триумвирата как магистратуры *ad tempus incertum*: «Если бы триумвират и его срок имели качества и характеристики, например, консулата и его *tempus*, то и тенор, и выбор момента для заявления Луция были бы совершенно бессмысленными»²¹. Замечу, что смысл любого акта абдикации как раз и состоял в том, чтобы завершить такие полномочия, которые без абдикации продолжились бы. Логично, что в рассказе Диона Л. Антоний требовал абдикации, ведь триумвират не завершился бы в том случае, если бы его носители не отказались от власти, поскольку срок их полномочий на тот момент еще не истек. И действительно, несмотря на пожелания Л. Антония, триумвиры не совершили абдикацию и продолжали законно удерживать власть. В чем именно Верват усматривает здесь противоречие, он не поясняет. Для объяснения эпизода гипотеза Коли не нужна. Остается предположить, что для Вервата любое сочетание факта того, что магистраты избраны для выполнения *ad hoc* задачи (как триумвиры), и сведений о том, что таким магистратам было предложено совершить абдикацию до наступления определенного для них срока, является достаточным доказательством того, что магистратура относилась к числу магистратур *ad tempus incertum* и без абдикации не завершилась бы даже после истечения положенного срока. Очевидно, что это не так, так как для оценки конкретного свидетельства источников значение имеет, наступил срок или еще нет. По этой причине как рассуждение по поводу выступления Л. Антония, так и другие ссылки Вервата на обещания триумвиров отказаться от власти до истечения очередного пятилетнего срока не имеют никакого отношения к доказательству тезиса о том, что триумвират без абдикации продолжался бы до бесконечности²².

²¹ Vervaeet 2010, 105–106.

²² Vervaeet 2010, 107–112. См., например, Cass. Dio 49. 41. 6: ἀρχὴν καὶ πάντα τὰ πράγματα (34 г.). Сходная с рассуждениями Вервата линия аргументация в этой части: Coli 1953, 415; Gabba 1970, 13–14; Roddaz 2003, 407–408.

Согласно Вервату, претензии Л. Антония были обоснованными²³. Но если это так, и если полагать, что триумvirат действительно являлся магистратурой, срок законного исполнения которой зависел только от решения поставленной задачи, то тогда триумvirат оказался бы незаконным уже в 41 г., как и утверждал Луций. Ведь на какой-то промежуток времени, пока триумvиры еще не переквалифицировали задачу своей магистратуры²⁴, обосновав ее дальнейшее легальное (в логике Вервата) исполнение, единственное, что делало триумvirат легальным, был бы факт того, что *quinquennium* еще не истек. Иными словами, даже безоговорочное следование концепции Вервата не избавило бы нас от необходимости признания того факта, что именно незавершенность срока триумvirата оставалась (по крайней мере, на какой-то период времени) единственным обоснованием законности сохранения власти. Иными словами, концепция Коли–Вервата, даже если ее принять, просто не применима в отдельные промежутки времени существования триумvirата и по этой причине автоматически уступает место альтернативной концепции.

Иначе должны рассматриваться сообщения источников об обещаниях Антония и Октавиана отказаться от власти уже после 33 г., когда второй пятилетний срок, вероятно, уже истек. Верват приводит два свидетельства (две группы свидетельств): на греческом у Диона и на латинском языке в Периохах.

Греческий текст Диона не содержит формулировки, которая однозначно указывала бы на триумvirат, как, например, *τριῶν ἀνδρῶν τῆς τῶν δημοσίων πραγμάτων διατάξεως* в письме Октавиана жителям Пларасы–Афродисиады²⁵. Вместо этого Дион использует общие понятия: *ἐξουσία πᾶσα* (50. 4. 3), *ἀρχή, κράτος* (50. 7. 1–2)²⁶. Действительно, нарративные источники могли при помощи такой терминологии указывать на власть действующих триумvиров²⁷. Но одно дело, когда формулировки подобного рода употребляются в рассказе о событиях до 32 г. (т. е. однозначно в пределах срока полномочий триумvиров), и совсем другое, когда речь идет о событиях после 33 г. Необходимы в последнем случае дополнительные свидетельства того, что речь идет об обещании абдикации именно триумvirата. Иначе нельзя исключить, что, когда, например, в 50-й книге у Диона (события 32 г.) Антоний обещает отказаться от власти, речь идет о проконсульском империи, провинциях и армиях, управляемых промагистратом, а не о триумvirате (50. 7. 1–2)²⁸, ведь сугубо магистратских полномочий в сфере *domi* не упоминается. Тексты на греческом языке в данном случае просто не позволяют делать далеко идущих выводов²⁹.

Напротив, терминология латинских текстов вполне однозначна, давая возможность предположить, что именно обозначают в рассматриваемой ситуации слова *ἀρχή* или *ἐξουσία*, которыми греческие тексты описывают власть Антония

²³ Vervae 2010, 106.

²⁴ См. ниже по поводу концепции Ланге о содержании «задачи» триумvirата.

²⁵ Reynolds 1982, 42, 44–45 (Doc. 6, l. 5–7).

²⁶ Vervae 2010, 112–113.

²⁷ Bleicken 1990, 12–13; Vervae 2010, 123.

²⁸ Ср. уже Kromayer 1888, 10–11.

²⁹ Ср. Bleicken 1990, 67–68.

и Октавиана после 33 г. В Периохе 132-й книги Ливия об Антонии сказано так: *neque in urbem venire vellet neque finito Imperatus tempore imperium deponere* («он не желает ни в Рим войти, ни империй сложить после истечения срока триумvirата») ³⁰. Противопоставление срока триумvirата (который уже завершился сам собой, *ipso iure*, безотносительно действий Антония) и империя (завершение которого возможно только при желании и активных действиях Антония) показывает, что *imperium deponere* в данном случае не тождественно *magistratum deponere* ³¹. Рассматриваемый пассаж подтверждает взгляд, согласно которому после истечения срока триумvirата бывшие триумвиры по-прежнему сохраняли империй как промагистраты (проконсулы, так как власть триумвиров рассматривалась как соответствующая уровню консульской, ср. *App. BC. 4. 6; 27*) ³². Для того, чтобы отказаться от империя, проконсул должен был просто пересечь померий. Именно это действие отмечается в *per. 132: in Urbem venire*. Акцент только на пересечении городской черты как условия сложения империя показывает, что бывшие триумвиры автоматически уже перешли на положение промагистратов. Если бы они сохраняли сам триумvirат, то упор на отказе Антония пересечь городскую черту в данном пассаже не имел бы смысла, так как пересечение границы города Рима никак не могло сказаться на империи магистрата. Таким образом, нельзя согласиться с Карстеном Ланге, когда он подает как самоочевидное то обстоятельство, что триумвиры неоднократно (в том числе после 33 г.) обещали отказаться якобы от самого триумvirата, и что это «действительно доказывает, что триумvirат не мог завершиться автоматически» ³³.

В свою очередь, Верват «решает проблему» появления термина *imperium* во фрагменте *per. 132* тем, что предлагает считать его метонимией понятия «магистратская должность». Согласно Вервату, «Цезарь Октавиан (и по его примеру SPQR) намеренно избегал титула “триумvir” в официальных документах начиная с 31 г., и весьма возможно, что вместо этого он употреблял понятия *magistratus*, *officium* или, что наиболее вероятно, *imperium*» ³⁴. Выше я уже отмечал, почему в данном случае о метонимии говорить нельзя. Однако затем Верват фактически отказывается от этого объяснения и вместо этого делает предположение о том, что фрагмент просто «подтверждал версию истории, предложенную Августом, и его официальную позицию по поводу формальной продолжительности триумvirата» ³⁵. Здесь мы подходим к одной из главных составляющих концепции Вервата.

Верват полагает, что Август в «*Res Gestae*» (и якобы – под его влиянием – ряд античных авторов, включая Ливия и периохы) лживо утверждал, что он был триумвиром непрерывно в течение 10 лет (7. 1: [tri]umv[i]rum rei pu[p]licae c[on]s[ti]tuendae fui per continuos an[n]os [decem]), т. е. с конца 43 по 33 г.

³⁰ Vervae 2010, 113.

³¹ Girardet 1990, 339.

³² Верват делает попытку поддержать мнение Пьера Виллемса (Willems 1883, 547–548), который опровергает тезис Моммзена (Mommsen 1887a, 639–641; 1888, 1089) о существовании механизма «автоматической пророгации», но, противореча сам себе, Верват в принципиальном отношении признает действие этого механизма в другом случае (Vervae 2014, 56–57).

³³ Lange 2009, 60.

³⁴ Vervae 2010, 135.

³⁵ Vervae 2020, 31.

включительно, а не до 27 г., как было «на самом деле». Иными словами, Верват посчитал противоречащие его взгляду показания источников результатом искажения традиции из-за предполагаемого «творческого переосмысления» исторической реальности самим Августом.

Проблема осложняется тем, что надписи, созданные непосредственно в период с 32 по 28 г. (например, *CIL V 525: Imp. Caesar cos. desig. tert., / Шvir r. p. c. iter. / murrum turresque fecit; ILS 78: Imp. Caesari d. f. / imp. V, cos. VI, / Шvir r. p. c., / patrono*) сами по себе не могут дать однозначного ответа на вопрос о том, сохранял ли Октавиан власть триумвира после 33 г.³⁶ Это, однако, не так важно, потому что Верват строит свою аргументацию, главным образом, вовсе не на базе этих свидетельств. Дело в том, что, как это ни парадоксально, прямое упоминание статуса триумвира в эти годы (тем более, упоминание его как актуального, действующего) скорее противоречило бы концепции Вервата. Как мы увидим далее, в реальности она базируется на свидетельстве Диона Кассия, а не на синхронных текстах.

Общий вывод Вервата состоит в том, что значительное большинство исследователей оказались неспособны «правильно» понять рассказ Диона о событиях января 27 г. как описание формальной абдикации триумвирата потому, что «политика сокрытия и искусного обмана... исказила истинное лицо истории и с поразительным успехом ввела потомков в заблуждение»³⁷. Но принимая такой вывод и считая, что Октавиан законно сохранял триумvirат как магистратуру *ad tempus incertum* вплоть до абдикации в 27 г., Верват вынужден далее делать предположение о том, что до этого момента «скрытое удержание триумвирата г. р. с., очевидно, стало государственной тайной высшего порядка, о которой не могли говорить открыто даже его ближайшие соратники»³⁸. Это — как будто бы даже ироническое? — замечание Вервата должно, видимо, быть понято в том смысле, что хотя в реальности все знали, что Октавиан по-прежнему был триумvirом³⁹, на официальном уровне данное обстоятельство должно было оставаться «секретом»⁴⁰. И тем не менее в 27 г. Август подчеркнуто торжественно, официально, буквально перед всеми («перед сенатом и, вероятно, перед народом», как пишет Верват⁴¹) отказался от той самой магистратуры, удержание которой он якобы старался скрывать, начиная еще с 32 г. (и даже раньше; см. об этом ниже).

Принятие точки зрения Вервата требует допустить, что не только показания античных авторов, но и фасты были «скорректированы». Получается, что уже примерно через 10 лет после «абдикации триумвирата», т. е. ок. 18 г., когда фасты

³⁶ См. об этом Kromayer 1888, 11; Vervae 2010, 130–134; Ermatinger 1993; Wardle 1995; Girardet 1995, 158–159; Dalla Rosa 2015.

³⁷ Vervae 2010, 129. Некоторые сильные аргументы «против» этого вывода прозвучали еще в 2012 г. (Börm, Havener 2012, 206–207, с критикой Vervae 2009), но с тех пор они не вызвали со стороны Вервата никакого отклика по существу дела.

³⁸ Vervae 2010, 132.

³⁹ И именно на этом основании имел право делать то, на что его формально уполномочивала бы только эта магистратура.

⁴⁰ Zack 2022, 74 по этому поводу спрашивает: «Eine geheime Amtsgewalt, die niemand beim Namen nennen darf?».

⁴¹ Vervae 2010, 122. О том, что в данном случае нет никаких сведений о выступлении Октавиана перед народом, см. выше.

готовились к публикации⁴², никто не мог, не хотел или не имел возможности отметить очевидную подтасовку, которая состояла в том, что Август сделал 37 г. первым годом второго пятилетнего срока триумvirата, чтобы показать, что он был триумvиром непрерывно в течение 10 лет до конца 33 г., а не с перерывом в 37 г., как было «в действительности» (с точки зрения Вервата). Даже К. Ланге, несмотря на свое согласие с Верватом по многим другим пунктам, считает предположение о такой подтасовке «в высшей степени невероятным»⁴³.

В логике Вервата текст *Res Gestae* (ок. 13 г. н. э.) представляет собой уже полностью сложившуюся редакцию «чрезвычайно предвзятой версии истории»⁴⁴, в рамках которой Август посчитал невероятно важным сделать вид, что являлся триумvиром в течение 10 лет непрерывно. Между прочим, причины таких манипуляций совершенно неясны. Уже Эмилио Габба обращал внимание на то, что позднейшее обоснование Августом утверждения о том, что он замещал триумvират в течение двух сроков, следующих именно непрерывно друг за другом, решало проблему легализации его положения в 37 г., но зато создавало проблему в отношении 32 г., так как этот год в рамках концепции Августа оставался за пределами второго пятилетия триумvirата (и до получения им очередного консулата)⁴⁵. Выходит, что Август пошел на глобальную подтасовку ради того, чтобы одну проблему заменить на другую. Причем он сделал это уже после 32 г, зная о последствиях.

По мнению Вервата, тенденциозная картина, нарисованная Августом, без всяких колебаний была воспринята Ливием (если судить по периферии) и позднее Светонием. Означает ли это, что никто из древних авторов не был в курсе «махинаций»? Вовсе нет. Как убеждает нас Верват, примерно через 200 лет после событий Дион каким-то образом смог передать в целом верную информацию о реальных публично-правовых изменениях, включая достаточное число деталей, которые позволяют с уверенностью заключить, что Октавиан совершил формальную абдикацию триумvirата в начале 27 г. Но если согласиться с этим рассуждением Вервата, то либо реальное положение дел все это время оставалось известным и поэтому смогло дойти до Диона, либо последний имел некий эксклюзивный доступ к информации о «реальной» ситуации, включая сведения об абдикации 27 г.

Итак, в рамках концепции Вервата возникает следующее противоречие: Август сначала якобы затушевывал сохранение статуса триумvира, а потом сам же свел на нет свои предыдущие усилия, когда максимально публично и торжественно отказался от триумvirата в 27 г. Исследователь убеждает нас в том, что Октавиан одновременно и скрывал, и не скрывал статус триумvира после 33 г.

В попытке выйти из этого создаваемого им самим безвыходного положения Верват высказывает гипотезу (уже упомянутую мной выше) о том, что хотя речь, парафразированная Дионом во фрагменте 53. 3–10, представляла собой не что иное, как формальную абдикацию триумvirата⁴⁶, «в высшей степени вероятно», что

⁴² Broughton 1951, xii.

⁴³ Lange 2009, 55.

⁴⁴ Vervaet 2010, 132.

⁴⁵ Gabba 1970, 12–13.

⁴⁶ Она не являлась описанием «какого-то неясно определенного возврата произвольной или «протриумvирской» власти» (Vervaet 2010, 135).

в ней Октавиан прямо не упоминал титул триумвира и скорее говорил о *magistratus, officium* или, вероятнее всего, *imperium*⁴⁷. Это неудовлетворительное объяснение, так как если мы принимаем, что в 27 г. Октавиан прямо не говорил об абдикации триумвирата⁴⁸, мы тем самым ставим под сомнение единственное показание источников о том, что абдикация вообще имела место. Иными словами, если сам Октавиан не говорил об абдикации, то возникает вопрос, откуда мы можем знать, что заведомо и намеренно неясное и неоднозначное упоминание отказа от *imperium* означало отказ именно от триумвирата (причем само это предполагаемое упоминание латинского понятия *imperium* только реконструируется Верватом по греческому тексту Диона)?

Как уже отмечалось выше, неясно, как сами слушатели должны были быть в состоянии правильно понять Октавиана, если он говорил об абдикации триумвирата при помощи фраз, которые однозначно на триумвират не указывали. Проблема становится еще более острой, если мы вспомним, что Октавиан одновременно исполнял должность консула, от которой отказываться вовсе не планировал (как уже подчеркивалось выше, он продолжал быть консулом до конца года). Но понятия *magistratus, officium* или *imperium* определенно могли указывать на консулат. Более того, если бы Октавиан заявил нечто вроде *imperium me ab dico*, о его консулате (а не триумвирате) подумали бы в первую очередь, как минимум, по двум причинам. Во-первых, до этого, согласно самому Вервату, Октавиан делал все, чтобы о его продолжавшемся триумвирате все забыли. Во-вторых, уже привычная современникам событий политическая практика состояла в том, что триумвиры, если избирались консулами, отказывались от консулата в начале срока, но сохраняли сам триумвират, а вовсе не наоборот⁴⁹.

Из интерпретации Вервата следует, что в тот момент, когда Октавиан так или иначе отказался от триумвирата (не важно, называя его прямо или нет), все вокруг должны были понять, что он, оказывается, был триумвиром вплоть до этого момента. Но если это так, то каким образом Октавиан мог надеяться в дальнейшем продолжать убедительно настаивать на «лживой» версии событий, согласно которой триумвиром он являлся только в течение 10 лет, а не вплоть до начала 27 г.? Ведь по мысли Вервата, Октавиан преуспел в «продвижении» этой версии в том числе и после 27 г.

Концепция Вервата также предполагает, что «обман» готовился заранее. Исследователь считает, что Октавиан начал подготовку фальсификации задолго до того, как добился высшей власти в Республике: «Истоки этой политики

⁴⁷ Vervaeet 2010, 135, n. 150.

⁴⁸ Строго говоря, методология самого Вервата не позволяет утверждать даже это (а если так, то рушится представление Вервата о «скрытном» исполнении Октавианом должности триумвира). Предположим, в реальной речи Октавиан прямо и открыто заявил о том, что отказывается от должности триумвира. Точное латинское название должности триумвира (если бы Октавиан его произнес) Дион вполне мог передать при помощи использованного им термина *ἀρχή*, который греческие авторы, как Верват безусловно признает (ср., например, Vervaeet 2010, 123, n. 111), в принципе могли употребить для указания на власть действующего триумвира.

⁴⁹ Антоний в 34 г.: Cass. Dio 49. 39. 1; Октавиан в 33 г.: Suet. Aug. 26. 3; App. *Illyr.* 28; Cass. Dio 49. 43. 6.

замалчивания можно проследить вплоть до 37 г. Уже тогда Цезарь Октавиан и... Лепид на монетах и в надписях намеренно ложно представляли запоздалое продление официального пятилетнего *tempus* триумvirата как акт итерации». Напротив, Антоний «никогда не позиционировал себя на монетных легендах как *triumvir iterum*. Это показывает, что, по крайней мере, он оставался верен реальной природе *tempus* триумvirата» (Верват имеет в виду *tempus*, характерный для магистратов *ad tempus incertum*). Уловки Октавиана и Лепида привели к сокрытию реального механизма ограничения срока триумvirата, «с хорошо известными последствиями для всей последующей древней и современной историографии»⁵⁰.

Даже если принять тезис о том, что много позднее Август захотел в *Res Gestae* исказить картину давно прошедших событий, остается вопрос о том, для чего это понадобилось ему (и тем более Лепиду) на момент 37 г. Из рассуждений Вервата фактически следует, что Октавиан обманом изобразил итерацию. Но ведь вместо этого Октавиан мог легально продолжить исполнять обязанности триумвира без каких-либо махинаций, просто сославшись на незавершенность задач, поставленных перед коллегией. Согласно концепции Коли, принятой Верватом, такое обоснование было бы достаточным для законного удержания власти. Но тем не менее по какой-то причине Октавиан поступил иначе. Но если это так, то во-первых, получается, что Октавиан, видимо, не знал то, что знают Коли и Верват о римской политической системе и магистратурах *ad tempus incertum*, а во-вторых, оказывается, что Октавиан сначала в 37 г. создал юридическую проблему («исказив» публично-правовой механизм ограничения срока власти триумвиров, причем неясно, ради достижения какой цели), а после 33 г., когда очередной итерации не получилось, вынужден был иметь дело с последствиями той юридической проблемы, которую сам же и породил. Получается, что Октавиан обманул не современников и потомков (ведь Верват все же смог вскрыть многовековой обман), а скорее сам себя.

Верват все же предлагает объяснение. Смысл конструирования Октавианом итерации вместо легального отказа от абдикации со ссылкой на незавершенность задачи триумvirата состоял в 37 г. якобы в том, что уже в 41 г. консул Л. Антоний упрекал Октавиана в нежелании сложить власть, несмотря на достижение поставленной перед триумвирами цели⁵¹. Организовав итерацию, Октавиан стремился избежать подобных обвинений.

Однако следует заметить, что к моменту итерации уже имелась новая задача (борьба с Секстом Помпеем), на которую – в рамках внутренней логики концепции Коли–Вервата – можно было указать при обосновании отказа от немедленной абдикации (о признании Верватом, а также Ланге, возможности для триумвиров переформулировать первоначальную задачу их магистратуры, см. ниже). Как представляется, реальная причина, по которой Октавиан не сослался просто на незавершенность задачи триумvirата в 37 г., чтобы сохранить власть, а все же предпочел итерацию, примерно та же, что и причина, выдвигаемая Верватом с тем,

⁵⁰ Vervaet 2010, 133.

⁵¹ Vervaet 2010, 144.

чтобы объяснить, почему Октавиан якобы всячески замалчивал сохранение триумvirата в ситуации 32/31 гг. и позднее. Верват сам признает, что хотя легализация сохранения власти ссылкой на незавершенность поставленной задачи была технически возможна (ведь именно об этом говорит концепция Коли), она вступала бы в противоречие с политической традицией, согласно которой, помимо прочего, недопустима *continuatio* после завершения установленного *tempus*⁵². Но если это так, то можно ли тогда — даже с точки зрения самого Вервата — всерьез считать постулируемую независимость магистратур *ad tempus incertum* от конкретного срока традиционным политическим механизмом, который признавался не только легальным, но и легитимным? Если этот механизм существовал и давно использовался, то почему Октавиан старательно избегал его применять?

Иными словами, возникает вопрос о том, было ли даже в рамках концепции Коли–Вервата в принципе возможно (не технически, а в реальной политической практике) для магистрата *ad tempus incertum* публично и открыто обосновывать отказ от абдикации после завершения установленного срока полномочий, если такой отказ просто не обеспечивал необходимый уровень признания магистрата со стороны *SPQR*. Но если мы откажемся от самой гипотезы о т. н. магистратах *ad tempus incertum*, это затруднение разрешается само собой. Помимо всего прочего, в отношении ситуации 31 г. отказ от концепции Коли и ее модификаций позволяет избежать той ситуации, в которой оказался Верват, когда вынужден был указать на то, что даже ссылка на необходимость войны против Египта вряд ли могла легализовать дальнейшее удержание триумvirата по той простой причине, что вести эту войну Октавиан уже вполне мог как консул⁵³.

Как видно из сказанного, проблема состоит еще и в том, что интерпретация Вервата и некоторых других исследователей строится на обсуждении некоей «задачи» (*task*) триумvirата. Так, например, Л. Антоний смог потребовать от триумvиров совершить абдикацию якобы только после того, как задача, ради которой они получили власть, была выполнена. Но что представляла собой «задача» триумvirата? Какой публично-правовой механизм скрывался под ней и как сами римляне этот феномен концептуализировали? Что произошло бы, если бы триумvирьи остались у власти несмотря на выполнение «задачи»? Наконец, какая институция, по какой процедуре и исходя из каких критериев должна была решать, выполнена ли «задача»? Все это, по существу, те вопросы, которые возникают уже при первом рассмотрении концепции Коли, но приобретают особую остроту, как только мы переходим к анализу конкретных магистратур.

С одной стороны, Верват полагает факт незавершенности поставленной задачи достаточным формальным условием для сохранения магистратуры *ad tempus incertum*, даже если срок полномочий истек. Граждане могли осудить удержание полномочий в таком случае, но оно было полностью легальным. С другой

⁵²Vervae 2010, 146: «While not technically illegal, his protracted continuation past the second five-year term represented a twofold breach of customary procedures as it ignored the age-long obligation for extraordinary magistrates to abdicate upon completion of their officially defined task(s) as well as (курсив мой — Р. Ф.) the requirement by all means to avoid *continuatio* beyond the customary or statutory *tempus*».

⁵³Vervae 2010, 146.

стороны, Верват пишет, что в 37 г. Антоний, Лепид и Октавиан «нарушили обычную процедуру своим решением остаться триумвирами на значительное время после сражений при Филиппах, в ходе которых они уничтожили самую причину своего чрезвычайного назначения» (sc. на должность триумвиров)⁵⁴. Разрешение этого логического противоречия Верват находит в том, что фактически признает право триумвиров на самостоятельную переформулировку задачи для самих себя (добавлю: как если бы магистраты могли сами себя наделять провинциями). Действительно, в какой-то момент Верват перестает считать задачей триумвирата победу над Брутом и Кассием и вместо этого пишет, что причиной создания и задачей триумвирата было полное «искоренение гражданских междоусобиц»⁵⁵. Но то, что такая задача не была изначальной задачей триумвирата при его создании показывает хотя бы уже упомянутый эпизод с Л. Антонием. Последний в изложении Диона Кассия потребовал абдикации триумвиров именно на основании того, что Брут и Кассий уже побеждены. Л. Антоний еще, видимо, не был «проинформирован» о том, что задачей триумвиров являлось или станет искоренение вообще всех гражданских междоусобиц.

Замечу, что Коли нигде не пишет о праве магистратов *ad tempus incertum* самостоятельно переформулировать задачу, на основании факта нерешенности которой они и могли оставаться у власти. То, что делает Верват, является, таким образом, серьезной модификацией концепции Коли. Эту модификацию можно рассматривать как вынужденный поиск *ad hoc* объяснений для неразрешимых в рамках концепции Коли логических противоречий, которые становятся очевидными при интерпретации триумвирата как магистратуры *ad tempus incertum*. Описываемая историографическая ситуация не только еще раз демонстрирует несостоятельность концепции Коли, но и показывает весьма вольное обращение Вервата с той гипотезой, которую он сначала безоговорочно характеризует как необходимую и достаточную для непротиворечивой интерпретации всех сведений источников. В то же время идея Вервата о том, что можно было пересмотреть задачу магистратуры *ad tempus incertum*, действительно, не противоречит построениям Коли (они позволяют многое).

Однако на этом процесс поиска *ad hoc* решений не завершается. Следующим этапом в рассуждениях Вервата оказывается тезис о том, что в какой-то момент официальной задачей триумвирата стало прекращение не только всех гражданских, но и всех внешних войн (например, войны с Парфией).

Обратимся к исследованиям Ланге, аргументация которого в этой части схожа с аргументацией Вервата, но более детально проработана. Как уже отмечалось, Ланге не согласен с Верватом по поводу интерпретации т. н. речи об абдикации Октавиана у Диона Кассия и по вопросу о времени окончания второго пятилетнего срока триумвирата⁵⁶, но солидаризируется с ним в главном: триумвират не мог

⁵⁴ Vervaeet 2010, 132–133. Это один из примеров отхода Вервата от последовательного применения концепции Коли. Более существенные отклонения будут отмечены ниже.

⁵⁵ Vervaeet 2010, 140.

⁵⁶ Lange 2009, 52–55.

прекратиться автоматически, без абдикации⁵⁷. Для Ланге при этом принципиально понятие о «задаче» триумvirата. По мнению исследователя, *Lex Titia* первоначально определяла задачу триумvirата как триединую: «1) преследовать и наказать оставшихся в живых убийц Цезаря; 2) тем самым положить конец гражданским войнам; 3) совершив все это, восстановить обычное правление»⁵⁸, т. е. вернуть власть в руки сената и народа⁵⁹. Рассмотрим эти составляющие.

Гражданские войны завершились в момент поражения Брута и Кассия. Выступление Л. Антония однозначно показывает, во-первых, что первоначальная задача была выполнена. Во-вторых, что факт ее выполнения действительно создавал основания для требования абдикации триумvirов, но до тех пор, пока срок магистратуры еще не завершился, триумвиры могли легально игнорировать эти требования. Однако в 37 г. для продления власти триумvirов понадобилось получение новой задачи, так как первый *quinquennium* теперь завершился. Такой новой задачей стала борьба с Секстом Помпеем, ведь без нанесения ему поражения нельзя было завершить заново возникший внутренний конфликт.

Вплоть до этого момента никакие данные источников не обязывают нас прибегать к теории Коли. Но именно в этом месте Ланге вводит в свои построения новую сущность — «расширенное поручение» (*extended assignment*), в которое, по его мнению, входила еще и Парфянская война Антония⁶⁰. Действительно, Антоний обосновывал сохранение власти ссылкой на необходимость борьбы с парфянами, но согласно самому Ланге, в исходной *lex Titia* не упоминалась задача «завершить все войны», включая внешние, в качестве необходимого условия возвращения к обычному управлению Республикой.

Поскольку мы не знаем дословного содержания закона, введившего триумvirат в политическую систему, предположим на секунду, что он позволял включить внешнюю войну в общее «уравнение» (например, через понятие о «чрезвычайном положении» — *Ausnahmestand*)⁶¹.

Но если мы это признаем и вдобавок предполагаем, что триумвиры могли сами постепенно добавлять себе новые задачи, ссылаясь на (предположительно) гибкие и неясные формулировки *lex Titia*, то приходится все же принять, что все новые, «расширенные задачи» относились уже исключительно к сфере *militiae*, точнее — если пользоваться терминологией источников, а не современными понятиями «задача» (*task*) или «поручение» (*assignment*) — являлись *provinciae* в сфере *militiae*⁶². Это обстоятельство будет важно для моих дальнейших рассуждений.

Итак, в 36 г. Октавиан побеждает Секста Помпея. Как отмечает Ланге, тем самым Октавиан со своей стороны выполняет «расширенное поручение» для триумvirов и на этом основании выражает готовность отказаться от власти, как только

⁵⁷ Lange 2009, 58–60.

⁵⁸ Lange 2009, 23.

⁵⁹ Lange 2009, 181, 187; ср. Fadinger 1969, 65.

⁶⁰ Lange 2009, 29.

⁶¹ Ср. Fadinger 1969, 88, 91–93.

⁶² Включая задачу рутинного администрирования Африки Лепидом, что плохо согласуется с исследовательским конструктом *magistratus ad tempus incertum*, который *per definitionem* не предполагает рутинных, потенциально неограниченных по времени задач управления.

Антоний выполнит свою часть (победит парфян)⁶³. Однако Антоний не справляется, а Октавиан тем временем сам получает новую задачу – войну против иллирийцев. Попутно замечу, что на этот момент все *provinciae* триумвиров уже однозначно должны были определяться как относящиеся исключительно к сфере *militiae*.

Октавиан достигает успеха в Иллирии, но продолжает удерживать армию и провинцию вплоть до триумфа, право на который, как мы знаем, он реализовал только в 29 г. Тем временем, к 34 г. Антоний получил возможность отрапортовать о своих успехах в Армении, что можно было при желании подать как выполнение «расширенной задачи» триумvirата теперь и с его стороны (Vell. II. 82. 3). И действительно, Антоний предложил совершить абдикацию (Cass. Dio 49. 41). Однако второй пятилетний срок на тот момент еще не завершился, поэтому при анализе и этого этапа событий гипотеза Коли о необходимости абдикации для завершения полномочий не подтверждается, так как еще не возникает условий для ее проверки (срок триумvirата не завершился). Поскольку абдикация опять не состоялась, триумвиры продолжили исполнять свои обязанности. Но что произошло после того, как все сроки, установленные для этой магистратуры, истекли?

Как мне представляется, исследовательские конструкты «задача» (*task*) или «расширенное поручение» (*extended assignments*) не нужны для объяснения претензий Октавиана и Антония на законное сохранение контроля над Иллирией и Востоком (с соответствующими воинскими контингентами) даже после 33 г. (завершения второго срока триумvirата). Вне зависимости от того, закончились ли военные действия, Иллирия и Парфия (*vel sim.*), будучи *provinciae* в сфере *militiae*, могли и даже должны были удерживаться магистратами, чей срок полномочий истек, до прибытия преемников. Помимо назначения и прибытия преемников, способом утратить контроль над провинциями для промагистратов (в отличие от действующих магистратов) было добровольное сложение полномочий, а именно пересечение границы города Рима, на что и указывает как на реальную перспективу фрагмент периох (*per.* 132). Поэтому появление в нем фразы *finito Imperator tempore imperium deponere* вместо *triumviratum abdicare* не вызывает никакого удивления.

Именно такой интерпретации придерживался Жирарде⁶⁴. Ланге выражает несогласие с последним, но *extended assignments*, о которых пишет Ланге, это, как мне представляется, то же самое, что Жирарде корректнее называет *provinciae* носителей империя (промагистратов) в сфере *militiae*. Ключевым здесь является осознание того обстоятельства, что после 33 г. Октавиан и Антоний формально не претендовали на сохранение власти триумвиров в сфере *domi*⁶⁵. Но если это так, то нет никаких оснований полагать, что они на этом этапе вообще имели в виду триумvirат (включавший полномочия как в Риме, так и в провинциях), когда говорили о намерении сложить власть. Иными словами, источники вновь

⁶³ Lange 2009, 35.

⁶⁴ Girardet 1990, 339.

⁶⁵ О том, что выступление Октавиана в сенате в самом начале 32 г. нельзя интерпретировать как формальную претензию на сохранение власти триумвира или, тем более, доказательство ее сохранения, см. Frolov 2022.

не предоставляют никаких условий для проверки гипотезы Коли, которая оказывается и в этой ситуации избыточной.

Следующей оговоркой, которую Верват вынужден сделать, чтобы избежать противоречия своей концепции показаниям источников, является мысль о том, что к 32 г. новой «задачей», официально порученной триумвирам и легализирующей продление ими своих полномочий, стало поручение Октавиану одержать военную победу над своим коллегой Антонием (и наоборот). Верват пишет: «Огромный парадокс состоял в том, что, по крайней мере в терминах своей собственной пропаганды, оба триумвира теперь призывались к тому, чтобы продолжать борьбу из-за предполагаемой угрозы, создаваемой действиями друг друга»⁶⁶.

Этот «парадокс» существует только в рамках концепции Вервата, которой он целиком порожден. Попытка его разрешить в свою очередь создает, как минимум, две неразрешимые проблемы, тесно связанные между собой:

1) Верват никак не объясняет «двунаправленность» нового т. н. «поручения» триумвирам: Октавиан оставался триумвиrom на том основании, что Республика нуждалась в его победе над Антонием, а Антоний оставался триумвиrom легально на том основании, что римский народ ожидал, что он нанесет поражение Октавиану. Но как эти поручения могли существовать одновременно? О каком публично-правовом регулировании в таком случае вообще может идти речь? Какая общепринятая задолго до триумvirата практика могла породить настолько абсурдный эффект конкретно в приложении к триумvirату? Получается, что интерпретация триумvirата в качестве т. н. магистратуры *ad tempus incertum* неизбежно приводит к признанию того, что не просто наблюдался в 32 г., а был в республиканской конституции уже длительное время заложен механизм формальной легализации боевых действий членов коллегии высших магистратов друг против друга, и что эта необходимость вести войну друг с другом становилась в какой-то момент времени единственным формальным основанием для дальнейшего удержания ими должности⁶⁷.

⁶⁶ Vervae 2010, 140: «The enormous paradox was that, at least in terms of their own official propaganda, both triumvirs were now compelled to soldier on because of the perceived threat posed by one another's actions».

⁶⁷ Ср. уже Fadinger 1969, 265–277. Здесь уместно пояснить, что в данном варианте рассуждений Вервата (о втором варианте см. ниже) речь не идет о том, что только сами триумвиры обосновывали отказ от абдикации необходимостью избавить Республику друг от друга. С точки зрения принятой Верватом общей концепции, это не просто собственная позиция триумвиров, а частное следствие предполагаемого общего, давно сформировавшегося правила относительно магистратур *ad tempus incertum*. Более однозначно выразился Верват по поводу того, как это общее правило реализовалось в 37 г.: отказ от абдикации обосновывался необходимостью завершить войну (Vervae 2010, 140: «the outbreak of a most serious and decisive war provided both triumvirs with the best possible pretext for continuation»). Аналогично должна работать концепция Вервата и в отношении событий 32 г., даже если он при рассуждении о них не повторяет дословно мысль о том, что в условиях, когда все другие «задачи» («tasks», «assignments» в терминологии Вервата и Ланге) были выполнены, единственным обоснованием отказа от немедленной абдикации с началом 32 г. являлась задача разрешения очередного военного конфликта (т. е. нейтрализовать другого триумвира, ведь задача устранить угрозу со стороны Египта могла быть формально присоединена лишь позднее в течение 32 г.).

2) Когда Верват пишет, что Антоний и Октавиан оставались триумвирами легально, так как должны были спасти Республику друг от друга, он делает оговорку о том, что так они описывали ситуацию «по крайней мере в терминах своей собственной пропаганды»⁶⁸. Перед нами оговорка, которая значительно меняет суть позиции Вервата. Но необходимо выбрать одно из двух: либо это была только пропаганда, но тогда уже в момент начала последнего конфликта между триумвирами исчезают т. н. легальные основания для удержания ими магистратуры. Либо, если это была не пропаганда, а официальное обоснование, то тогда мы сталкиваемся с проблемой (1), описанной мною выше. Попыткой избежать ее и является «неожиданная», на первый взгляд, замена Верватом тезиса «официальная новая задача (воевать друг с другом) легализовывала отказ от абдикации триумvirата» на тезис «так стороны представляли дело в своей пропаганде». С такой заменой я вполне мог бы согласиться, но только при одном условии: она должна быть сделана последовательно во всей цепочке рассуждений о *tempus* триумvirата, что, правда, приведет к необходимости полного отказа от концепции Коли.

Примечательно, что даже согласие со всеми предлагаемыми Верватом оговорками не спасает ситуацию. Открытый конфликт между Октавианом и Антонием начался вовсе не 1 января 32 г. Если вслед за Ланге мы полагаем, что срок триумvirата истек в конце 33 г., то приходится признать существование промежутка времени, когда срок уже истек, а конфликт, легализующий отказ от абдикации, еще не начался. Возможно, именно поэтому, в отличие от Вервата, Ланге нигде прямо не пишет о том, что сохранение триумvirата формально обосновывалось «заданием» для членов коллегии одержать военную победу друг над другом (впрочем, Ланге мог стараться избегать такой формулировки просто ввиду ее абсурдности в любом контексте).

Если, как полагают Верват и Ланге, триумвиры нуждались только в доказательстве (выдвигаемом кем? кем оцениваемым?) незавершенности задачи, порученной им, для законного удержания магистратуры до бесконечности, то возникает еще вопрос о том, как объяснить сохранение Октавианом власти триумвира после поражения Антония. Верват отвечает, что после 27 г. Октавиан последовательно оправдывал свое пребывание в качестве *triumvir sine conlegis* после поражения Антония как нечто, что вызывало «одинаковое одобрение всех жителей империи»⁶⁹. Попутно Верват не соглашается с мыслью Коли о том, что такой *consensus unversorum* был бы сомнительным способом легализовать удержание власти⁷⁰.

Вовсе не случайно то, что Верват вынужден в этот момент вступить в спор с Коли. Последний, вероятно, понимал, что обоснование сохранения магистратуры одобрением сограждан (как он пишет, «*un discutibile consensus unversorum*»⁷¹) не имеет никакого отношения к единственно возможному с точки зрения концепции итальянского исследователя обоснованию продления т. н. магистратуры *ad tempus incertum*, так как *consensus unversorum* — это в принципе никакое

⁶⁸ Vervae 2010, 140.

⁶⁹ Vervae 2010, 140–141.

⁷⁰ Coli 1953, 415; Vervae 2010, 141.

⁷¹ Coli 1953, 415.

не «поручение», на незавершенность которого мог бы сослаться носитель такой магистратуры. Однако Верват не видит здесь никаких противоречий. В этот момент он снова допускает отход от принципиальных положений концепции Коли, хотя, казалось бы, целиком зависит от нее. Но, действительно, если бы он следовал ей до ее логического завершения, то получилось бы, что в период после захвата Александрии Октавиан, даже с точки зрения концепции Коли, удерживал власть незаконно.

Если бы мы все-таки попытались найти объяснение ситуации в терминах концепции Коли (точнее в терминах ее уточненного варианта, предложенного Ланге), то, вероятно, допустили бы, что оправданием Октавиана могла служить ссылка на техническую невозможность немедленной передачи власти в руки сената и народа. По существу, это означало бы отказ от абдикации магистратуры на основании вывода самого магистрата об отсутствии условий для немедленного сложения полномочий из-за угрозы безопасности где-либо на рубежах или внутри державы. В принципе нельзя исключать, что *faute de mieux* нечто подобное могло служить в качестве обоснования узурпации власти, но совсем другое дело полагать, что такой подход мог быть принят в качестве официального и давно устоявшегося республиканского общего правила (а не инновации 30-х годов), как это требует концепция *magistratus ad tempus incertum*.

Заключительные замечания Вервата подчеркивают имманентную противоречивость предложенной им интерпретации. Он пишет, что Октавиан, создав «обманчивое впечатление, что *tempus* триумvirата был пятилетним эквивалентом консульского срока, затушеввал его угрожающий (*comminatory*) характер, его зависимость от задачи. Прямое сокрытие *continuatio* своего триумvirата после 32 г., следовательно, было ответом Октавиана на проблему второго нарушения правил»⁷². Иными словами, сначала (в 37 г.) Октавиан сам отверг такую интерпретацию *tempus* триумvirата, которая позволяла ему законно удерживать власть сверх установленного срока, а затем (после 33 г.) вынужден был скрывать удержание триумvirата, которое считалось бы совершенно законным, если бы Октавиан не усложнил задачу сам себе. На фоне рассуждений Вервата вывод Рональда Сайма о том, что Октавиану не было необходимости «опускаться до тривиального и бессмысленного обмана» ради фактического удержания власти триумвира после завершения установленного для нее срока⁷³, приобретает новый смысл и особо актуальное звучание. Действительно, попытка Вервата обосновать существование такого рода обмана со стороны Октавиана приводит к заключению о том, что если бы обман имел место, то он был бы тривиальный и бессмысленный.

Таким образом, концепция Вервата не выдерживает критики по причине заложенного в ней нерешаемого противоречия между представлением о том, что Октавиан формально оставался триумвиром до 27 г., но всячески скрывал это в своей пропаганде, и идеей о том, что в 27 г. он торжественно, открыто, подчеркнуто отказался от власти триумвира, чтобы продемонстрировать восстановление легитимного порядка.

⁷² Vervae 2010, 146.

⁷³ Syme 1939, 277.

Но, может быть, существует возможность по-другому выстроить обоснование главного вывода Вервата о том, что триумвират не мог завершиться иначе как в результате абдикации, абrogации или смерти магистрата? Попытку выдвинуть такое обоснование, которое не зависит от интерпретации текста Диона Кассия как описания официальной абдикации триумвирата Октавианом в 27 г., сделал Далла Роза. Он рассматривает знаменитый аурея 28 г. с легендой *LEGES ET IVRA P. R. RESTITVIT*⁷⁴. Исследователь пишет, что монета пропагандирует отмену Октавианом целого ряда решений, ранее принятых коллегией триумвиров. Далее Далла Роза рассуждает так. Октавиан не мог отменить решения коллегии властью консула, которой он обладал в 28 г. Либо какой-то специальный закон дал ему дополнительные полномочия, чтобы сделать это, либо в 28 г. он по-прежнему сам был триумвиром, власть которого для данной задачи была достаточной⁷⁵. Далла Роза склоняется ко второй версии по тем же основаниям, неубедительность которых показана выше: 1) срок полномочий триумвиров имел только «угрожающий» (*comminatorio*) характер (здесь Далла Роза полностью следует Коли, несмотря на то, что одновременно его критикует); 2) Антоний даже после истечения второго пятилетнего срока называл себя триумвиром; 3) надпись *ILS 78* подтверждает использование Октавианом титула триумвира в 28 г.⁷⁶

Однако помимо предложенного Далла Роза, возможно и другое объяснение. Формулировка *LEGES ET IVRA P. R. RESTITVIT* не обязана описывать действия, которые Октавиан совершил на основании только собственных полномочий, например, путем издания эдикта. Возможно, что, будучи консулом, он предложил народу проголосовать по поводу решений триумвиров, а народ был, безусловно, вправе такое решение принять, если бы оно было предложено ему на рассмотрение. Более того, Далла Роза сам пишет по другому поводу: «То, что источники приписывают односторонним действиям Октавиана, вполне могло быть одобрено в соответствии с традиционными процедурами»⁷⁷. Этот принцип мог распространяться и на те действия, которые скрываются за легендой *LEGES ET IVRA P. R. RESTITVIT*. Особенно если согласиться с Далла Роза в том, что после устранения коллег по магистратуре Октавиан воздерживался от применения власти триумвира, ставшей нелегитимной и «уязвимой для критики на юридическом уровне»⁷⁸. Таким образом, фундаментальное противоречие в рассуждениях Далла Роза оказывается фактически тем же, что и в построениях Вервата. С одной стороны, утверждается, что Октавиан воздерживался от применения власти триумвира и всячески затушевывал факт обладания ею вплоть до 27 г. С другой стороны, Далла Роза отмечает, что Октавиан должен был открыто воспользоваться именно этой властью, так как якобы только она могла технически позволить ему отменить ранее принятые триумвирами решения.

Это противоречие приобретает особенно острый характер, когда Далла Роза обсуждает причины относительной редкости изучаемого выпуска ауреев⁷⁹.

⁷⁴ Dalla Rosa 2015, 176–182, с библиографией.

⁷⁵ Dalla Rosa 2015, 182–194.

⁷⁶ Dalla Rosa 2015, 192.

⁷⁷ Dalla Rosa 2015, 193.

⁷⁸ Dalla Rosa 2015, 192.

⁷⁹ Dalla Rosa 2015, 194.

Получается, что монета, отчеканенная для прославления столь важного события, произведена в настолько ничтожном количестве, что уже не способна выполнять функцию прославления эффективно. В то же время по крайней мере один экземпляр дошел до нас, несмотря на предполагаемое Далла Роза нежелание Октавиана «слишком широко» отмечать достижение, на которое указывает легенда LEGES ET IVRA P. R. RESTITUIT.

Таким образом, не конкретные рассуждения Вербата по поводу речи Октавиана у Диона Кассия приводят к противоречию, а более фундаментальные причины. Несмотря на важные различия, интерпретации триумвирата г. р. с. Вербатом, Ланге и Далла Роза базируются на признании ими идеи Коли о том, что истечение срока полномочий не приводило к автоматическому прекращению полномочий триумвиров, поскольку они были магистратами *ad tempus incertum*. Убедительных доказательств этому не приводится. Тем более невозможно представить, что сам магистрат мог подвергаться пересмотру ту задачу, постановка которой и привела к получению им власти, или что триумвиры законно удерживали власть официально на том основании, что в интересах Республики должны были вести войну друг с другом.

Литература / References

- Bleicken, J. 1990: *Zwischen Republik und Prinzipat: Zum Charakter des zweiten Triumvirats*. Göttingen.
- Börm, H., Havener, W. 2012: Octavians Rechtsstellung im Januar 27 v. Chr. und das Problem der “Übertragung” der *res publica*. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 61, 202–220.
- Bringmann, K. 1988: Das zweite Triumvirat. Bemerkungen zu Mommsens Lehre von der außerordentlichen konstituierenden Gewalt. In: P. Kneissl, V. Losemann (Hrsg.), *Alte Geschichte und Wissenschaftsgeschichte: Festschrift für Karl Christ zum 65. Geburtstag*. Darmstadt, 22–38.
- Broughton, T.R.S. 1951: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. I. New York.
- Coli, U. 1953: Sui limiti di durata delle magistrature romane. In: A. Berger (ed.), *Studi in onore di Vincenzo Arangio-Ruiz nel XLV anno del suo insegnamento*. Vol. IV. Napoli, 395–418.
- Dalla Rosa, A. 2015: L’aureus del 28 a.C. e i poteri triumvirali di Ottaviano. In: T.M. Lucchelli, F. Rohr Vio (eds.), *Viri Militares. Rappresentazione e propaganda tra Repubblica e Principato*. Trieste, 171–200.
- Dement’eva, V.V. 2003: *Detsemvirat v rimskoy gosudarstvenno-pravovoy sisteme serediny V v. do n.e. [Decemvirate in the Roman Public Law System of the Middle of the 5th Century BCE]*. Moscow.
- Дементьева В.В. *Децемвират в римской государственной-правовой системе середины V в. до н.э.* М.
- Drogula, F.K. 2015: *Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire*. Chapel Hill.
- Ermatinger, J. 1993: ILS 77 and 78: The End of the Second Triumvirate. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 42, 109–110.
- Fadinger, V. 1969: *Die Begründung des Prinzipats. Quellenkritische und staatsrechtliche Untersuchungen zu Cassius Dio und der Parallelüberlieferung*. Berlin.
- Frolov, R.M. 2019: [Magistracies *ad tempus incertum* and the Maximum Term of Public Offices in the Roman Republic (on U. Coli’s Conception)]. In: V.V. Dement’eva (ed.), *Svet Razuma. Pamyati Ii Leonidovny Mayak [Lumen Intellectus. In Memoriam of I.L. Mayak]*. Yaroslavl’, 31–52.
- Фролов, Р.М. Магистратуры *ad tempus incertum* и ограничение продолжительности должностных полномочий в Римской республике (по поводу концепции У. Коли). В сб.: В.В. Дементьева (ред.), *Свет разума. Памяти Ии Леонидовны Маяк*. Ярославль, 31–52.
- Frolov, R.M. 2021: [The Praxis of Removal from Office in the Roman Republic]. In: A.V. Makhlayuk, I.E. Surikov (eds.), *Pravo i politika v antichnom mire: Sbornik nauchnykh trudov pamyati Aleksandra Leonidovicha Smyshlyayeva [Law and Politics in the Ancient World: Collection of Papers in Memory of Alexander Leonidovich Smyshlyayev]*. Moscow, 151–183.

- Фролов, Р.М. Практика отстранения от должности в Римской республике. В сб.: А.В. Махлаюк, И.Е. Суриков (ред.), *Право и политика в античном мире: Сборник научных трудов памяти Александра Леонидовича Смышляева*. М., 151–183.
- Frolov, R.M. 2022: Chapter 12. Seizing Initiative in the Sphere domi: Magistrates, Promagistrates, and the Senate at the Outset of 32 BCE. In: R.M. Frolov, C. Burden-Strevens (eds.), *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome*. Leiden–Boston, 323–347.
- Gabba, E. 1970: La data finale del secondo triumvirato. *Rivista di filologia e di istruzione classica* 98, 5–16.
- Girardet, K.M. 1990: Der Rechtsstatus Oktavians im Jahre 32 v. Chr. *Rheinisches Museum für Philologie* 133, 322–350.
- Girardet, K.M. 1995: *Per continuos annos decem (res gestae divi Augusti 7,1)*. Zur Frage nach dem Endtermin des Triumvirats. *Chiron* 25, 147–161.
- Konrad, C.F. 2022: *The Challenge to the Auspices: Studies on Magisterial Power in the Middle Roman Republic*. Oxford.
- Kromayer, J. 1888: *Die rechtliche Begründung des Principats*. Marburg.
- Kunkel, W., Wittmann, R. 1995: *Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik*. München.
- Lange, C.Hj. 2009: *Res publica constituta: Actium, Apollo and the Accomplishment of the Triumviral Assignment*. Leiden.
- Mommsen, T. 1887a: *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. 3. Aufl. Leipzig.
- Mommsen, T. 1887b: *Römisches Staatsrecht*. Bd. II. 3. Aufl. Leipzig.
- Mommsen, T. 1888: *Römisches Staatsrecht*. Bd. 3. Leipzig.
- Pelling, Chr. 1996: The Triumviral Period. In: A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *Cambridge Ancient History*. Vol. 10. 2nd ed. Cambridge, 1–69.
- Pina Polo, Fr. 1989: *Las contiones civiles y militares en Roma*. Zaragoza.
- Reynolds, J. 1982: *Aphrodisias and Rome*. London.
- Rich, J.W. 2012: Making the Emergency Permanent: Auctoritas, potestas and the Evolution of the Principate of Augustus. In: Y. Rivière (ed.), *Des réformes augustéennes*. Rome, 37–121.
- Roddaz, J.-M. 2003: La métamorphose: d'Octavien à Auguste. In: S.Fr. d'Espèrey, V. Fromentin, S. Gotteland, J.-M. Roddaz (éds.), *Fondements et crises du pouvoir*. Bordeaux, 397–418.
- Syme, R. 1939. *The Roman Revolution*. Oxford.
- Vervaet, Fr.J. 2009: In What Capacity Did Caesar Octavianus Restitute the Republic? In: Fr. Hurler, B. Mineo (éds.), *Le principat d'Auguste: Réalités et représentations du pouvoir. Autour de la Res publica restituta*. Rennes, 49–71.
- Vervaet, Fr.J. 2010: The Secret History: The Official Position of Emperor Caesar Divi Filius from 31 to 27 BCE. *Ancient Society* 40, 79–152.
- Vervaet, Fr.J. 2014: *The High Command in the Roman Republic. The Principle of the summum imperium auspiciumque from 509 to 19 BCE*. Stuttgart.
- Vervaet, Fr.J. 2020: The Triumvirate *Rei Publicae Constituendae*: Political and Constitutional Aspects. In: Fr. Pina Polo (ed.), *The Triumviral Period: Civil War, Political Crisis and Socioeconomic Transformations*. Zaragoza, 23–48.
- Wardle, D. 1995: ILS 77: Nothing to Do with the End of the Second Triumvirate. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 44, 496–497.
- Willems, P. 1883: *Le sénat de la république romaine*. Vol. II. Louvain–Berlin.
- Zack, A. 2022: *Das Ende des Zweiten Triumvirates und die Amtsgewalten des Imperator Caesar Divi filius (Octavianus) in der politischen Ordnung Roms (43–27 v. Chr.)*. *Übersehene, vergessene und neue Überlegungen zur Deutung von Augustus, Res Gestae 7,1; 25,2 und 34,1*. Norderstedt.

DOI: 10.31857/S0321039124040072

МОНЕТЫ ИЗ СИНАГОГИ В ФАНАГОРИИ

М. Г. Абрамзон¹, В. Д. Кузнецов², С. Н. Остапенко³

¹*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», Сенной, Россия;
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

^{2,3}*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», Сенной, Россия*

¹*E-mail: abramzon-m@mail.ru*

²*E-mail: phanagor@mail.ru*

³*E-mail: osn-23@mail.ru*

¹*ORCID: 0000-0001-6111-048X*

²*ORCID: 0009-0002-3214-3586*

³*ORCID: 0000-0002-9131-1335*

В статье рассматриваются монетные находки из раскопок древней синагоги в Фанагории. Почти все монеты – статеры Фофорса (285/286–309/310), Радамсада (309/310–318/319) и Рескупорида VI (318/319–341/342). В тайнике в полу молитвенного зала был найден клад из 13 статеров. Еще два десятка монет были разбросаны под полами синагоги. Предполагается, что такие заклады из монет низкого достоинства делались специально для апотропеической защиты, которая в иудейской традиции называется *ayin ha-ra* («дурной глаз»). Часть статеров из помещения 2, по-видимому, связана с ящиком для пожертвований (*kuprah*): они найдены вместе с крышечкой от него. В середине VI в. синагога погибла в результате мощного пожара, как и весь город.

Ключевые слова: Фанагория, синагога, диаспора, монеты из раскопок, денежное обращение

COINS FROM THE SYNAGOGUE AT PHANAGORIA

Mikhail G. Abramzon¹, Vladimir D. Kuznetsov², Sergey N. Ostapenko³

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, старший научный сотрудник ГИАМЗ «Фанагория», директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Владимир Дмитриевич Кузнецов – доктор исторических наук, заведующий отделом классической археологии ИА РАН, директор ГИАМЗ «Фанагория»; Сергей Николаевич Остапенко – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, первый заместитель директора ГИАМЗ «Фанагория».

¹*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*
State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Phanagoria", Sennoy, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

^{2,3}*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*
State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Phanagoria", Sennoy, Russia

¹*E-mail: abramzon-m@mail.ru*

²*E-mail: phanagor@mail.ru*

³*E-mail: osn-23@mail.ru*

The coins retrieved during the excavation of the ancient diasporic synagogue at Phanagoria are discussed. Almost all the coins are bronze staters minted in the names of Thothorses (AD 285/286–309/310), Rhadamsades (AD 309/310–318/319) and Rhescuporis VI (AD 318/319–341/342). A hoard of 13 staters was discovered in a hidden compartment in the floor of the prayer hall. Two dozen coins were scattered under the floors of the synagogue. It is suggested that these low-value deposits were made ad hoc for apotropaic protection, which in Jewish tradition is called *ayin ha-ra* ('evil eye'). Others came probably from a *kuppah* (charity box) as they were found with its cover in Room 2. In the middle of the sixth century the synagogue perished in a huge fire, as well as entire city.

Keywords: Phanagoria, synagogue, Diaspora, excavation coins, currency

Одна из наиболее значительных общин иудейской диаспоры в Северном Причерноморье существовала в Фанагории. Самое раннее свидетельство присутствия евреев в городе представляет фанагорийская манумиссия 51 г. н. э. (*SEG* 43.510 = *IJO*, 299–300), сообщающая о рабах, которые были отпущены при молельне (προσευχή) «при условии усердного посещения и почитания молельни и стали свободными под опекой общины иудеев»¹.

В III–IV вв. на Боспор (и особенно в Фанагорию) прибывает новая большая волна еврейских переселенцев. Прибывшие говорили на греческом или греко-латинском жаргоне и были в некоторой степени эллинизированы. В то же время, они принесли традиции, отличные от евреев и прозелитов, которые проживали ранее в городах Боспора и были более, чем пришельцы, связаны с эллинистической культурой. В этот момент в иудейских общинах Боспора происходят глубокие изменения². В частности, появляется большое количество надгробий с иудейской символикой (менора, шофар, лулаб), иногда с надписями на древнееврейском языке, существенно меняется еврейская ономастика³. *Corpus Inscriptionum Hebraicarum* Д.А. Хвольсона включает четыре древнееврейские надписи из Фанагории, две из которых датируются временем не позже IV в. (*СИН* 34, 35), и одна (*СИН* 135) – не позднее IV–V вв. В другой надписи из Фанагории (о дате сведений нет) упоминаются Авраам и Моисей⁴.

¹ Danshin 1993, 61–62.

² Danshin 1993, 67.

³ Danshin 1993, 69.

⁴ Danshin 1993, 65–66; Povalachev 2011, 321.

Важным памятником иудаизма в Фанагории является и открытое А.А. Люценко в 1866 г. захоронение VI–VII вв., атрибутируемое им как могила одного из первосвященников фанагорийской синагоги⁵.

Среди находок последних лет в Фанагории – две амфоры с дипинто в форме семирожковой меноры из слоя пожара VI в. на раскопе «Нижний город»⁶. Из того же раскопа происходит и амфора IX в., в одну из ручек которой была вставлена свинцовая пломба с древнееврейской надписью⁷ – более поздний маркер иудаизма.

В середине VI в. Фанагория пережила катастрофу, о чем свидетельствуют сообщение Прокопия Кесарийского (Procop. Caes. *De bell.* VIII. 5. 28) и археологические данные. Слой мощного пожара VI в., уничтожившего город, был открыт в 2019 г. на раскопе «Нижний город» во время работ Фанагорийской экспедиции ИА РАН и ГИАМЗ «Фанагория» под руководством В.Д. Кузнецова. Следы катастрофы выявлены по всей территории раскопа в виде большого количества золы, сажу, фрагментов сгоревших деревянных конструкций, развалов кровельной черепицы, битой посуды, остатков обгоревшего зерна (пшеницы и проса) в амфорах и пифосах, а также каменных ядер для метательных машин.

В 2023 г. северо-западной части раскопа были обнаружены остатки синагоги античного и ранневизантийского времени (объект 55)⁸. После открытия и исследования полностью разрушенной синагоги в Херсонесе Таврическом⁹ это вторая синагога в Северном Причерноморье, найденная при регулярных археологических раскопках, причем более древняя и относительно хорошо сохранившаяся, со множеством разнообразных артефактов, в том числе и монетными находками. Это небольшой клад в тайнике у бимы, специально разбросанные монеты под полами, а также цдака (милостыня).

Всего, в сезонах 2019–2023 гг. в слое пожара VI в. было найдено около 300 позднебоспорских статеров, а также византийские медные и золотые монеты VI в. Все они повреждены огнем. В радиусе 10–18 м от синагоги были обнаружены клад из 82 монет и четыре кошелька¹⁰. Вместе с монетами из синагоги этот нумизматический материал впервые дает реальную картину денежного обращения Боспора VI в., демонстрируя сочетание массы боспорских бронзовых статеров III–IV вв. и небольшого количества византийских солидов и фоллисов VI в.

ФАНАГОРИЙСКАЯ СИНАГОГА

Фанагорийская синагога находилась на нижнем плато в центральной части города, на пересечении двух важнейших магистралей, ведущих с севера на юг и с востока на запад. Общая сохранившаяся ее длина немного превышает 21 м при ширине 6,3–6,5 м. Площадь здания приближается к 140 м² (рис. 1–2). Синагога

⁵ Danshin 1993, 67.

⁶ Golofast 2021.

⁷ Golofast 2020.

⁸ Kuznetsov 2024.

⁹ Zavadskaya 1996; MacLennan 1996; Eshel 1998; Zolotarev *et al.* 2013; Kizilov 2016; Ushakov 2021.

¹⁰ Abramzon, Ostapenko 2023; 2024.

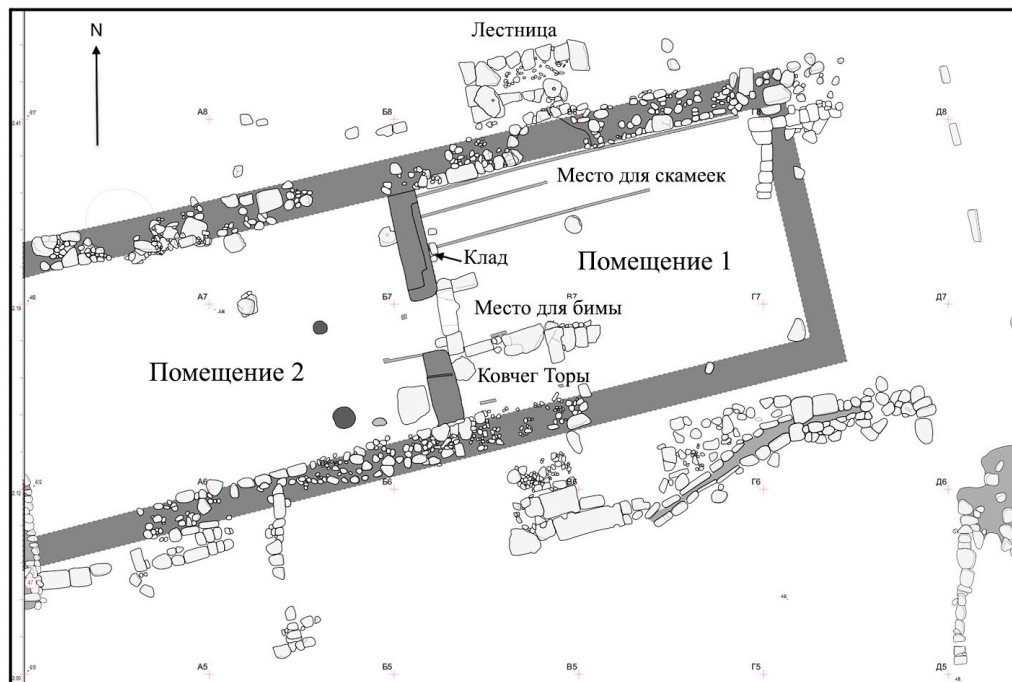

Рис. 1. Фанагория. План синагоги

погибла в мощном пожаре VI в., который уничтожил и весь город. Все здание заполнено обгоревшими фрагментами черепицы, сырцовых кирпичей, а также разнообразными артефактами.

Полы синагоги заслуживают особого внимания. Они нигде не зафиксированы *in situ*. По этой причине все, что было найдено внутри здания лежало просто на земле, не на полу. Однако среди находок обнаружено большое количество фрагментов своеобразных «плит». Они и являются обломками полов, техника изготовления которых называлась римскими авторами как *opus signinum* (например, *Vitr. De arch.* 2. 5. 1). Поскольку обломки разбитых полов были разбросаны по всему слою пожара в здании, очевидно, что до того, как синагога была сожжена дотла, грабители вскрыли полы в поисках спрятанных под ними сокровищ, в частности, денег¹¹, — и только после разграбления синагога была подожжена.

Синагога состояла из двух помещений. Главным из них было восточное помещение 1 (молитвенный зал), площадью не менее 60 м². В юго-западном углу его, обращенном к Иерусалиму¹², выгорожено небольшое пространство площадью около 4 м², где, несомненно, находился Ковчег Торы (*aron kodesh*). От сгоревшего деревянного ковчега остались только угли (рис. 2, 2). Длина западного помещения 2 составляет около 12 м, ширина — 6,3–6,5 м, общая площадь — около 78 м². Очевидно, что оно выполняло вспомогательные функции.

¹¹ Аналогичные случаи вскрытия полов синагог грабителями см. в *Rassalle 2021, 240.*

¹² *Nachliili 1988, 166.*

1

2

Рис. 2. Фанагорийская синагога. 1 – вид с юго-восточного угла помещения 1; 2 – юго-западный угол помещения 1. Стрелка указывает на сгоревшие остатки Ковчега Торы (*aron kodesh*)

Из ритуальных предметов прежде всего выделяются фрагменты трех мраморных менор. Две из них аналогичны менорам из других синагог (в частности, в Сардах)¹³, третья, самая большая из них, обнаруживает близкое сходство с белокаменной менорой из синагоги в Маоне (Иудея), которая так же датируется VI в.¹⁴ (рис. 3, 1). Среди других ритуальных предметов – например, головы двух львов (рис. 3, 2).

¹³ Rautman 2020, 13, fig. 6–7; 20, fig. 10.

¹⁴ Amit, Пип 1990, 124. Авторы искренне благодарят главу отдела монет Управления древностей Израиля д-ра Д. Ариэля за ценные консультации.

Рис. 3. Мраморные артефакты из синагоги: 1 – фрагменты большой меноры; 2 – голова льва; 3 – деталь с надписью «ΙΟΥΔΑ»

Важнейшее значение имеют находки нескольких фрагментов надписей на греческом языке на мраморных стелах (рис. 3, 3). Две надписи уточняют представление об иудейской общине в Фанагории и ее синагоге. Одна из них, манумиссия, предварительно датируется II в. н. э., другая, содержащая ключевое слово *συναγωγή*, – V в.

Фанагорийская синагога функционировала около пятисот лет – от постройки ее не позднее середины I в. н. э. до середины VI в. Принимая во внимание очень раннюю дату ее основания, очевидно, что это самая древняя синагога, о которой имеются веские археологические свидетельства, не только в Причерноморье, но и во всей диаспоре¹⁵.

¹⁵ Для археологически выявленных синагог иудейской диаспоры, которые могут быть датированы более ранним временем, чем синагога Фанагории, см. Burney 2023, 5, п. 5. Прим. Д. Ариэля.

Рис. 4. Византийские и боспорские монеты, найденные вместе в слое пожара VI в. в синагогальной винодельне: 1, 2 – солиды Юстиниана I 538–545 и 545–565 гг.; 3 – фоллис Анастасия I или Юстиниана I (сильно поврежден огнем); 4 – статер Фофорса 298/9 г. н.э.; 5–7 – статеры Рескупорида IV 320/1, 323/4 и 325/6 гг. н.э.

Археологические и эпиграфические данные позволяют точно определить время существования синагоги в Фанагории. Самая ранняя надпись *SEG* 43.510 – манумиссия, упоминающая это здание¹⁶, датируется 51 г. н. э. Вторая, тоже манумиссия, свидетельствует о действующей синагоге на этом месте во II в. н. э. Третья надпись подтверждает, что в V в. здесь располагалась та же самая синагога. Последнее свидетельство – пожар, уничтоживший синагогу и весь город в середине VI в.

Напротив южной стены синагоги находилось здание хозяйственного назначения, в котором располагалась синагогальная винодельня (объект 44)¹⁷, погибшая в том же пожаре во время штурма города. В ней найдены каменные ядра для метательных машин: одно – в цистерне, другое – в помещении 1, третье – рядом с внешней стеной в слое сажи¹⁸. В винодельне были обнаружены упомянутые выше амфоры с дипинто в виде семирожковой меноры¹⁹. На полу помещения 1 среди рассыпанных позднебоспорских статеров обнаружены фоллис Анастасия I или Юстиниана I и два золотых солида Юстиниана I, один из которых относится к 538–545 гг., второй – 545–565 гг.²⁰ (рис. 4). Именно последний экземпляр имеет определяющее значение для датировки катастрофы (см. ниже).

¹⁶ Найдена на нижнем плато в 1989 г. (раскоп «Берег»).

¹⁷ Kuznetsov 2020, 89–98.

¹⁸ Abramzon, Ostapenko 2023, 251, рис. 1, 3.

¹⁹ Golofast 2021.

²⁰ ГИАМЗ «Фанагория». Инв. № ФМ-КП 104/3 Н 3355. Cf. DOC 1, 71, no. 9f.1–3.

МОНЕТЫ ИЗ СИНАГОГИ

Единичные монеты

Всего в здании синагоги найдено 58 монет: 13 в кладе и 45 единичных. В помещении 1 было собрано 22 монеты, в помещении 2–23. За исключением единственного сестерция Савромата I (93/94–123/124 гг. н. э.) и двух варварских подражаний боспорским статерам, все это статеры Фофорса (285/286–309/310 гг. н. э.), Радамсада (309/310–318/319 гг. н. э.) и Рескупорида VI (318/319–341/342 гг. н. э.).

23 монеты были специально разбросаны под полами синагоги, часть из них — в местах расположения бимы и скамеек. Эти традиционные для многих синагог находки можно отнести к категории закладов («foundation deposits»), совершаемых при строительстве или реконструкции здания. Предполагается, что такие заклады из монет низкого достоинства делались специально для апотропеической

Таблица 1

Распределение единичных монет из синагоги

Годы н.э.	Савромат I	Фофорс	Радамсад	Рескупорид VI	Имитации	Всего
108/109–115/116	1					1
186/187–187/188?					1	1
287/288		1				1
288/289		1				1
290/291		1				1
296/297		2				2
297/298		2				2
298/299		1				1
299/300		2				2
301/302		1				1
302/303		3				3
316/317			1			1
317/318			3			3
319/320				3		3
322/323				3		3
323/324				3		3
324/325				7		7
325/326				4		4
326/327				4		4
330/331				1		1
Всего:	1	14	4	25	1	45

защиты, которая в еврейской традиции называется *ayin ha-ra* («дурной глаз») ²¹. Часть других монет, обнаруженных в западном (вспомогательном) помещении 2, могут быть связаны с *цдакой* (*tzedakah*): здесь же была найдена крышка от ящика для пожертвований (*kuppah*) (рис. 5).

Латунное варварское подражание золотому статеру Савромата II с дифферентом «копье» 186/187 или 187/188 г. н. э. (Табл. I, 15) дополняет ряд аналогичных имитаций боспорских электровых статеров II – начала III вв. (главным образом, Савромата II), которые нередко встречаются в Западном Прикубанье и на Нижнем Дону. Между тем это первое свидетельство о подобных имитациях, сохранившихся в обращении до VI в.

Традиционное доминирование статеров 302/303 и 319/310–326/327 гг. н. э. демонстрирует наивысшую интенсивность чеканки Фофорса, а затем Рескупорида VI в эти годы. Все позднебоспорские клады и корпус единичных монет показывают ту же картину денежного обращения.

Со стратиграфической точки зрения, нумизматические заключения относительно датировки различных этапов строительства синагоги почти невозможны. По-видимому, единственный сильно потертый сестерций Савромата I типа «бюст царя/Ника», найденный под обгоревшей деревянной конструкцией на полу в помещении 2, относится к первому периоду здания. Это самая ранняя монета из синагоги датируется ок. 108/109–115/116 гг., однако следы длительного обращения позволяют отнести ее к второй половине – концу II в. н. э. Поскольку в синагоге была найдена упомянутая манумиссия II в. н. э., подтверждающая существование

Рис. 5. Крышка ящика для *цдаки* из помещения 2

²¹ См. Ahipaz, Leibner 2023; Rassalle 2021, 170. Т. Рассел относит заклад монет в синагоге к магико-религиозным или «десятинным» кладам, если: 1) депозит найден в труднодоступном месте (в основном под полом); 2) монеты разбросаны (под всей поверхностью пола или за стойками скамеек и т. д.); 3) большое количество монет (малое количество монет может указывать на случайную потерю); 4) монеты имеют низкую стоимость (это указывает на то, что внесение монет было в первую очередь символическим действием); 5) монеты имеют большой диапазон дат. См. Rassalle 2021, 186. В случае с Фанагорийской синагогой все перечисленные характеристики имеют место.

Таблица 2

Распределение монет в кладе из молитвенного зала

Год н.э.	Фофорс	Рескупорид VI	Подражания	Всего
293/294	1			1
295/296	1			1
297/298	1			1
302/303	1			1
319/320		1		1
320/321		1		1
322/323		1		1
324/325		2	1	3
325/326		2		2
326/327		1		1
Всего:	4	8	1	13

молельни на том же месте, нумизматические и эпиграфические свидетельства хорошо перекрывают друг друга. Все остальные монеты – обычные позднебоспорские статеры III–IV вв. и их имитации – представляют состав денежной массы на момент катастрофы.

Клад из молитвенного зала

В молитвенном зале был найден клад из 13 статеров. Монеты находились в тайнике в полу, справа от места для бимы и мраморного порога перед входом в западный зал (Табл. I, 1–13). Небольшая оградка из двух каменных блоков и поставленной на ребро черепицы внутри тайника, ограничивала пространство шириной 13 см, длиной 41 см и глубиной 17 см у основания сырцово-кирпичной стены между помещениями (рис. 6). За исключением одной монеты под блоком, все остальные лежали на дне. Клад содержал статеры Фофорса и Рескупорида VI, а также варварское подражание статеру 324/325 г. н.э. (Табл. I, 13). Имитации этого типа известны; встречались они в Фанагории и ранее²².

Данная находка пополняет растущее число синагогальных кладов, сокрытых как правило в биме или около нее, в тайниках, или под другими отличительными элементами синагоги, такими как пороги или скамейки. Обычно такие клады состоят только из бронзовых монет²³. Наиболее вероятно, что подобные заклады носили магико-религиозный характер, представляя собой комплексы монет низкого достоинства, помещаемые внутри здания при его строительстве или реконструкции²⁴.

²² См. Abramzon 2021, 9, рис. 1, 3; 11, рис. 3, 4; 14, № 4.

²³ Rassalle 2021, 89.

²⁴ Rassalle 2021, 93.

Таблица I. Фанагория. Монеты из синагоги (№ 1–13 – клад из молитвенного зала)

Таблица II. Фанагория. Монеты из синагоги

Рис. 6. Клад из синагоги. 1 – молитвенный зал с остатками бимы и тайником у порога. Вид с северо-востока; 2–3 – тайник крупным планом

В 18 м от юго-восточного угла синагоги в сезоне 2021 г. был найден клад с 82 монетами – кошелек, спрятанный в отбитом горле раннесредневековой амфоры типа *Orait B-1b*, вкопанном вертикально в пол не доследованного здания в квадрате Ж3. Клад включал статеры Фифорса (22 экз.), Радамсада (4) и Рескупорида VI (56), а также пантикапейский тетрахалк времени Асандра (около 45/44–21/20 гг. до н. э.).²⁵ Таким образом, заклад из молитвенного зала синагоги является вторым кладом из слоя пожара VI в. в Фанагории.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ БОСПОРА VI В.: БРОНЗОВАЯ МАССА И ВИЗАНТИЙСКИЕ СОЛИДЫ

До сих пор имелось немного свидетельств денежного обращения Боспора VI в. Это прежде всего нумизматические материалы Ильичевского городища, где

²⁵ Abramzon, Ostapenko 2023; 2024.

в помещении XXII были найдены вместе бронзовый статер Фофорса, два статера Рескупорида VI и два византийских золотых солида – Юстина I и Юстиниана I²⁶. Также, из Ильичевской крепости происходит сокрытый около 576 г. клад, содержащий 130 бронзовых позднебоспорских статеров, смешанных с пятью солидами Юстиниана I (*СН* XI, 259). К этому времени принадлежит и Китейский клад позднебоспорских статеров (*СН* XI, 247), найденный внутри одной из раннесредневековых печей на территории центрального городского святилища в 2012 г., относимый прежде к 336/337 г. Кроме того, в Китее, в слое VI в. также были найдены вместе солид Юстиниана I и позднебоспорские статеры²⁷. Однако только слой катастрофы VI в. в Фанагории впервые дает убедительную стратиграфическую картину денежного обращения эпохи, показывая, что огромная масса сильно изношенных бронзовых статеров Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI продолжала находиться в обращении спустя более 200 лет после прекращения боспорской чеканки в 341/342 г. н. э.

Очень небольшое количество византийских фоллисов и их фракций тоже представлено в денежном обращении Боспора VI в. Среди находок византийской меди данного времени – полуфоллис Анастасия из раскопок Парфения²⁸, фоллис Анастасия I или Юстиниана I из помещения 1 синагогальной винодельни в Фанагории²⁹, пентануммий Юстиниана I из римско-византийского некрополя в Китее³⁰. Раскопки разных лет в г. Боспор (Керчь) дали фоллис Юстина II (577/578 г.), полуфоллис Тиберия II (578–582 гг.), девять фоллисов и три монеты номиналом 8 пентануммиев Маврикия (582–602 гг.)³¹.

Модель денежного обращения в Фанагории VI в., соответственно, включает два элемента: 1) многочисленные боспорские бронзовые статеры III–IV вв. (и крайне редкие византийские фоллисы VI в.); 2) золотые солиды V–VI в. Византийское серебро полностью отсутствует на боспорском денежном рынке этой эпохи. Самым ранним в фанагорийских находках является солид Зенона (476–491)³². Судя по хазарскому граффито на нем, данный экземпляр обращался на денежном рынке города уже в VI в., поступив в Фанагорию, по крайней мере, при Юстиниане I (рис. 7, 1). Солиды самого Юстиниана I (реже Юстина I) были широко распространены на Боспоре, но они редко встречаются совместно с позднебоспорскими статерами. В Фанагории зарегистрированы три солида Юстиниана I (рис. 4, 1–2; 7, 2), два из которых были обнаружены вместе с позднебоспорскими статерами и фоллисом Анастасия I или Юстиниана I в синагогальной винодельне. В конце VI в. к золоту Юстиниана I присоединились и солиды Маврикия, один из которых был обнаружен в окрестностях Феодосии.

Совместные находки солидов Юстиниана I и статеров Фофорса и Рескупорида VI в Фанагории и Китее, а также солидов Юстина I и Юстиниана I вместе

²⁶ Frolova 1998, 247–248, рис. 1.

²⁷ Molev, Moleva 2016, 77, 89, № 194.

²⁸ Ср. DOC 1, 23, no. 24b.1–2.

²⁹ ГИАМЗ «Фанагория». Инв. № Ф-22–60.

³⁰ Abramzon, Khirshanovskiy 2022, 236, № 32. Cf. DOC 1, 156, no. 272.2.

³¹ Abramzon *et al.* 2024, 127 (с литературой), 135–136, № 55–59.

³² Abramzon 2011, 272, fig. 2, 1.

Рис. 7. Солиды из Фанагории. 1 – Зенон, 476–491 гг. н.э. (ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № N–211334); 2 – Юстиниан I, 538–545 (Раскоп «Верхний город». ГИАМЗ «Фанагория». Инв. № ФМ-КП 104/2 Н3354)

со статерами тех же царей на Ильичевском городище отражают денежное обращение Боспора VI в., а также единство и континуитет позднеантичной и ранне-средневековой материальной культуры Боспора³³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, синагога в Фанагории – древнейшая из двух археологически выявленных синагог в Северного Причерноморья. Она просуществовала около полутысячи лет – с середины I в. н. э. до середины VI в. Другая древняя синагога была открыта при раскопках в Херсонесе, однако от ее здания мало что сохранилось, а архитектурный план с трудом поддается реконструкции³⁴. Херсонесская синагога была построена в конце IV в. и закрыта в V или VI в.

Фанагорийская синагога отличается богатством убранства. Об этом свидетельствуют, в частности, фрагменты мраморных менор и столиков, мраморные головы львов, надписи, многочисленные архитектурные детали³⁵, светильники с иудейской символикой³⁶ и т. д. В помещении 2 находился ящик для пожертвований, о чем свидетельствуют найденная здесь крышка от него и рассыпанные монеты из него.

Монеты из синагоги (заклады магиико-религиозного характера и *цдака*) и синагогальной винодельни дают «живую картину» денежного обращения Боспора VI в., представляя массу боспорских бронзовых статеров III–IV вв. и византийских солидов и фоллисов VI в.

Датировку разрушения Фанагории и сожжения ее синагоги определяют два вида источников – нумизматические и письменные. Во-первых, это находка упомянутого солида Юстиниана I 545–565 гг. вместе с позднебоспорскими

³³ Frolova 1998, 248.

³⁴ Zavadskaya 1996, 590, рис. 3; Zolotarev *et al.* 2013.

³⁵ В слое пожара были найдены импостные капители, по-видимому, принадлежавшие фанагорийской синагоге, которая подверглась значительной перестройке во второй половине V – начале VI в., а, скорее, в конце V – начале VI в. Л.А. Голофаст полагает, что капители для синагоги могли быть куплены на одном из свободных рынков мраморных деталей, которые существовали в дополнение к централизованному распределению мрамора императором. См. Golofast 2023, 77.

³⁶ Один из них – с изображением Скинии Завета, типа Hayes 8, вариант А, который появляется в конце V в. и существует минимум до середины VI в. н. э. Эти хронологические рамки совпадают с последним периодом функционирования синагоги в Фанагории. См. Chebyshev 2024, 100, рис. 2, 5.

статерами на полу помещения 1 синагогальной винодельни, погибшей в том же пожаре. Этот солид дает *terminus post quem* для даты катастрофы – не ранее 545 г. Во-вторых, это сообщение Прокопия Кесарийского о разрушении Кеп и Фанагории: «Два других небольших городка, называемые Кепы и Фанагурис, издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания» (Просор. Саес. *De bell.* VIII. 5. 28). Поскольку историк завершил повествование о «Готской войне» в своей «Истории войн» в 554 г., следовательно, Фанагория и ее синагога были разрушены между 545 и 554 гг.

КАТАЛОГ³⁷

1. КЛАД ИЗ МОЛИТВЕННОГО ЗАЛА (ПОМЕЩЕНИЕ 1)

№	Помещение	Инв. №.	Царь	Вес, г	Диам., мм	Год б.э.	Год н.э.	Примечание
1*	П1	Ф-23-1	Фофорс	6.61	19	590	293/4	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 2501.
2*	П1	Ф-23-2	Фофорс	6.85	19	592	295/6	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 2622.
3*	П1	Ф-23-3	Фофорс	6.77	20	594	297/8	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 2926 (вар.).
4*	П1	Ф-23-4	Фофорс	7.98	19	599	302/3	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 3481.
5*	П1	Ф-23-5	Рескупорид VI	6.67	19	616	319/0	Ср. Frolova 1997, II, LXXXVIII, 25.
6*	П1	Ф-23-6	Рескупорид VI	6.43	18	617	320/1	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 433.
7*	П1	Ф-23-7	Рескупорид VI	5.86	20	619	322/3	Cf. Frolova 1997, II, XCII, 16 (вар.).
8*	П1	Ф-23-8	Рескупорид VI	6.17	19	621	324/5	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 675 (вар.).
9*	П1	Ф-23-9	Рескупорид VI	7.27	18	621	324/5	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 705.
10*	П1	Ф-23-10	Рескупорид VI	5.69	19	622	325/6	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 906.
11*	П1	Ф-23-11	Рескупорид VI	7.13	20	622	325/6	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 828.
12*	П1	Ф-23-12	Рескупорид VI	6.45	19	623	326/7	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 967.
13*	П1	Ф-23-13	Подражание статеру Рескупорида VI	6.10	19	620	323/4	Cf. Abramzon 2021, 9, рис. 1, 4.

³⁷ Все монеты – бронзовые позднебоспорские статеры, за исключением сестерция Савромата I (№ 14). Номерам монет в каталоге соответствуют номера в таблицах. Номера без символа * в таблицах не представлены. Сокращения: П1 – помещение 1 (молитвенный зал), П2 – помещение 2 (западное), п/п – под полами.

2. ЕДИНИЧНЫЕ МОНЕТЫ

№	Поме- шение	Инв. №.	Царь	Вес, г	Диам., мм	Год б.э.	Год н.э.	Примечание
14	П2, п/п	Ф-23-32	Савромат I	13.9	28		108/9– 115/6	Cf. Frolova 1997, I, XLV, 16–19. <i>О.с.</i> Ника, М–Н.
15*	П2, п/п	Ф-23-150	Подража- ние статеру Савромата II	3.99	20	483 или 484	186/7 или 187/8	<i>О.с.</i> Бюст Коммода, справа копье.
16*	П2, п/п	Ф-23-99	Фофорс	6.59	20	584	287/8	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 2433.
17	П2, п/п	Ф-24-1	Фофорс	5.50	19	585	288/9	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 2445.
18	П2 п/п	Ф-24-2	Фофорс	7.33	19	587	290/1	Cf. Веб-сайт Ката- лог-архив «Монеты Боспора», URL: https:// bosporan-kingdom. com/736-4561/11.html .
19*	П1, п/п	Ф-23-133	Фофорс	6.41	20	593	296/7	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 2678.
20	П2, п/п	Ф-23-102	Фофорс	7.04	20	593	296/7	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 2623.
21*	П1	Ф-23-146	Фофорс	6.91	20	594	297/8	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 2908.
22	П1	Ф-23-22	Фофорс	6.69	19	594	297/8	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 2784.
23*	П1	Ф-23-29	Фофорс	6.56	19	595	298/9	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 2988.
24	П1	Ф-23-23	Фофорс	4.85	19	596	299/0	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 3150.
25*	П1	Ф-23-25	Фофорс	7.63	18	596	299/0	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 3263.
26*	П2, п/п	Ф-23-101	Фофорс	6.84	19	598	301/2	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 3433.
27*	П2	Ф-23-125	Фофорс	6.41	19	599	302/3	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 3552.
28*	П1	Ф-23-21	Фофорс	6.90	20	599	302/3	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 3485.
29*	П2, п/п	Ф-23-128	Фофорс	7.14	19	599	302/3	Cf. Abramzon, Kuznetsov 2017, № 3485.
30*	П1	Ф-23-30	Радамсад	6.68	18	613	316/7	Cf. Frolova 1997, II, LXXXIII, 6–7.
31*	П2, п/п	Ф-23-93	Радамсад	5.94	20	614	317/8	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 389.
32*	П2, п/п	Ф-23-100	Радамсад	5.56	20	614	317/8	Cf. Frolova 1997, II, LXXXIV, 6.
33*	П2	Ф-23-143	Радамсад	5.27	20	614	317/8	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 391.

№	Поме- щение	Инв. №.	Царь	Вес, г	Диам., мм	Год б.э.	Год н.э.	Примечание
34	П1	Ф-23-97	Рескупорид VI	4.60	18	616	319/0	Cf. Frolova 1997, II, LXXXVII, 16.
35	П1	Ф-23-132	Рескупорид VI	5.61	18	616	319/0	Cf. Frolova 1997, II, XXXVII, 25.
36*	П2, п/п	Ф-23-135	Рескупорид VI	5.92	21	616	319/0	URL: https://bosporan-kingdom.com/765-4179/13.html .
37	П1	Ф-23-31	Рескупорид VI	5.56	19	619	322/3	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 536.
38*	П2, п/п	Ф-23-127	Рескупорид VI	5.61	20	619	322/3	Cf. Frolova 1997, II, XCIII, 6–8.
39	П2, п/п	Ф-23-129	Рескупорид VI	3.85	18	619	322/3	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 524.
40	П1	Ф-23-27	Рескупорид VI	6.22	20	620	323/4	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 554.
41*	П1, п/п	Ф-23-124	Рескупорид VI	6.10	20	620	323/4	Cf. Golenko, Sokolskiy 1968, IX, 406.
42*	П2, п/п	Ф-23-94	Рескупорид VI	5.39	19	620	323/4	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 634.
43*	П1	Ф-23-35	Рескупорид VI	6.53	19	621	324/5	Cf. Frolova 1997, II, CIX, 19.
44*	П1	Ф-23-149	Рескупорид VI	6.82	19	621	324/5	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 703.
45	П1	Ф-23-98	Рескупорид VI	6.32	20	621	324/5	Cf. Frolova 1997, II, CI, 7.
46	П2, п/п	Ф-23-103	Рескупорид VI	6.36	20	621	324/5	Cf. Golenko, Sokolsky 1968, XII, 539.
47	П2, п/п	Ф-23-104	Рескупорид VI	7.27	20	621	324/5	URL: https://bosporan-kingdom.com/769-4181/34.html .
48	П2, п/п	Ф-23-130	Рескупорид VI	6.36	19	621	324/5	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 767.
49	П2, п/п	Ф-23-131	Рескупорид VI	5.80	18	621	324/5	URL: https://bosporan-kingdom.com/770-4392/22.html .
50	П1	Ф-23-26	Рескупорид VI	5.60	20	622	325/6	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 869.
51	П1	Ф-23-28	Рескупорид VI	5.14	19	622	325/6	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 853.
52*	П1, п/п	Ф-23-147	Рескупорид VI	6.59	19	622	325/6	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 850 (л.с.), 877 (о.с. вар.).
53	П1, п/п	Ф-23-148	Рескупорид VI	5.69	20	622	325/6	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 844.
54	П1	Ф-23-24	Рескупорид VI	5.78	18	623	326/7	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 967.

№	Поме- щение	Инв. №.	Царь	Вес, г	Диам., мм	Год б.э.	Год н.э.	Примечание
55	П2, п/п	Ф-23-95	Рескупорид VI	5.17	19	623	326/7	Cf. Frolova 1997, II, CV, II?
56	П1	Ф-23-36	Рескупорид VI	5.34	19	623	326/7	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 915.
57*	П2	Ф-23-126	Рескупорид VI	6.55	19	623	326/7	Cf. Abramzon <i>et al.</i> 2019, № 924.
58*	П1	Ф-23-96	Рескупорид VI	6.40	20	627	330/1	Cf. Frolova 1997, II, CXII, I.

Литература / References

- Abramzon, M. 2011: The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 Excavations at Phanagoria. In: N. Povalachev, V. Kuznetsov (eds.), *Phanagoreia, Kimmerischer Bosphoros, Pontos Euxeinos*. (Altertümer Phanagoreias, 1). Göttingen, 251–274.
- Abramzon, M.G. 2021: [Barbarian Imitations of Bosphoran Staters and Roman Denarii from Phanagoria]. In: *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archaeology of IA RAS]*. Vol. III. Moscow, 7–17.
- Абрамзон, М.Г. Варварские подражания боспорским статерам и римским денариям из Фанагории. *Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН*. Т. 3. М., 7–17.
- Abramzon, M.G., Khrshanovsky, V.A. 2022: [Coins from the Excavations at the Southwestern Necropolis of Cytaeum (2011–2021)]. In: *Bosporskiy fenomen. Bol'shie i malye goroda Bosporskogo tsarstva. Kruglyy stol, posvyashchennyy 75-letiyu E.A. Moleva (1947–2021). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [The Bosphoran Phenomenon. Large Cities and Small Towns of the Bosphoran Kingdom. Round Table Dedicated to the memory of Yevgeny A. Molev (1947–2021). Proceedings of the International Conference]*. Saint Petersburg, 233–240.
- Абрамзон, М.Г., Хршановский, В.А. Монеты из раскопок юго-западного участка некрополя Китея (2011–2021 гг.). В сб.: *Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021). Материалы международной научной конференции*. СПб., 233–240.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2017: *Klad pozdnebosporiskikh staterov iz Fanagorii [A Hoard of Late Bosphoran Staters from Phanagoria]*. Moscow.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. *Клад позднебоспорских статеров из Фанагории*. (Фанагория. Результаты археологических исследований, 5). М.
- Abramzon, M.G., Mayko, V.V., Kononova, S.A., Ponomarev, L.Yu. 2024: [Coins from the 2018 Excavations at Kerch, next to the Church of St. John the Baptist]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 2, 121–144.
- Абрамзон, М.Г., Майко, В.В., Кононова, С.А., Пономарев, Л.Ю. Монеты из раскопок 2018 г. в районе Церкви Иоанна Предтечи в Керчи. *Проблемы истории, филологии, культуры* 2, 121–144.
- Abramzon, M.G., Ostapenko, S.N. 2023: [A Purse with Bosphoran Staters from the Sixth-Century Fire Layer in Phanagoria]. *Kratkie soobshchenia Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 270, 250–257.
- Абрамзон, М.Г., Остапенко, С.Н. Кошелек с боспорскими статерами из слоя пожара VI в. в Фанагории. *Краткие сообщения Института археологии* 270, 250–257.
- Abramzon, M.G., Ostapenko, S.N. 2024: A Hoard of Late Bosphoran Staters from the Sixth-Century Fire Layer in Phanagoria. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 30, 43–63.
- Abramzon, M.G., Novichikhin, A.M., Saprykina, I.A., Smekalova, T.N. 2019: *Tretiy Gay-Kodzorskiy klad pozdnebosporiskikh staterov [The Third Hoard of Late Bosphoran Staters from the Gai-Kodzors Site]*. Moscow.
- Абрамзон, М.Г., Новичихин, А.М., Сапрыкина, И.А., Смекалова, Т.Н. *Третий Гай-Кодзорский клад позднебоспорских статеров*. М.

- Amit, D., Ilan, Z. 1990: The Ancient Synagogue at Ma'on in Judah. *Qadmoniot: A Journal for the Antiquities of Eretz-Israel and Bible Lands* 91–92, 115–126.
- Ahipaz, N., Leibner, U. 2023: Floor Deposits in Ancient Synagogues: A Regional Practice in Late Antique Palestine. *Jewish Studies Quarterly* 30/2, 138–160.
- Burney, J.K. 2023: “Fragment to Fragment”: Building Jewish Communities in the Late Roman Aegean (2nd–6th Centuries CE). PhD thesis. Chapel Hill.
- Chebyshev, G.S. 2024: [About New Findings of Ceramic Oil Lamps from Excavations of Phanagoria]. In: A.I. Aybabin, E.A. Khayredinova (eds.), *Etnokul'turnye protsessy na severnykh granitsakh Vostochnoy Rimskoy imperii [The Ethnocultural Processes on the Northern Frontiers of the Eastern Roman Empire]*. Simferopol, 98–102.
- Чебышев, Г.С. О новых находках керамических светильников из раскопок Фанагории. В сб.: А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова (ред.), *Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи*. Симферополь, 98–102.
- Danshin, D.I. 1993: [Phanagorian Community of Jews]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 59–72.
- Даншин, Д.И. Фанагорийская община иудеев. *ВДИ* 1, 59–72.
- Eshel, E. 1998: A Hebrew Graffito from a Synagogue in Crimea. *Jewish Studies Quarterly* 5/4, 289–299.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e.—seredina IV v. n.e.) [Coinage of the Bosporus (the Middle of the First Century BC to the Middle of the Fourth Century AD)]*. Vol. I–II. Moscow.
- Фролова, Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. 1–2. М.
- Frolova, N.A. 1998: [The Problem of Continuity in the Late Ancient Bosporus in the Light of Numismatic Data]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 247–262.
- Фролова, Н.А. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным. *ВДИ* 1, 247–262.
- Golenko, K.V., Sokolskiy, N.I. 1968: [A Hoard from Kepoi, Year 1968]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and Epigraphy]* VII, 72–126.
- Голенко, К.В., Сокольский, Н.И. Клад 1962 г. из Кеп. *Нумизматика и эпиграфика* VII, 72–126.
- Golofast, L.A. 2020: [Early Medieval Amphora with a Hebrew Inscription on the Lead Seal from Phanagoria]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 3, 159–172.
- Голофаст, Л.А. Раннесредневековая амфора с древнееврейской надписью на свинцовой пломбе из Фанагории. *Российская археология* 3, 159–172.
- Golofast, L.A. 2021: [Sixth Century Amphorae with Menorah Representations from Phanagoria]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 4, 53–64.
- Голофаст, Л.А. Амфоры VI в. с изображением меноры из Фанагории. *Российская археология* 4, 53–64.
- Golofast, L.A. 2023: [Ionic Impost Capitals from the Excavations at Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 3, 69–84.
- Голофаст, Л.А. Ионические impostные капители из раскопок Фанагории. *Проблемы истории, филологии, культуры* 3, 69–84.
- Hachlili, R. 1988: *Ancient Jewish Art and Archaeology in the Land of Israel*. (Handbuch der Orientalistik. Sieben Abteilung. Kunst und Archäologie). Leiden–New York–Copenhagen–Cologne.
- Kizilov, M.V. 2016: [Rev.: M.I. Zolotarev et al. Ancient Synagogue in Taurian Chersonesus: Materials and Research of the Black Sea Project 1994–1998. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2013]. *Vostok/Oriens* 5, 199–204.
- Кизилов, М.Б. Рец.: М.И. Золотарев, Д.Ю. Коробков, С.В. Ушаков, Р. МакЛеннан, А. Оверман, Дж. Оливье, Д. Эдвардс, Г. Линстром при участии Е. Олениной. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом. Материалы и исследования Причерноморского проекта 1994–1998 гг. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. *Vostok/Oriens* 5, 199–204.
- Kuznetsov, V. D. 2020: *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2019 g. (Krasnodarskiy kray, Temryukskiy rayon, pos. Sennoy)* [Report on the Archaeological Excavations of the Phanagoria Expedition of the Institute of Archaeology RAS in Phanagoria in 2019 (Krasnodar Krai, Temryuk District, Sennoy Settlement)]. Vol. I. Moscow.
- Кузнецов, В.Д. *Отчет об археологических раскопках Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2019 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной)*. Т. 1. М.

- Kuznetsov, V.D. 2024: [The Synagogue at Phanagoria (Preliminary Report)]. *Rossiyskaya arkhеologiya* [*Russian Archaeology*] (forthcoming).
Кузнецов, В.Д. Фанаторийская синагога (предварительное сообщение). *Российская археология* (в печати).
- MacLennan, R.S. 1996: In Search of the Jewish Diaspora: A First Century Synagogue in Crimea. *Biblical Archaeology Review* 22/2, 44–51.
- Molev, E.A., Moleva, N.V. 2016: *Bosporskiy gorod Kitey* [*Cytaeum, a Bosporan City*]. Pt. II. Simferopol. Молев, Е.А., Молева, Н.В. *Боспорский город Китей*. Ч. II. (Боспорские исследования. Supplementum, 15). Симферополь.
- Povalachev, N. 2011: Überlegungen zur Geschichte der jüdischen Gemeinde Phanagoreias. In: N. Povalachev, V. Kuznetsov (Hrsg.), *Phanagoreia und seine historische Umwelt*. (Altertümer Phanagoreias, 2). Göttingen, 305–338.
- Rassalle, T. 2021: *Coin Deposits from Ancient Synagogues in Late Antique Palestine*. PhD thesis. Chapel Hill.
- Rautman, M. 2020: Ex Anatolia Lux: Menorah from the Synagogue at Sardis. *Journal of Ancient Judaism* 11, 1–31.
- Ushakov, S.V. 2021: [Religious Situation in the Late Antique Chersonesus (4th–Mid-7th Centuries) (State of the Problem)]. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesus Collection*] 22, 167–178.
Ушаков, С.В. Религиозная ситуация в позднеантичном Херсонесе в IV – середине VII в. (состояние проблемы). *Херсонесский сборник* 22, 167–178.
- Zavadskaya, I.A. 1996: [Problems of Stratigraphy and Chronology of the Architectural Complex “Basilica 1935” in Chersonesos]. *Materialy po arkhеologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] 5, 94–105.
Завадская, И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базлика 1935 г.» в Херсонесе. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 5, 94–105.
- Zolotarev, M.I., Korobkov, D.Y., Ushakov, S.V., Overman, J.A., MacLennan, R.S., Edwards, D.R., Olive, J., Lindstrom, G., Olenina, E. 2013: *Drevnyaya sinagoga v Khersonese Tavricheskom: Materialy i issledovaniya Prichernomorskogo proekta 1994–1998 gg.* [*The Ancient Synagogue in Tauric Chersonesos: Materials and Researches by the Black Sea Project 1994–1998*]. Vol. I. Moscow–Sevastopol.
Золотарев, М.И., Коробков, Д.Ю., Ушаков, С.В., Макленнан, Р., Оверман, А., Оливье, Дж., Эдвардс, Д., Линстром, Г., Оленина, Е. *Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг.* Т. I. Москва–Севастополь.

DOI: 10.31857/S0321039124040081

ДВЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ДОЩЕЧКИ С УПОМИНАНИЕМ БОГА ТОТА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

А. Н. Николаев

Санкт-Петербургский Государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: an_nikolaev@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-6253-4847

Статья представляет собой публикацию двух деревянных дощечек с упоминанием бога Тота, ДВ-5338, ДВ-5339. Хранящиеся в настоящее время в Государственном Эрмитаже предметы с большой долей вероятности были выпилены из деревянного саркофага павиана. Фрагменты интересны надписями; датируются второй половиной птолемеевской династии – началом римского правления.

Ключевые слова: Древний Египет, саркофаг, Эрмитаж, бог Тот, ибис, павиан

TWO INSCRIBED BOARDS MENTIONING THOTH IN THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM

Andrei N. Nikolaev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: an_nikolaev@hotmail.com

The article is the first publication of two wooden boards mentioning the god Thoth: ДВ-5338, ДВ-5339. These two objects, preserved now in the collection of the State Hermitage Museum appeared to be sawn from a baboon's wooden coffin. The fragments are interesting due to their inscriptions; they date back to the second half of the Ptolemaic dynasty or to the beginning of the Roman rule.

Keywords: Ancient Egypt, sarcophagus, coffin, Hermitage, god Thoth, ibis, baboon

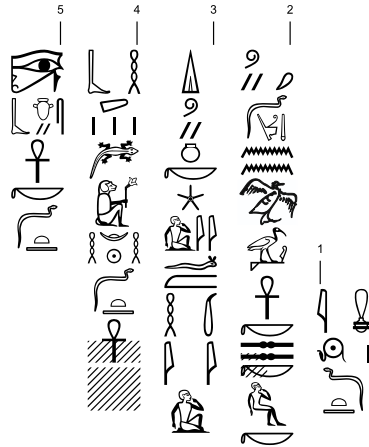
Данные об авторах. Андрей Николаевич Николаев – кандидат исторических наук, доцент кафедры Древнего Востока Восточного факультета СПбГУ.

Автор выражает признательность Дитеру Курту за ценные советы.

В Государственном Эрмитаже под инвентарными номерами ДВ-5338 (размеры: 18,5 × 34 см) и ДВ-5339 (22 × 34,4 см), хранятся две древнеегипетские деревянные дощечки с упоминанием древнеегипетского бога Тота. Эти вещи были привезены в 1909 г. Б.А. Тураевым из Египта и попали в 1910 г. в «Опись коллекции древностей, привезенных из Египта»¹. Это единственное краткое упоминание дощечек, без фотографий или прорисовок. Данные предметы могли привлечь внимание Б.А. Тураева, поскольку несколькими годами ранее этот исследователь закончил и опубликован труд, посвященный богу Тоту².

Деревянные панели имеют правильную прямоугольную форму, каждая из них состоит из трех неровных досок, в некоторых случаях не скрепленных друг с другом.

На доске ДВ-5338 (рис. 1) расположены пять столбцов надписи, выполненной крайне небрежным почерком черными чернилами по штукатурке. Текст читается справа налево, начинается со столбца 2, затем продолжается в коротком столбце 1, читаемом слева направо, далее, столбца 3 – опять справа налево:

2. wj/wt^1 (?) $\overline{d}d$ $md.w^2$ n^3 $p\overline{z}^4$ $\overline{d}hw.tj$ $\overline{c}nh=k$ $ss(n)=k$ $hrd=k$

1. mj $r^c.w$ $\overline{d}.t$

3. $dj.w^5$ $n=k$ $dw\overline{z}.w=f^6$ m $\overline{t}hw^7$

4. $\overline{h}3b-sd.w^8$ $\overline{c}S3(.w)^9$ $wr(.w)^{10}$ nhh^{11} $\overline{d}.t$ $\overline{c}nh(=k)$

5. $w\overline{d}3(=k)^{12}$ $snb(=k)$ $\overline{c}nh=k$ $\overline{d}.t$

(2) Гроб/бальзамирование (?) Произнесение слов для (sic!) Тота: живи, дыши, омолаживайся, (1) подобно Ра, вечно. (3) Даны тебе его восхваления в радости (4) в многочисленных, великих хеб-седах (праздниках) вечно, вековечно. Живи, (5) будь невредим, будь здоров, живи вечно!

Рис. 1. Дощечка ДВ-5338.

Лицевая сторона с надписью. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

¹Turayev, Farmakovskiy 1910, 12–13.

²Turayev 1898.

Комментарии

В этой короткой надписи множество сложных моментов. **1.** Самые верхние знаки во втором столбце, по-видимому, передают корень *wj* или *wt*, («гроб», «бальзамирование»³), однако интерпретировать их точнее не представляется возможным. **2.** Знак под иероглифом «змея» по форме похож и на 𓂏 «йод» (M 17), и на 𓂐 «посох» (S 43); предпочтение отдается второму варианту: именно знак «посох» чаще всего используется в начальном положении в выражении *dd mdw jn*. **3.** В начале второго столбца после стандартной фразы *dd mdw jn* «произнесение слов тем-то» выписано еще два знака *n*, то есть всего имеется три *n*: 𓂑 . Вполне допустимо, что такое большое число выписанных знаков указывает на изменение начальной фразы на «произнесение слов для такого-то», т. е. *n* используется как предлог датива, а не как частица *jn*, вводящая агента действия. В таком случае весь следующий текст содержит молитву, обращенную к священному животному: ибису или павиану, находившемуся внутри деревянного гроба. **4.** Для передачи артикля мужского рода *p3* используется иероглиф 𓂒 , по форме больше напоминающий цыпленка с раскрытыми крыльями, чем 𓂓 – летящую утку. **5.** О пассивной форме для глагола *dj/rdj* «давать» и формах ее передачи см. подробнее грамматику Д. Курта⁴. **6.** Необычный по форме знак 𓂔 , напоминающий сосуд 𓂕 , с большой долей вероятности является несколько искаженной иератической формой 𓂖 для знака 𓂗 , хорошо засвидетельствованной в палеографии Г. Мёллера⁵. Наиболее распространенными детерминативами для слова *dw3.w* «хвалебная песнь, высказывание» являются другие знаки: 𓂘 или 𓂙 , вместе с тем, используется и 𓂚 . Суффикс *=f* после *dw3.w=f* относится к богу Ра, о котором говорится выше. **7.** Слово *ihw* «радоваться» хорошо засвидетельствовано⁷, о замене *w* на *jj* см. специальный комментарий в работе Д. Курта⁸. По поводу интерпретации детерминирующего знака 𓂛 как 𓂜 см. предыдущее пояснение 4. **8.** Группу штрихов 𓂝 между верхними тремя знаками в столбце 4 и знаком «ящерица» ниже следует, по-видимому, понимать как знак множественности 𓂞 (Z 2), хотя фактически различимы два вертикальных штриха слева и знак, похожий на овал, справа; ср. вариант, засвидетельствованный у Г. Мёллера⁹. **9.** Слово «многочисленный» 𓂟 выписано знаком «ящерица» 𓂠 (I 1), переданном в иератической 𓂡 , а не иероглифической форме¹⁰. **10.** Предлагаемый перевод начала 4 столбца *hb-sd.w s3(.w) wr(.w)* «в многочисленных, великих хеб-седах» основывается на аналогичных формулах в текстах храма Эдфу¹¹. Тем не менее, передача слова *wr* «великий» знаком 𓂢 (т. е. 𓂣) на других памятниках в такой форме – с цветком в передних лапах – вроде бы не засвидетельствована, ср. известные варианты написания знака «павиан»,

³ *Wb.* I, 271.7; 378.7.

⁴ Kurth 2008, § 149, n. 3.

⁵ Möller 1912, no. 35.

⁶ *Wb.* V, 428.14.

⁷ *Wb.* V, 389.5; Westendorf 1965–1977, 472:3.

⁸ Kurth 2007, 471, § 5.11.

⁹ Möller 1912, no. 616.

¹⁰ Möller 1912, no. 240.

¹¹ Chassinat 1930, 164; 1931, 13; 1933, 159, 161.

собранные в Ф. Дома¹². Возможна и другая интерпретация этого места: *ḥ3b-sd.w* *ʕ33(.w) nfr(.w)* «в многочисленных, прекрасных хеб-седах», поскольку для знака «сидящий павиан» (без цветка) чтение *nfr* надежно фиксируется¹³. **11.** Многие знаки в тексте имеют очень поздние по времени формы написания. Так, слово *nḥḥ* «вечность» выписано с использованием знаков «перевернутая луна» и «город», вместо «солнца». **12.** Слово *wḏ3* «быть невредимым» записано только иероглифом «глаз», что характерно для птолемеевского времени. Возможно, переводить последние глаголы следует не в оптативном (желательном) наклонении, а в изъявительном: «[Ты] живешь, [ты] невредим, здоров, ты живешь вечно». Формальных показателей, указывающих на выбор того или иного перевода нет.

Всю поверхность оборотной стороны дощечки (рис. 2–3) занимает выполненное черной краской изображение большого цветка из длинных вытянутых линий, выходящих из центра. Крест из сужающихся к краям доски узких конусов дополнен двенадцатью ветвями с побегами, концы которых загнуты в виде спиралей. В верхних углах доски сохранились два маленьких цветка, стебли которых направлены от углов к центру; аналогичные им были, по-видимому, и внизу. Подобный крест, дополненный несколькими ветвями, количество которых может меняться, – частое орнаментальное заполнение пространства, например, на нижней (плоской) части скарабеев разных эпох¹⁴.

Рис. 2. Дощечка ДВ-5338.
Оборотная сторона с цветком.
© Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

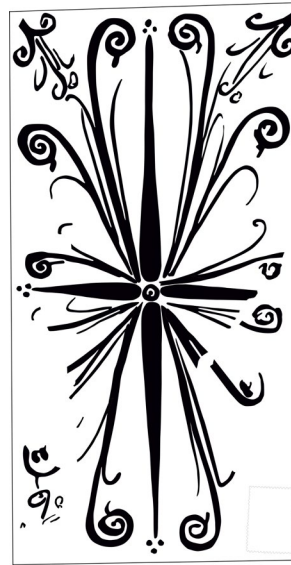

Рис. 3. Прорисовка оборотной
стороны дощечки ДВ-5338.
Прорисовка: А.Н. Николаев

¹² Daumas 1988, 244–250.

¹³ Daumas 1988, 244.

¹⁴ Keel 1997, 27 № 17; 51 № 88; 83 № 12 и др.

Д. Курта¹⁵. 3. В слове $\text{𓏏} \text{𓏏} \text{nhh}$ «вечность» и на ДВ-5339, и на ДВ-5338 употреблены особенные формы для передачи знаков 𓏏 «луна»: 𓏏 , 𓏏 и 𓏏 «город», заменивший знак 𓏏 «солнце»: 𓏏 , 𓏏 . 4. Чтение основывается на данных Лексикона египетских богов под редакцией Кр. Ляйца¹⁶ и перечня знаков птолемеевского периода Д. Курта¹⁷. Вместе с тем, известный отечественный египтолог О.Д. Берлев настаивал на чтении j , а не $dhw.tj$, что подтверждается демотической надписью с наоса, хранящегося в ГМИИ им. А.С. Пушкина (инв. I.1.a.5373)¹⁸. В то же время, как было показано Фээрманом, знак «кисточка тростника» 𓏏 (M 17) в птолемеевских текстах из Эдфу часто заменяет большое число других знаков, передающих $dhw.tj$, и это нельзя не учитывать¹⁹. 5. В горизонтальной строке 5 последние знаки из-за отсутствия места выписаны мелко и с искажениями; уверенно распознать крайний правый из них не представляется возможным. 6. Эпитет «создавший себя сам» может относиться как к Ра, так и к Тоту, но, судя по предшествующим словам «великий бог» и расположению этой фразы на доске, центральным элементом оформления которой является изображение ибиса, с большой долей вероятности перед нами – название бога Тота.

Красочный слой оборотной стороны дощечки (рис. 5–6) сильно разрушен, однако сохранились каплевидные элементы – чешуйки, или пряди, которыми часто передавалась шкура павлина²⁰; возможно, именно это священное животное Тота

Рис. 5. Дощечка ДВ-5339. Обратная сторона с шкурой павлина и цветком. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

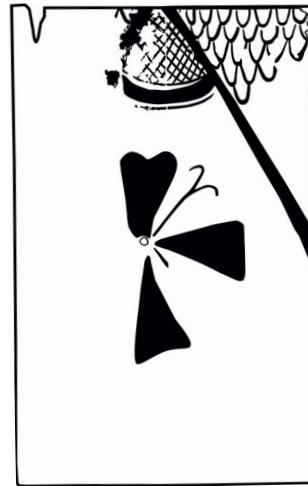

Рис. 6. Прорисовка оборотной стороны дощечки ДВ-5339. Прорисовка: А.Н. Николаев

¹⁵ Kurth 2007, 478, n. 6.

¹⁶ LGG VII, 640.

¹⁷ Kurth 2010, 126.

¹⁸ Berlev 1999, 53–54.

¹⁹ Fairman 1945, 68.

²⁰ Например, Guichard 2014, 215, 240, 260, 330–331.

и было изображено на панели. Помимо этого различимы три черных треугольных лепестка, отходящих от центра цветка; между лепестками находились «ветви», одна из которых, также черная, хорошо заметна на темно-коричневом фоне.

С большой долей вероятности оба предмета представляют собой две части одного предмета или два фрагмента из двух близких по оформлению предметов. Можно предположить, что вещи были аккуратно выпилены из одного или двух саркофагов ибиса или павиана, декор которого (или которых) был наполнен символикой, связанной с богом Тотом.

Практически все известные саркофаги ибисов и павианов времени македонского владычества в Египте происходят из Туна эль-Гебель, которое находится в средней части страны. Связано это с историей этого места, располагавшегося в шести километрах от Гермополя, главный храм которого был посвящен богу Тоту. Помимо руин нескольких храмов птолемеевского времени, главное в Туна эль-Гебель — это многочисленные и протяженные подземные галереи, наполненные останками священных животных: ибисов, павианов, соколов и др.²¹. Судя по оттискам печатей, со времени фараонов Псамметиха I и Амасиса был издан указ о создании единого места захоронения ибисов — ибиотафейона — для всего Египта в Туна эль-Гебель. Кроме того, под страхом смерти запрещалось убивать священных ибисов или соколов, а в Туна эль-Гебель основывались специальные питомники для разведения ибисов, для содержания которых по всей стране выделялись участки земли. Предметы из раскопок, проводившихся в подземных галереях, свидетельствуют о том, что указ был реализован на практике: демотические папирусы из керамических сосудов, в которых погребали ибисов, а также надписи на их стенках рассказывают о переносе ибисов из разных городов Египта в Туна под охраной специальных культовых служителей. Надпись обычно была составлена по следующей форме: «год такой-то, месяц такой-то, день такой-то; бог Тот, которого NN принес, сын такого-то, из города А в руку писца ТТ, сына такого-то»²². Переносились уже мумифицированные ибисы; их передавали в храме Туна местным служителям, которые совершали ритуал отвязания уст и помещали ибиса в керамический сосуд или саркофаг. Те ставились в углубления в стенах катакомб, которые закладывали сырцовым кирпичом после заполнения.

Практика переноса ибисов в Туна продолжалась как минимум до конца птолемеевского времени. Галереи, начатые при саисских правителях были существенно расширены между 310 и 305 гг. до н. э. Птолемеем I. На время правления этого царя приходится и появление первых подземных комнат, посвященных павианам из Гермополя. Во всех подробностях катакомбы Туна описаны прежде всего в работах Дитера Кесслера²³; нас же больше интересует типология известных из этого места гробов ибисов.

Кроме керамических сосудов мумии птиц могли помещаться в деревянные кофусы, составленные из двух половинок²⁴. Однако наиболее типичным является

²¹ Kessler, Abd el-Halim Nur el-Din 2005.

²² Ebeid 2006, 68; 2014, 47; Kessler, Abd el-Halim Nur el-Din 2005, 125.

²³ Kessler, Abd el-Halim Nur el-Din 2005; Boessneck 1987; Kessler 1998; 2011.

²⁴ Guichard 2014, 280.

деревянный гробик ибиса другой формы, торцевые стенки которого имеют разную²⁵ или почти одинаковую²⁶ высоту. Такой ящичек может быть очень изящно и ярко расписан, на нем могут иметься и посвятельные надписи²⁷, а иногда и протяженные тексты, в частности фрагменты изречений Текстов пирамид²⁸ и глав Книги мертвых²⁹. Несмотря на то, что такая форма является наиболее частотной, едва ли эрмитажные предметы были частью такого погребения: ДВ-5338 и ДВ-5339 имеют прямоугольную форму и близкие размеры, что невозможно для скошенных деревянных стенок вышеназванных гробиков ибисов.

Еще один тип погребения ибисов – это деревянный саркофаг в виде параллелепипеда с открывающимися торцевыми стенками, через которые внутрь помещалась мумия священной птицы. Как утверждает Х. Наср ад-Дин, единственным деревянным саркофагом с сохранившейся мумией ибиса является предмет из Музея университета Каира под номером 1618³⁰. Строки и столбцы с текстом находятся на всех сторонах гробика по периметру, окружая сцены поклонения богу Тоту в облике ибиса и павиана. Надписи на нем представляют собой перечисление стандартных эпитетов Тота, а на одной стороне сказано: «Тот, дважды великий, владыка Гермополя, который дает жизнь и здоровье, долгое продолжение жизни и добрую старость, просветленный (*имах*) перед Тотом Псамметих-мену, сыном Псамметих-эм-ахета, рожденным Асет-ии, сын его старший, любимый Хор правогласный»³¹, т. е. упоминаются дарители, заказавшие этот саркофаг для Тота.

Интересно отметить, что сохранились не только деревянные и керамические, но и сделанные из камня гробики ибисов. В частности, на одном из таких предметов Птолемеевской эпохи (332–330 гг. до н. э.), эмитирующих в камне тело птицы с черной шеей и клювом, в демотической надписи упоминается даритель по имени Патепагем, который вместе со своими родителями оказывается под защитой «Тота, который дает жизнь»³².

Подобные каменные саркофаги ибисов могут рассматриваться как связующее звено с гробами, в которых хоронили другое священное животное Тота – павиана. Мне известно два варианта: во-первых, это каменные саркофаги-ящики, покрытые религиозными надписями из Туна эль-Гебель, опубликованные Д. Кесслером³³. Во-вторых, это деревянные вертикальные ящики, размеры которых существенно больше гробиков ибисов³⁴.

После перечисления основных типов гробов ибисов и павианов следует еще раз отметить, что эрмитажные доски имеют как изображения ибиса (центральная фигура, сидящая на насесте), так и павиана (чешуйки его кожи на оборотной

²⁵ Например, Raven, Taconis 2005, 285.

²⁶ Ebeid, 2014, 41.

²⁷ Например, Ägyptische Mumien 2007, 307.

²⁸ Ebeid, 2018, 104–106, 108–113.

²⁹ Ebeid, 2018, 106–108; Coussement, Depauw 2010.

³⁰ Nasr el-Dine 2015.

³¹ Nasr el-Dine 2015, 270.

³² Guichard 2014, 305.

³³ Kessler 1998, Taf. 75, 76.

³⁴ Kessler, Abd el-Halim Nur el-Din 2005, 140, fig. 6.6.

стороне), что затрудняет однозначную атрибуцию. С несколько большей степенью вероятности можно утверждать, что ДВ-5338 и ДВ-5339 были частью деревянного гробика-ящика именно павиана, в пользу чего говорят их размеры. Внешние размеры досок недостаточно большие, чтобы считать их частями одного или двух саркофагов павиана, однако по свежим спилам по всему периметру каждой из досок понятно, что дощечки были выпилены из больших панелей. Более того, сохранившийся фрагмент большого изображения павиана (часть шкуры которого передана характерными каплеобразными чешуйками) на оборотной стороне ДВ-5339 также предполагает другие размеры исходной деревянной пластины.

По поздним формам знаков, а также по типологии схожих предметов из Туна эль-Гебель дощечки ДВ-5338 и ДВ-5339 уверенно датируются второй половиной птолемеевской династии — началом римского правления. Достаточных оснований для утверждения, что дощечки происходят именно из Туна эль-Гебель, нет, но предполагать это можно с высокой долей определенности.

Литература / References

- Ägyptische Mumien 2007: *Ägyptische Mumien: Unsterblichkeit im Land der Pharaonen*. Mainz—Stuttgart.
- Berlev, O.D. 1999: Two Periods of Sothis between Year 18 of King Senu, or Tosortros, and Year 2 of Pharaoh Antoninus Pius. In: *Drevniy Egipt: yazyk — kul'tura — soznanie. Po materialam egiptologicheskoy konferentsii 12—13 marta 1998 g.* [Ancient Egypt: Language — Culture — Consciousness. Based on the Materials of the Egyptological Conference of March 12—13, 1998]. Moscow, 42—62.
- Берлев, О.Д. Два периода Сотиса между Годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и Годом 2 фараона Антонина Пия. В сб.: *Древний Египет: язык — культура — сознание. По материалам египтологической конференции 12—13 марта 1998 г.* М., 42—62.
- Boessneck, J. (Hrsg.) 1987: *Tuna el-Gebel I: Die Tiergalerien*. (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge, 24). Hildesheim.
- Chassinat, É. 1930: *Le temple d'Edfou*. Т. 5. Paris.
- Chassinat, É. 1931: *Le temple d'Edfou*. Т. 6. Paris.
- Chassinat, É. 1933: *Le temple d'Edfou*. Т. 8. Paris.
- Coussement, S., Depauw, M. 2010: Words Spoken by Osiris or the Ibis? An Ibis Coffin with a Hieroglyphic Inscription on the Macquarie University Museum of Ancient Cultures. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 137/2, 98—103.
- Daumas, F. 1988: *Valeurs phonétiques des signes hiéroglyphiques d'époque gréco-romaine*. Vol. I. Montpellier.
- Ebeid, M. 2006: Demotic Inscriptions from the Galleries of Tuna el-Gebel. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 106, 57—74.
- Ebeid, M. 2014: Seven Demotic Votive Inscriptions on Various Objects from the Tuna al-Gebel Necropolis. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 141/1, 41—55.
- Ebeid, M. 2018: Wooden Boards with Religious Texts, Written in Hieroglyphic, Hieroglyphic-Hieratic and Hieratic, from the Tuna Al-Gebel Necropolis in the Al-Ashmunein Magazine. In K. Donker van Heel, F.A.J. Hoogendijk, C.J. Martin (eds.), *Hieratic, Demotic and Greek Studies and Text Editions: Of Making Many Books There Is No End. Festschrift in Honour of Sven P. Vleeming*. Leiden—Boston, 101—114.
- Fairman, H.W. 1945: An Introduction to the Study of Ptolemaic Signs and their Values. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 43, 51—138.
- Guichard, H. (ed.) 2014: *Des animaux et des pharaons: le règne animal dans l'Égypte ancienne*. Lens.
- Keel, O. 1997: *Corpus der Stempelsiegel-Amulette aus Palästina/Israel: Von den Anfängen bis zur Perserzeit: Katalog*. Bd. 1. Freiburg (Schweiz)—Göttingen.

-
- Kessler, D. 1998: *Tuna el-Gebel II: die Paviankultkammer G-C-C-2*. (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge, 43). Hildesheim.
- Kessler, D. 2011: *Tuna el-Gebel 3: die Oberbauten des Ibiotapeion von Tuna el-Gebel. Die Nachgrabungen der Joint Mission der Universitäten Kairo und München 1989–1996*. München.
- Kessler, D., Abd el-Halim Nur el-Din 2005: Tuna al-Gebel: Millions of Ibises and Other Animals. In: S. Ikram (ed.), *Divine Creatures: Animal Mummies in Ancient Egypt*. Cairo–New York, 120–163.
- Kurth, D. 2007: *Einführung ins Ptolemäische: eine Grammatik mit Zeichenliste und Übungsstücken*. Bd. 1. Hützel.
- Kurth, D. 2008: *Einführung ins Ptolemäische: eine Grammatik mit Zeichenliste und Übungsstücken*. Bd. 2. Hützel.
- Kurth, D. 2010: *A Ptolemaic Sign-List: Hieroglyphs Used in the Temples of the Graeco-Roman Period of Egypt and their Meanings*. Hützel.
- Möller, G. 1912: *Hieratische Paläographie: die ägyptische Buchschrift in ihrer Entwicklung von der fünften Dynastie bis zur römischen Kaiserzeit*. Bd. 3. *Von der zweiundzwanzigsten Dynastie bis zum dritten Jahrhundert nach Chr.* Leipzig.
- Nasr el-Dine, H. 2015: Un cercueil en bois provenant de Touna el-Gebel conservé au musée de l'Université du Caire. *Journal of Egyptian Archaeology* 101, 263–280.
- Raven, M.J., Taconis, W.K. 2005: *Egyptian Mummies: Radiological Atlas of the Collections in the National Museum of Antiquities at Leiden*. Turnhout.
- Turayev, V.A. 1898: *Bog Tot. Opyt issledovaniya v oblasti istorii drevneegipetskoj kul'tury* [*God Thoth. A Research Experience in Ancient Egyptian Cultural History*]. Leipzig.
Тураев, В.А. *Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры*. Лейпциг.
- Turayev, V.A., Farmakovskiy, V.V. 1910: *Opis' kollektivnoy drevnostey, privezennykh iz Egipta vesnoy 1909 goda* [*Inventory of a Collection of Antiquities Brought from Egypt in the Spring of 1909*]. Saint Petersburg.
Тураев, В.А., Фармаковский, В.В. *Опись коллекции древностей, привезенных из Египта весной 1909 года*. СПб.
- Westendorf, W. 1965–1977: *Koptisches Handwörterbuch: Bearbeitet auf Grund des Koptischen Handwörterbuchs Wilhelm Spiegelbergs*. Heidelberg.

DOI: 10.31857/S0321039124040096

СОВЕТСКИЕ АНТИКОВЕДЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЛОКА: К ПРОБЛЕМЕ УЧАСТИЯ УЧЕНЫХ ИЗ СССР В РАБОТЕ КОМИТЕТА «ЭЙРЕНЕ»

М. В. Ковалев¹, О. В. Метель²

^{1,2} *Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия*

¹ *E-mail:* kovalevmv@yandex.ru

² *E-mail:* olgametel@yandex.ru

¹ *ORCID:* 0000-0002-4722-818X

² *ORCID:* 0000-0001-6981-6137

В данной статье предпринята попытка анализа научных связей советских антиковедов с учеными из социалистических стран, а именно с членами Комитета по развитию классических исследований «Эйрене». Данный Комитет был образован в 1957 г. по инициативе чехословацкого ученого А. Салача и в дальнейшем включал историков, филологов-классиков и археологов из ЧССР, ГДР, СССР, ПНР и других стран социалистического блока, стремившихся к объединению усилий для изучения античной истории. На основании широкого круга письменных источников, включающих в себя делопроизводственные документы советских научно-исследовательских учреждений и Кабинета греческих, римских и латинских древностей Академии наук ЧССР, а также материалы советской и чехословацкой научной периодики, авторы рассматривают практики организации конференций Комитета, особенности подготовки журнала «Eirene. Studia Graeca et Latina» и иные формы взаимодействия участников рассматриваемой организации. Авторы статьи полагают, что участие советских антиковедов в работе Комитета «Эйрене» носило индивидуальный, а не институциональный характер и определялось скорее научными достижениями специалистов, чем их положением в структуре советской науки.

Ключевые слова: советское антиковедение, Комитет по развитию классических исследований «Эйрене», международные научные связи, научные конференции, социалистический блок

Данные об авторах. Михаил Владимирович Ковалев – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; Ольга Вадимовна Метель – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Исследование проводилось при поддержке РНФ, проект № 20-78-10053 «Советско-чехословацкие научные коммуникации в 1948–1991 гг.: трансфер идей и социальные практики ученых».

SOVIET HISTORIANS OF ANTIQUITY
IN THE SPACE OF THE SOCIALIST BLOC:
ABOUT THE PARTICIPATION OF SOVIET SCHOLARS
IN THE WORK OF THE COMMITTEE “EIRENE”

Michael V. Kovalev¹, Olga V. Metel²

^{1,2}*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹*E-mail: kovalevmv@yandex.ru*

²*E-mail: olgametel@yandex.ru*

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation project no. 20-78-10053

The authors study the academic relations of Soviet historians of Antiquity with scholars from socialist countries — members of the Committee for the Development of Classical Studies “Eirene”. This Committee was created in 1957 on the initiative of A. Salač and included historians, classical philologists and archaeologists from the CSSR, GDR, USSR, PPR and other Socialist Bloc countries who sought to unite efforts to study ancient history. The authors research the ways of organizing the conferences by the Committee, the preparation of “Eirene. Studia Graeca et Latina” journal and other forms of interaction of the participants of this organization. The study takes into account official documents of Soviet research institutions and the Cabinet of Greek, Roman and Latin Antiquities of the Academy of Sciences of the Czechoslovak Republic and materials from Soviet and Czechoslovak scientific periodicals. The authors think that the participation of Soviet historians of Antiquity in the work of the Committee “Eirene” was individual, not institutional, and was determined by the scientific achievements of specialists, and not by their position in the structure of Soviet science.

Keywords: Soviet Antiquity, Committee of the Development of Classical Studies «Eirene», international scientific relations, scientific conferences, socialist bloc

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

На протяжении последних двух десятилетий история советского антиковедения неоднократно оказывалась в фокусе внимания отечественных и зарубежных специалистов, стремившихся изучать данный феномен как в контексте реконструкции научных биографий отдельных авторов и этапов развития научных институций¹, так и с точки зрения эволюции методологической и концептуальной составляющей историографического процесса². Успехи, достигнутые исследователями в этом направлении, представляются весьма серьезными, ведь именно благодаря подобным изысканиям современные ученые получили представление о механизмах производства знания об античности в СССР. В то же время, несмотря на столь очевидные достижения, немало аспектов функционирования советского антиковедения все еще находится вне поля зрения исследователей и, как следствие, не учитывается при построении обобщающих моделей

¹Karsai *et al.* 2014; Ananiev, Bukharin 2020; Karpyuk 2021; Skvortsov 2022.

²Ladynin 2021; Krikh 2020.

развития данной дисциплинарной области. К числу подобных сюжетов, на наш взгляд, можно отнести проблему развития международных контактов советских исследователей античности, рассматривавшуюся ранее или в узких хронологических рамках, или в контексте поисков возможного влияния концептуальных построений зарубежных ученых на советскую науку³. Конкретные же практики соприкосновения исследователей из СССР с миром науки социалистических и капиталистических стран или особенности восприятия советских трудов за рубежом практически не изучались историографами, а отдельные статьи, освещавшие подобные темы (к примеру, споры о плагиате в одной из переводных работ С.Л. Утченко⁴), не вызвали серьезного отклика со стороны научного сообщества. В результате несмотря на разнообразие трудов по истории советской науки об античности будет справедливо сказать, что данная дисциплинарная область изучалась историографами в отрыве от широкого международного контекста, имеющего, однако, немаловажное значение для понимания советского опыта. Выход из сложившейся ситуации мы видим в дальнейшем расширении предметного поля проводимых изысканий и включении в это пространство проблемы развития международных связей советских антиковедов. И, делая шаг в данном направлении, мы считаем возможным представить вниманию читателей анализ практик взаимодействия советских антиковедов с коллегами из социалистических стран в рамках деятельности Комитета по развитию классических исследований в социалистических странах «Эйрене» или, как его еще называли в СССР, Международного комитета античников социалистических стран «Эйрене» (в конце 1980-х годов – Общество античников социалистических стран Европы «Эйрене»⁵).

В пространстве русскоязычной историографии о данном комитете известно немного: он упоминается на страницах специальных изданий и научной периодики, но развернутой характеристики его деятельности из этих текстов мы получить не можем⁶. Похожая ситуация характерна и для зарубежной историографии, в рамках которой этот сюжет также освещается весьма фрагментарно⁷. Сложившуюся ситуацию, вероятно, можно объяснить несколькими обстоятельствами, а именно: статусом историографических исследований в общем пространстве антиковедения, сравнительно небольшой хронологической дистанцией, отделяющей современных исследователей от изучаемых событий, и состоянием источниковой базы, накладывающим серьезные ограничения на возможности специалистов. Однако несмотря на сказанное мы все же считаем возможным приступить к изучению заявленной темы и познакомить читателей с той картиной взаимодействия советских антиковедов с учеными из стран социалистического лагеря, которая складывается в результате анализа архивных документов (делопроизводственной документации Института истории АН СССР, Института всеобщей истории АН СССР, Государственного Эрмитажа, кафедры Древней Греции и Древнего Рима ЛГУ, Кабинета

³ Krikh, Metel 2014.

⁴ Gruzdinskaya, Kovalev 2021.

⁵ Golubtsova 1987.

⁶ Stronskiy 1984.

⁷ Oliva, Burian 1957.

греческих, римских и латинских древностей Академии наук ЧССР) и материалов научной периодики («Вестник древней истории», «Československý časopis historický», «Listy filologické / Folia philologica», «Eirene. Studia Graeca et Latina» и т.д.). В дальнейшем, сделанные нами выводы могут быть уточнены и дополнены материалами устной истории, сбор и обработка которых представляется нам самостоятельной исследовательской задачей.

КОМИТЕТ «ЭЙРЕНЕ» И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1950–1980 гг.

История Комитета по развитию классических исследований в социалистических странах уходит своими корнями в 1957 г., когда «передовые» ученые из Болгарии, Чехословакии, ГДР, Польши, Румынии, Венгрии и СССР, собравшиеся на конференции в Либлице и Праге по инициативе английского марксиста и профессора Бирмингемского университета Дж. Томсона, приняли решение создать новую организационную структуру, призванную, как сообщал своим читателям «Вестник древней истории», заботиться об изучении античности в высшей и средней школе и содействовать ученым в обмене опытом в данной сфере⁸. Организационным центром нового комитета стала Чехословакия, а именно Кабинет греческих, римских и латинских древностей Чехословацкой Академии наук (Kabinet pro studia řecká, římská a latinská ČSAV), созданный в 1952 г. в Праге в период институциональной перестройки чехословацкой научно-образовательной системы по советскому образцу⁹ и в целом подготовивший встречу в Либлице¹⁰. Главой Комитета был избран известный чешский филолог-классик и исследователь античности А. Салач, давно стремившийся, согласно его биографам, к объединению усилий всех антиковедов из стран социалистического лагеря¹¹. Секретарем комитета также стал представитель ЧССР – Л. Варцл, филолог-классик, папириолог и талантливый организатор науки, внесший немалый вклад в адаптацию исторического материализма к принципам традиционной классической филологии¹². Остальные члены комитета были избраны в его состав решением конкретных стран-участниц, каждая из которых должна была делегировать в постоянный орган Комитета (в чехословацких журналах его называли Постоянным комитетом, в советских – Президиумом) двух своих представителей¹³.

Выбор Чехословакии в качестве организационного центра нового Комитета представляется нам неслучайным. Во-первых, это было обусловлено общим уровнем развития чехословацкого антиковедения, имевшего специализированные центры в Праге, Брно, Оломоуце и Братиславе и проводившего исследования на международном уровне¹⁴. Во-вторых, подобное решение отчасти было

⁸ Oliva *et al.* 1958.

⁹ Oliva 1972.

¹⁰ MÚ a AAV ČR. Fond «Kabinet pro studia řecká, římská a latinská ČSAV» (далее – KŘŘL ČSAV). Kart. 1. Inv. č. 7. Organizační řád Kabinetu pro studia řecká, římská a latinská ČSAV. L. 1–9.

¹¹ Varcl 1961b, 3.

¹² Janáček 1969; Janda 1981.

¹³ Dostálová 1957, 112.

¹⁴ Natunewicz 1975.

связано с тем, что во второй половине 1950-х – 1960-е годы Прага позиционировала себя в качестве своеобразного центра встречи двух миров – Востока и Запада. Именно поэтому здесь должны были проводиться предварительные совещания ученых социалистических стран перед важными научными мероприятиями (к примеру, в 1955 г. в Праге должно было состояться совещание историков перед X Международным конгрессом в Риме¹⁵), и, следовательно, здесь же было логично организовать Комитет с красноречивым названием «Эйрене», или «Мир» (оно было принято в 1960 г.¹⁶), поставивший перед собой задачу стать «посредником мирового сотрудничества»¹⁷ и вносить свой вклад в борьбу за мир¹⁸.

Решение подобной задачи предопределило основные формы деятельности Комитета, в 1950–1980-е годы уделявшего пристальное внимание организации международных научных конференций и изданию международного научного журнала «Eirene. Studia Graeca et Latina» и в результате ставшего своеобразной коммуникативной площадкой для антиковедов из разных стран. Что касается конференций, проводимых под эгидой «Эйрене», то вслед за встречами антиковедов в Либлице и в Праге (1957 г.) и контактами инициаторов нового объединения в Варшаве (декабрь 1957 г.) и в Будапеште (июнь 1958 г.) в декабре 1958 г. в Эрфурте (ГДР) состоялась первая официальная конференция, созданная по инициативе Комитета «Эйрене». В дальнейшем, в начале 1960-х годов, был установлен примерный порядок организации подобных форумов, которые должны были проходить каждые полтора – три (а иногда и четыре) года на территории одной из стран-участниц. Причем, после смерти в 1960 г. А. Салача, представитель страны, принимавшей конференцию, в течение двух лет должен был выполнять функции председателя комитета¹⁹.

Конференции, проводимые комитетом «Эйрене» представляли собой мультидисциплинарные международные форумы, насчитывавшие несколько сот участников из социалистических и капиталистических стран (последние получили возможность присутствовать на этих съездах лишь после решения конференции 1960 г., прошедшей в румынской Эфории²⁰), среди которых были историки, филологи-классики, археологи, лингвисты и др., специализировавшиеся на изучении древней Греции и древнего Рима. В дальнейшем, с 1982 г. число участников подобных встреч было увеличено, и к ним присоединились историки Византии (правда, при этом специалисты в области микенологии, активно развивавшейся в ЧССР²¹, еще в 1966 г. решили собираться в рамках отдельного симпозиума²²).

¹⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1059. Л. 7.

¹⁶ Varcl 1961, 145.

¹⁷ Из «Вступительного объявления» в 3-м номере журнала «Eirene. Studia Graeca et Latina» (1964 г.).

¹⁸ Jakub *et al.* 2013, 37.

¹⁹ MÚ a AAV ČR. KŘŘL ČSAV. Kart. 6. Inv. č. 43. Mezinárodní konference klasických studií v socialistických zemích – přehrava (zápisy o konferencích, přehled konferencí zal 1957–1968); НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880. Л. 5.

²⁰ MÚ a AAV ČR. KŘŘL ČSAV. Kart. 6. Inv. č. 43.

²¹ Natunewicz 1975, 188.

²² Grinbaum 1967.

Организатором конференций, проводимых под эгидой международного комитета «Эйрене», традиционно выступали представители ключевой институции антиковедческого профиля, действующей на территории страны, принимавшей форум. Так, если конференция проводилась в Праге, то ее подготовкой занимались сотрудники Кабинета греческих, римских и латинских древностей Чехословацкой Академии наук, а если в Пловдиве или Несебре, то организационные хлопоты ложились на плечи сотрудников Болгарской Академии наук. Именно они определяли дату и место проведения конференции, формировали Оргкомитет, составляли общую программу встречи и отвечали за технические и материально-бытовые вопросы. Принимающая сторона брала на себя расходы, связанные с организацией секционных заседаний, иногда оплачивая даже проживание и питание участников, как это было, к примеру, в Эфории, когда антиковеды были размещены в одном из местных санаториев²³. Однако в большинстве случаев оплата подобных расходов, как и приобретение билетов к месту проведения очередного конгресса, все же ложилась на плечи самих участников, которые могли обратиться с просьбой о компенсации потраченных средств к руководству своих научных институтов. В отдельных случаях члены Оргкомитета настаивали на оплате предварительного организационного взноса, составлявшего, к примеру, для участников конференции «Античность и современность», прошедшей в Брно в 1966 г., 10 долларов США²⁴. Еще 5 долларов должны были внести члены их семей, сопровождавшие исследователей в поездках, что было обычной практикой тех лет (так, к примеру, в 1982 г. в Праге собрались 402 исследователя античности и 30 сопровождавших их лиц²⁵).

Традиционно конференции комитета «Эйрене» длились несколько дней и включали в себя в качестве обязательных элементов проведение пленарных заседаний, в которых участвовали не только ученые, но и представители местных компартий, работу секций или семинаров и коллоквиумов и культурную программу, предполагавшую осмотр достопримечательностей, экскурсии в другие города, посещение музеев, театров и др. Программы секций обычно формировались по дисциплинарному признаку и объединяли доклады историков, филологов-классиков, археологов и литературоведов. Исключение составляла первая конференция в Либлице, сценарий которой предполагал обсуждение двух основных докладов и двух содокладов по истории древней Греции и древнего Рима²⁶. В последующие же годы общее число заявленных докладов и сообщений неуклонно увеличивалось, и их распределяли в рамках отдельных секций, заседаний, симпозиумов и коллоквиумов, позволявших специалистам более детально обсудить интересовавшие их узкие темы.

Особой составляющей конференций «Эйрене», была культурная программа, появление которой, вероятно, первоначально было обусловлено необходимостью создания комфортных условий для установления и поддержания научных

²³Varcl 1961a, 144.

²⁴Editorial 1965, 178.

²⁵Froliková 1984, 178.

²⁶Oliva *et al.* 1958, 230, 237.

контактов между специалистами из разных стран. В дальнейшем же этот пункт программы форумов комитета превратился в полноценный элемент «научного туризма», привлекавший тех ученых, кто в силу разных причин не хотел или не мог представить доклад на секции, но при этом получал возможность посетить археологические памятники Великоморавского княжества²⁷, остатки римских вилл и других построек в Виде, Нароне и Могорело²⁸ или просто приятно провести время в курортных городах Адриатического (г. Дубровник, Югославия) и Черного морей (г. Несебр, Болгария) в «бархатный сезон». Вероятно, поэтому число докладчиков на конференциях комитета «Эйрене» не всегда совпадало с общим числом участников, и если в 1960 г. на конференцию в болгарском Пловдиве собралось более 200 исследователей из ЧССР, ГДР, Югославии, Польши, Румынии, Венгрии, СССР, Франции и Великобритании, то докладов на секциях было заявлено не более 86, и часть из них организаторы должны были заменить, т. к. их авторы не смогли приехать в Болгарию²⁹ (впрочем, ситуация могла быть и обратной, как, например, в 1978 г. в Несебре, где, согласно официальным данным, 95 участников представили 120 сообщений).

Еще одним инструментом коммуникации членов комитета «Эйрене» стал журнал «Eirene. Studia Graeca et Latina», издававшийся с 1960 г. в Праге сотрудниками Кабинета греческих, римских и латинских древностей Чехословацкой Академии наук. Инициатором первого выпуска «Eirene», задумывавшегося лишь в качестве сборника научных трудов конференции 1957 г. в Либлице, был А. Салач, потративший, по воспоминаниям А. Фроликовой, целых три года на то, чтобы преодолеть различные организационные и технические сложности, стоявшие на пути у этого проекта³⁰. Характер же периодического издания «Eirene» приобрел лишь в 1962 г., когда с такой инициативой выступили члены комитета, собравшиеся на очередной конференции в болгарском Пловдиве³¹. Тогда же было решено, что членами редколлегии нового журнала станут представители всех стран-участниц Комитета, каждый из которых возьмет на себя обязательства по обеспечению «научного уровня» материалов, направляемых в редакцию из той или иной страны.

По своей внутренней структуре данный журнал мало чем отличался от других периодических изданий подобного профиля, публикуя на своих страницах оригинальные статьи, материалы дискуссий и обсуждений тех или иных научных проблем, рецензии и обзоры исследовательской литературы. Причем, уже к концу 1960-х годов объем рецензий и сообщений о новинках исследовательской литературы, публиковавшихся на страницах «Eirene. Studia Graeca et Latina», существенно превышал объем научных статей, выходявших в том же номере. Так, если в 1965 г. редколлегия сочла возможным опубликовать

²⁷ Editorial 1965, 178.

²⁸ Kurzová 1976, 190.

²⁹ Editorial 1964, 184.

³⁰ Jakub *et al.* 2013, 36.

³¹ MÚ a AAV ČR. KŘŘL ČSAV. Kart. 6. Inv. č. 43.

9 научных статей и 11 рецензий, то уже в 1975 г. их было 6 и 39 соответственно. И такой очевидный поворот в сторону рецензий был вполне закономерен, ведь, по словам членов редакции «Eirene. Studia Graeca et Latina», именно таким образом специалисты из стран социалистического блока могли получить сведения о дорогостоящей и не всегда доступной иностранной литературе³².

В конце 1980-х годов, на фоне «бархатных революций», произошедших в ряде стран Восточной Европы, деятельность комитета «Эйрене» фактически была свернута. Речь шла не о специальной ликвидации организации *de iure*, а о постепенном прекращении ее работы *de facto*. Последняя конференция комитета состоялась в Будапеште в августе – сентябре 1988 г.,³³ и в дальнейшем антиковеды бывшего социалистического блока были вынуждены искать другие площадки для встреч, хотя при этом они все еще могли информировать коллег о результатах своей научной работы на страницах журнала «Eirene. Studia Graeca et Latina», продолжавшего издаваться в Праге сотрудниками реорганизованного Института философии Чешской Академии наук. Журнал выходит и сегодня, позиционируя себя в качестве международного издания, публикующего на своих страницах оригинальные статьи, посвященные изучению античности (в том числе проблемам рецепции античного наследия).

ФОРМЫ УЧАСТИЯ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА «ЭЙРЕНЕ»

Несмотря на то, что организационным центром комитета «Эйрене» была Чехословакия, а именно Кабинет греческих, римских и латинских древностей Чехословацкой Академии наук, советские ученые играли заметную роль в его деятельности. Об этом свидетельствует хотя бы то, что ключевыми докладчиками на конференции 1957 г. в Либлице выступили антиковеды из СССР, а именно сотрудники сектора древней истории Института истории Академии наук СССР Я.А. Ленцман, заочно представивший доклад «Рабство в период возникновения полиса» (содокладчик – Дж. Томсон), и Е.М. Штаерман, выступавшая по проблемам кризиса Римской империи (содокладчик – Л. Варцл). Кроме того, их непосредственный руководитель С.Л. Утченко, заведующий сектором древней истории Института истории АН СССР, участвовал в обсуждении проекта постоянно действующего руководящего органа Комитета и наряду с Н.Ф. Дератани, заведующим кафедрой классической филологии МГУ, вошел в его состав. И это были далеко не все советские авторы, которых представители чехословацкой стороны хотели пригласить на конференцию в Либлице. Так, если судить по материалам одного из совещаний Кабинета греческих, римских и латинских древностей, организаторы рассчитывали также на возможное участие в работе конгресса К.М. Колобовой, И.М. Тронского, В.Ф. Гайдукевича, В.Д. Блаватского и др.³⁴.

³² Jakub *et al.* 2013, 37.

³³ Golubcova *et al.* 1990.

³⁴ MÚ a AAV ČR. KŘŘL ČSAV. Kart. 1. Inv. č. 7.

Такое внимание к достижениям советской исторической науки, отчетливо проявившееся в 1950–1960-е годы во многих странах Восточной Европы, безусловно, было обусловлено общим престижем СССР в послевоенную эпоху. Ведь после Второй мировой войны многие представители социалистического лагеря искренне стремились к заимствованию и использованию советского опыта в различных областях общественной жизни, и историки не были исключением. Так, если говорить только о чехословацком антиковедении, то на рубеже 1940–1950-х годов оно было не просто реорганизовано по советскому образцу, когда основными центрами производства исторического знания стали академические и вузовские структуры (в этом случае можно было бы предположить, что данные мероприятия были проведены по решению «сверху» без учета мнения научного сообщества), но и испытало серьезное концептуальное влияние со стороны советской историографии, которую, по словам Я. Буриана и Я. Печирки, исследователям из ЧССР предстояло глубоко понять для того, чтобы на практике использовать ее методологию³⁵. Реализация данной программы, на наш взгляд, осуществлялась в нескольких направлениях. Во-первых, в 1950–1960-е годы Я. Буриан, П. Олива, Я. Печирка, Л. Варцл и другие ученые из ЧССР, интересовавшиеся советским марксизмом, выступили с инициативой перевода на чешский язык советских вузовских учебников и монографий по истории древнего мира. Во-вторых, на страницах чехословацких журналов «Československý časopis historický», «Listy filologické/ Folia philologica» и др. регулярно появлялись рецензии на работы ученых-антиковедов из СССР, сообщения о советских книжных новинках и обзоры недавних дискуссий³⁶. И, наконец, в-третьих, коллеги из СССР и ЧССР устанавливали (или восстанавливали) прямые контакты посредством служебной и личной (что встречалось гораздо реже) переписки³⁷. Причем даже отдельные «скандальные случаи», связанные с претензиями к качеству работ советских коллег (например, «дело о плагиате» С.Л. Утченко или критика учебника по истории древнего мира В.Н. Дьякова и С.И. Ковалева, который, по мнению чехословацкого рецензента, отличался схематизмом, пренебрежительным отношением к буржуазным коллегам и изобилует устаревшими данными и фактическими ошибками³⁸), в этот период, в целом, не могли изменить общей положительной тональности отношений советских и чехословацких антиковедов: в 1950–1960-е годы в рамках пространства публичных коммуникаций лидеры чехословацкой науки выражали заинтересованность во взаимодействии с советскими специалистами по истории древности³⁹. Недаром вслед за первым изданием

³⁵ Burian, Pečírka 1954, 278.

³⁶ Oliva 1956, 342–343; Pečírka 1967.

³⁷ АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 950. Л. 49, 57; АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 990. Л. 89 и др.; СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 3. Д. 4. Л. 2–7, 192. Л. 1, 348. Л. 1.

³⁸ Češka 1965.

³⁹ В данном случае мы хотим подчеркнуть, что речь идет именно о публичной позиции, которую официально выражали лидеры новой чехословацкой науки. Мы, безусловно, отдаем себе отчет в том, что в 1950–1960-е годы в среде чехословацких антиковедов звучали и иные оценки общих перспектив сотрудничества с коллегами из СССР, однако рискуем

учебника Н.А. Машкина по истории Древнего Рима, опубликованном в чешском переводе в 1953 г. и практически сразу подвергшемся критике за серьезные ошибки и неточности⁴⁰, из печати вышло второе издание данного труда, и, если верить рецензенту, оно сохранило все недостатки первого⁴¹. Не стоит игнорировать и тот факт, что в 1950-е годы восточноевропейские антиковеды выражали заинтересованность в публикации своих статей на страницах «Вестника древней истории» (в период с 1953 г. по 1963 г. здесь было опубликовано 9 таких статей и рецензий⁴²), а также то, что русский язык был одним из официальных языков первых конференций комитета «Эйрене»⁴³.

Не меньшую заинтересованность в международном сотрудничестве проявляли и советские антиковеды, в годы «оттепели» получившие возможность взаимодействовать с миром зарубежной науки, а именно участвовать в международных конференциях, публиковать труды на страницах иностранных журналов, переводить свои монографии на различные языки и т.д. Однако при этом контакты исследователей из СССР с коллегами из других стран представляли собой отнюдь не свободную коммуникацию, обусловленную общими потребностями развития науки. Вся международная деятельность советских антиковедов, как, впрочем, и советских ученых в целом, подчинялась общим правилам функционирования советской научной системы и нередко приобретала характер научной дипломатии. Недаром все контакты между специалистами из СССР и их коллегами из других стран довольно строго контролировались (переписка была возможна преимущественно через научную организацию, сотрудником которой являлся советский специалист, публикации за рубежом требовали обязательного согласования в научных и партийных инстанциях, зарубежные командировки были регламентированы и ограничены), а основной формой международных коммуникаций для ученых из СССР являлось участие в научных форумах и конференциях, предполагавшее использование данных трибун для демонстрации научному сообществу достижений советского марксизма. Для подтверждения этого тезиса сошлемся на официальные отчетные документы Института всеобщей истории АН СССР, согласно которым в 1970–1973 гг. из 122 сотрудников данного научного центра, выезжавших за рубеж, лишь 12 человек были направлены в библиотеки и архивы, остальные же являлись членами всевозможных делегаций⁴⁴.

Эти факторы, безусловно, не могли не влиять на общий характер участия советских антиковедов в деятельности комитета «Эйрене». В целом, мы можем выделить три формы взаимодействия исследователей из СССР с членами этой структуры. В первую очередь, стоит отметить работу советских историков

утверждать, что серьезного распространения и влияния на тот момент подобные взгляды все же не получили. См., например, Moural 2013.

⁴⁰ Ceška 1958, 152; НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1536. Л. 32.

⁴¹ Ceška 1958, 151.

⁴² Oliva 1954; Burian 1957; Varcl 1959.

⁴³ АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 475. Л. 58.

⁴⁴ АРАН. Ф. 1900. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.

в составе постоянного руководящего органа комитета, собиравшегося на отдельные заседания после каждой конференции, проводимой под эгидой «Эйрене» и обсуждавшего вопросы текущего научного сотрудничества. Как мы уже говорили ранее, интересы советского антиковедения в этой структуре сначала представляли С.Л. Утченко и Н.Ф. Дератани, а после смерти последнего в 1958 г. — археолог, ученый секретарь Института истории материальной культуры АН СССР Д.Б. Шелов. В дальнейшем, после смерти С.Л. Утченко, скончавшегося в 1976 г., членом Президиума стала Е.С. Голубцова, ранее возглавлявшая сектор истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР.

Вторая форма участия советских исследователей в деятельности комитета «Эйрене» была связана с их работой на конференциях. Советские делегации присутствовали на всех подобных форумах, и их члены выступали с пленарными докладами, делали доклады и сообщения на секциях, симпозиумах и коллоквиумах, участвовали в обсуждении представленных материалов. Количественный состав советских делегаций не был постоянным, и число участников варьировалось от 2 до 50 человек⁴⁵, представлявших основные научно-исследовательские институты страны: Институт археологии АН СССР, Институт всеобщей истории АН СССР, Институт истории материальной культуры АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, а также издательство «Наука» и исторический факультет МГУ. Историки из других советских институций, в частности региональных вузов, в конференциях «Эйрене» практически не участвовали, хотя и получали сообщения об их проведении⁴⁶. В 1980-е годы в числе докладчиков на конференциях в Праге и в Будапеште были обозначены лишь археологи из АН УССР и сотрудники Института истории АН Грузинской ССР, сообщавшие собравшимся о результатах раскопок в Крыму и в Грузии соответственно (т. е., если воспользоваться терминологией Н.В. Брагинской, занимавшиеся «краеведческой» античностью⁴⁷). Подобную диспропорцию в представительстве на конференциях Комитета «Эйрене», безусловно, сложно назвать случайной. Она отражала и общие тенденции развития советского антиковедения, связанного с несколькими ключевыми центрами (в том числе в союзных республиках, в которых сохранились античные памятники), и основные принципы организации зарубежных командировок, отличавшиеся известной сложностью.

Попробуем охарактеризовать механизм организации поездок советских делегаций, опираясь на делопроизводственные документы, сохранившиеся в Архиве РАН и относящиеся к конгрессам «Эйрене», которые состоялись в Праге в 1982 г. и в Будапеште в 1988 г. Так, если говорить о пражском форуме, то для участия в нем от СССР было командировано около 50 человек, которых можно разделить на две основных группы: делегаты (17 человек) и научные туристы

⁴⁵ Так, на встрече в Эрфурте в декабре 1958 г., согласно официальному списку зарегистрированных участников, присутствовало 6 представителей советской науки. Всего же было зарегистрировано около 130 участников из разных стран социалистического блока. См. АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 475. Л. 85–89.

⁴⁶ ЦГА СПб. Р7240. Оп. 19. Д. 884. Л. 28.

⁴⁷ Braginskaya 2014, 331.

(33 человека). Делегаты в большинстве своем получали приглашения от Комитета и, если они относились к числу «выездных сотрудников», то выступали с основными докладами на секциях и симпозиумах конференции. Расходы по их пребыванию за границей брала на себя или принимающая сторона (в случае с членами Постоянного комитета «Эйрене»), или направляющий институт, нередко предлагавший использовать практику «эквивалентного обмена». Их пребывание в странах соцблока было твердо регламентировано и, наряду с участием в работе форума, предполагало знакомство с принимающей институцией, посещение библиотек и музеев и т.п. Положение же научных туристов было иным. Их участие в конференции было менее формализованным, ведь в большинстве случаев они самостоятельно оплачивали проезд и проживание и могли более свободно распоряжаться своим временем в рамках запланированной программы.

Регулярно участвуя в конференциях Комитета «Эйрене», проводившихся на территории Польши (1957, 1968 гг.), Венгрии (1958, 1965, 1988 гг.), Болгарии (1962, 1978 гг.), Румынии (1960, 1972 гг.), Чехословакии (1957, 1966, 1982 гг.), Югославии (1974 г.) и ГДР (1958, 1967, 1986 гг.), советские антиковеды также принимали зарубежных гостей и у себя дома: в 1964 г. конгресс антиковедов социалистических стран проходил в Ленинграде, а в 1976 г. – в Ереване. Обе конференции проводились по всем правилам научной дипломатии и представляли собой крупные научные форумы, привлекавшие около 300 гостей, которые могли не только обсудить текущие научные задачи, но и посетить Эрмитаж или античный храм в Гарни и даже посмотреть постановки античных пьес, подготовленные студентами МГУ. Организация подобных встреч ложилась на плечи ведущих академических институтов страны, формировавших для решения текущих задач специальные организационные комитеты, которые возглавляли крупные советские ученые – медиевист С.Д. Сказкин и археолог Б.Б. Пиотровский. К сожалению, мы располагаем весьма ограниченными сведениями о том, как была организована работа этих комитетов; более того, если говорить о конференции 1964 г., то, вероятно, текущими делами по ее подготовке все же занимались представители сектора древней истории Института истории АН СССР, формировавшие ее программу (которая в целом соответствовала основным направлениям работы сектора в 1960-е годы), отбиравшие заявки участников и т.п.⁴⁸, тогда как материально-бытовые вопросы, связанные с приемом иностранных гостей, как и при проведении XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, 1960 г.), поручались «Интуристу»⁴⁹.

Для советской научной системы проведение подобных форумов имело серьезное значение. С одной стороны, такие события играли важную роль в повышении престижа советской науки или, если воспользоваться официальной терминологией того времени, способствовали распространению достижений советской марксистско-ленинской историографии. Так, в официальном отчете о конференции 1964 г., опубликованном на страницах «Вестника древней

⁴⁸ ЦГАМ. Ф. П211. Оп. 2. Д. 85. Л. 116.

⁴⁹ АВ ИВР РАН. Ф. 123. Оп. 1. Д. 23. Л. 7–8.

истории», можно прочесть: «Конференция вновь подтвердила, что объединенные силы исследователей в состоянии противопоставить реакционным настроениям буржуазных ученых научное, марксистское объяснение явлений как социально-экономической жизни, так и идеологических»⁵⁰. Однако в то же время проведение подобных конференций имело серьезное значение и для развития системы научных коммуникаций. Ведь именно благодаря форумам, прошедшим в Ленинграде и в Ереване, многие советские исследователи, в том числе и те, кому были недоступны зарубежные командировки, получили возможность представить свои выводы на суд зарубежных специалистов и познакомиться с новейшими достижениями коллег. Последние же также подчеркивали значимость конференций в Ленинграде и в Ереване, и, хотя официально они отмечали, что прошедшие встречи позволили дать «комплексную картину изучения античности в социалистических странах»⁵¹, вероятно, наиболее важной для антиковедов из стран социалистического блока была возможность знакомства, пусть и беглого, с античными коллекциями и материалами, которые находились на территории СССР.

Третья форма сотрудничества советских исследователей с коллегами из соцстран в рамках комитета «Эйрене» была связана с их участием в подготовке и издании сборника/журнала «Eirene. Studia Graeca et Latina», воспринимавшегося в СССР в качестве «научного органа марксистских исследований древности»⁵². В этом случае речь может идти как о представительстве членов Постоянного комитета в составе редколлегии издания (сначала эти функции выполняли С.Л. Утченко и Д.Б. Шелов, затем – Е.С. Голубцова и Д.Б. Шелов), так и о публикации советскими историками, археологами, филологами-классиками и другими специалистами статей на страницах журнала. Для советских авторов публикация статьи в «Эйрене», как и в других профильных журналах, издававшихся на территории социалистических стран, безусловно, была значимым событием и предоставляла возможность познакомить со своими выводами совершенно иной круг читателей. Правда, для этого нужно было преодолеть ряд бюрократических сложностей и получить официальную рекомендацию на публикацию от своей институции (эта процедура в СССР была стандартной и распространялась на все статьи и монографии, подготовленные для зарубежных издательств⁵³), а затем пройти рецензирование в рамках самого журнала, сотрудники которого нередко иначе оценивали результаты работы своих советских коллег. Недаром при подготовке первого номера «Eirene. Studia Graeca et Latina», который, как мы уже говорили, создавался по инициативе А. Салача и еще не носил характера периодического издания, немалую

⁵⁰ Smirin 1964, 224.

⁵¹ Varcl 1964; Kurzová 1977.

⁵² Smirin 1964, 224.

⁵³ АРАН. Ф. 1900. Оп. 1. Д. 119. Л. 19. Так, к примеру, Э.Л. Казакевич, прежде чем направить свою статью о Демосфене в «Eirene. Studia Graeca et Latina», прошла процедуру обсуждения рукописи в секторе Института всеобщей истории. См. АРАН. Ф. 1900. Оп. 1. Д. 119. Л. 19. И у нас нет твердых данных о том, что именно эта статья в итоге появилась на страницах данного журнала. См. Grace 1975.

роль в отборе статей сыграли личные связи чешских антиковедов, пригласивших опубликовать свои труды на страницах нового издания не участников конференции в Либлице, а признанных за рубежом советских специалистов — С.Я. Лурье (с которым А. Салач состоял в личной переписке⁵⁴), И.М. Тронского и С.И. Соболевского⁵⁵. И в дальнейшем, судя по публикациям в «Eirene. Studia Graeca et Latina», определяющую роль в решении о принятии материала из СССР к печати играли не характерные для советского научного сообщества принципы корпоративной иерархии, а актуальность и востребованность рукописи. Наиболее востребованными авторами оказались археологи И.Б. Брашинский и Д.Б. Шелов, неоднократно знакомившие читателей журнала с результатами раскопок античных памятников Северного Причерноморья (или близкими сюжетами)⁵⁶. Наиболее же крупные московские специалисты по истории древнего Рима, такие как С.Л. Утченко и Е.М. Штаерман, в ЧССР практически не публиковались, ориентируясь, вероятно, преимущественно на исследователей из ГДР⁵⁷. Если же говорить о динамике публикации статей советских антиковедов в журнале «Eirene. Studia Graeca et Latina», то мы вряд ли сможем проследить определенную закономерность, обусловленную научными или внеаучными⁵⁸ факторами. Однако при этом нельзя не отметить, что наибольшее число работ ученых из СССР было опубликовано на страницах этого издания именно в 1960-е годы, что, вероятно, можно объяснить наиболее высоким престижем советской науки в странах социалистического лагеря в этот период.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Завершая наш краткий обзор механизмов взаимодействия советских антиковедов с учеными из стран социалистического лагеря в рамках Комитета «Эйрене» и, в первую очередь, с их коллегами из ЧССР, мы считаем необходимым обратить внимание читателей на несколько основных особенностей, которые, на наш взгляд, отчетливо обнаруживаются при работе с данным материалом.

Во-первых, история Комитета «Эйрене» отчетливо демонстрирует, насколько отличалось восприятие роли СССР в развитии антиковедческих исследований в разных странах, и если сами советские авторы настаивали на определяющем значении собственных разработок для марксистской истории древности и были готовы оказывать «консультационную помощь» своим коллегам из социалистических стран, то для последних подобный тезис был отнюдь не очевиден. И, более того, признавая успехи советского антиковедения в изучении феномена рабства, ученые из стран Восточной Европы тем не менее активнее контактировали с исследователями из ГДР, имевшими давние традиции подобных изысканий, а главным центром, объединяющим «социалистическое» и «капиталистическое»

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 3. Д. 348. Л. 1.

⁵⁵ Luria 1960; Tronskiy 1960; Sobolevskiy 1960.

⁵⁶ Bračinskij 1965; 1968; 1973; Šelov 1965; 1971; 1981.

⁵⁷ Lyapustina 1992.

⁵⁸ В 1969 г. в знак протеста против событий Пражской весны редакция журнала отказалась от публикации очередного номера «Eirene. Studia Graeca et Latina» (Jakub *et al.* 2013, 37).

антиковедение, считали ЧССР. Наибольшее число участников конференций, проводившихся под эгидой «Эйрене», было зафиксировано на конференциях 1966 г. в Брно (450 участников) и 1982 г. в Праге (402 участника). Причем, эти показатели достигались отнюдь не за счет чехословацких делегаций: в ЧССР активно приезжали специалисты из Великобритании, Франции, Японии, ФРГ и других капиталистических стран, не принимавших участия в конференциях, проводившихся в СССР.

Во-вторых, взаимодействие советских ученых с коллегами по Комитету «Эйрене» свидетельствует о том, что та иерархия, которая была привычна для общества антиковедов в СССР, мало влияла на зарубежных специалистов, оценивавших своих советских коллег в рамках иной системы координат. И на это очень мало могли повлиять бюрократические ограничения, определявшие «выездной» статус историка. Однако данное утверждение может быть справедливо лишь для тех авторов, кто представлял крупные академические и вузовские центры СССР, тогда как исследователи из регионов РСФСР и многих союзных республик в этом процессе научного обмена практически не участвовали. Впрочем, и это обстоятельство нельзя объяснить только лишь центр-периферийным характером советской научной системы. Свою роль вносили и квалификационные параметры специалистов, не всегда обладавших как достаточным уровнем владения иностранными языками (хотя доклады на конференциях можно было представлять на русском языке, снабжая их расширенным резюме на английском, немецком или французском языках), так и, в силу объема «учебных поручений» по основному месту работу, свободным временем для проведения серьезных научных изысканий.

В-третьих, рассмотренные нами данные указывают на то, что, несмотря на попытку советского научного руководства вписать все научные контакты советских ученых в рамки официально принятых программ научного сотрудничества, связи между антиковедами из ЧССР и СССР носили преимущественно личный характер, объединяя специалистов по схожей проблематике. Единственным же официальным документом, устанавливавшим твердые рамки сотрудничества советско-чехословацких академических структур подобного профиля, была принятая в 1972 г. программа взаимодействия Кабинета греческих, римских и латинских древностей Академии наук ЧССР с советскими византинистами и специалистами по истории Византии из ГДР. Согласно данному документу, советские, чехословацкие и немецкие коллеги должны были работать над подготовкой к публикации корпуса специальных источников.

Мы полагаем, что проблема международных связей советских антиковедов нуждается в дальнейшем изучении. Оно же не представляется возможным без расширения тематики проводимых изысканий и привлечения новых видов источников, а именно материалов устной истории.

Литература / References

- Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2020: [S.A. Zhebelev in the System of Soviet Science (Based on New Archival Findings). Part I: 1913–1927]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 80/2, 497–512.

- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам архивных документов). Часть I: 1913 – 1927. *ВДИ* 80/2, 497–512.
- Bračinskij, I.B. 1965: [New Materials for Dating Mounds of the Scythian Tribal Nobility of the Northern Black Sea Region]. *Eirene. Studia Graeca et Latina* IV, 89–110.
- Брашинский И.Б. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья *Eirene. Studia Graeca et Latina* IV, 89–110.
- Bračinskij, I.B. 1968: Recherches soviétiques sur les monuments antiques des régions de la Mer Noire *Eirene. Studia Graeca et Latina* VII, 81–118.
- Bračinskij, I.B. 1973: The Progress of Greek Ceramic Epigraphy in the USSR. *Eirene. Studia Graeca et Latina* XI, 111–144.
- Braginskaya, N.V. 2014: [How the Classics Were Outlived and How They Survived (Reflections on the Book “Ancient Authors and Communism”)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review] 129, 324–342.
- Брагинская Н.В. Как изживали классику и как она выживала (размышления над книгой «Античные авторы и коммунизм». *Новое литературное обозрение* 129, 324–342.
- Burian, Ja. 1957: [Tactics of African Tribes in the Fight against the Romans in the Time of Tiberius]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 131–137.
- Буриан, Я. Тактика африканских племен в борьбе против римлян во времена Тиберия. *ВДИ* 2, 131–137.
- Burian, Ja., Pečírka, J. 1954: Rev.: Ťtchenko, S.L. 1952: [Ideological and Political Struggle in Rome on the Eve of the Fall of the Republic]. *Listy filologické / Folia philologica* 77/2, 275–282.
- Ceška, J. 1958: Rev.: N.A. Maškin: Dějiny starověkého Říma. *Sbornik prací Filozofické Fakulty brněnské University. Řada archeologicko-klasická* 7/3, 151–152.
- Ceška, J. 1965: Rev.: Dějiny starověku. Za redakce V.N. Ďjakova a S.I. Kovaljova. *Sbornik prací Filozofické Fakulty brněnské University. Řada archeologicko-klasická* 14/10, 377–381.
- Dostálová, R. 1957: Dohoda o otázkách spolupráce na poli antických studií uzavřená mezi zástupci vědeckých institucí socialistických zemí dne 24. dubna 1957 v Liblicích u Prahy. *Listy filologické / Folia philologica* 80/1, 112–113.
- Editorial 1964: 6. Internationale Konferenz Klassischer Studien zu Plovdiv (Bulg. Volksrep.). *Eirene. Studia Graeca et Latina* II, 183–186.
- Editorial 1965: [The International Conference «Antiquity and Modernity» 1965]. *Eirene. Studia Graeca et Latina* IV, 178–179.
- Международная конференция «Античность и современность» 1965. *Eirene. Studia Graeca et Latina* IV, 178–179.
- Frolíková, A. 1984: Die XVI International Erene-Konferenz *Eirene. Studia Graeca et Latina* XXI, 175–180.
- Golubtsova, E.S. 1987: [Problems of Ancient History at the XVII International Conference of the Historians of Antiquity of the Socialist Countries “Eirene” (Berlin, August 11–15, 1986)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 253–259.
- Голубцова, Е.С. Проблемы античной истории на XVII Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене» (Берлин, 11–15 августа 1986 г.). *ВДИ* 1, 253–259.
- Golubtsova, E.S., Podossinov, A.V., Yarho, V.N. 1990: [XVIII International Conference “Eirene” (Budapest, 1988)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 239–241.
- Голубцова, Е.С., Подосинов, А.В., Ярхо, В.Н. XVIII Международная конференция «Эйрене» (Будапешт, 1988 г.). *ВДИ* 1, 239–241.
- Grace, E. 1975: On Dem. XLVII 72 τούτων τὰς ἐπισηφείας εἶναι. *Eirene. Studia Graeca et Latina* XIII, 5–19.
- Grinbaum, N.S. 1967: [Mycenological Symposium (Brno, April 1966)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 311–315.
- Гринбаум, Н.С. Микенологический симпозиум (Брно, апрель 1966 г.). *ВДИ* 2, 311–315.
- Gruzdinskaya, V.S., Kovalev, M.V. 2021: [«Publishing a Book in German Could Seriously Damage the Good Name of Soviet Science Abroad”: Soviet and Czechoslovak Historians of Antiquity in the Plagiarism Dispute (1950s)]. *Rossiya XXI* [Russia XXI] 2, 94–111.
- Груздинская, В.С., Ковалев, М.В. «Издание книги на немецком языке могло бы нанести за границей серьезный ущерб доброму имени советской науки»: советские и чехословацкие антиковеды в споре о плагиате (1950-е гг.). *Россия XXI* 2, 94–111.

- Jakub, Č., Frolikova, A., Oliva, P. 2013: Eirene: Studia Graeca et Latina. *Akademický bulletin Akademie věd České republiky* 10, 36–37.
- Janáček, K. 1969: Šedesát let profesora Ladislava Varcla. *Listy filologické / Folia philologica* 92/3, 187–197.
- Janda, J. 1981: Za Ladislavem Varclém. *Listy filologické / Folia philologica* 104/4, 242–244.
- Karpjuk, S. G. 2021: «Sovetskaya drevnost»: istoriya nauki i obščestva v 1930–1960-e gody [“Soviet Antiquity”: the History of Science and Society in the 1930s and 1960s]. Moscow. Карпюк, С.Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М.
- Karsai, G., Klaniczay, G., Movrin, D., Olechowska, E. (eds.) 2013: *Classics and Communism: Greek and Latin behind the Iron Curtain*. Ljubljana—Budapest—Warsaw.
- Krikh, S.B. 2020: [Unification of Narrative and Freedom of Scholarship in Post-War Soviet Historiography of Antiquity]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [Electronic Scientific and Educational Magazine «History»]* 11/1. URL: <https://history.jes.su/s207987840008231-3-1/>; date of access: 27.11.2024.
- Крих, С.Б. Унификация нарратива и свобода научного творчества в послевоенной советской историографии древности. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 11/1. URL: <https://history.jes.su/s207987840008231-3-1/>; дата обращения: 27.11.2024.
- Krikh, S.B., Metel, O.V. 2014: *Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoy istoriograficheskoy mysli [Soviet Historiography of Antiquity in the Context of World Historiographical Thought]*. Moscow. Крих, С.Б., Метель, О.В. *Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли*. М.
- Kurzová, H. 1976: XIIIe Congrès International du Comité “Eirene” Dubrovnik, 7–12 octobre 1974. *Eirene. Studia Graeca et Latina* XIV, 186–195.
- Kurzová, H. 1977: Rev.: Zpravy 14. mezinárodní kongres Eiréne (Jerevan 18.–23. května 1976). *Listy filologické / Folia philologica* 100/3, 162–163.
- Ladynin, I.A. 2021: [“Social Revolution” in Ancient Egypt: Polemics and Conflict between V.V. Struve and S.Ya. Lurie in the 1920s]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities]* 163/6, 127–143. Ладьнин, И.А. «Социальная революция» в Древнем Египте: полемика и конфликт между В.В. Струве и С.Я. Лурье в 1920-е годы. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки* 163/6, 127–143.
- Luria, S. 1960: Wortbildung in der Sprache der mykenischen Inschriften. *Eirene. Studia Graeca et Latina* I, 23–36.
- Lyapustina, E.V. 1992: [The List of Academic Works of E.M. Shtaerman]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 174–178. Ляпустина, Е.В. Список научных трудов Е.М. Штаерман. *ВДИ* 3, 174–178.
- Moural J., 2013: Jan Patočka: A Bystander Turned Dissident . In: G. Karsai, G. Klaniczay, D. Movrin, E. Olechowska (eds.), *Classics and Communism: Greek and Latin behind the Iron Curtain*. Ljubljana—Budapest—Warsaw, 107–128.
- Natunewicz, Ch.F. 1975: East European Classical Scholarship: Some Recent Trends. *Arethus* 8/1, 171–197.
- Oliva, P. 1954: [On the Question of the Origin and Development of the Hellenic Nation in Ancient Greece]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 40–51. Олива П. К вопросу о возникновении и развитии эллинской народности в древней Греции. *ВДИ* 1, 40–51.
- Oliva, P. 1956: K otázce otroctví v mykénském Řecku. *Československý časopis historický* IV/1, 342–343.
- Oliva, P. 1972: Dvacet let klasických studií v ČSAV. *Listy filologické / Folia philologica* 95/4, 258–267.
- Oliva, P., Burian, J. 1957: Mezinárodní vědecká konference o antickém starověku. *Československý časopis historický* 5, 611–613.
- Oliva, P., Pechirka, Ya., Svobodova, E., Shmidtova, A. 1958: [The International Conference of Historians of Antiquity in Lieblitz]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 230–244. Олива, П., Печирка, Я., Свободова Э., Шмидтова А. Международная конференция антиковедов в Либлице. *ВДИ* 1, 230–244.
- Pečirka, J. 1967: Von der asiatischen Produktionsweise zu einer marxistischen Analyse der frühen Klassengesellschaften. Randbemerkungen zur gegenwärtigen Diskussion in der UdSSR. *Eirene. Studia Graeca et Latina* VI, 141–174.

- Šelov, D.B. 1965: [Archaeological research of Tanais]. *Eirene. Studia Graeca et Latina* IV, 55–66.
Шелов, Д.Б. Археологические исследования Танаиса. *Eirene. Studia Graeca et Latina* IV, 55–66.
- Šelov, D.B. 1971: Der Skythen-Makedonier-Konflikt in der Geschichte der Antike. *Eirene. Studia Graeca et Latina* IX, 31–48.
- Šelov, D.B. 1981: Römische Bronzegefäße in Osteuropa. *Eirene. Studia Graeca et Latina* XVIII, 61–76.
- Skvortsov, A.M. 2022: [Department of Classical Philology of LSU in the Pre-war and Post-war Period]. *Philologia Classica* 17/1, 159–172.
Скворцов, А.М. Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время. *Philologia Classica* 17/1, 159–172.
- Smirin, V.M. 1964: [Conference on the Research Topics in Classics]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 223–241.
Смирин, М.В. Конференция по изучению проблем античности. *ВДИ* 3, 223–241.
- Sobolevskiy, S. 1960: De Pluti Aristophaneae versu 802 et qui sequuntur versibus (802–818). *Eirene. Studia Graeca et Latina* I, 93–100.
- Stronskiy, G.I. 1984: *Sotrudnichestvo SSSR i evropeyskikh sotsialisticheskikh stran v oblasti istoricheskoy nauki (vtoraya polovina 40-kh – 50-e gody)* [The Cooperation of the USSR and European Socialist Countries in the Field of Historical Science (the Second Half of the 40s–50s)]. PhD thesis. Lvov.
Стронский, Г.И. *Сотрудничество СССР и европейских социалистических стран в области исторической науки (вторая половина 40-х – 50-е годы)*. Канд. дисс. Львов.
- Tronskiy, I.M. 1960: [Formations on φτ- in the Homeric Epic]. *Eirene. Studia Graeca et Latina* I, 37–50.
Тронский, И.М. Образования на φτ- в гомеровском эпосе. *Eirene. Studia Graeca et Latina* I, 37–50.
- Varcl, L. 1959: [To the Question of Commodian's Characteristics]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 131–137.
Варцл, Л. К вопросу о характеристике Коммодиана. *ВДИ* 2, 165–167.
- Varcl, L. 1961a: Konference o klasických studiích v socialistických zemích v Eforii (Rumunsko) v září 1960. *Listy filologické / Folia philologica* 84/1, 144–145.
- Varcl, L. 1961b: Akademik Antonin Salač. *Listy filologické / Folia philologica* 84/1, 1–4.
- Varcl, L. 1964: Konference klasických studií v Leningrade. *Listy filologické / Folia philologica* 87/2, 392–393.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
84/4 (2024), 1047–1053
© The Author(s) 2024

Вестник древней истории
84/4 (2024), 1047–1053
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.31857/S0321039124040102

G.-P. SCHIETINGER (Hrsg.). *Gnaeus Pompeius Magnus. Ausnahmekarrierist, Netzwerker und Machtstrategie. Beiträge der Heidelberger Pompeius-Tagung am 24. September 2014. Rahden (Westfalen): Verlag Marie Leidorf, 2019. XIX + 229 S. ISBN: 978-3-86757-271-2*

Рецензируемая книга представляет собой сборник докладов, сделанных на посвященной Помпею конференции, состоявшейся в сентябре 2014 г. в Гейдельберском университете.

Сборник открывается вступительной статьей Георга-Филиппа Шитингера (с. ix–xix), в которой дается общая оценка политической деятельности Помпея. Автор характеризует главного героя книги эпитетами, которые вынесены в заглавие (и которые весьма непросто перевести на русский язык): *Machtstrategie/Machtpolitiker* («опирающийся на силу стратег/политик»), *Ausnahmekarrierist* («человек, стремящийся к исключительной карьере») и *Netzwerker* («организатор сети социальных взаимодействий»). Рассмотрение этих аспектов его деятельности и заявляется как главная цель сборника (с. xiv). Шитингер отмечает, что, хотя в молодости Помпей и участвовал в гражданской войне на стороне Суллы, по своим методам он имел много общего с Марием: и тот, и другой использовали для достижения своих целей лояльных себе плебейских трибунов. Однако если Марий никогда не скрывал своих истинных замыслов, Помпей регулярно прибегал к лицемерию и притворству. Несмотря на сходство, Помпея нельзя рассматривать ни как «политического наследника» Мария, ни как настоящего популяря: используя методы популяря, он всегда имел в виду отнюдь не нужды государства или плебса, а лишь собственные интересы (с. x–xii). Правда, не очень понятно, какой смысл автор вкладывает в термины «популяря» и «оптиматы», ибо, как хорошо известно, в историографии нет единства по вопросу об их конкретном значении. Весьма спорен и тезис Шитингера, будто Помпей был гораздо более гибким политиком, чем Марий, которому практически всегда приходилось преодолевать сопротивление сената, тогда как Помпей часто действовал при поддержке сенатского большинства и в согласии с ним, например, при получении

Разделы рецензии, написанные А.В. Короленковым, подготовлены в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема FZNF-2023-0003, «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

командования в войне против Сертория или при назначении консулом без коллеги в 52 г.¹ (с. xii). В действительности же сопротивление сената Марию сильно преувеличено — достаточно напомнить, что *patres* год за годом давали ему право избираться консулом в конце 100-х годов, хотя могли бы просто продлевать ему полномочия², что вряд ли можно себе представить, если бы Марий постоянно преодолевал их противодействие.

Хартмут Блум в статье «Помпей: поражение, которое противоречило всем расчетам» (с. 1–28) анализирует политическую карьеру Помпея, не имевшую прецедентов в истории Республики. Этому анализу предшествует подробное рассмотрение образа Помпея в немецкой литературе — трудах Т. Моммзена, Эд. Мейера, М. Гельцера, К. Криста, Э. Бальтруша (с. 1–6). Историографический обзор можно признать довольно полезным, но приходится сожалеть, что автор ограничился лишь немецкими работами. Блум приходит к выводу, что в своей деятельности Помпей всегда руководствовался несколькими «наставлениями» или «уроками» (*Lektionen*), которые он извлек из собственного опыта и наблюдений за политической жизнью Поздней республики. На раннем этапе карьеры (до первого консульства в 70 г. и сразу после него) он старался сделать так, чтобы в его распоряжении постоянно находилось готовое к бою войско, — на тот случай, если представится возможность побороться за очередное чрезвычайное командование. После победы над Митридатом VI Помпей через Кв. Цецилия Метелла Непота пытался в 63 г. добиться поручения подавить выступление Катилины (с. 13). Вернувшись с Востока, Помпей продолжал проводить в жизнь свой план, целью которого было упрочение его политических позиций. Для этого он ежегодно в период с 62 по 59 г. старался провести в консулы и в плебейские трибуны по крайней мере одного «своего» человека. Думается, автор несколько переоценивает Помпея, который в его трактовке всегда расчетлив, предусмотрителен и почти не совершает ошибок, а если и совершает, то их можно рационально объяснить и оправдать. Поражение Помпея в гражданской войне, с точки зрения Блума, не было предопределено его предшествующими действиями и являлось в значительной мере исторической случайностью: у войны свои законы, и если дело дошло до применения вооруженной силы, прежние политические достижения в значительной степени теряют свое значение. Между тем чисто военный аспект противостояния Помпея и Цезаря в статье практически не анализируется, поэтому главная идея Блума не выглядит достаточно обоснованной.

В статье «Первый консулат Помпея Магна в 70 г. до н. э.» (с. 29–60) Крешимир Матиевич обсуждает широкий круг вопросов, связанных с событиями не только консулата Помпея, но и предшествующего года. Он не согласен с Ф. Верватом, вернувшимся к старой точке зрения³, будто полководец оказывал давление на сенат с помощью армии, которую не пожелал распустить, — нет никаких признаков того, что сенат чувствовал себя стесненным в своих решениях из-за скрытой

¹ Все даты, относящиеся к античности, — до н. э.

² См. Meier 1988, 314.

³ Матиевич указывает на недостаточное знание Верватом историографии, но при этом и сам упускает из виду весьма важные работы (см. Rossi 1965; Dzino 2002; Ferrary 1975).

угрозы со стороны Помпея, даже когда речь шла о предоставлении ему права избираться в обход *lex Cornelia de magistratibus*. Не просматривается и оппозиция большей части сената реформам 70 г. При этом если закон о правах трибунов Помпей предложил сам, то внесение закона о судах он лишь «допустил» (*Plut. Pomp.* 22. 4), и сказать что-то более конкретное на сей счет мы не можем. Очень вероятно причастность Помпея к восстановлению цензуры, учитывая, что оба цензора, Л. Геллий и Гн. Лентул Клодиан, были связаны с ним. Другое предположение Матиевича весьма спорно: он считает, что цензоры исключили из сената по большей части тех людей, которые снискали себе дурную репутацию в качестве присяжных и наместников провинций, а также оказывали сопротивление реформам. Первое подтверждается лишь в отношении отдельных лиц, а второе вообще не находит опоры в источниках.

В то же время интересны соображения Матиевича об отношении Помпея к сулланскому порядку. С одной стороны, тот, не будучи даже сенатором, добивался триумфа, помог стать консулом Лепиду⁴, пощадил многих лепиданцев и серторианцев, провел реформы в 70 г., с другой — обеспечил проведение пышных похорон Суллы⁵, казнил многих врагов его режима, воевал с теми же Лепидом и Серторием. Можно согласиться с Э.С. Груэном, что Помпей не видел противоречия в том, чтобы бороться с врагами Суллы и в то же время отменять его законы (или добиваться исключения для себя). Политика Помпея не была ни сулланской, ни антисулланской, он просто обеспечивал свои политические интересы, сотрудничая при необходимости и с плебейскими трибунами, и с большинством сената. То же можно сказать и о других политиках того времени. «Твердый» сулланец Кв. Катул высказался в пользу консулата Помпея и низко оценивал работу сулланских судов, хотя в других случаях защищал решения диктатора. Так же мало оснований думать, будто Г. Котта «дезертировал» из сулланской *Kerngruppe*, проведя в 75 г. закон, разрешавший трибунам продолжать сенаторскую карьеру после отбытия должности. Здесь, полагает автор, полезно провести параллель со временем после гибели Цезаря, применительно к которому противопоставление «цезарианцев» «помпеянцам» и «республиканцам» лишь мешает понять суть событий. Защита дела почившего диктатора использовалась лишь как весьма удобное средство достижения собственных целей, и то же можно сказать о Помпее.

Статья Шитингера «Несостоявшаяся диктатура. Заметки к возвращению Помпея с Востока в 62 г. до н. э.» (с. 61–91) посвящена рассмотрению обстоятельств возвращения победоносного римского полководца в Италию. По мнению автора, Помпей предвидел те трудности, с которыми он столкнется при реализации двух главных своих целей, — утверждения своих распоряжений на Востоке

⁴ Вполне вероятно, однако, что Помпей не столько обеспечил избрание Лепида (*Plut. Pomp.* 15. 1–2), сколько поддержал сильнейшего (*Rosenblitt* 2019, 35–36).

⁵ Думается, Плутарх (*Pomp.* 15. 4), как и в случае с выборами Лепида, преувеличил здесь роль Помпея в событиях. Тот не был сенатором и участвовать в публичном обсуждении вопроса не мог (*Gelzer* 1973, 45 — применительно к чуть более поздней ситуации), и непонятно, как он мог оказать неформальное давление на Лепида. Как не без остроумия замечает Б. Тваймен, Плутарх «приписывает Помпею роль Катула» (*Twyman* 1972, 839, п. 109).

и обеспечения земель своих ветеранов. Шитингер полагает, что полководец возлагал большие надежды на историю с заговором Катилины, которая давала ему «превосходный предлог, чтобы в качестве спасителя Италии двинуться со своим войском на Рим и захватить единоличную власть» (с. 64). Под этим углом зрения автор рассматривает уже упомянутое выше предложение плебейского трибуна Метелла Непота вызвать Помпея в Италию для подавления заговора Катилины, которое он считает попыткой добиться предоставления полководцу диктаторских полномочий (с. 74–82)⁶. Метелл Непот, который служил на Востоке легатом Помпея⁷, возвратился в Рим по поручению последнего, чтобы выставить свою кандидатуру на выборах в плебейские трибуны. Из изложения не совсем ясно, поставил ли Помпей, по мнению Шитингера, перед своим шурином такую задачу изначально, отправляя его на родину, или же данный план возник позже — а это вопрос немаловажный. Автор пишет, что Метелл Непот возвратился в Рим в конце 63 г. (с. 63), из чего может создаться впечатление, будто он склоняется к первому варианту. Однако это выглядит маловероятным: насколько мы можем судить на основании имеющихся отрывочных данных, в период Поздней республики выборы плебейских трибунов обычно проходили в июле⁸. Поэтому Метелл Непот, скорее всего, приехал с Востока в первой половине 63 г., еще до консульских выборов на 62 г. и возникновения заговора Катилины. После того как попытка Непота провалилась, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением многих сенаторов (прежде всего М. Катона), Помпей, по мнению Шитингера, не решился использовать для поддержки своих притязаний военную силу, так как это привело бы к падению его авторитета и утрате возможности сотрудничать с сенатом, без чего он едва ли мог надеяться надолго закрепить достигнутые успехи (с. 86–89).

В статье Кристиана Роллингера «Маленькие друзья большого Помпея. *Amicitiae* и ближний круг политика в Поздней республике» (с. 93–137) рассматриваются «дружеские связи» Помпея (в специфически римском понимании дружбы как отношений, основанных на взаимных услугах и обязательствах). Главное место Роллингер уделяет взаимоотношениям римского полководца со своими бывшими легатами (с. 105–110), а также его выступлениям в суде в поддержку своих *amicī* в качестве защитника, *advocatus* или *laudator* (с. 112–126). Автор отмечает, что Помпей далеко не всем своим «друзьям» приходил на помощь в случае нужды: например, в 59 г. он не стал поддерживать на суде своего бывшего легата Л. Валерия Флакка; в 58 г. не захотел даже попытаться спасти от изгнания Цицерона; в 51 г. оставил на произвол судьбы обвиненного в насильственных действиях (*de vi*) Кв. Помпея Руфа, который в свой плебейский трибунат в 52 г. проводил дружественную по отношению к нему политику и т. д. (с. 118–123). Тем самым Помпей нередко нарушал негласные правила римской *amicitia*, полагаясь

⁶ Здесь Шитингер полемизирует с К. Майером, по мнению которого Помпей пытался при помощи Метелла Непота добиться разрешения в свое отсутствие избираться консулом на 61 г. (Meier 1962, 105–106, 110–111).

⁷ Кроме того, Метелл Непот был шурином Помпея, который был тогда женат на его сводной сестре Муции Терции.

⁸ Mommsen 1887, 585.

на свое «высокое положение» в государстве (с. 132). Эти особенности поведения Помпея автор связывает с его происхождением и воспитанием: тот был выходцем из незнатной семьи, не имел знаменитых предков, юность и большую часть взрослой жизни провел в военном лагере. Он не прошел социализации, которую проходили отпрыски аристократических семейств, и не имел возможности прочно усвоить понятия и правила поведения, принятые в кругу римской правящей элиты (с. 130–131).

Нильс Штеффенсен в статье «Помпей и принципат. Толкование Веллеем Партеркулом перемен в политической системе» (с. 139–177) рассматривает образ Помпея в труде этого римского историка, сравнивая его с образом Тиберия. В историографии тех лет, где изложение событий все чаще начиналось с конца Республики, этот труд, формально являвшийся всемирной историей, выглядел скорее исключением. Его цель – показать контраст между хаосом гражданских войн и восстановлением порядка при принципате. Веллей избегает идеологизации политики, событийная история сосредоточивается на интересах и конфликтах разных лиц, в чьих поступках лишь изредка дает о себе знать идеологическая мотивация. Особое место среди героев труда Веллея занимает Помпей, о поведении и целях которого он рассуждает больше, чем о ком-либо другом. Во многих аспектах изображение Помпея позитивно, но это во многом дезавуируется оценкой Помпея как *Machtpolitiker*. Он, как подчеркивает Веллей, не мог вынести, чтобы кто-то сравнился с ним в *dignitas* (II. 29. 4), причем даже в стилистическом оформлении этого тезиса чувствуется влияние Цезаря (*BC*. I. 4. 4). Борьба за *dignitas*, честь и признание в обществе, как считалось, привела Рим к мировому господству, однако со временем эта борьба приобрела чрезмерные масштабы. Помпей с его амбициями в глазах Веллея – один из тех нобилей, которые своим соперничеством подрывали устои свободного общества. Подчеркивается, в частности, что он устранял конкурентов сомнительными маневрами и незаконными средствами. Парадокс, однако, в том, что «не с революционными и криминальными элементами во внутренней политике [Рима] начиная со 146 г. до н. э., а с защитником сената в гражданской войне связывает Веллей кризис Республики. Поэтому портрет Помпея имеет программно-дидактическое, ключевое значение для его труда» (с. 153).

При полностью изменившихся исторических условиях антиподом Помпея у Веллея выступает Тиберий, чей принципат вопреки господствующему мнению Штеффенсен считает новым этапом римской истории, а не продолжением истории восстановленной Республики. Разногласия, сопровождавшие его вступление во власть, писатель изображает как опасное возвращение к кризису Республики. Смерть Августа показала, насколько зыбок фундамент, на котором покоилось государство, и после нее возник страх перед новыми потрясениями. Не Тиберий ограничил свободу или положил ей конец, а нобилитет, когда просил его принять власть. Тиберий становится принцепсом только в силу случайных исторических обстоятельств, учитывая политическую необходимость. Он оказывается последним, хотя и неудачливым защитником *res publica libera*, без него, по Веллею, римская держава погибла бы. Во времена же Поздней республики, наоборот, шла борьба за принципат во зло государству. Помпей у Веллея – пример

тенденции, которая, начавшись при восхождении Рима к мировому господству, привела к установлению принципата. Однако даже Августу не удалось добиться настоящей стабильности, которая наступила лишь при Тиберии, компенсируя утрату гражданского равенства и свободы. Тиберий у Веллея борется с последствиями того развития, которое наиболее ярко воплощал амбициозный Помпей.

Выкладки Штеффенсена весьма интересны и по-своему логичны, но у них есть один изъян: сам Веллей нигде сравнения между Помпеем и Тиберием не проводит, что превращает изложенную версию в умозрительную конструкцию, хотя, бесспорно, не лишенную ценных наблюдений. Думается, ученый несколько преувеличивает отрицательные черты в образе Помпея у Веллея, забывая, что в 52 г. тот включил деда историка в число 360 судей в уголовных комиссиях — несомненная честь для человека из италийской фамилии, впервые занявшего должность в Городе⁹. Возможно, именно этим объясняется сугубый интерес Веллея к полководцу, о котором он пишет гораздо больше, чем даже о Цезаре.

Завершает сборник очерк Хильмара Клинокотта «Помпей и его “архитектура власти”» (с. 179–207). В центре внимания автора стоит строительная деятельность Помпея, которую тот развернул после своего возвращения с Востока. Полководец воздвиг целый комплекс зданий на принадлежавшем ему огромном участке земли на Марсовом поле, который с самого начала задумывался как единое целое. В центре его находился знаменитый театр Помпея, увенчанный храмом Венеры Победительницы и освященный осенью 55 г., — первое в Риме стационарное здание для театральных представлений. Театр должен был стать памятником самому Помпею и его победам. К этому зданию примыкал портик Помпея, как и театр, украшенный статуями и другими выдающимися произведениями искусства, которые были размещены таким образом, чтобы напоминать о подвигах полководца. С южной стороны площадь замыкал роскошный портик, известный под разными названиями (*Hekatomystylon*, *Porticus Lentulorum*, *Porticus ad Nationes*), который воздвигли офицеры Помпея П. Корнелий Лентул Спинтер и Л. Корнелий Лентул Крус. С востока к портику Помпея была пристроена курия Помпея — почти квадратное в плане здание, предназначенное для заседаний сената. В непосредственной близости Помпей воздвиг для себя новый роскошный дом. Эта строительная программа не имела в Риме precedents и напоминала об эллинистических царских резиденциях — Александрии и Пергаме. Построенный Помпеем комплекс, который стал предшественником императорских форумов эпохи Принципата, должен был стать новым политическим центром Рима.

Общее заключение к сборнику отсутствует, и завершается он указателями имен, понятий и источников.

Подводя итог, отметим, что на фоне повышенного внимания к институциональным вопросам интерес к роли личности несколько снизился, и потому само обращение к такой фигуре римской истории, как Помпей, можно только приветствовать. Думается, однако, что авторам не так легко удастся открыть новые грани в его деятельности, поскольку многие их тезисы, направленные на это, далеко не всегда выглядят убедительно. Тем не менее и сами такие попытки, и многие

⁹Vell. II. 76. 1; Woodman 1983, 185.

конкретные наблюдения участников сборника представляют несомненную ценность, и книга, бесспорно, привлечет внимание тех, кто интересуется историей Поздней римской республики и фигурой Помпея.

Литература / References

- Dzino, D. 2002: Annus Mirabilis: 70 BC Re-examined. *Ancient History* 32/2, 99–117.
 Ferrary, J.-L. 1975: Cicéron et la loi judiciaire de Cotta (70 av. J.-C.). *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité* 87/1, 321–348.
 Gelzer, M. 1973: *Pompeius*. München.
 Meier, Chr. 1962: Pompeius' Rückkehr aus dem Mithridatischen Kriege und die Catilinarische Verschwörung. *Athenaeum* 40, 103–125.
 Meier, Chr. 1988: *Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik*. 2. Aufl. Wiesbaden.
 Mommsen, T. 1887: *Römisches Staatsrecht*. 3. Aufl. Leipzig.
 Rosenblitt, A. 2019: *Roma after Sulla*. London–Oxford.
 Rossi, R.F. 1965: Sulla lotta politica in Roma dopo la morte di Silla. *Parola del Passato* 21, 133–152.
 Twyman, B. 1972: The Metelli, Pompeius and Prosopography. In: H. Temporini, W. Haase (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd. I. *Politische Geschichte*. Berlin–Boston, 816–874.
 Woodman, A.J. 1983: *Velleius Paterculus. The Caesarian and Augustan Narrative (2. 41–93)*. Cambridge.

Anton V. Korolenkov,

State Academic University for the Humanities,
 Moscow, Russia

E-mail: sallust@list.ru

ORCID: 0000-0002-3628-2754

Acknowledgements: State Academic University for the Humanities, project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, theme FZNF-2023-0003 «Traditions and values of the society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history», no. 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

Vyacheslav K. Khrustalev,

Herzen State Pedagogical University,
 Saint Petersburg, Russia;

Pskov State University
 Pskov, Russia

E-mail: vyacheslav2511@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3174-9028

А.В. Короленков,

к.и.н., доцент
 Государственного академического
 университета гуманитарных наук
 Москва, Россия

В.К. Хрусталёв,

к. и. н., доцент
 кафедры всеобщей истории института истории и
 социальных наук Российского государственного
 педагогического университета им. А.И. Герцена,
 Санкт-Петербург, Россия,
 научный сотрудник
 лаборатории «Центр комплексного изучения
 проблем региональной безопасности»
 Псковского государственного университета,
 Псков, Россия

DOI: 10.31857/S0321039124040115

C.J. JOYCE. *Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022. XI + 259 p. ISBN: 978-1-3995-0634-2

Амнистия 403 г. до н. э. — одно из самых знаменитых событий истории классических Афин; уже Цицерон прославил ее как *Atheniensium vetus exemplum*¹ (*Cic. Phil.* I. 1. 1). Она завершила собой кровавый период кровавых смут, в ходе которого череда государственных переворотов увенчалась полномасштабной гражданской войной в Аттике. Естественно, об этой амнистии существует немалая литература, и рецензируемая монография Кристофера Джойса открывается полезным историографическим очерком (с. 3–11). Посвященные событию работы имеют разную направленность; одни из них представляют собой детальный фактологический, сугубо позитивистский анализ всех нюансов, связанных с заключением соглашения о примирении, с его формулировками и т.п.², в других обращение к теме амнистии служит поводом для широких обобщений историко-культурного характера³.

Последнее по времени исследование по данной проблематике до появления книги К. Джойса принадлежит Э. Кэрэуэну⁴, чей подход к интерпретации афинской амнистии можно охарактеризовать как прагматический. По его мнению, имел место просто «контракт» между двумя сторонами («городской» и «пирейской», т. е., соответственно, приверженцами олигархии и сторонниками демократии), имевший целью восстановление мира и стабильности в государстве. Ни на какие моральные принципы договоренность не опиралась и, более того, впоследствии не столь уж и строго соблюдалась: хотя согласно акту об амнистии запрещалось возбуждать судебные процессы политического характера по деяниям, имевшим место в период олигархии Тридцати (да и не только), иски такого рода тем не менее периодически поступали в дикастерии и суды проходили.

К. Джойс на протяжении всего рецензируемого труда решительно полемизирует с этой точкой зрения и противопоставляет ей собственный подход, который,

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00024.

¹ Это выражение даже вынесено в заголовок одной из статей о рассматриваемой амнистии (Scheibelreiter 2013).

² Например, Loening 1987.

³ Например, Loraux 1997.

⁴ Carawan 2013.

пожалуй, мы назвали бы «романтическим». Он считает, что амнистия 403 г. до н. э. являлась делом отнюдь не прагматики, а глубокого этико-политического принципа: ее целью было восстановление законности после того, как произошло ее грубое попрание репрессивным режимом «Тридцати тиранов»⁵. Речь идет о том, что в англоязычной литературе обозначается выражением *rule of law* («власть закона» или «верховенство права»). Имел место акт доброй воли, а главное — принятое сторонами решение затем неукоснительно ими соблюдалось. Этот последний тезис обосновать особенно трудно, как будет продемонстрировано ниже.

Монография Джойса состоит из восьми глав, первая из которых имеет характер введения (с. 1–37). В ней автор, рассмотрев имеющиеся концепции, формулирует собственную позицию (только что охарактеризованную нами), а затем дает обзор источников по теме. Он подчеркивает, что среди них наибольшее (и, можно сказать, просто огромное) значение имеет соответствующий пассаж из 39-й главы «Афинской политики» Аристотеля⁶, до открытия которой в конце XIX в. вообще нельзя было составить правильного понятия об амнистии. Во второй главе (с. 38–67) излагаются события, предшествовавшие афинскому примирению: поражение Афин в Пелопоннесской войне, приход к власти Тридцати, учиненный ими террор, сопротивление противников олигархии, возглавленное Фрасибулом, раскол полиса и, наконец, восстановление демократии. На этой главе подробно останавливаться вряд ли имеет смысл, поскольку в ней нет каких-то проблемных мест, речь идет о вещах общеизвестных.

В третьей главе (с. 68–89) детально анализируются сами документы, имеющие отношение к амнистии. Автор приходит к выводу, что двумя ключевыми положениями акта были следующие. Во-первых, любые деяния, имевшие место до 403 г. до н. э., по которым еще не было начато судебное преследование (как известно, при Тридцати дикастерии не функционировали), более таковому не подлежали; в этом и заключался принцип *μη μνησικαχεῖν*. Во-вторых, вынесенные до 403 г. до н. э. приговоры судов сохраняли полную силу (принцип *res iudicata*), их пересмотр запрещался.

Здесь имеет смысл остановиться на некоторых ключевых моментах, которые определяют собой всю систему взглядов К. Джойса. Мало кто будет спорить с тем, что афинская демократия в конце V в. до н. э. пережила тяжелейший кризис, в ходе которого она даже двукратно (в 411 и 404 гг. до н. э.) ликвидировалась в результате олигархических переворотов, которые притом были обусловлены

⁵ О репрессиях, практиковавшихся этим режимом, см. Wolpert 2006; 2019.

⁶ У Джойса автор этого трактата повсюду фигурирует как Псевдо-Аристотель. Ученый, таким образом, идет в фарватере «новой ортодоксии», установившейся в западном антиковедении со времени выхода известного комментария П. Родса, в котором вопрос об авторстве «Афинской политики» решен не в пользу аристотелевского (Rhodes 1985, 58–63). Мы, со своей стороны, настаиваем и будем настаивать на том, что пока ни Родс, ни кто другой не привел аргументов, которые имели бы обязательную силу и исключали бы написание труда самим Стагиритом. А ведь нужно еще учитывать, что в последующей нарративной традиции этот памятник устойчиво цитируется, и вряд ли совершенно бесосновательно, именно как «Афинская политика» Аристотеля.

именно внутренними причинами⁷. В чем, однако, заключались эти внутренние причины? Обычно их трактуют так: демократия в Афинах, двигаясь в сторону все большей радикализации, в период Пелопоннесской войны, фактически переродилась в охлократию, направляемую демагогами. В политическом словаре классической эпохи, правда, термин «охлократия» еще отсутствовал, и Аристотель (*Arist. Pol. V. 1312b36*) использует формулировку «крайняя демократия» (ἡ δῆμοκρατία ἡ ἐσχάτη). Именно ей он при разборе различных типов демократического устройства дает просто-таки уничтожающую характеристику (*Pol. IV. 1292a4–36*), уподобляя ее во многом незаконной тирании демоса, простонародья. Справедливо, на наш взгляд, считается, что, говоря о «крайней демократии», Стагирит описывает именно афинскую демократию последней трети V в. до н. э., но Джойс является, пожалуй, единственным известным нам исследователем, который это отрицает (с. 91).

В IV в. до н. э., согласно преобладающей точке зрения, демократия стала более умеренной, поскольку из «эпохи смут» были извлечены некоторые уроки, позволившие не делать прежних ошибок. Господство демагогов на уровне внешней политики зарекомендовало себя как неэффективное руководство⁸ (достаточно вспомнить поражения на Сицилии и при Эгоспотамах), а на внутривнутриполитическом уровне те же демагоги, начиная с Клеона, развязали настоящую «охоту на ведьм», повсюду отыскивая антидемократические заговоры, и, что самое главное, отыскивая, в общем-то, безосновательно⁹. Громкие судебные процессы (о повреждении герма и профанации мистерий в 415 г. до н. э., о стратегах, выигравших Аргинусское сражение в 406 г. до н. э.) привели к смертным приговорам для десятков невиновных афинян, принимались на веру доносы самого сомнительного свойства, даже прозвучало (из уст демагога Писандра, позже перешедшего в олигархический лагерь) совершенно беспрецедентное предложение – пытаться (!) свободных людей, афинских граждан, даже членов Совета Пятисот (*Andoc. I. 43*)¹⁰. Преследованиям со стороны демагогов подвергались прежде всего представители элиты, поскольку демагоги позиционировали себя как защитники и покровители простых граждан и ассоциировали себя с ними, т.е. с народными массами¹¹. Сама демократия стала восприниматься политической мыслью как власть бедноты над «порядочными людьми», что предельно четко прочитывается, например, в «Афинской политике» Псевдо-Ксенофонта (*Ps.-Xen. Ath. pol. 1. 1; 2. 20* и др.)¹², а позже в «Политике» Аристотеля уже постулируется как нечто само собой разумеющееся (*Arist. Pol. III. 1279b17–1280a4*).

⁷ А не внешними, как олигархические перевороты конца IV в. до н. э., ставшие следствием македонского диктата (различие прослежено в Lehmann 1995).

⁸ Osborne 2003, 257.

⁹ Rhodes 2015, 29–30.

¹⁰ Применительно к процессам 415 г. до н. э. грубые нарушения законности удачно рассмотрены в работе Youni 2024. Суд над стратегами в этой статье тоже охарактеризован (кратко, но выразительно) как «общепризнанная парадигма процедуры, противозаконной во всех отношениях» (Youni 2024, 46). Попытка Д. Гиша доказать, что в ходе процесса 406 г. до н. э. серьезных нарушений правовых норм не было (Gish 2012), представляется откровенно неудачной.

¹¹ Simmons 2023, 39–58.

¹² Ср. комментарий к этому месту в Marr, Rhodes 2008, 138–142.

Мы изложили канву традиционной концепции, многие положения которой К. Джойс оспаривает. Он указывает (с. 40–41), что в Афинах последней трети V в. до н. э. существовало два противостоящих друг другу понимания демократии: как власти всех граждан, являющихся равными, и как власти бедноты, даже власти черни, которая притесняет знатных и богатых. Первой из этих трактовок придерживались, естественно, сторонники демократии (см. прежде всего «Надгробную речь Перикла», *Thuc. II. 35–46*), второй же – ее противники. Только первую из этих двух интерпретаций афинской демократии Джойс считает корректной.

С его точки зрения, демократия второй половины V в. до н. э. отнюдь не была чрезмерно радикальной, а демократия IV в. до н. э. не стала по сравнению с ней более умеренной. Суть же кризиса он определяет так: «Со времени Клеона до смерти Клефонта произошло фундаментальное изменение: суды впервые стали полем политических боев между соперничающими полководцами и политиками» (с. 31). Пожалуй, слово «впервые» употреблено здесь чрезмерно категорично. Отдельные случаи использования судов в качестве политического оружия против конкурентов зафиксированы и ранее обозначенного Джойсом хронологического отрезка, – например, в конце 460-х годов до н. э. группировкой Эфиальта и Перикла против Кимона (*Plut. Cim. 14–15*). Но нельзя не согласиться с тем, что именно начиная с Клеона интенсивность такого применения дикастериев многократно возросла.

Политизация судебной системы, разумеется, была безусловным злом; с этого и берет начало деградация афинской демократии в охлократию, хотя эту деградацию и отрицает К. Джойс. Сам же он не может не признать, что в результате протекавших процессов доверие к гелиее как гаранту законности подрывалось. Опять же по его наблюдению, судебные преследования особенно часто направлялись демагогами против магистратов¹³. Это, помимо прочего, было и в техническом смысле легче всего: каждое должностное лицо по истечении срока пребывания на своем посту должно было сдать отчет (*εἴθυνα*), а процедура приема такого отчета являлась одним из видов судебного процесса¹⁴, что и давало возможность для каких угодно обструкций, поскольку, как известно, при большом желании можно придаться к *любому* отчету, найти в нем те или иные недостатки. Не случайно, как отмечает Джойс (с. 32), в числе главных лозунгов противников радикальной демократии присутствовали требования уменьшения самовластия судов и восстановления авторитета магистратов: ведь последние просто не могли чувствовать себя уверенно в условиях, когда над ними постоянно нависал «дамоклов меч» осуждения. В высшей степени показательно, что в период той же олигархии Тридцати дикастерии, как отмечалось выше, вообще не функционировали.

¹³ Так, после неудачи первой сицилийской экспедиции 427–424 г. до н. э. командовавших афинской эскадрой стратегов (Пифодора, Софокла и Евримедонта) судили и (явно безосновательно) признали виновными, приговорив к суровым наказаниям (*Thuc. IV. 65. 3*). Не приходится сомневаться в том, что процесс был делом рук Клеона (*Cataldi 1996*). Велика вероятность и того, что именно Клеон был инициатором осуждения стратега Фукидида, лучшего историка (*Rhodes 2006, 523*).

¹⁴ Carawan 1987.

Вернемся к изложению содержания рецензируемой работы. В четвертой главе (с. 90–125) констатируется, что амнистия в Афинах сопровождалась пересмотром всего свода законов. Главным же, что мы встречаем и в этой главе и почти на всем протяжении оставшейся части монографии, является анализ нескольких судебных процессов рубежа V–IV вв. до н. э., на которые ссылаются специалисты, считающие, что акт об амнистии можно было обойти и в суды все-таки поступали иски (в том числе и политического характера) по деяниям, совершенным до 403 г. до н. э. Автор книги видит свою цель в том, чтобы опровергнуть данный тезис, и нам предстоит разобраться с тем, насколько ему это удалось.

Вначале речь заходит о процессе Никомаха (399 г. до н. э.), для которого была написана XXX речь Лисия. Секретарь Никомах, в этой речи обвиняющийся в многочисленных нарушениях, являлся одним из наиболее влиятельных членов комиссии по пересмотру законов. Последняя впервые была учреждена еще после ликвидации олигархии Четырехсот, установившейся в 411 г. до н. э.¹⁵, ее работа продолжалась до переворота Тридцати, а после реставрации демократии возобновилась. К. Джойс обоснованно утверждает, что на суде Никомаху вменялись в вину злоупотребления, допущенные им не в первый, а во второй период функционирования комиссии, то есть уже после амнистии, которая, таким образом, не нарушалась.

Но это относительно несложный случай, чего отнюдь не скажешь о рассматриваемом далее деле Андокида, поступившем в дикастерий примерно тогда же; главный источник о нем – защитительная речь самого обвиняемого, видного оратора («О мистериях», речь I). История Андокида является необыкновенно запутанной¹⁶. В 415 г. до н. э. он, будучи еще молодым человеком, оказался под арестом в ходе следствия о повреждении герм. В тюрьме он сделал донос, признав свою причастность к группе, совершившей преступление (но не к самому преступлению), и назвав имена ее членов, за что был помилован. Однако уже вскоре последовала псефисма Исотимида (Andoc. I. 71), предписывавшая «лишать доступа в храм тех, кто совершил нечестие и признался в этом (εἴργεσθαι τῶν ἱερῶν τοὺς ἀσεβήσαντας καὶ ὁμολογήσαντας)» (пер. Э.Д. Фролова). Хотя имя Андокида в постановлении не упоминалось, но совершенно ясно, что иметься в виду мог только он и никто иной.

Фактически это была атимия (хотя и не полная, а частичная, но весьма серьезной степени), и Андокид покинул Афины. Вернулся он после примирения 403 г. до н. э., а через несколько лет был обвинен в том, что посещает храмы и, в частности, принимает участие в Элевсинских мистериях. На протяжении всей речи оратор подчеркивает, что он защищен амнистией. К. Джойс настаивает на том, что Андокид прибегает к злостной инсинуации, а в действительности по отношению к нему должен был действовать принцип *res iudicata*: его осудили

¹⁵ Начало законодательной реформы, как правило, связывают с полным восстановлением демократического правления в 410 г. до н. э. Однако, как справедливо уточнил М. Финли (Finley 1971, 10), в действительности процесс начался несколько ранее, а именно тогда, когда существовал переходный режим Пяти тысяч – очень мягкая олигархия, предельно близкая к умеренной демократии (Marcaccini 2013).

¹⁶ Наиболее детально она изложена в Furley 1996.

за религиозное преступление и приговор оставался в силе. Не можем не заметить, что ученый не вполне верно понимает ситуацию: судом Андокид был освобожден от ответственности (за то, что выступил в роли информатора), а атии подвергнут, повторим, псефисмой Исотимида. Последняя же, естественно, являлась не приговором, не судебным, а законодательным актом: до пересмотра законодательства, о котором упоминалось выше, не делалось никакой разницы между законом и псефисмой, любая псефисма являлась законом. На момент же суда над оратором уже было проведено предельно четкое разделение между ними; таким образом, постановление, из-за которого пострадал Андокид, законом быть перестало.

Таким образом, принцип *res iudicata* здесь ни при чем, и в сухом остатке имеем следующее: политические противники Андокида возбудили иск против него, не имея на то ни оснований, ни права, и амнистия их не остановила. Суд оправдал обвиняемого, но это отдельный вопрос, сам же процесс, как видим, оказался возможен. Мы убеждаемся (и далеко не в последний раз), насколько все-таки трудно доказать, как пытается Джойс, что к амнистии афиняне относились с максимальной серьезностью, строго и неукоснительно ее соблюдали. К слову, в тексте речи «О мистериях» встречается ряд документов, которые часто используются специалистами как источник для изучения как самой амнистии (точнее, амнистий – их было несколько¹⁷), так и иных аспектов афинской правовой жизни рассматриваемого периода. К. Джойс является приверженцем школы (М. Каневаро, Э. Харрис), придерживающейся той крайней точки зрения, согласно которой *все* документы такого рода (и у Андокида, и у других ораторов) являются неаутентичными, а поэтому в качестве источника привлекаться не должны и не могут¹⁸.

В пятой главе монографии (с. 126–157) перед нами предстает новая пара политических процессов конца V в. до н. э. Теперь это суды над Агоратом (XIII речь Лисия) и Эратосфеном (XII речь Лисия). Ситуация близка к предыдущей в том плане, что второй из этих случаев является крайне простым, а первый – предельно сложным (пожалуй, самым сложным из имеющихся). На нем поэтому придется остановиться подробнее, в то время как о процессе Эратосфена кратко скажем, что он никакой проблемы вообще не представляет: ведь обвиняемый являлся одним из членов коллегии Тридцати, а на них амнистия не распространялась¹⁹, как было специально оговорено вводящим ее актом (*Arist. Ath. pol.* 39. 6).

А вот процесс Агората – воистину главный камень преткновения, который волей-неволей должен пытаться както обойти каждый, кто уверен в строгом соблюдении амнистии в ближайшие годы после ее провозглашения. Дело носило ярко выраженный политический характер и касалось событий, имевших место до 403 г. до н. э.: Агорат, афинянин низкого социального происхождения, в период, когда афиняне уже проиграли Пелопоннесскую войну, а олигархия Тридцати еще не установилась, но все уже шло к тому, донес на группу влиятельных

¹⁷ Три или даже четыре в 405–400 гг. до н. э. (Dreher 2013, 88–89).

¹⁸ Canevaro 2013; Harris 2021. Применительно конкретно к I речи Андокида – Canevaro, Harris 2012.

¹⁹ Равно как на членов коллегии Десяти, при олигархии управлявшей Пиреем, и карательной коллегии Одиннадцати.

граждан, являвшихся убежденными сторонниками демократии и выступавших против позорного мира со Спартой. Те были арестованы, а вскоре пришедшими к власти Тридцатью казнены. Родственник одного из них, Дионисодора²⁰, выступал теперь обвинителем Агората (которому инкриминировалось не более и не менее как убийство) и клиентом Лисия, написавшего ему речь в качестве логографа. Кстати, из самой этой речи известно: обвиняемый утверждал, «что он привлечен к суду вопреки клятвам и договорам (ὥς παρὰ τοὺς ὄρκους καὶ τὰς συνθήκας ἀγώνίζεται)» (Lys. XIII. 88. Пер. С.И. Соболевского).

И действительно, Агорат никаким образом не принадлежал к лицам, на которых амнистия не распространялась, и как отмечает сам К. Джойс, суд над ним «озадачивал современных интерпретаторов, главным образом потому что на первый взгляд он оказывается нарушением условий амнистии» (с. 130). В дальнейшем исследователь прилагает все возможные усилия, стремясь показать, что серьезного нарушения все-таки не было. Для Агората, дескать, могли сделать исключение, поскольку уж слишком вопиющим было его преступление. Здесь налицо «неопределенная ситуация (grey area), порождавшаяся... вопросом о том, как поступать с преступниками, чьи деяния имели настолько общественный характер, что, даже если эти люди не входили в коллегии Тридцати, Десяти или Одиннадцати, правовой принцип, исключавший (из амнистии — *И. С.*) членов этих коллегий, следовало распространить также на других общественных преступников (public criminals)» (с. 138).

Сформулировано сложно, замысловато и, скажем прямо, не очень убедительно. Какими бы мерзкими ни были Агорат²¹ и его поступок — это нюансы этического характера, которые неуместно примешивать к вопросу чисто юридическому: подпадал ли этот человек под амнистию. Ясно, что подпадал — все исключения из нее были исчерпывающим образом перечислены в акте 403 г. до н. э., — но под судом все-таки отказался, то есть был искусственно притянут к группе исключенных. Если тут и можно говорить о какомто «правовом принципе», то разве что о том, который заявил о себе во весь голос (в самом прямом смысле) на скандальном процессе стратегов 406 г. до н. э.: «Когда же некоторые из пританов заявили, что не могут предлагать народу противозаконное голосование, Калликсен, взойдя на трибуну, предложил включить и их в число обвиняемых. Народ громко закричал, чтобы отказывающиеся ставить на голосование были тоже привлечены к суду» (Xen. *Hell.* I. 7. 14–15. Пер. С.Я. Лурье).

Последняя пара процессов, рассмотренная К. Джойсом (глава 8, с. 158–179) — процесс Каллимаха (XVIII речь Исократ) и процесс Сократа. И здесь перед нами

²⁰ Дионисодор на момент ареста был одним из таксиархов: Develin 2003, 181.

²¹ Если он действительно был таким мерзким, каким рисует его Лисий. В последнее время проделана значительная работа в области исследования того, с каким непревзойденным, виртуозным мастерством афинские судебные ораторы умели до предела очернять своих оппонентов, как, например, Эхин — Тимарха (Karras 2024) или Демосфен — Конона (Lentakis 2024). Агорат же в 411 г. до н. э., в период режима Четырехсот, действительно участвовал в убийстве лидера олигархов Фриниха, о чем стало известно из надписи (*IG I³*. 102. 26–27), хотя Лисий решительно отрицает это (Lys. XIII. 70). А в 403 г. до н. э. он участвовал в демократическом сопротивлении Фрасибула практически с самого начала, с «периода Филы», и сам Лисий вынужден это признать (Lys. XIII. 77).

тоже бинарная оппозиция – простой случай против сложного. Что касается малоизвестного дела Каллимаха, оно к амнистии не имело никакого отношения, а если Исократ в своей речи периодически к ней апеллирует, то только как к некоему моральному образцу; это автору удастся доказать вполне убедительно. А вот при интерпретации суда над философом он прибегает к довольно интересной стратегии, которую необходимо рассмотреть.

Джойс отрицает политический характер процесса Сократа, не согласен с тем, что его судили фактически за антидемократические убеждения, за близость к лидерам олигархических гетерий конца Пелопоннесской войны и т. п. Мы должны помнить, настаивает ученый, что Сократ попал под суд по *ὑραφῆ ἀσεβείας* и, таким образом, с правовой точки зрения его процесс имел религиозный, а не политический характер. Формально это так, но против подобной позиции можно привести немало возражений. Сократ много лет исповедовал свои нетрадиционные религиозные взгляды, нисколько их не скрывая, так почему же его «вдруг» решили судить за них? И ведь именно тогда, когда ввиду знаменитой амнистии 403 г. до н. э. ему нельзя было предъявить прямого политического обвинения.

Тенденция не видеть «политическое измерение» суда над Сократом проявлялась и раньше. Р. Уотерфилд в чрезвычайно ценной статье об этом событии, рассмотрев некоторые попытки такого рода, констатирует: «Отрицать... что обвинения против Сократа были политическими по своей природе, – это значит игнорировать то, что мы знаем об афинской правовой системе в целом и о других процессах по делам о нечестии в частности». И далее, рассмотрев вопрос с большей степенью детализации, выражается еще решительнее: «Этот процесс, как и другие процессы по делам о нечестии, был явно политическим процессом»²². Таким образом, и тут мы убеждаемся в том, что К. Джойс, дабы отстоять свой тезис, вынужден прибегать к откровенным натяжкам.

В седьмой главе (с. 180–204) он привлекает в качестве сравнительного материала свидетельства об амнистиях в других полисах в классический и эллинистический периоды. Выясняется, что среди этих амнистий, безусловно, было немало таких, которые принимались по чисто прагматическим соображениям, как «орудие борьбы группировок» (*instrument of faction*, с. 203), и в дальнейшем победители в этой борьбе не только не соблюдали их строго, но и допускали их грубейшие нарушения. Однако исследователь продолжает настаивать на том, что в Афинах конца V в. до н. э. дело обстояло иначе, результатом благополучного завершения гражданской войны стало утверждение (точнее, восстановление, для Джойса это принципиально) «власти закона» в этом государстве в следующем столетии. Данный круг вопросов рассмотрен в восьмой главе (с. 205–225), которая играет роль заключения и суммирует основные выводы, достигнутые по ходу работы. Это делается четко, по пунктам (с. 215–216), один из которых представляется нам ключевым для автора (он выражает ту мысль, которая «красной нитью» проходит через всю книгу) и должен быть здесь процитирован: «Судебные процессы, которые последовали за примирением, основывались на правовом, а не политическом принципе и находились в соответствии с условиями примирения».

²²Waterfield 2012, 278, 287.

Как нам представляется (и как мы попытались продемонстрировать в рецензии), именно этот тезис ученому и не удалось доказать: слишком много фактов ему прямо или косвенно противоречат, и эти факты К. Джойс не сумел (да это и невозможно) примирить со своей точкой зрения. Сказанное отнюдь не означает, что мы оцениваем книгу отрицательно. В ней немало интересных наблюдений, отмечавшихся выше (например, о двух пониманиях демократии или о политизации судебной сферы демагогами как одной из главных причин кризиса конца V в. до н. э.). Можно еще упомянуть, что совершенно справедливо Джойс полемизирует с распространенным мнением, согласно которому олигархи этого периода выражали интересы состоятельной части граждан: «Тридцать были способны притеснять богачей точно так же, как и бедных» (с. 45). А проделанный им в главе 3 скрупулезный анализ содержания акта об амнистии послужит полезным подспорьем для каждого, кто впредь будет заниматься этой проблематикой.

Литература / References

- Canevaro, M. 2013: *The Documents in the Attic Orators: Laws and Decrees in the Public Speeches of the Demosthenic Corpus*. Oxford.
- Canevaro, M., Harris, E.M. 2012: The Documents in Andocides' *On the Mysteries*. *Classical Quarterly* 62, 98–129.
- Carawan, E. 1987: Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 28/2, 167–208.
- Carawan, E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxford.
- Cataldi, S. 1996: I processi agli strateghi ateniesi della prima spedizione in Sicilia e la politica cleoniana. In: M. Sordi (ed.), *Processi e politica nel mondo antico*. Milano, 37–63.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Dreher, M. 2013: Die Herausbildung eines politischen Instruments: Die Amnestie bis zum Ende der klassischen Zeit. In: K. Harter-Uibopuu, F. Mitthof (Hrsg.), *Vergeben und Vergessen? Amnestie in der Antike. Beiträge zum 1. Wiener Kolloquium zur Antiken Rechtsgeschichte 27.–28.10.2008*. Wien, 71–94.
- Finley, M.I. 1971: *The Ancestral Constitution*. Cambridge.
- Furley, W.D. 1996: *Andokides and the Herms: A Study of Crisis in Fifth-Century Athenian Religion*. London.
- Gish, D. 2012: Defending *dēmokratia*: Athenian Justice and the Trial of the Arginusae Generals in Xenophon's *Hellenica*. In: F. Hobden, C. Tuplin (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry*. Leiden–Boston, 161–212.
- Harris, E. 2021: The Work of Craterus and the Documents in the Attic Orators and in the “Lives of the Ten Orators”. *Klio* 103/2, 463–504.
- Kapparis, K. 2024: The Curious Case *Against Timarchus*: Rhetoric and Prejudice. In: C. Carey, M. Edwards, B. Griffith-Williams (eds.), *Evidence and Proof in Ancient Greece*. Cambridge, 64–78.
- Lehmann, G.A. 1995: Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. In: W. Eder (Hrsg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 139–150.
- Lentakis, V. 2024: Reshuffling the Evidence: A Reading of Demosthenes 54 *Against Conon*. In: C. Carey, M. Edwards, B. Griffith-Williams (eds.), *Evidence and Proof in Ancient Greece*. Cambridge, 55–63.
- Loening, T.C. 1987: *The Reconciliation Agreement of 403/402 B.C. in Athens*. Stuttgart.
- Loraux, N. 1997: *La cité divisée: L'oubli dans la mémoire d'Athènes*. Paris.
- Marcaccini, C. 2013: Rivoluzione oligarchica o restaurazione della democrazia? I Cinquemilia, la πρόκρισις e la patrios politeia. *Klio* 95/2, 405–428.
- Marr, J.L., Rhodes, P.J. 2008: *The 'Old Oligarch': The Constitution of the Athenians Attributed to Xenophon*. Oxford.

- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 251–272.
- Rhodes, P.J. 1985: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Rhodes, P.J. 2006: Thucydides and Athenian History. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 523–546.
- Rhodes, P.J. 2015: Instability in the Greek Cities. In: V. Goušchin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities*. Stuttgart, 27–47.
- Scheibelreiter, P. 2013: *Atheniensium vetus exemplum*: Zum Paradigma einer antiken Amnestie. In: K. Harter-Uibopuu, F. Mitthof (Hrsg.), *Vergeben und Vergessen? Amnestie in der Antike. Beiträge zum 1. Wiener Kolloquium zur Antiken Rechtsgeschichte 27.–28.10.2008*. Wien, 95–126.
- Simmons, R.H. 2023: *Demagogues, Power, and Friendship in Classical Athens: Leaders as Friends in Aristophanes, Euripides, and Xenophon*. London.
- Waterfield, R. 2012: Xenophon on Socrates' Trial and Death. In: F. Hobden, C. Tuplin (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry*. Leiden–Boston, 269–305.
- Wolpert, A. 2006: The Violence of the Thirty Tyrants. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 213–223.
- Wolpert, A. 2019: Xenophon on the Violence of the Thirty. In: A. Kapellos (ed.), *Xenophon on Violence*. Berlin–Boston, 169–187.
- Youni, M.S. 2024: Use and Abuse of Evidence in the Herms and Mysteries Cases. In: C. Carey, M. Edwards, B. Griffith-Williams (eds.), *Evidence and Proof in Ancient Greece*. Cambridge, 40–54.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Acknowledgements: Russian Science
Foundation, project no. 23-28-00024

И.Е. Суриков,

д.и.н., главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S0321039124040128

L. CANFORA. Catilina. Una rivoluzione mancata. Bari: Laterza, 2023. 408 p.
ISBN: 978-88-581-5099-3

Монография Л. Канфоры была опубликована в марте 2023 г. и получила большой резонанс на родине автора. Выдающийся ученый неоднократно выступал с лекциями о Катилине для самой широкой аудитории¹. Книга заслуживает рассмотрения и с точки зрения методологии, и в связи со сделанными выводами; кроме того обращение к труду итальянского антиковеда позволяет критически взглянуть на состояние изученности проблемы.

От книги с названием «Катилина. Несостоявшаяся революция» читатель ожидает, что перед ним либо биография главного героя на широком историческом фоне, либо комплексный анализ событий 63–62 гг. до н.э.² Однако написанное Л. Канфорой не укладывается в привычные рамки. То, что автором рассматривается более широкий круг вопросов, чем политическая карьера Луция Сергия Катилины, явствует из структуры монографии, которая состоит из пролога («Тень Катилины»), четырех частей («Ставка на кону» (5 глав), «Факты» (14 глав), «Выборы 63 года» (11 глав), «De consulatu suo как источник» (7 глав)), эпилога («По пути к цезаризму») и трех приложений. Катилина, действительно, значительное время пребывает в образе тени, обуславливающей поступки других персонажей; он выходит на передний план только к 123-й странице, удерживая позиции примерно до 177-й и затем безвозвратно их теряя³. Отсутствует даже краткий *curriculum vitae* номинального протагониста (с такими вехами как участие в репрессиях конца 80-х годов до н.э., управление провинцией Африка, судебные процессы и т. д.).

¹ В частности во Дворце дождей в Генуе (15 мая 2023 г.), в Палаццо Венеция в Риме (18 мая 2023 г.), на Международном книжном салоне в Турине (21 мая 2023 г.). Некоторые из рецензий на монографию Л. Канфоры о Катилине см. на сайте издательства Латерца (URL: <https://www.laterza.it/scheda-libro/?isbn=9788858150993>, дата обращения: 27.11.2024).

² В силу вековой традиции и чтобы излишне не утяжелять текст, мы пользуемся термином «заговор», хотя он далеко не в полной мере отражает суть событий.

³ Из приблизительно 400 страниц монографии 87 посвящено переносу консульских выборов с подробнейшей историографией вопроса, 80 – сочинениям Цицерона, 35 – его действиям и последующим претензиям на ведущее положение в Республике, 26 – дебатам и интригам 3–5 декабря 63 г. до н.э., 25 – биографии Саллюстия. Глава «Пистойская война» (с. 194–207) представляет рассказ о сложении Цицероном консулата и источниковедческий анализ *Sall. Cat.* 59–61; на долю Катилины приходится в лучшем случае 3 страницы.

Было бы, однако, неверно признать подлинным героем книги события 63–62 гг. до н. э. Замысел автора заключался в том, чтобы, с одной стороны, реконструировать фактологию и проанализировать политическую составляющую кризиса, с другой – показать, как его изображали современники и как отдельные аспекты трактовались потомками. Поэтому главные действующие лица – люди, отразившие заговор в своих сочинениях (римляне и греки), а также те, кто впоследствии анализировал античную традицию (ученые Нового и новейшего времени).

В прологе делается попытка вписать Катилину в текущий контекст. Л. Канфора в одном абзаце прослеживает «безудержный бег к преодолению республиканской *libertas* и утверждению единоличной власти» (с. 11) – от возвращения Суллы до Первого триумvirата. Оправданнее было бы начать подробное повествование со смерти диктатора, подведя итог его политической деятельности и охарактеризовав преобразованные им государство и общество. Иначе сложно понять, за что идет политическая борьба, а также оценить встроенность Катилины в постсулланский истеблишмент. Л. Канфора больше сосредотачивается на последующих событиях, считая, что политическое наследие 63 г. до н. э. заключается в нерешенности вопросов, на которые попытался дать ответ Луций Сергий, что в итоге привело к установлению монархии. Особое внимание здесь и в главе «К концу Республики» (с. 36–40) ученый уделяет фигуре Цезаря, который не только обвинялся в соучастии, но и схожим образом пытался решить долговую проблему. К сожалению, Л. Канфора ограничивается подбором цитат из трудов Саллюстия и Цицерона и поверхностным комментарием, из-за чего трудно понять его собственную точку зрения.

Глава, поэтично названная «Каменный гость», посвящена незримо присутствующему в Риме Помпею. Л. Канфора показывает, как помпеянцы под предлогом борьбы с Катилиной пытались добиться для своего вождя экстраординарных полномочий, чтобы привести к власти «естественного кандидата на “принципат”» (с. 20). Могущество Помпея и его противоборство с Крассом видятся основными причинами, обусловившими активность Катилины, где выделены два этапа: политический (до поражения на выборах 63 г. до н. э.) и военный.

Термин «заговор» применительно к событиям 63–62 гг. до н. э. итальянский ученый берет в кавычки как ошибочный (с. 34). Л. Канфора соглашается с Т. Моммзеном, что следует говорить о «долгом заговоре» с 67–66 гг. до н. э. (законы Габиния и Манилия) до возвращения Помпея. Инициатором был Красс, стремившийся заручиться одной вооруженной силой против другой⁴. По мнению автора монографии, нельзя провести четкую грань между *движением* и *заговором* Катилины, поскольку уже во время предвыборной кампании 63 г. до н. э. тот совмещал легальную агитацию и конспиративную деятельность.

Вторая часть книги почти в равных долях делит внимание между событиями 63–62 гг. до н. э. и повествующим о них Саллюстием. Л. Канфора настойчиво проводит мысль, что «О заговоре Катилины» представляет собой в большой степени автобиографическое произведение. Здесь нашел отражение юношеский

⁴ Далее утверждается, что, даже придя к власти законным путем, Катилина «почти наверняка» не сложил бы консулат в срок (с. 108).

опыт, личное знакомство с Катилиной и «катилинарским миром» (с. 61–63, 67, 69 и др.). Отсюда делается вывод, что историком приводится информация «о некоторых скрытых, более того, потаеннейших эпизодах заговора» (с. 62).

По мнению Л. Канфоры, целью первого сочинения Саллюстия было дать отпор недоброжелателям. Называя себя *adulescentulus*, он подчеркивал крайнюю молодость, выпавшую на период активности «великого искусителя юношества – Катилины» (с. 67; ср. с. 72). За образец повествования взято Седьмое письмо Платона (Pl. *Ep.* VII. 324b–d), чьим героем является благородный юноша, близкий по происхождению и по духу деятелям «лживой антиплутократической революции (*la fallace rivoluzione antiplutocratica*)» (с. 69), но в ней не участвовавший. Л. Канфора видит в Саллюстии «человека, который порвал со своим прошлым, <...> стремится низвергнуть своих идолов, отринуть свои убеждения <...>. Его охватывает безумие “срывать маски” с прошлого» (с. 106). Это служит отправной точкой для анализа «О заговоре Катилины».

Итальянский ученый считает, что Саллюстий мог быть одним из многих юношей, которые, не состоя в заговоре, поддерживали Катилину (как казненный отцом Авл Фульвий и Марк Целий) (с. 73–74, ср. с. 208). Подобное предположение, влекущее большие следствия, нуждается в убедительной аргументации. Л. Канфора апеллирует к «Инвективе против Саллюстия», а также выделяет в тексте «О заговоре Катилины» ряд автобиографических элементов (с. 64–65, 67, ср. с. 91). Это попытка оправдать молодых катилинарцев в торговле целомудрием, осведомленность о вербовке рабов через знатных женщин, о письме Манлия Марциу Рексу⁵, о расположении плебса к Катилине, об отсутствии кровавой клятвы. Другой аргумент – восхищение «моральной стойкостью (*tenuta morale*) катилинарцев» (с. 67–68), не предавших вождя за награду. Также «не случайно он (Саллюстий. – Н. Б.) воздает воинские почести “идолу” своей юности (*al suo “idolo” di gioventù*) – на последней странице, где описывает поле битвы под Писторией» (с. 67–68, ср. с. 208).

Эта концепция выглядит очень спорной. Пассажи личного характера не являются смысловой доминантой большого труда⁶; странен статус хорошо осведомленного свидетеля, но не участника («один из *complures extra coniurationem*, но связанных с этим миром») (с. 78). Если человек знает вышеперечисленные подробности, он, безусловно, принадлежит к узкому кругу рискующих головой и связанных круговой порукой. Довод, что хорошее знание описываемых реалий обязательно подразумевает участие в заговоре, малоубедителен. Л. Канфора недооценивает вовлеченность Саллюстия в события, уходящие корнями в более раннее время («наследие 63 г. до н. э.»). Плебейский трибун 52 г. до н. э. имел широкий круг общения, многое мог узнать из разговоров или прочитать. Он писал после многочисленных речей и автобиографических трудов

⁵ Здесь и на с. 128 Л. Канфора допускает неточность: *mandata Manliana* (Sall. *Cat.* 33) являлись словесными поручениями. Об этом свидетельствует лексика Саллюстия, что хорошо показано К.Ф. Вильямс (Williams 2000).

⁶ Даже если тактика – изобразить *всеобщую* испорченность, структура повествования вытесняет *самозащиту* далеко на задний план. Предпочтительнее было бы прибегнуть к другому литературному жанру.

Цицерона, апологии Катона⁷, разнообразных памфлетов, беседовал с Крассом, Цезарем, другими осведомленными современниками, использовал официальные документы и слухи. В распоряжении Саллюстия были превосходный материал и собственный политический опыт. Подчеркивание достоинств Катилины, как и в случае с «За Целия» (*Cic. Cael.* 12–13), не есть дань признательности или попытка объективного суждения: таланты Луция Сергия делают восстание особо опасным для Республики⁸. Красочность описания не является доказательством получения информации из первых рук. Л. Канфора считает, что Саллюстий хорошо знал доносчиков – Фульвию и Курия (это следует из яркого портрета мужчины и из интимных подробностей, известных только женщине) (с. 111). Отсюда вывод: «кажется ясным (*sembra chiaro*)», что об этой «романтической» версии историк взял сведения (непосредственно?) от Фульвии (с. 113)⁹. Однако Саллюстий так же красочно описывает эмоции нумидийца Бокха в пустом шатре (*Sall. Jug.* 113. 3); топос о спасении благодаря выдаче тайны жене или любовнице не уникален (*Liv. XXXIX.* 9–13; ср. *Tac. Ann. XV.* 54. 6; *Const. De adm. Imp.* 196^P–207^P; *Liv. XXVII.* 15. 9–12)¹⁰. Тезис о планах *государственного переворота* уже в 64 г. до н. э. вызывает большие вопросы.

В главе «Катилинарский мир» Л. Канфора очерчивает круг сторонников Катилины, оставляя за его пределами аристократические верхи. Правильно отмечается, что в 63 г. до н. э. имело место движение, которое опиралось на столичный плебс и поддерживалось жителями Италии (с. 79). Важным аргументом служат слова античных авторов о возможном освобождении арестованных (с. 87–88, 167, 177, 364). Соглашаясь с тем, что *omnino cuncta plebes* (*Sall. Cat.* 37) долго находился на стороне Катилины, укажем, что внимательный анализ источников свидетельствует об отсутствии подобных опасных попыток¹¹. Гигантским недоиспользованным потенциалом обладает территориальный аспект движения. Л. Канфора пишет только, что участники-рабы происходили из разных частей Италии (Пизцена, Апулии, Кампании и др.) (с. 89), не рассматривая ситуацию с каждым регионом и причины симпатии *свободного* населения.

Героиней главы «Семпрония и “раскаявшийся”» является мать Д. Юния Брута Альбина, чей блистательный портрет дан в *Cat.* 25. 1–5. Л. Канфора полагает, что она упомянута по единственной причине: женщина носила знаковое имя, в ее жилах текла кровь Гая Гракха (с. 97)¹². Семпрония – символ движения, связующее с великим прошлым звено; поэтому Саллюстий говорит о ней как о равной Катилине фигуре. Возможно, печально известному экс-сулланцу недоставало харизмы, чтобы привлечь простонародье, и дочь Гракха обеспечила ему желанную

⁷ Л. Канфора признает влияние на Саллюстия традиции, изображающей Катона главным героем декабрьских нон 63 г. до н. э. (с. 379; ср. с. 370, 373, 376).

⁸ Подробный разбор портрета Катилины у Саллюстия см. в Wilkins 1994.

⁹ Пассаж Валерия Максима о nepотрeбствax 52 г. до н. э. (*Val. Max. IX.* 1. 8), по мнению итальянского ученого, подтверждает знакомство Саллюстия и Фульвии.

¹⁰ О роли женщин, участниц заговора, в повествовании римских историков см. Pagán 2004, 128; ср. с. 41–46 о Фульвии.

¹¹ Bugaeva 2006.

¹² На стр. 101–102 идет полемика с Э. Чачери, доказывающим, что Семпрония не была дочерью Г. Гракха. Историографию вопроса см. в Cadoux 1980.

поддержку (с. 104–105). В главе «Засада» Л. Канфора возводит хорошую информированность Саллюстия обо всех этапах переговоров с аллоброгами к Семпронии (с. 160). Критикуя концепцию Эд. Шварца, что пассаж *Cat.* 25. 1–5 метил в предателя Д. Юния Брута (с. 97–99), итальянский ученый указывает, что вредно «примешивать к просопографическим исследованиям псевдоконцепты» (с. 97–98). Логике Шварца противопоставляется интуиция, но гипотеза Л. Канфоры имеет уязвимые места. Не следует переоценивать то, что портрет Семпронии – один из самых ярких и детальных; если о Лентуле и Цетеге сказано меньше, чем о болтуне Курии, значит ли это, что роль последнего особенно велика? В полный рост встает проблема самостоятельного участия женщины в политике как актора и бенефициара; в любом случае сомнительно, чтобы Семпрония публично агитировала плебс за Катилину. Эпизод с рабами и матронами вымышлен (как, похоже, и переговоры в доме Д. Брута-старшего)¹³.

Л. Канфора пытается найти в источниках следы избирательной программы Катилины, которая не представляла тайны и «напоминала любую другую программу популярской ориентации, уделяя особое внимание <...> долговому вопросу» (с. 124). Анализируются скудные фрагменты литературного наследия заговорщика. Особо отмечается присутствие в письме Лутацию Катуту «очень четко сформулированной политической программы: “я по своему обыкновению официально взял на себя защиту несчастных людей (*publicam miserorum causam pro mea consuetudine suscepi*)”¹⁴» (*Cat.* 35. 3)» (с. 125). *Miser/miseri* и синоним *calamitosus* несколько раз встречаются в лексике Луция Сергия и Манлия. Таким образом Катилина предложил новый тип выборной программы – гораздо более действенный, чем обычные призывы популяров «вернуть свободу» (с. 126).

Далее рассматривается являющийся ключевым (с. 150) эпизод покушения на консула. Л. Канфора анализирует рассказ Плутарха о принесенных Цицерону анонимных письмах, делая вывод, что имела место проведенная Крассом операция с «апологетической целью (*il fine apologetico*)» (с. 136). Она могла иметь своей целью окончательно порвать с Катилиной, но допустим и другой вариант: если (*sic!*) Луций Сергий планировал резню оптиматов, он по дружбе отправил письмо-предупреждение. Красс сфабриковал остальные, чтобы при свидетелях вручить Цицерону, «отрекаясь» от вышедшего из-под контроля движения. Л. Канфора указывает на выгоду, извлеченную консулом из «“провалившегося” или сорванного (или не совершенного) покушения» (с. 150). Он приводит существовавшее в античности мнение о целенаправленной драматизации обстановки, отсутствии заговора или его возникновении в качестве реакции на консулат Цицерона (с. 151). Ученый не выразил здесь свою точку зрения, однако в третьей части монографии исходит из того, что М. Туллий добивался немедленной физической ликвидации врага и у заговорщика «возникло намерение отплатить консулу той же монетой: неудавшееся покушение в ночь с 6 на 7 ноября может выглядеть как ответ на попытку Цицерона устранить Катилину с римской политической сцены» (с. 279). По нашему мнению, плодотворнее рассмотреть эпизод

¹³ Bugaeva 2005.

¹⁴ Перевод В.О. Горенштейна.

в ином ракурсе. *Cui prodest* ведет к «лучшему консулу»¹⁵, чьим излюбленным методом политической борьбы являлась провокация. Подбрасывание писем должно было создать для Красса «момент истины», посеять недоверие между Катилиной и его союзником, дополнительно наэлектризовать обстановку перед выборами. Едва ли можно говорить о реальной попытке покушения; она такой же фантом, как план убить Цицерона на комициях 63 г. до н. э. (*Cic. Mur.* 52).

В главе «Ликвидировать Красса, скомпрометировать Цезаря» Л. Канфора проводит мысль, что, организовав донос Тарквиния, Цицерон пытался устранить опасного кандидата в *principes*. Другими претендентами являлись Лентул и сам М. Туллий. Консул решил «спасти» Цезаря, сочтя, что обвинение популярного политика в сложно доказуемом соучастии ставит под удар основной замысел — осуждение неопровержимо уличенных заговорщиков (с. 175, ср. с. 345–346). Тем более, что Цицерон потерпел неудачу с доносом на Красса, а частное обвинение Катугла было представлено неприемлемым образом.

Автор монографии сопоставляет две традиции повествования о драматическом заседании сената 5 декабря 63 г. до н. э.: с одной стороны, версию Брута, Саллюстия и Мунация Руфа, с другой стороны, — Цицерона. Затрагивается вопрос о законности казни, на который, по мнению Л. Канфоры, нет единственно правильного ответа (с. 191). Ученый анализирует формулировку сентенции Катона (*Sall. Cat.* 52. 36), подчеркивая, что тот называл преступников «гражданами (*cives*)». Допускается, что в официальные документы Цицерон занес определение «враги (*hostes*)» (с. 188–189). Более подробно этот аспект Л. Канфора рассматривает в четвертой части монографии, в связи с выдвинутым Клодием обвинением в фальсификации. Он считает, что технически у консула была подобная возможность; также приводится *argumentum ad personam* (*App. BC.* III. 251–252)¹⁶. Если Клодий прав (при оговорке, что «в любом случае сомнение остается» (с. 364)), Цицерон приказал вместо *scelerati cives* написать *hostes iudicati*. Как бы то ни было, вывод делается очень жесткий: «бредовое ощущение всемогущества (*delirio di onnipotenza*)» и страх перед попыткой освободить катилинарцев обусловили искажение текста *senatus consultum*, нанесение Республике смертельного удара с признаками «едва ли не государственного переворота (*che almeno in parte assumeva i contorni di quasi colpo di Stato*)» (с. 364). Это заключение требует корректировки. Сентенция Катона предусматривала смертную казнь, она прозвучала после заверений Цицерона в готовности немедленно организовать экзекуцию. Голосующие 5 декабря 63 г. до н. э. сенаторы понимали, что, приняв решение о высшей мере, надлежит действовать безотлагательно. «Едва ли не государственный переворот» — излишне резкая формулировка; правильнее говорить, что Цицерон сделал все, чтобы сенат осудил катилинарцев, деля с последним ответственность за нарушение законов.

¹⁵ Потенциальную возможность этого признает автор монографии (с. 138).

¹⁶ О фальсификации Цицероном *senatus consulta* см. Gabba 1961, 92–93; Moreau 1987; Fezzi 2010. Мы допускаем, что ради сведения личных счетов Клодий сосредоточил атаку на «консуле-волюнтаристе», приписав ему подделку документов и не конфликтуя напрямую с сенатом. В любом случае требует решения вопрос о стенограмме заседания (*Cic. Sull.* 40–43; ср. *Plut. Cat. Min.* 23) и о свидетельских показаниях того же Катона.

В главе «Пистойская война» Л. Канфора справедливо отмечает, что судьба Республики решилась в январе 62 г. до н.э.¹⁷ Главный вопрос, который интересует автора монографии: как Саллюстий узнал подробности последней битвы Катилины? Центральная фигура повествования – М. Петрей; древнеримский историк пишет о нем «с почти ностальгическим восхищением», так как, предположительно, служил впоследствии под его началом (с. 199). Рассказ восходит к свидетельству очевидца, который наблюдал весь ход боя и присутствовал на послебательном поле. Л. Канфора оспаривает гипотезу Р. Дж. Льюиса¹⁸ о Сергии – вольноотпущеннике из Амитерна как информаторе Саллюстия. Действительно, сражение показано «с высоты птичьего полета», не глазами рядового бойца в гуще схватки; гораздо больше возможности почерпнуть сведения предоставлял лагерь победителей. Должен был выпячивать свои заслуги (в том числе на судебном процессе 60 г. до н.э.) Г. Антоний; славной битвой имели право гордиться фактический главнокомандующий, а также подзащитный Цицерона П. Сестий. Но нет никакой информации, позволяющей предполагать в Саллюстии соратника Петрея; да и дружеские штрихи в портрете неочевидны (Sall. *Cat.* 59. 6; ср. 59. 5; 60. 1; 60. 5). Скорее в нескольких фразах выведен типаж – храбрый и опытный командир старой закалки (вроде «хвата-полковника» из стихотворения Лермонтова).

Третья часть носит название «Выборы 63 года»; жанр ее можно понять из констатации, что «история исследований (*storia degli studi*) является непопулярной дисциплиной» (с. 320). В большей степени Л. Канфора рассматривает историографию конкретного вопроса – времени выборов консулов на 62 г. до н.э., что обусловлено, в том числе, полуторавековым периодом горячих споров. Данный раздел написан убедительно и очень увлекательно, насыщен ссылками на научную литературу. Интересной особенностью является обращение к многократным *переизданиям* классических и не только трудов, благодаря чему прослеживается ход исторической мысли. Гипотезы показаны в сложном взаимодействии друг с другом: борьба, временное примирение, переход на чужую сторону, всплеск популярности, период скептицизма. «Выборы 63 года» – самая эмоциональная часть, несвободная от резких, но, как правило, заслуженных упреков.

Л. Канфора показывает смену концепций как закономерный ответ на доминирование предшествующих: идею К. Йона о выборах в июле 63 г. до н.э. он называет «реакцией гимназической “касты” против “антицицеронианства” двух великих “академических” историков» (с. 222)¹⁹. Рассматривается эволюция взглядов Т. Моммзена, так называемый «средний путь» Л. Ланге²⁰, судьба его гипотезы и концепции К. Йона. Этот раздел монографии имеет большое методологическое значение, здесь Л. Канфора ратует за безукоризненное соблюдение предъявляемых к историческому исследованию требований. Его точка зрения явствует

¹⁷ Ср. традиционно крайне скудное внимание к этому сюжету, например, Bessone 2004, 48–50; Levick 2015, 83–84; Urso 2019, 205–206.

¹⁸ Lewis 1988.

¹⁹ «Гимназическим» исследователям было важно показать, что Цицерон победил Катилину, не нарушая закона.

²⁰ Л. Ланге предполагал, что заседание, описанное в Cic. *Mur.* 51, имело место 22 сентября; 21 октября состоялось другое (Cic. *Cat.* I. 7), где был принят *senatus consultum ultimum*.

из полемики с Л. Ланге, чьи построения, по его мнению, представляют «беззащитную – типичную для “антикваров” – смесь различных, несоизмеримых между собой источников, которым, однако, придано одинаковое значение», а также «пример техники комбинирования» (с. 285). Итальянский ученый несколько раз акцентирует важнейшее положение: источниковая база должна анализироваться в комплексе, а не как волюнтаристически сформированная подборка сообщений без изучения их особенностей и взаимосвязи друг с другом²¹. Сам исследователь принимает в качестве дня выборов 28 октября – дату после объявления *tumultus*. Аргументы содержатся в речах Цицерона, где говорится о руководстве выборами в отсутствие коллеги, а также вооруженной охране, возможной лишь после *senatus consultum ultimum*.

В четвертой части «De consulatu suo как источник» Л. Канфора указывает, что литературная деятельность Цицерона за март–июнь 60 г. до н. э. отражает ситуацию после триумфа Помпея и в преддверии Первого триумvirата. В этой обстановке возврат к апологетическим трудам (две редакции «*Commentarius*»²², поэма, корпус консульских речей) служат средствами контрпропаганды (с. 327). Л. Канфора напоминает, что одновременно замыслились два труда: Цицерона и Посидония Родосского – «полуофициального историка Помпея» (с. 335), величайшего интеллектуала своего времени. М. Туллий вступал в соперничество с победителем Митридата, считая эллинский мир определяющим в культурном плане и рассчитывая, что греческий язык надежнее гарантирует сочинению долгую жизнь и широкую аудиторию. Латинской редакцией («De consulatu suo»), имевшей более узкую направленность, «Цицерон достиг всех обстановок и кругов, которых ему нужно было достичь» (с. 339). Трудно принять высказываемую мысль, что апологетическое начало в «*Commentarius*» вынужденное (с. 327–328; ср. с. 6, 335–339, 360–361). Нельзя полностью отрицать влияние неблагоприятных обстоятельств, однако приводимые факты больше свидетельствуют о тщеславии Цицерона²³.

Реконструируя содержание «*Commentarius*», Л. Канфора обращается к речи «Против Пизона», биографии Цицерона и корпусу консульских речей. Он прослеживает влияние «*Commentarius*» и других источников на историческую традицию, исходя из полемики в марте 45 г. до н. э. между Цицероном и Брутом (*Cic. Att.* XII. 21. 1). В важных деталях рассказ Саллюстия (*Sall. Cat.* 50–54) совпадает с версией последнего. Четко вырисовывается линия «Катон – Минуций Руф – Брут» versus Цицерон (с. 373), продолженная затем Саллюстием, Веллеем Патеркулом, Тразеей Петом. С этой реконструкцией можно согласиться, внося существенное уточнение. Л. Канфора не довел до логического конца важную мысль: «Цицеронова правда (*la sua verità*)» (с. 331)²⁴ легла в основу *всего* дальнейшего понимания и трактовки событий 63–62 гг. до н. э. Это обусловлено фиксацией

²¹ Л. Канфора выразил данную мысль термином «бриколаж» (с. 312, 340; ср. с. 266, 272, 285).

²² Мы сохраняем терминологию автора, который имеет в виду под «*Commentarius*» прежде всего написанное по-гречески сочинение. Латинский вариант чаще (но не всегда) фигурирует под именем «De consulatu suo».

²³ Ср. с. 43–56, 196, 232. О (не)состоявшихся прославителях М. Туллия см. Bugaeva 2018.

²⁴ Ср. с. 150 о двух правдах – Катилины и Курия (*verità di Curio <...> contro la verità di Catilina*); с. 170 о «правде» Красса («*verità*» di Crasso); с. 209 о правде Цезаря (*la sua verità*).

в официальных документах, когда консульская версия сделалась частью политического дискурса Поздней республики. Упрощая ситуацию, можно сказать, что наличие общей подосновы делает не столь различными между собой Саллюстия, Веллея, Плутарха, Флора и др. Все они – безотносительно симпатии или антипатии к Цицерону – верны официальной реконструкции событийной канвы и принимают официальную оценку происшедшего (резня и поджоги).

Эпилог носит название «По пути к цезаризму». Здесь рассмотрен текст XXXVI и XXXVII книг «Римской истории» Диона Кассия, где характеризуется «поведение четырех протагонистов кризиса 63 г.»: Помпея, Цезаря, Катона и Цицерона (с. 382).

В монографии имеются три приложения, посвященные частным источниковедческим или историографическим вопросам. Л. Канфора приводит краткий экскурс в историю полемики о подлинности речей Цицерона, полагая, что в случае с Четвертой Катилинарией надо говорить не об аутентичности или фальсификации, но о расхождении между произнесенной и изданной позже речью. Вариант, который мы сейчас читаем, составлен из импровизированных (должным образом расширенных) выступлений Цицерона в дискуссии; текст отражает проблемы и душевные переживания весны 60 г. до н. э. В «Поучительном дополнении» рассматриваются причины оппозиции к точке зрения Друмана–Моммзена (выборы намечены на 21 и отложены на 28 октября). Л. Канфора считает первую волну критики «в сущности “гимназической”»; следующую (после II мировой войны) – в значительной мере воодушевленной антимоммзеневским снобизмом (с. 319).

Труд итальянского ученого написан на очень высоком научном уровне. В то же время многое роднит его с научно-популярным изданием. Прежде всего форма изложения: книга поделена на многочисленные главы и параграфы; названия смысловых частей художественны, страницы не обременены тяжеловесными ссылками. Монография издана так, чтобы не отпугнуть читателя: большие отступы между подразделами, намеренно оставленные пустые или полупустые страницы. Красочность повествования и заостренность некоторых формулировок преследуют цель завоевать широкую аудиторию.

Упрощенный ссылочный аппарат не является обязательным атрибутом научно-популярной работы, хотя подобный жанр допускает отступ от жестких требований. Применительно к монографии Л. Канфоры можно говорить о продуманном и обоснованном авторском подходе. Ученый скрупулезно работает с античной традицией, неизменно подтверждает свои гипотезы ссылками, пусть и не приводя все аналогии. Что же касается научной литературы Нового и Новейшего времени, в книге наблюдается важная закономерность. Л. Канфора часто обращается к критическим и комментированным изданиям источников – особому научному жанру. В прочих случаях наибольшее количество ссылок (порядка 250) приходится на труды, выпущенные до 1900 года; интервал 1901–1950 гг. дает около 140 ссылок; период 1976–2025 гг. – 92 ссылки (помимо самоцитирования). Предпочитаемыми исследователями являются Т. Моммзен (более 70 ссылок), В. Друман (более 20), Фр. Мюнцер и коллектив *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* (более 20). С англоязычной литературой последней четверти XX – начала XXI века Л. Канфора преимущественно спорит по частному вопросу

даты выборов. Таким образом, итальянский исследователь прочно базируется на немецкой классической науке XIX века и ее наследии. Любопытно провести параллель со взглядами Ии Леонидовны Маяк, осуждавшей погоню за новым ради нового, закрепление приоритета за последним сказавшим и не принимавшей моду на огромное количество ссылок – якобы безусловный показатель качества. И.Л. Маяк роднит с Л. Канфорой такая черта, как высочайшее почтение (если не сказать благоговение) к немецкому классическому антиковедению, доходящее почти до культа Моммзена, и скепсис по отношению к англосаксонской науке. Итальянский ученый весьма иронично высказывается в адрес коллег, упрекая их в нежелании должным образом работать с историографией²⁵ и преодолевать лингвистические барьеры²⁶.

Вышесказанное дает ключ к пониманию взгляда на русскоязычную научную литературу²⁷. Л. Канфора пишет: «Реконструкция Друмана–Моммзена <...> вышла в “маргинальных”, или рассматриваемых как таковые, областях (in aree “marginali” o considerate tali): например, в советской историографии (storiografia sovietica) (на которую очень повлияла немецкая традиция)» (с. 319). Тем не менее ученый дважды сослался на итальянский перевод «Истории Рима» С.И. Ковалева (с. 93, прим. 53; с. 94, прим. 54), провел аналогию между финалом «О заговоре Катилины» и романом Л.Н. Толстого «Война и мир» (с. 206, прим. 45)²⁸.

²⁵ «Не стоит вспоминать здесь о недавно писавших англосаксонских ученых (recenti studiosi anglosassoni), которые собирают бриколаж (bricolage) из сочинений предшествующих авторов, обладавших комплексной и, возможно, недостижимой эрудицией. Эти не утруждают себя изучением (всей историографии, в том числе различных изданий книги. – *Н. Б.*), а потому «выуживают» одну дату <...> и представляют ее в качестве достоверной» (с. 312).

²⁶ «Вспомним, наконец, комментарий Элейн Фантам (2013) к “За Мурену”; здесь сомнениям вовсе нет места <...>, библиография (с. 219–224) присутствует только на английском (кроме Otto, Sprichwörter der Römer, и – даже не пролистав этот труд – автор ошибается в месте издания!). Так автор обретает иммунитет к риску усложнять то, в чем уверена (si immunizza dal rischio di complicare le sue certezze), читая написанное по-немецки, по-французски или даже по-итальянски. И в любом случае она застраховывается от опасности читать великие труды XIX века, а также написанное за первые 70 лет XX в. Для Элейн Фантам исследование вопроса началось с 1971 г.» (с. 313).

²⁷ Мы включаем в это понятие как дореволюционные, так и советские и постсоветские труды. В отличие от монографии белорусского исследователя Г.М. Лившица (Livshits 1960), сюда не относится, например, книга Э. фон Штерна (von Stern 1883).

²⁸ Предпочтение, оказанное учебнику С.И. Ковалева (учитывая, что на итальянский были переведены «Цицерон и его время» С.Л. Утченко и «Принципат Августа» Н.А. Машкина), удивляет лишь на первый взгляд. Ссылки носят непринципиальный характер: Л. Канфора обращается к советскому ученому в качестве дополнения к точке зрения антицицеронианцев К. Маркези и Л. Парети, т. е. С.И. Ковалев интересовал его лишь как представитель «маргинального течения». Более осторожные и взвешенные суждения С.Л. Утченко и Н.А. Машкина закономерно не получили отражения в силу отказа от составления полной историографии вопроса. С точки зрения русского читателя, подобная выборочность ссылок несет скорее вред, чем пользу. Ср. критику Л. Канфорой М. Гельцера за ссылку всего на две итальянские работы: «Цицерон и его время» Э. Чачери и статью Джини Де Бенедетти – «ничем больше не известного и ничего больше не написавшего итальянского автора», чья работа опубликована в «замшелом журнале (una rivista patinata), балансирующем между просветительством и наукой» (с. 314).

Необходимо согласиться с исходным посылом: при анализе деятельности Катилины источниковедение выходит на передний план, а история изучения может быть написана увлекательнейшим образом. Все же, на наш взгляд, у Л. Канфора не получилось добиться органичного соединения трех линий. Порой источниковедческий и/или историографический аспект доминирует над изучением событий, как следствие грандиозности замысла. Не оправдывает себя структура повествования с рассредоточением материала по разным частям; наиболее яркий пример — вынесение «De consulatu suo» в четвертый раздел и недооценка его значимости.

Монография «Катилина. Несостоявшаяся революция» поднимает важную проблему зависимости исследователя от источников. Еще раз отметим диспропорцию в рассказе о перипетиях 63–62 гг. до н. э., когда излишне много места уделяется таким аспектам, как анонимные письма и несостоявшееся покушение на Цицерона (с. 130–152), перенос консульских выборов (вкуче с углубленным изучением историографии вопроса) (с. 218–314), активность Семпронии (с. 96–106). Все это красочно изображено античной традицией, очень притягательно и крайне спорно. Мы скептически относимся к участию в заговоре женщин; эпизод с письмами, полезный для рассмотрения в контексте закулисных действий Цицерона, остается эпизодом; попытки убить консула — чистая инсинуация, пушенная в ход беспринципным политиком. Точная дата очередной неудачи Катилины-кандидата важна для понимания мощи возглавляемого им движения, социальной базы, тактики противоборствующих сторон, самопрезентации их лидеров. Красноречие Цицерона и писательский талант Саллюстия уводят исследование в сторону от трудоемкой задачи — проанализировать социальную базу движения во всей ее полноте и сложности. Л. Канфора сознательно ограничился неполным решением проблемы. Он убедительно показал, что консульские выборы 63 г. до н. э. пришлись на 28 октября, рассмотрел тактику Катилины и контрмеры правительства. Итальянский ученый сконцентрировал внимание на высших политических кругах и на «катилинарском мире» — питательной среде заговора, в разной степени причастной к его реализации. Фактически вне поля зрения оказались люди более низкого общественного статуса, в том числе за пределами столицы²⁹.

Таким образом, книга представляет собой ценную, хотя и дискуссионную научную монографию. Она очень полезна с историографической точки зрения, в значительной степени — с источниковедческой. Уже давно мы не встречались со столь вдумчивой работой со сложным нарративом, когда источниковедение является важнейшим звеном в системе доказательств. Достаточно спорная вторая часть не является исчерпывающим исследованием, здесь допущены существенные ошибки в интерпретации фактов, хотя автор скрупулезно воссоздал событийную канву. В свое время было замечено, что русская классическая литература не отвечает на вопросы, но правильно задает их. Допустимо применить эту

²⁹ Л. Канфора приводит общую и краткую информацию о долговой проблеме и охваченных волнениями территориях (с. 7, 34, 36, 80–81, 161–162, 237), о рабах (с. 89–90). Наибольшее внимание отведено городскому плебсу (с. 84–87) и полемике с со статьей Ц. Явета (Yavetz 1963). Далее анализируется не столько поведение римского простонародья, сколько рассказ об этом Саллюстия (с. 86–87).

формулировку к тем страницам, где Л. Канфора анализирует непосредственно политическую деятельность Катилины.

Литература / References

- Bessone, L. 2004: *Le congiure di Catilina*. Padova.
- Bugaeva, N.V. 2005: [Did Women Participate in Catiline's Conspiracy?]. In: I.A. Gvozdeva, A.A. Nemirovskiy (eds.), *Drevniy Vostok i antichnyy mir [Ancient East and the Ancient World]*. Vol. VII. Moscow, 112–119.
- Бугаева, Н.В. Участвовали ли женщины в заговоре Катилины? В сб.: И.А. Гвоздева, А.А. Немировский (отв. ред.), *Древний Восток и античный мир*. Т. 7. М., 112–119.
- Bugaeva, N.V. 2006: [The Ancient Historical Traditional Interpretation of the Attempt of Catilinarian Plotters' Liberation]. In: S.Yu. Monakhov (ed.), *Antichnyy mir i arkhеologiya [Ancient World and Archaeology]*. Issue 12. Saratov, 187–197.
- Бугаева, Н.В. Античная историческая традиция о попытке освобождения сторонников Катилины. В сб.: С.Ю. Монахов (отв. ред.), *Античный мир и археология. Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 12. Саратов, 187–197.
- Bugaeva, N.V. 2018: [A Character in Search of Authors: Three Unwritten Works about Cicero's Consulship]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 78/3, 561–581.
- Бугаева, Н.В. Персонаж в поисках авторов: три ненаписанных сочинения о консульстве Цицерона. *ВДИ* 78/3, 561–581.
- Cadoux, T. 1980: Sallust and Sempronia. In: B. Marshall (ed.), *Vindex Humanitatis: Essays in Honour of John Huntly Bishop*. Armidale, 93–122.
- Fezzi, L. 2010: Documenti e falsi documentari nel I sec. A.C.: il caso della congiura di Catilina. In: P. Castelli, S. Geruzzi (a cura di), *Prima e dopo le Tavole Eugubine: falsi e copie fra tradizione antiquaria e rivisitazioni dell'antico*. Pisa, 87–95.
- Gabba, E. 1961: Cicerone e la falsificazione dei senatoconsulti. *Studi Classici e Orientali* 10, 89–96.
- Levick, B. 2015: *Catiline*. London.
- Lewis, R.G. 1988: Inscriptions of Amiternum and Catilina's Last Stand. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 74, 31–42.
- Livshits, G.M. 1960: *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rime 60-ch gg. I v. do n.e. i zagovor Katiliny [Social and Political Struggle in Rome in the 60s of the First Century BC and the Conspiracy of Catiline]*. Minsk.
- Лившиц, Г.М. *Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н.э. и заговор Катилины*. Минск.
- Moreau, Ph. 1987: La Lex Clodia sur le bannissement de Cicéron. *Athenaeum* 65, 465–492.
- Pagán, V.E. 2004: *Conspiracy Narratives in Roman History*. Austin.
- Stern, E. von 1883: *Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66–63*. Dorpat.
- Urso, G. 2019: *Catilina. Le faux populiste*. (Ausonius Scripta Antiqua, 129). Bordeaux.
- Wilkins, A.T. 1994: *Villain or Hero. Sallust's Portrayal of Catiline*. New York.
- Williams, K.F. 2000: Manlius' mandata: Sallust *Bellum Catilinae* 33. *Classical Philology* 95, 160–171.
- Yavetz, Z. 1963: The Failure of Catiline's Conspiracy. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 12/4, 485–499.

Natalia V. Bugaeva,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
E-mail: cethegilla@gmail.com
ORCID: 0009-0006-7416-2186

Н.В. Бугаева,
к.и.н., доцент
кафедры истории древнего мира
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S0321039124040135

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ИВИ РАН «АНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОСТИ» В 2023 ГОДУ

В 2023 году возобновил свои регулярные заседания семинар «Античность в современности» (организаторы — д. и. н., г. н. с. ИВИ РАН С.Г. Карпюк и к. и. н., н. с. ИВИ РАН М.Н. Кириллова), работа которого длится уже больше десяти лет. В рамках семинара обсуждаются проблемы, связанные с историей отечественной и зарубежной науки о древности, рецепции античности и древнего Востока в мировой культуре. В отчетный период состоялось пять заседаний (одно из них — с двумя докладами на близкую проблематику), прошедших в очно-дистанционном формате.

Работу семинара в 2023 г. открыл доклад *Л.Г. Елисеевой* (Москва) «Рецепция античности в романе А. Дюма “Граф Монте-Кристо”». Практически в каждом сочинении Дюма делает отсылки к античной культуре, не является исключением и роман «Граф Монте-Кристо». В докладе была предложена возможная типология упоминаний античности в романе, а также проанализированы причины этих аллюзий и выполняемые ими функции. Так, специальные упоминания од Горация были противопоставлены разного рода ситуативным аналогиям и сравнениям. Некоторые образы античной культуры оказываются связаны непосредственно с персонажами: например, сам граф Монте-Кристо на протяжении романа регулярно сравнивает себя с Лукуллом. Примечательно, что герои Дюма используют в своем общении античные образы только тогда, когда им это позволяет их образование и социальное положение. Римские главы романа были рассмотрены как материал для изучения и личного отношения А. Дюма к античным аллюзиям, и восприятия памятников античности европейцами в 30–50-е годы XIX в. В целом, античные мотивы в романе «Граф Монте-Кристо» ценны и сами по себе, и в контексте своего дальнейшего осмысления и использования другими авторами.

И.А. Ладынин (Москва) сделал доклад «Египтолог и его эпоха: политические события 1880–1940-х гг. в зеркале архивных документов В.С. Голенищева». Владимир Семенович Голенищев (1856–1947) — выдающийся отечественный египтолог, создатель коллекции древностей Египта и Передней Азии, ставшей основой собрания древнего Востока в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Переписка Голенищева показывает, как он и его корреспонденты воспринимали современные им политические события, начиная с восстания Араби-паши 1882 г. вплоть до кануна

второй мировой войны. Была показана зависимость работы и личной судьбы ученого от исторических событий последних десятилетий XIX в. и первой половины XX в., а также рассмотрен вопрос о том, в какой мере его отношение к этим событиям формировалось средой, из которой он происходил, и его интересами. В целом, документы показывают преимущественно аполитичность ученого, который был прежде всего занят коллекционированием древнеегипетских текстов и явно видел в посильном сохранении привычной для него общественно-политической ситуации залог стабильности, необходимой для его работы.

А.В. Иванова (Москва) выступила с докладом «“Новые Героиды”: женские персонажи античных мифов в художественной прозе XXI века». Античные мифологические сюжеты на протяжении веков служили источником вдохновения для писателей. Подход к мифам, расстановка акцентов и выбор персонажей менялись с течением времени. В современной литературе также можно найти большое количество как прямых пересказов древних легенд, так и завуалированных отсылок к ним, изящных цитат и отдаленных реминисценций. Отдельную группу составляют произведения, призванные обратить внимание читателя на героинь античных мифов – жен, спутниц и помощниц, – которые в первоисточниках часто оказывались в тени мужских персонажей. В докладе было проанализировано пять произведений современной литературы, обладающих разной художественной ценностью, но позитивно встреченных читающей публикой, в том числе «Цирцея» М. Миллер, «Ариадна» Дж. Сэйнт. Автором доклада были выделены несколько стратегий использования античных источников, было показано, как мифологические героини (в числе наиболее популярных – Ариадна, Пенелопа и Федра) становятся посредниками в разговоре о роли женщины в современном обществе, о феминизме и любви.

О.А. Давыдова (Москва) сделала доклад «Репрезентация царицы Клеопатры VII в современном документальном кино», посвященный актуальной проблеме циркуляции исторических сюжетов в современной массовой культуре. В 2023 г. стриминговый сервис Netflix представил документальный сериал «Царица Клеопатра», на который обрушился шквал критики из-за недостоверного изображения Клеопатры и значительного искажения ее биографии. Выход этого сериала заставил задуматься о том, какими критериями должен обладать настоящий документальный фильм и какие допущения в нем могут быть уместны. В докладе были проанализированы вышедшие ранее документальные фильмы о Клеопатре, а также предложены критерии их оценки. С точки зрения автора доклада, историкам нужно составлять профессиональные обзоры на документальные фильмы так же, как на опубликованные научные статьи. Высказанное мнение вызвало оживленную дискуссию среди слушателей о популяризации истории в современном обществе и той роли, которую в этом процессе может (или не может) сыграть профессиональный ученый.

Завершающим цикл семинаров в 2023 г. стало заседание, на котором были представлены два доклада, предметно связанные между собой. В докладе *С.Г. Картюка* (Москва) «Альбом из ФБОН/ИНИОН: время и место» была представлена история создания альбома фотографий посетителей читальни читального зала всеобщей истории ИНИОН (до 1969 г. – ФБОН), а также рассмотрена

история этого академического учреждения. Докладчик также привлек внимание к архитектуре 22-го квартала Новых Черемушек («научного городка»), доминантой которого стало здание ИНИОН. В основной части доклада были рассмотрены роль и значение ИНИОН в позднесоветскую эпоху, а также представлены биографии читателей зала: Я.Э. Голосовкера, Л.А. Ельницкого, С.П. Маркиша, Н.Е. Семпер-Соколовой. Доклад *М.Н. Кирилловой* (Москва) «Альбом из ФБОН/ИНИОН: люди и судьбы» был посвящен анализу сведений об истории советского антиковедения, которые предоставляет альбом. Автор доклада обратила внимание не только на отдельные яркие биографии людей, чьи фотографии оказались в альбоме, но и обнаружила другие интересные данные. Наличие в альбоме фотографий исследователей, которые скончались задолго до выхода альбома (А.К. Бергера, Я.Э. Голосовкера, О.В. Кудрявцева), отсутствие видимых закономерностей в наборе аффилиаций и статусов ученых, включенных в альбом, позволяет сделать вывод, что содержание альбома не столько дает общее представление о специалистах по истории древности, сколько является результатом отдельной выборки, быть может, сделанной по инициативе конкретных сотрудников ФБОН. Замеченные неточности в сведениях об ученых позволяют выдвигать гипотезу о датировке альбома 1973 годом.

Организаторы надеются на дальнейший интерес исследователей к проблемам истории науки о древности и рецепции ее сюжетов и, как следствие, на будущую плодотворную работу семинара «Античность в современности».

Maria N. Kirillova,

E-mail: marikirillowa@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9029-5727

Sergei G. Karpyuk,

E-mail: oxlos@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8515-9560

Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

М.Н. Кириллова,

к.и.н., научный сотрудник

С.Г. Карпюк,

д.и.н., главный научный сотрудник

Институт всеобщей истории
Российской академии наук,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S0321039124040146

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МОЛЕВА
(Нижний Новгород, 20 января 2024 г.)

В Институте международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского 20 января 2024 г. состоялся второй Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева (1947–2021 гг.), яркого ученого, специалиста по археологии и истории античного Северного Причерноморья, отдавшего почти три десятилетия работе в Нижегородском госуниверситете. Организованный кафедрой истории древнего мира и Средних веков симпозиум собрал прежде всего коллег, близко знавших Евгения Александровича и работавших вместе с ним на протяжении многих лет. На пленарном и двух секционных заседаниях был представлен и обсужден 21 доклад историков и археологов из ННГУ, Института всеобщей истории и Института истории материальной культуры РАН, университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Самары, Саратова, Ярославля. Выступления участников были посвящены как научной и преподавательской деятельности Евгения Александровича Молева, так и разнообразным проблемам археологии, эпиграфики и истории античного Северного Причерноморья, которыми плодотворно занимался профессор Е.А. Молев, а также античности в целом, от классической Греции до ранневизантийского периода и рецепции античного наследия в Средние века.

Первое пленарное заседание открыл доклад *В.В. Дементьевой* (Ярославль) «Историографические сюжеты в “Боспорских древностях” Е.А. Молева: исследовательский почерк ученого в изложении дискуссионных вопросов», в котором были рассмотрены позиции Е.А. Молева по таким проблемам, как понятийно-терминологический аппарат, этногеографические и хронологические аспекты формирования Боспорского государства и его трансформации, взаимоотношения Боспора со Скифией и державой Ахеменидов, эллинизм в Причерноморье, политическое положение Боспора в составе Понтийского царства и др. Главное внимание было уделено особенностям научного стиля Е.А. Молева в обосновании своих утверждений и анализе аргументов сторонников противоположных концепций. Были отмечены такие черты его исследовательского стиля, как привлечение письменных и вещественных источников в нерасторжимом единстве,

корректировка собственных взглядов в связи с новыми археологическими находками, строгая академичность лексики и спокойный, выдержанный тон возражений. Сделан вывод, что Е.А. Молев являет собой образцовый пример ученого, ведущего научную полемику по сложным дискуссионным проблемам древней истории. Тему научного стиля Е.А. Молева продолжил *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород). В докладе «Профессор Е.А. Молев как оппонент» он охарактеризовал такую сторону его научной деятельности, как оппонирование по диссертациям, обратив внимание на очень широкий тематический диапазон оппонентских выступлений (посвященных не только причерноморской археологии и истории, но и проблемам эллинизма, и даже древнеегипетской культуре) и характерную манеру критики соискателей, сочетавшую доброжелательность и взыскательность, аргументированность критических замечаний, основанную на источниках и историографической эрудиции. В докладе *И.Е. Сурикова* (Москва) «Сократ и Ферамен» был рассмотрен вопрос об отношениях между великим философом и видным политиком умеренно-олигархической ориентации. Одно свидетельство Диодора (впрочем, не всеми признаваемое достоверным) дает основание допускать, что они были лично дружны. Даже если это и не так, все же, по мнению докладчика, идейная близость между Сократом и Фераменом налицо: оба были убежденными поборниками неукоснительного соблюдения законности. *С.Ю. Сапрыкин* и *Н.И. Винокуров* (Москва) посвятили свой доклад надписи на плите мраморного стола-жертвенника, найденного в 2022 г. на городище Артезиан на европейском Боспоре. Она относится к правлению поздних Спартокидов и датируется рубежом или началом II в. до н. э. Надпись была затерта при перестройках святилища и переформатировании стола в связи с появлением на нем второй надписи, датируемой первой половиной I в. н. э. Рассматриваемая надпись представляет собой посвящение за царя Перисада III Аполлону Врачу, от имени жреца, возможно, по имени Поликрат, сын Кратиппа. Она свидетельствует, что Перисад III являлся сыном Левкона II, умершего ближе к концу III в. до н. э. Левкон пришел к власти незаконно, в обход норм престолонаследия, поэтому его сын Перисад поначалу не имел прав на царский титул, которым по праву наследования владела Камасария, дочь убитого Левконом законного царя Спартока IV, его старшего брата. Перисад III смог получить царский титул только в результате брака с царицей Камасарией, вследствие которого дальнейшая генеалогия Спартокидов развивалась уже по мужской линии. После разрушения поселения Артезиан в ходе боспоримской войны 45–49 гг. н. э. вторая надпись была сбита, а стол использовался в качестве убранства алтаря вплоть до его разрушения при землетрясении в конце III в. н. э. *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) в докладе «Были ли щиты “македонского типа” на Боспоре?» рассмотрел проблему аутентичности бронзовых обкладок двух подобных щитов с именем «Перисад», якобы найденных около 10 лет назад в Краснодарском крае. Аргументы исторического и искусствоведческого плана свидетельствуют в пользу того, что это, скорее всего, подделки.

На заседании секции «Античный мир от греческой классики до средневековой рецепции» были представлены 7 докладов. В докладе «Геродот о миссии Аристагора в Спарте и Афинах и роли в ней загадочного *chalkeos pinax*» *А.А. Синицын* (Санкт-Петербург) проанализировал рассказ «Отца истории» о диковинной карте,

которую милетский тиран показывал спартанскому царю Клеомену (Hdt. V. 49). Это первое свидетельство об использовании изображения мира в межгосударственных переговорах. Представление Геродотом *λίναξ* как *περίοδος τῆς γῆς* отсылает к «Описанию земли» (*Περίοδος γῆς*) Гекатея Милетского. О поведении Аристагора, пытавшегося использовать карту как средство манипулирования, Геродот отзывается иронично: если уж ионийский проситель рассчитывал заинтересовать спартанцев, ему резоннее было утаить реальное расстояние (о чем его спрашивал Клеомен) и обманом добиться желаемого, но здесь он повел себя как никудышный дипломат. А вот афинянин, по мнению Геродота, Аристагору легко удалось обмануть, причем без каких-либо манипуляций со своей «медной табличкой». В этой поучительной истории, представленной как небольшая драма, с переговорами, уговорами, попыткой заинтересовать и даже подкупить Клеомена, с разоблачением девочкой Горго лукавого чужеземца, чувствуется ирония рассказчика по отношению к коллегам-«картографам», составляющим свои землеописания, при этом главным объектом его критики является Гекатей. Это еще раз подтверждает полемический характер труда Геродота. С.К. Сизов (Нижний Новгород) в докладе «“Общее право” и “общий суд” на Крите в эллинистическую эпоху» отметил, что в Союзе критян в III–II вв. до н. э. существовало «Установление» (*δίκυρσσις*) – единственный известный пример свода норм деликтного и процессуального права, действовавшего на территории целой федерации греческих полисов. «Установление» содержало правила исчисления денежного возмещения за правонарушения, регулировало порядок проведения судебного процесса по поводу правонарушения, совершенного гражданином одного критского города в отношении гражданина другого либо в отношении иностранца. Для рассмотрения таких дел на Крите был создан «общий суд» (*κοινὸδίκησιον*), который, очевидно, состоял из представителей разных полисов. Союз критян, таким образом, стремился к тому, чтобы конфликты между гражданами разных полисов Крита улаживались единообразным и цивилизованным путем и не подрывали единство и устойчивость всего объединения. В докладе Е.Ю. Борисовой и Н.Ю. Сивкиной (Нижний Новгород) «Матримониальная политика Филиппа II Македонского: новый взгляд на старую дискуссию» было отмечено, что в историографии господствует мнение о полигамности македонского царя Филиппа II. Однако сохранившиеся источники не позволяют сделать столь однозначный вывод. Анализ основных нарративных источников и обширной историографии по данному вопросу позволяет заключить, что рассуждения о полигамности македонского царя – лишь историографический конструкт. О.Ю. Климов (Санкт-Петербург) в докладе «Практика летоисчисления и датирования года в эллинистических полисах Малой Азии» рассмотрел данные надписей полисов Малой Азии о летоисчислении и датировании года в эллинистический период. Эпиграфические свидетельства показывают, что полисы, подвластные царским династиям, сохранили свою практику летоисчисления и датирования года, в частности, обязательное наличие эпонимных магистратов, которые были разными в различных общинах (жрец, притан, стефанефор, гиероном, архонт, демиург и др. выборные должностные лица). При этом царские письма городам датировались годом правления царя, а ответные послания городских гражданских общин, как

правило, имели двойное датирование – годом правления царя и именем полисного эпонимного магистрата. Таким же образом датировались некоторые постановления городских собраний, связанные своим содержанием с политикой или поручениями царей. Военные же колонии использовали датирование годом правлением царя. *К.В. Марков* (Нижний Новгород) представил доклад «Кассий Дион и Зеноново учение», в котором рассмотрел вопрос об отношении римского историка к стоицизму и о влиянии этой философской школы на содержание его труда. Присутствие в «Римской истории» критических замечаний автора в отношении некоторых стоиков, особенно тех, которые использовали философию в политических целях, не является достаточным основанием для того, чтобы причислять Диона к противникам Зенонова учения. Есть основания говорить о влиянии стоицизма на подход Диона к репрезентации и оценке личностей римских императоров, прежде всего Марка Аврелия, который представлен мудрецом от природы, свободным от всякого внешнего влияния. В докладе «Николай Ликийский – афинский софист V в. н. э.» *Н.Н. Болгов* и *И.В. Денисова* (Белгород) предприняли попытку реконструировать биографию софиста V в. н. э., известного как старший товарищ философа Прокла в среде ликийских студентов в Афинах и как преподаватель риторики в Константинополе, где он обосновался при поддержке префекта Города – своего брата Диоскора. За авторством Николая сохранился сборник «Прогимнасм» – начальных риторических упражнений. Его биография позволяет лучше понять механизмы вертикальной социальной мобильности и характер корпоративной культуры интеллектуалов в Ранней Византии. Доклад *А.Н. Маслова* (Нижний Новгород) «Какую версию “Истории” Дарета Фригийского использовал Бенцо д’Алессандриа при составлении своей “Хроники” (XIV в.)?» был посвящен использованию сведений «Истории о разрушении Трои» Дарета Фригийского в XXII книге «Хроники» Бенцо д’Алессандриа (по рукописи: Milano, Biblioteca Ambrosiana, ms. B 24 inf. Fol. 233r252v). Хотя «троянский раздел» сочинения Бенцо (ок. 1320 г.) в целом представляет собой пересказ «Дневника» Диктиса Критского, отдельные пассажи средневекового текста определенно восходят к повествованию Псевдо-Дарета. Автор доклада продемонстрировал, что источником этих заимствований, наряду с самой «Историей» Псевдо-Дарета, могло стать ее переложение, ранее включенное в состав латинской компиляции “*Multe ystorie et Troiane et Romane*” (XII в.). Данное обстоятельство предполагает более внимательный взгляд на проблему источников, задействованных Бенцо при написании «Хроники».

Работу секции «Античное Северное Причерноморье: артефакты, надписи, история» открыл доклад *Н.В. Молевой* (Нижний Новгород) «Сердоликовая инталья из Китея», в котором была предложена интерпретация анималистических изображений на инталье, позволяющая понять особенности греческих мифологических и религиозных представлений населения боспорского города Китея. В докладе *И.Ю. Шауба* (Санкт-Петербург) «Боспорское посвящение богине Ангиссе (КБН, № 27)» были рассмотрены сама надпись, сопровождающий ее рельеф, на котором представлены три женских персонажа, посвящения богине Агдистис (основная форма имени этой малоазийской (фригийской) богини) из других областей античного мира, а также сообщения античных авторов об этом божестве.

Поскольку имя боспорской Ангиссы было одним из многочисленных имен Матери богов, сама Мать богов (Кибела) в свою очередь являлась одной из ипостасей Великой богини, которой поклонялись жившие на Боспоре варвары. Проблемы эпиграфики были затронуты и в докладе *О.Л. Габелко* и *Э.В. Рунга* (Москва) «Вечная история? Продолжая дискуссию о древнеперсидской надписи из Фанагории». Авторы рассмотрели различные аспекты трактовки надписи, обнаруженной в 2016 г. в Фанагории, внимание к которым было повторно привлечено в новой статье *В.Д. Кузнецова*, первоиздателя памятника. Докладчики привели новые аргументы (включая не привлекавшиеся ранее аналогии из ахеменидской эпиграфики), которые, с их точки зрения, не позволяют считать надпись свидетельством завоевания Боспора Ксерксом – события, никак не подтверждаемого другими источниками. Доклад *С.Ю. Монахова*, *Е.В. Кузнецовой* и *Н.Б. Чурековой* (Саратов) «Опыт создания электронной общедоступной базы данных по материалам амфорных коллекций музеев России» был посвящен итогам девятилетней работы над проектом по публикации амфорных коллекций российских музеев (Керченского, Херсонесского, Краснодарского и Ялтинского музеев, Государственного Эрмитажа, ГМИИ им. А.С. Пушкина). В монографическом формате были изданы 7 музейных каталогов, создана уникальная Интернет-база «Греческие амфоры (VII–II вв. до н. э.) с северных берегов Понта – АРЕ» с возможностью поиска по разным параметрам (are.sgu.ru). Всего на сегодняшний день введены в научный оборот 1544 амфоры и 217 комплексов, содержащих две или более амфоры и иной античный импорт. Выбранный формат представления различных сведений вполне себя оправдал, о чем можно судить по статистике посещений (более 48000 посещений), свидетельствующей о стабильном росте популярности и востребованности ресурса, использование которого открывает большие возможности не только для поиска аналогий сосудов и клейм или определения их типов и хронологии, но также для интерпретации керамической тары как исторического источника, позволяя перейти от анализа конкретных проблем к более широким реконструкциям экономических отношений в Причерноморье. *М.Ю. Вахтина* (Санкт-Петербург) в докладе «О находке фрагмента формы для изготовления “мегарских чаш” на городище Парфений в 2020 г.» рассмотрела новую находку части формы, изготовленной из боспорской глины и предназначенной для изготовления рельефных чаш. От нее сохранился обломок дна и придонной части; на дне были изображены восьмилепестковая розетка и клеймо ДНМН[ТΡΙΟΥ]. Форма принадлежала мастерской Деметрия, продукция которой была широко распространена на Боспоре во второй половине II в. до н. э. *В.А. Хршановский* и *З.В. Ханутина* (Санкт-Петербург) представили доклад «Китей IV–VI вв. н. э. в зеркале некрополя (по материалам раскопок 2010–2022 гг.)». В результате раскопок, проведенных экспедицией под руководством *В.А. Хршановского* в юго-западном предместье боспорского города Китея, были открыты следы масштабных ритуальных (погребально-поминальных) действий, совершенных в IV–VI вв. н. э. Есть основания полагать, что зона их распространения в западной части Китейской равнины превышает 1 км². Выявленные на исследованной экспедициями *Е.А. Молева* и *А.В. Катцовой* части городища Китея слои того же времени на данном этапе гораздо менее значительны. Если это

несоответствие в ходе дальнейших работ подтвердится, то, возможно, потребует-ся пересмотр сложившихся представлений о позднеантичном городе Китее. Доклад *О.Ю. Соколовой* (Санкт-Петербург) «Бронзовые антропоморфные подвески из раскопок Нимфея» был посвящен анализу 5 бронзовых литых антропоморфных подвесок из охранных раскопок Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (руководитель Н.Л. Грач) на территории некрополя Нимфея в 1970-е годы. Подобные подвески характерны для материалов из погребений I–III вв. н. э., но встречаются и при раскопках поселений. В нимфейской коллекции 4 подвески представляют собой фигурки воинов, а одна изображает, вероятно, богиню с чашей в правой руке. Все подвески найдены в погребальных комплексах, принадлежавших нимфейской знати. *Н.В. Кузина* (Нижний Новгород) в докладе «Использование археологической керамики на занятиях по археологии в вузе: опыт практической деятельности» остановилась на интерактивных методах обучения, направленных на моделирование отдельных видов профессиональных деятельности на аудиторных занятиях по дисциплине «Археология», на которых традиционный формат изучения дисциплины дополняется серией мастер-классов по экспериментальному моделированию сосудов, археологическому рисунку и камеральной обработке массового керамического материала. Такие мастер-классы, основанные на работе с античными артефактами, направлены на укрепление мотивации в обучении, выработку навыков обработки археологических находок и использования этой категории источникового материала в учебно-исследовательской работе. Завершил заседание доклад *М.М. Синицы* (Белгород) «Этнический состав Таврики в V–VI вв. в произведениях Проккопия Кесарийского». В нем было отмечено, что в трудах Проккопия, написанных в 550-е годы. (IV книга «Войны с готами» и «О постройках») как вариант военно-аналитических записок о союзниках и противниках римлян, нашли отражение представления ранневизантийских интеллектуалов об этнической и геополитической ситуации в Крыму. Византийский историк представлял Таврику в этот период как регион, заселенный гуннами и готами-христианами, причем последние воспринимались как автохтонное население.

При подведении итогов работы на заключительно пленарном заседании участники симпозиума выразили мнение, что такого рода научные мероприятия важны не только для сохранения памяти об авторитетном ученом, изучения и развития его творческого наследия, но и для представления актуальных результатов научных исследований.

Alexander V. Makhlayuk,

Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: makhl@imomi.unn.ru
ORCID: 0000-0002-7758-2374

А.В. Махлаюк,

д. и. н., профессор, зав. кафедрой
истории древнего мира и Средних веков
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

DOI: 10.31857/S0321039124040156

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНТИЧНОСТИ
В МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(к 90-летию исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова)»
(Москва, 30 января 2024 г.)

30 января 2024 г. на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась четвертая научная конференция «Экономическая история античности в мировой историографии». В работе конференции приняли участие преподаватели и ведущие научные сотрудники университетов и научных институтов России.

С приветственным словом к участникам конференции обратился чл.-корр. РАН, проф. Л.И. Бородин, который подчеркнул, что на истфаке МГУ проводится специализация по изучению экономической истории античности и это нашло выражение в регулярном проведении конференций.

Пленарное заседание открыл заведующий кафедрой истории древнего мира С.Ю. Сапрыкин (Москва) с докладом «Эллинизм как социально-экономический феномен». Докладчик рассмотрел основные проблемы эллинизма, которые он считает явлением социально-экономического порядка, оспаривая точку зрения тех, кто понимает период эллинизма (а также т.н. постэллинизм) прежде всего как этап развития культуры и проявления новых черт в политике и государственном строительстве. Автор привел аргументы и против некогда популярной идеи считать вторую половину IV в. до н. э. пред- или протоэллинизмом, поскольку это было время господства полисного строя в Греции и Причерноморье. В докладе были рассмотрены также факторы развития полисного строя и причины выхода полисов – их экономики и культуры – на новый этап в связи с политикой македонских царей, государств диадохов, державы Митридата Евпатора и Римского государства на Востоке. Основной вывод, к которому пришел автор доклада, сводится к следующему: эллинизм – это этап развития социальных и экономических отношений греко-восточного и греко-римского общества, на основе которых выстраивалась политика и осуществлялось взаимодействие эллинской и восточной идеологии, религии и культуры. Эти процессы происходили в разные исторические периоды на протяжении с 323 г. до н. э. до середины III в. н. э. на различных территориях в конкретных исторических условиях,

которые сложились не только вследствие греко-македонского завоевания Востока. В докладе *И.А. Ладынина* (Москва) «К новейшей дискуссии отечественных историков древности о сущности эллинизма» были проанализированы позиции ряда российских антиковедов (С.Ю. Сапрыкина, О.Л. Габелко, И.Е. Сурикова, А.С. Балахванцева) по проблемам генезиса, сущности и специфики завершающего этапа эллинизма, сформулированные в 2000–2020-е годы. Мнение И.Е. Сурикова о том, что генезис эллинизма в греческом мире связан прежде всего с упадком гражданского сознания, игнорирует реальное содержание кризиса греческого полиса. Главным итогом синтеза греческого и восточного начал в эпоху эллинизма нужно считать институт монархии; а к этапу постэллинизма следует, видимо, относить такие структуры, существовавшие после Апамейского мира 188 г. до н. э., в которых наблюдалось равновесное соотношение влияния царской власти и полисов. В докладе *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «Экономические аспекты римского империализма в новейшей историографии» были обозначены представленные в исследованиях последних лет проблемы в изучении экономических процессов и структур Римской империи. Констатируется все большая проблемно-тематическая дифференциация историко-экономических штудий и продолжение теоретических дискуссий, начавшихся в 2000–2010-е годы, активизировавшихся благодаря экспоненциальному росту и интенсивному переосмыслению археологического материала и в то же время связанных с обращением к теориям и концептуальному аппарату современной экономической науки, включая «Новую институциональную экономику», глобализацию, а с самого недавнего времени – «новый материализм» и т.н. экономику сложности (complexity economics) как современную альтернативу традиционной economics, которая рассматривает экономику как сложную адаптивную систему, состоящую из большого количества гетерогенных взаимодействующих агентов. В поле зрения исследователей по-прежнему остаются такие ключевые вопросы, как характер и уровень развития рыночной, товарно-денежной экономики, вовлечение в экономику и влияние государственных, правовых и социокультурных институтов на хозяйственную деятельность, интеграция экономического пространства Империи, участие в экономике и поведение различных агентов, соотношение в экономическом развитии таких факторов, как сетевые взаимодействия, экологические условия, «хищничество» и позитивное действие, связанное с целенаправленной политикой государства, а также внекоммерческие сферы экономической активности. Все эти аспекты связаны с тем, что принято называть «политической экономией» империи/империализма. Однако понятие «империализма» предлагается заменить такими категориями, как «гегемония», «глобализация/глокализация». Перспективным и уместным представляется применение к изучению политической экономии римского империализма и категории «имперский капитал», которая включает не только собственно экономические параметры, но и имперскую идеологию и системы ценностей.

Заседание секции «Теория. Методология. Историография» открыл *С.Г. Картюк* (Москва). В его докладе «Экономическая история античности в переписке Мозеса Финли и Владислава Андреева», в контексте развития новых подходов к изучению экономики античности в 1950–1960-е годы, рассматривается переписка двух

ученых и показано, насколько важен анализ переписки для формирования взглядов антиковедов, которые внесли важный вклад в изучение экономической истории древней Греции. Доклад «Роль панэллинских святилищ в экономической жизни древней Греции: историографический аспект» *О.В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) был посвящен истории изучения проблем, связанных с исследованием роли панэллинских святилищ в экономической жизни древней Греции: значению священных участков в Олимпии и Дельфах с их сокровищницами и другими посвящениям как своего рода прообраза банков и музеев в античности, «экономике» проводившихся там общегреческих состязаний, значению святилищ как важнейших центров коммуникации для развития дорожной сети и торгово-экономических связей. *Е.И. Соломатина* (Москва) в докладе «Вопросы экономической истории Лесбоса в работах последних десятилетий» сделала обзор научной литературы по Лесбосу трех последних десятилетий, в которой затрагиваются вопросы экономики. Докладчик отметила, что, хотя крупных монографических исследований по экономической проблематике за рассматриваемый период не было, наблюдается заметное оживление интереса к проблемам экономического развития Лесбоса, что, по мнению докладчика, можно объяснить состоянием источниковой базы. Вопросы, рассмотренные в докладе *Н.К. Спиченко* (Москва) «Проблема определения границ территории гражданских общин в римской Испании в I–II вв. н. э. по данным эпиграфики и ее освещение в зарубежной историографии» касались особого типа эпиграфических памятников – межевых камней (*termini publici*), которые датируются эпохой правления династии Флавиев и Антонинов. Они являются наглядным свидетельством территориальных, или приграничных, споров. Причины территориальных споров, по всей вероятности, могли возникнуть после дарования императором Веспасианом в 73–74 гг. испанским провинциям *ius Latii*, которое повлекло за собой рост числа провинциальных общин, возведенных в ранг латинских муниципиев. Новым муниципиям требовалось определить и установить границы своих территорий, право на которые могли оспаривать соседние колонии. *П.Б. Дейнека* (Москва) в докладе «Творческое наследие В.И. Кузищина (1930–2013) и основные направления его современного развития» отметил, что В.И. Кузищин в работах 1960–1980-х годов разработал теорию классической стадии развития античного рабовладения в Риме II в. до н. э. – I в. н. э. и экономической ячейки, в которой реализовались основные характеристики этого этапа – классической рабовладельческой товарной виллы.

Заседание секции «Экономика. Власть. Право» открыл *Б.Е. Александров* (Москва) с докладом «Ремесло в древнем Эмаре». Древний город Эмар на Среднем Евфрате (совр. Тель-Мескене в Сирии) засвидетельствован большим количеством клинописных источников, начиная с III тыс. до н. э. Наиболее многочисленна и информативна та часть корпуса, которая датируется периодом поздней бронзы и происходит непосредственно из самого Эмара (ок. 1500 текстов, датирующихся XIV–XII вв. до н. э.). В свете этих данных город предстает, прежде всего, как аграрный и торговый центр. Вместе с тем представляется, что экономика города не могла быть основана исключительно на сельском хозяйстве и транзитных торговых операциях. Ремесленники упоминаются в текстах как

собственники недвижимости (земельных участков с домами и специально оборудованных производственных помещений), как свидетели и участники сделок, как получатели ратионов. Интересным представляется участие ремесленников в некоторых религиозных ритуалах. Косвенным свидетельством высокого уровня развития ремесла в Эмаре является богатая номенклатура ремесленных изделий, упоминаемых в правовых и хозяйственных текстах. *А.В. Логинов* (Москва) в докладе «Древнегреческие термины, обозначающие способы обеспечения исполнения обязательств, в монографии Мозеса Финли, посвященной аттическим *horoi*» отметил, что М. Финли в монографии «*Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500–200 B.C.: The Horos Inscriptions*» проанализировал употребление терминов, обозначающих способы обеспечения исполнения обязательств в аттических *horoi* и сделал выводы о численном соотношении упоминаний обеспечительной купли-продажи и ипотеки в этих надписях. Однако анализ словоупотребления у аттических ораторов показывает, что афиняне не различали строго термины купли-продажи и залога. Поэтому данные М. Финли о численном соотношении упоминаний обеспечительной купли-продажи и ипотеки в аттических *horoi* могут быть пересмотрены. Доклад *И.А. Гвоздевой* (Москва) «*Saltus – категория римского землеустройства (эволюция в имперский период)*» был посвящен крупной единице римской агрименсуры – сальтусу, который представлял собой *locus*, пригодный для скотоводства и находящийся в категории *publicus*. Основатель империи Август, разрабатывая римский земельный кадастр, определил соотношение природного сальтуса и межевой сетки *ager colonicus*. Сальтус соответствовал 25 центуриям в межевой решетке, но постепенно в имперский период сальтус стал приобретать значение просто крупного имения. *В.Н. Парфёнов* (Саратов) в докладе «Домициан и римская экономика: “тиран” или “эффективный менеджер”?» отметил, что уже в начале правления Домициан повысил пробу серебряной монеты до стандарта времен Августа. После увеличения жалования армии содержание серебра в денарии уменьшилось, но оставалось выше стандарта времени Веспасиана. Вмешательство Домициана в аграрный сектор экономики было связано с нехваткой хлеба, что влекло за собой угрозу голода. Эдикт императора рекомендовал не расширять площади виноградников в Италии и вырубать не менее половины их в провинциях, заняв освобожденные территории зерновыми. На практике этот эдикт не исполнялся из-за отрицательной реакции на него общественного мнения. Именно Домициан завершил восстановление Рима после пожаров 64 и 80 гг., построив или капитально отреставрировав не менее 55 крупных объектов, в том числе Амфитеатр Флавиев (Колизей), храмы, дворцы, библиотеки и другие общественные сооружения. Экономическую политику Домициана следует признать продуманной и успешной. Это обеспечивалось жесткой налоговой системой и не менее жестким контролем деятельности провинциальной администрации. В докладе *А.М. Сморгкова* (Москва) «Экономическая база сакральной сферы республиканского Рима» были рассмотрены источники финансирования религиозной деятельности и религиозных институтов в эпоху Республики. Главной особенностью Рима являлось отсутствие храмового землевладения, составлявшего заметную долю ближневосточных экономик. Сакральная сфера республиканского Рима содержалась, в основном, за счет общественных

и частных средств. Храмы получали собственные доходы, прежде всего, за счет пожертвований, и жреческие коллегии имели в пользовании некоторые земли. Но все священное имущество находилось, в конечном итоге, под контролем и в распоряжении политической власти, что соответствует принципам полисной организации. *В.А. Квашинин* (Вологда) в докладе «Еще раз о категории роскоши в экономике и праве Рима» обратил внимание на то, что термин *luxus* отражал понятие роскоши как таковой, а употребление слова *sumptus* было связано (и куда глубже уходило в историю Рима) с ведением хозяйства в целом и с понятием расходов в частности. В то же время, не будучи тождественными, две эти линии пересекались. Первой точкой пересечения, без сомнения, является *familia* как исходный (для рассматриваемой эпохи) и одновременно базовый социально-экономический организм. Появление в Риме эпохи Республики законов против роскоши было неизбежным. Второй точкой пересечения семантических полей *luxus* и *sumptus* была *civitas*. Понятие *sumptus* не только явно возникло раньше по времени, но и было шире по своему содержанию. Тенденция к слиянию *luxus* и *sumptus* появляется не раньше II в. до н. э., когда «роскошь» и расходы на нее начинают проникать во все сферы общественного бытия Рима. *М.Н. Кириллова* (Москва) в докладе «Строительство *Via Aemilia* и экономическое развитие Паданской равнины» подчеркнула, что в свое время еще М. Финли пришел к выводу, что римские дороги эпохи Республики служили в основном для переброски войск, а экономическое значение их было невелико. Грузоперевозки действительно было дешевле осуществлять по морю, однако значение дорог не стоит сводить к их стратегической функции. Их строительство преобразовывало ландшафт, служило базой для дальнейшего сельскохозяйственного освоения региона. Строительство Эмилиевой дороги не только связало между собой римские колонии, но и стало основой для межевания больших пространств, создав предпосылки для сельскохозяйственного развития региона.

Заседание секции «Торговля. Финансы. Налоги» открыла *Е.В. Булычева* (Москва) с докладом «Арендодатели – налогоплательщики эйсфоры в Афинах (по данным договоров об аренде священных земель IV в. до н. э.)». Автор доклада отметила, что эйсфора – чрезвычайный налог, который взимался на территории Афин, начиная с конца V в. до н. э. Налогоплательщиками эйсфоры в афинском полисе были, прежде всего, демы, а также родовые и религиозные сообщества, которые получали от полиса право распоряжаться священными территориями (теменосами). Основным источником, благодаря которому мы получаем эти сведения, являются надписи, посвященные сдаче в аренду теменосов. Содержание надписей, датированных IV в. до н. э. (*IG II² 2492–2499*) позволяет судить о том, что должностные лица Афин (демархи, фратриархи и т. д.) предписывали арендодателям своевременно вносить эйсфору в полисную казну. Размер налога определялся в соответствии с оценкой стоимости сданного в аренду имущества. Доклад *Т.Б. Гвоздевой* (Москва) «Экономические аспекты организации панэллинских игр» был посвящен общегреческим играм, которые являлись важной и неотъемлемой частью культуры, политики и экономики греческих полисов. Победители панэллинских игр получали священные венки, а также награды, дары и привилегии как в святилище, где проводились игры, так и в своем

полисе. С одной стороны собрание ценных даров было доступно в чрезвычайно ситуации не только святилищу, но и полису для гражданских и военных целей, с другой стороны, доходы от сдачи в аренду священных земель позволяли направлять их на организацию игр, подготовку ценных призов, строительство и реконструкцию спортивных объектов, жертвоприношения и пиры во время празднеств. *А.С. Новоселов* (Москва) в докладе «Расходы на организацию театральных представлений в классических Афинах» отметил, что в Афинах организация театральных представлений проходила в рамках особой общественной службы (хорегии), которая ложилась на плечи частных лиц, наиболее богатых граждан полиса. С этой точки зрения, театр был местом состязаний не только между поэтами, но и между хорегами. Конкуренция между ними выражалась в избыточной демонстрации щедрости, поэтому на театральные постановки порой уходили целые состояния: в среднем, 2–3 тыс. драхм, но были и экстремальные случаи, когда хореги тратили на представление 5 тыс. драхм. Хорегия занимает особую позицию в гражданском обществе, позволяющую, с одной стороны, манифестировать свой гражданский энтузиазм, а с другой стороны, принуждающую зажиточного человека к осуществлению общественно полезной деятельности. Доклад *С.В. Обухова* (Москва) «Торгово-экономические связи Коммагены в эллинистическое время (по материалам раскопок Арсамеи-на-Нимфее)» был посвящен торгово-экономическим связям одной из областей на юго-востоке Анатолии – Коммагены (на ее территории с 164 г. до н. э. располагалось одноименное государство) – в эллинистическое время, в первую очередь, в III–I вв. до н. э. Автор доказывает, что Коммагена в указанную эпоху вела весьма интенсивные торговые отношения с остальным эллинистическим миром, с греческими полисами Малой Азии, а также с островом Родос. Но в то же время не стоит переоценивать степень интеграции Коммагены в международную торговлю того времени – основная часть населения области, а впоследствии и государства, не была сколь-нибудь вовлечена в нее, т. к. занималась сельским хозяйством натурального характера. *А.В. Базаров* (Москва) в докладе «Экономические последствия взяточничества в речах афинских ораторов V–IV вв. до н. э.» обратил внимание на важность темы взяточничества, явления, которое своими корнями уходит в глубокую древность. В исторических сочинениях чаще всего фиксируется лишь сам факт дачи взятки, и практически нет данных о том, какое значение греки придавали этому факту. Отдельно докладчик остановился на вопросе о том, присутствует ли в речах афинских ораторов классического времени идея о негативном влиянии взяток на экономическую жизнь полиса, т. к. в них есть сведения об экономической стороне взяточничества. Однако экономический аспект взятки не существует в сознании афинян сам по себе, а тесно коррелирует с тем, как авторы речей и их аудитория понимали идею об общественном равенстве граждан внутри полиса. В докладе «Финансовая политика римского наместника в отношении провинциальных общин (период Принципата)» *С.В. Телень* (Мозырь, Белоруссия) отметил, что сферой ответственности наместника провинции было выполнение им как командирских и судейских, так и фискальных обязанностей. Последние имели своей целью пополнение казны налоговыми поступлениями из провинций. Однако речь шла не только о бесперебойном снабжении имперского центра.

Наместники, особенно императорские легаты, нуждались в средствах на содержание расквартированных в провинции войск. К началу II в. важным направлением становится обеспечение финансовой стабильности самих подконтрольных наместнику провинциальных общин. Забота о благосостоянии провинциальных городов находит отражение, в частности, в переписке Плиния Младшего с Траяном. Существуют различные способы поддержания финансового благополучия общин путем снижения местных налогов, единовременных взносов, различных непроизводительных расходов. В этом отношении время Антонинов знаменуется поворотом финансовой стратегии римского государства в сторону «гуманизации» провинциальной политики.

Заседание секции «Хозяйство. Быт. Человек» было открыто докладом *А.В. Стрелкова* (Москва) «Использование Notgeld афинским стратегом Тимофеем в 60-х годах IV в. до н. э.». Он проанализировал источники («Экономика» Псевдо-Аристотеля и «Стратегемы» Полиэна), в которых упоминается о выпуске Тимофеем «денег чрезвычайных обстоятельств» в ситуации отсутствия финансовых средств, возникшей в ходе боевых действий афинской армии под Олифмом. Был рассмотрен дискуссионный в нумизматической литературе вопрос о бронзовых монетах, которые некоторые исследователи относят именно к этому выпуску стратега Тимофея. *П.А. Евдокимов* (Москва) представил доклад «Дворцовые хозяйства кипрских царств в эпоху классики». За все время целенаправленных археологических исследований острова Кипр в ряде древних политических центров (Вуни, Амафунте, Старом Пафосе, Идалионе) выявлены архитектурные комплексы, которые можно отождествлять с дворцовыми центрами. Эти комплексы были местом сосредоточения, переработки и перераспределения сельскохозяйственной продукции (в первую очередь – вина и оливкового масла). Обнаружение административно-хозяйственных записей позднеклассического времени в Китионе, Идалионе и Старом Пафосе позволяют в некоторых чертах детализировать процессы учета поступлений в дворцовые склады и выдачи оттуда продуктов как в руки отдельных категорий потребителей, связанных с придворной жизнью, так и на церемониальные и культовые нужды. В докладе *И.В. Меркулова* (Новоаннинский) и *В.О. Никишина* (Москва) «Об истоках экономического благосостояния семейства Мариев» была предпринята попытка выявить источники обогащения всаднического семейства Мариев. По мнению авторов, стартовой площадкой для их обогащения стало участие в *societas* – компании предпринимателей, занимавшихся на свой страх и риск разработкой серебряных и медных рудников в Испании. Следующим их шагом стали инвестиции в недвижимость: нажитые в Испании средства Марии, по-видимому, вложили в аренду пахотных земель и угодий в Арпине. После того, как Гай Марий вошел в сенат, с целью обойти закон Клавдия 218 г. до н. э., он перевел все свои активы на имя родственников, друзей и клиентов. Сам Марий, в процессе прохождения *cursus honorum* активно используя административный ресурс наряду со старыми связями в среде римской правящей элиты, существенно увеличил экономический потенциал своей семьи. В докладе *М.В. Дурново* (Москва) «Рабыня-мать и рабыня на пенсии (Col. RR. I.8.19): римская рабовладельческая комедия времен Нерона и Сенеки» была предложена новая реконструкция «частного *ius liberorum*» Колумеллы,

предписывавшего освобождение от работ и отпуск на свободу рабынь, родивших и вырастивших определенное количество детей. Было проведено сравнение модели Колумеллы с иными схемами такого рода, применявшимися римскими рабовладельцами в эпоху Империи. *Д.Д. Беляев* (Москва) в докладе «К проблеме рабства в экономической организации древних майя» отметил, что концепция рабовладения стала одним из ключевых элементов советской науки о древности. После того, как Ю.В. Кнорозов в 1955 г. обосновал типологическую близость майя и древневосточных обществ (древнейший Шумер и Египет) и, таким образом, создал пространство «доколумбовой древности», проблема рабства стала играть важную роль в оценке социального строя древних майя. Критические издания новых словарей XVI–XVII вв., а также ряда поздних источников позволяют вновь вернуться к вопросам о социальной лексике, обозначающей рабов, видах рабства у майя, а также о его специфике на фоне других обществ древней Мезоамерики.

Все доклады, представленные на конференции, вызвали большой интерес и сопровождались активной дискуссией.

Inna A. Gvozdeva,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: ancient@hist.msu.ru

ORCID: 0000-0001-6075-9033

И.А. Гвоздева,

к.и.н., доцент
кафедры истории древнего мира
исторического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Tatiana B. Gvozdeva,

Maxim Gorky Institute of Literature
and Creative Writing;
Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University),
Moscow, Russia

E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-0400-4589

Т.Б. Гвоздева,

к.и.н., доцент
кафедры зарубежной литературы
Литературного института
им. А. М. Горького,
доцент кафедры всеобщей истории
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов
(РУДН),
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S0321039124040169

XIV ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МИУССКИЕ АНТИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ»

(Москва, 29–30 марта 2024 г.)

29–30 марта 2024 г. в РГГУ кафедрой истории древнего мира Института восточных культур и античности была проведена очередная научная конференция «Миусские античные посиделки XIV». Ее тема была обозначена так: «“Магия чисел”: цифры, даты, расчеты, количественные оценки в древних социокультурных практиках и их отражение в источниках». Участникам конференции было предложено рассмотреть следующие вопросы:

- понятия цифры и числа, их обозначение на письме, символика и смысл в интеллектуальной традиции народов Древнего Востока и античного мира;
- священные числа в религиозных представлениях, ритуалах, культовых и орacularных практиках древних народов;
- древние нумерологии и сходные с ними учения: общее и особенное в их поступательном развитии;
- числовые данные, методы их получения и интерпретации в древних научных трактатах (философия, математика, астрономия, география и др.);
- хронологические и хронографические системы древности, роль числовых калькуляций в их формировании и функционировании;
- принципы и методы датировок и их обозначения в публичных и частных документах и иных источниках;
- «счастливые» и «несчастливые» числа и даты в культуре и истории древневосточных и античных государств;
- «магия цифр» в повседневности и ее отражение в фольклоре, искусстве, материальной культуре древних обществ;
- экономика древних обществ в цифрах: данные источников (нарратив, археология, нумизматика и др.) и их сегодняшние интерпретации;
- определение численности народов, населения городов, социальных групп и пр. древними авторами и современные оценки этих данных;
- числовые характеристики структуры государственных и политических институтов (число должностных лиц, количество и состав органов управления и др.) как результат сочетания религиозных устоев, традиции и прагматических соображений;

– анализ политических процедур, связанных с количественными параметрами социальных коллективов (цензы, переписи населения, голосования, остракизм и др.);

– военные конфликты древности в цифрах (численность и структура войск, количество потерь в сражениях, снабжение и логистика и пр.).

Открывая работу конференции, председатель ее организационного комитета *О.Л. Габелко* (Москва) во вступительном слове отметил, что применение количественных измерений и оценок в древних цивилизациях было чрезвычайно разнообразным и обрело отчетливую этнокультурную специфику. Последняя проявлялась в закреплении в исторической памяти устойчивых понятий и сюжетов, включающих в себя те или иные числовые показатели и отражающих принципиально важные моменты в политическом, социальном, религиозном, культурном развитии конкретных этносов, обществ и государств и их самоидентификации: тридцать манефоновских династий в истории Древнего Египта и 500-летний цикл жизни феникса в египетской мифологии; шестидесятеричная система исчисления и «числовые значения» божеств в зависимости от их ранга в древней Месопотамии; «тысяча богов» страны Хатти; двенадцать колен Израилевых, десять казней египетских, четверо евангелистов и двенадцать апостолов в иудео-христианской традиции; этическая триада зороастризма и семь знатных персов в иранско-ахеменидской истории; двенадцать подвигов Геракла, девять муз, три дорийские филы, триста спартанцев в Греции; семь чудес света в эллинистическом мире; семь царей, законы Двенадцати таблиц и тысячелетний Рим – этот список можно продолжать практически бесконечно. За подобными сочетаниями скрывается целый комплекс самых разнообразных коннотаций, заслуживающих тщательного анализа в сравнительно-сопоставительном плане.

Работа конференции велась в трех секциях, традиционно именуемых «сидениями». В первой секции, посвященной военно-демографической истории, выступили три участника. *Э.В. Рунг* (Москва) в докладе «Численность вооруженных сил Ахеменидской империи в античной исторической традиции: мифы и реальность» проанализировал методику подсчета численности персидских армий VI–IV вв. до н. э. Геродотом, Ктесием, Ксенофонтом, Диодором, Курцием, Аррианом и другими авторами. Общая тенденция здесь несомненна: по мнению современных исследователей, греческие и римские историки многократно завышают численность войск Ахеменидов (в Скифском походе Дария в 513 г. до н. э., Ксеркса в кампании против Греции в 480 г., Артаксеркса II и Кира Младшего в битве при Кунаксе в 401 г., Дария III в сражениях против Александра Македонского). Наиболее близкие к реальности данные, видимо, сообщает Курций Руф, который говорит о 312 тыс. персов в битве при Иссе и 245 тыс. в битве при Гавгамелах. *О.Л. Габелко* представил доклад «“В том же пришедши числе, в каком виются снежинки...”» (*Callim. Нутн. IV. 175*): античные авторы о численности населения и войск галатов». В нем он проанализировал данные Полибия, Диодора, Страбона, Ливия, Мемнона, Павсания, Помпея Трога (Юстина) о вторжении кельтов на Балканы и в Малую Азию, отметив не слишком типичное для античной историографии явление: все эти источники применительно к варварам сообщают вполне реалистичные цифровые данные (максимально – до 300 тыс. человек

в ходе переселений, включая нонкомбатантов), резко контрастирующие, например, с данными, приведенными в докладе Э.В. Рунга. Дело могло быть как в общей рационализации исторической мысли в эпоху эллинизма, так и в опоре названных авторов на надежные источники: Гиеронима Кардийского и, возможно, Деметрия Византийского. *Н.В. Бугаева* (Москва) в своем докладе «По следам Катилины с калькулятором в руках: сколько человек и где именно сражалось (приблизительно) 5 января 62 г. до н. э.?» обратилась к неоднократно предпринимавшимся попыткам найти точное место гибели Луция Сергия Катилины на основе численных и логистических данных. Подобные исследования итальянских эрудитов и ученых XVIII–XX вв. были частично успешны и локализовали т.н. «битву при Пистории» либо около современного Сан-Марчелло, либо около Кутильяно. Более точная привязка к местности при нынешнем состоянии источниковой базы остается невозможной.

На второй секции были представлены выступления по религиозно-философской, а затем политической тематике. *Е.В. Приходько* (Москва) в докладе «Древние греки о неисчисляемых предметах: от бессмысленного занятия до знания Аполлона» рассмотрела представления эллинов о волнах, звездах, песчинках и т.д. Если не затрагивать рассуждений философов, а говорить именно о бытовом и культурно-религиозном восприятии, то можно убедиться в том, что эта «неисчислимость» привлекалась греками для выражения совершенно несопоставимых понятий. Во-первых, через выражения типа «считать волны» давалась характеристика делу либо невыполнимому, либо попросту бессмысленному. Во-вторых, о бесчетных звездах или волнах вспоминали тогда, когда возникала необходимость особо подчеркнуть невероятно огромное количество описываемых предметов. В-третьих, благодаря возведенному в Дельфах откровению Аполлона, знание песчинок и размеров моря легло в основу формулы божественного всеведения: «Ведаю я песчинок число и моря глубины» (Hdt. I. 47). *М.С. Назарова* (Санкт-Петербург) в докладе «Сколько нужно богов? Иконография богов в сценах инвеституры в парфянской нумизматике» подчеркнула, что нумизматическое наследие Парфянского царства, как и его изобразительное искусство, крайне неоднородно и многообразно. На протяжении его существования варьировались сюжеты реверсов монет, иконография царя на аверсах, качество проработки самих рельефов, выпущенных монетными дворами Нисы, Гекатомпила, Экбатан, Арсакии (Рея), Селевкии-на-Тигре. На ранних аршакидских чеканах представлены лучники в «восточных» одеждах, которых можно интерпретировать и как изображения верховного божества парнов, и как фигуру обожествленного Аршака I. После завоевания Месопотамии при Митридатe I эллинистические влияния проявились в монетном деле Парфянского царства особенно ярко: так, на реверсах парфянских монет появились Геракл и Тюхе. Однако за этими образами, пришедшими из греческого искусства, стояли божества, популярные в восточном мире — Ваагн и Анахита. В докладе были рассмотрены эволюция и многообразие образов богов в сценах инвеституры на аршакидских монетах. *И.А. Копылов* (Мехико) в докладе «Гонения на христиан в III в. и число 666. К вопросу об интерпретации апокалиптического числового пассажа у одного новоиспанского эрудита XVI в.» проанализировал «Трактат об Апокалипсисе» блаженного

Грегорио Лопеса. Это сочинение представляет интерес прежде всего благодаря исключительной эрудиции автора, который, пытаясь проследить на основе последней книги Нового Завета историю Римской империи от Траяна до Константина, использовал огромный массив доступных ему источников (от Тацита и Светония до Диона Кассия и “*Scriptores Historiae Augustae*”). В истолковании Откровения Иоанна Богослова он фактически заложил претеристский подход, согласно которому большинство описываемых в Апокалипсисе пророчеств уже осуществились. Интерпретируя характерную для этого источника числовую мистику, Лопес не прибегает к аллегориям, но старается для каждого числа найти конкретный исторический контекст. Так произошло и со знаменитым «числом зверя» 666, которое, по мысли комментатора, указывает на время правления императора Валериана и его сына Галлиена. Будучи «числом человеческим», 666 указывает в первую очередь на человеческое несовершенство и обличает самонадеянность императоров-язычников, бросивших вызов Богу. Подобные выводы оказываются весьма характерными для средневековой и ренессансной морализаторской литературы.

Вопросы «политической нумерологии» в ходе работы третьей секции рассматривались как на греческом, так и на римском материале. *И.Е. Суриков* (Москва) представил доклад «Афинские олигархии и “магия чисел”». В истории Афин V–IV вв. до н. э. имели место 4 олигархических режима: Четырехсот и Пяти тысяч (411–410 гг. до н. э.), Тридцати и Десяти (404–403 гг.), Фокиона – Демада (322–318 гг.) и Деметрия Фалерского (317–307 гг.). В практике всех этих режимов мы сталкиваемся с числами. Сначала олигархами создавался гражданский коллектив, ограниченный фиксированным численным лимитом (5000 граждан в 411 г. до н. э., 3000 в 404 г.). Затем принцип стал иным, исходящим из идеи имущественного ценза, тоже выраженного конкретным числом (2000 драхм в 322 г., 1000 драхм в 317 г.). Скорее всего, смена парадигм была связана с теоретическими выкладками в «*Политике*» Аристотеля, где формулируется оригинальная и даже парадоксальная идея об олигархии не как «власти немногих», а именно как «власти богатых»; понятие же богатства как раз и связывается с имущественным цензом. Хорошо известно, что олигархические режимы конца IV в. до н. э. находились под прямым идеологическим влиянием перипатетической школы. В докладе *А.М. Сморчкова* (Москва) «Два или один? Истоки и специфика двусоставных магистратур Римской республики» были рассмотрены три варианта коллегиальности в магистратурах, состоявших из двух членов: 1) полномочия консулов разделялись во избежание взаимного воспрепятствования деятельности при сохранении формальной, а порой и реальной, коллегиальности, которая выражалась в теоретически возможном взаимном праве вето; 2) у дуумвиров *aedī locandae et dedicandae* возможно констатировать фактически полное отсутствие коллегиальности, которая тем самым превращается в номинальный принцип; 3) реальная коллегиальность цензоров требовала консенсуса в одних актах и сотрудничества в других. Отмечено, что склонность к парному делению единой субстанции бытия прочно присутствовала в римском мировосприятии, что могло оказать влияние и на политические институты. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «Экспрессия чисел в “Деяниях Божественного Августа”» рассмотрел характер и значение использованных в тексте *RGDI* разнообразных числовых

данных. Докладчик пришел к выводу, что они несут важную, во многих случаях уникальную и вполне достоверную информацию, показывающую грандиозность свершений принцепса. Очевидна сознательная установка автора на исключительно обильное использование числительных, которые и в датировочных формулах, и в собственно статистических сведениях придают нарративу деловой, конкретный характер, позволяя избежать чрезмерного и голословного пафоса, но в то же время с неотразимой очевидностью показывают безоговорочное превосходство Августа в качестве военного и государственного лидера и благотворителя в сравнении как с современниками, так и предшественниками, превращая автобиографический отчет в политическое завещание, обращенное к «Городу и миру» и устанавливающее ключевые идеологические параметры идеального правителя.

Завершила работу конференции «династическо-хронологическая» секция. *А.А. Немировский* (Москва) в докладе «Азиатская империя Гераклидов-Алкидов (Белидов) и ее раздел у Геродота: мифология, генеалогия и хронология» обратился к рассмотрению Геродотовой хронологии двух линий «Гераклидов» (лидийской и ассирийской) на Востоке в сопоставлении с его хронологией греческой истории и эллинскими легендарными генеалогиями. Докладчик показал, что изложение Геродотом событий после падения Илиона (политическая и династическая история Лидии, Ассирии и других стран Азии вплоть до установления персидского господства) исключительно хорошо совпадает с «реальной» исторической картиной, воссоздаваемой нами сегодня за счет комбинирования сведений восточных и античных источников. Это позволяет предполагать, что за соответствующими информантами Геродота надо признать прямое или косвенное владение материалом месопотамских, в том числе ассирийских, царских списков, а то и хроник. Ознакомление с ними могло стать возможным при посещении галикарнасцем Вавилонии. В докладе *И.А. Ладынина* (Москва) «К вопросу о датировке вторжения Артаксеркса III в Египет» была рассмотрена коррекция датировки указанного события: Л. Депюйдт в 2010 г. отнес это вторжение не к 343–342, а к 341 г. до н.э. Показано, что данная гипотеза основана на неоправданно расширенном толковании данных одних античных источников (свидетельств «Панафинейской речи» Исократы) и игнорировании данных других (письмо Спевсиппа Филиппу II), ввиду чего прежняя датировка, обоснованная Э. Бикерманом, остается в силе. *О.Л. Габелко* (Москва) в докладе «Царские эры и счет лет на эллинистическом Востоке: селевкидская парадигма и ее реминисценции» рассмотрел широкий комплекс вопросов, касающихся становления, функционирования, общих и особенных черт династических систем летоисчисления в эллинистическом мире и роль в этих процессах селевкидской царской эры как наиболее распространенной и лучше всего документированной. На примере вифинской, понтийской, боспорской, парфянской, «эры Сотера» во внешних владениях Лагидов и (во многом гипотетически реконструируемых) эр эллинистического «дальнего Востока» были проанализированы проблемы взаимодействия различных хронологических схем между собой, с полисными и иными системами летоисчисления и целый ряд других актуальных, но недостаточно изученных вопросов. *И.А. Миролубов* (Москва) в докладе «Юбилей правления императора Константина Великого» подчеркнул, что Константин обладал императорским титулом

на протяжении тридцати одного года (306–337 гг.), а свое правление в письме к поэту Публилию Оптатиану Порфирию он называл *saeculum meum* («мой век»). Император пышно отмечал юбилейные годы – вначале пятилетие пребывания у власти (в 310/311 г.), а затем каждый десятилетний юбилей (315/316, 325/326, 335/336 гг.). Эти значимые даты, которые подчеркивали стабильность власти императора, он обычно синхронизировал с крупными мероприятиями внутри- и внешнеполитического характера (визиты в Рим в 315 и 326 гг., Первый Вселенский собор в 325 г., поход за Дунай в 336 г. и т. д.). Кроме того, каждая такая дата была поводом подвести промежуточные итоги его правления. Такой подход создавал определенную схему для античных историографов, формировавших нарративную традицию о Константине. Она же, в свою очередь, оказала влияние на осмысление и внутреннюю хронологию эпохи императора уже в историографии Нового и Новейшего времени.

Все доклады вызвали оживленную дискуссию. В прениях была отмечена безусловная перспективность исследований по данной проблематике и возможность ее расширения с охватом новых сюжетов.

Oleg L. Gabelko,

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

E-mail: gabelko@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8321-9195

О.Л. Габелко,

д.и.н., профессор
Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
84/4 (2024), 1099–1119
© The Author(s) 2024

Вестник древней истории
84/4 (2024), 1099–1119
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.31857/S0321039124040178

LAUS PISONIS «ПОХВАЛА ПИЗОНУ»

*(Вступительная статья, перевод с латинского и комментарий
М.С. Голиковой, Е.А. Вишневской, И.А. Шелудешева и Р.Р. Хабибуллиной)*

«Laus Pisonis» – это анонимный панегирик в 261 стихе, написанный дактильным гекзаметром. В ряду блистательных произведений серебряного века римской литературы этот «чрезвычайно редкий текст замечательного литературного качества» часто был обделен научным вниманием и переводами¹. Причин тому несколько: запутанная история происхождения текста и неустановленное авторство способствовали тому, что это произведение не нашло прочного места в авторских изданиях древнеримских классиков. В то же время текст, содержание которого иногда оценивают как «грубый образчик лести», никогда не считался столь же значимым, как другие высокие образцы римской литературы, но характеризовался как «достаточно хороший» или «неплохой»². Однако его несомненная древность и заключенная в нем богатая информация делают «Laus Pisonis» ценным свидетельством древнеримской культуры и истории, а его перевод и введение в русскоязычное научно-исследовательское поле – актуальной задачей. Панегирик представляет собой интереснейший материал о повседневной жизни аристократа I в. н. э.: о его занятиях, судебной адвокатской деятельности, социальном окружении, общении, досуге, о нравах и обычаях, восприятии времени древними римлянами, – и даже содержит редкое описание древнеримской шахечной игры ludus latrunculorum и игры в мяч – ludus pilae.

Исследование выполнено в рамках семинаров по переводу латинского клуба при кафедре классической филологии МГЛУ.

¹Vitale-Brovarone 2020, 77.

²Bell 1985, 871; Weber 1859, 1.

Панегирик Пизону был впервые опубликован немецким гуманистом Иоганном Сихардом в его издании Овидия в 1527 году в Базеле³. Издатель использовал в качестве основы рукопись из монастыря в Лорше («Codex Laureacensis»), которая в дальнейшем была утеряна⁴. Ни одна другая полная рукопись не сохранилась⁵. Единственные существующие сегодня манускрипты, которые цитируют поэму в сокращенном виде, — это флорилегии (средневековые сборники цитат, антологии)⁶. И. Сихард отметил, что в рукописи Лорша поэма приписывается Вергилию, но сам опубликовал ее в издании Овидия, а некоторые флорилегии приписывают ее Лукану. Также в ряду авторов впоследствии предлагались Стаций, Салий Басс и Кальпурний Сицилийский.

С XVI века текст начал издаваться, но первоисточником в некоторых изданиях было выбрано не editio princeps И. Сихарда («Codex Laureacensis»), а другие манускрипты и кодексы, которые либо являются более поздними компиляциями и не представляют особой ценности, либо об их судьбе после использования в качестве источников ничего не известно.

С этим связаны расхождения и разные варианты прочтения в опубликованных латинских вариантах текста. Ниже перечислим основные издания «Laus Pisonis», важные для истории исследования текста⁷.

В XVI веке печатается только латинский текст «Laus Pisonis» и исключительно в составе собраний других авторов. Два лионских издания «Amatoria» Овидия, выпущенные печатником Себастьяном Грифом в 1534 и 1550 годах⁸, заимствуют текст из издания И. Сихарда, но представляют несколько различных его прочтений, являющихся результатом редакторской деятельности самого издателя. Точность некоторых из этих исправлений впоследствии будет подтверждена в рукописи, использованной несколькими годами позже Адрианом Юнием и относящейся к другой ветви традиции. А. Юний издал текст в 1556 году в составе

³ Sichard 1527, 546–549.

⁴ Подробнее об исчезновении рукописи в наполеоновский период см. Verdière 1954, 66; Di Brazzano 2004, 11–12.

⁵ «Codex Atrebatensis» — использован для издания Адрианом Юнием (Junius 1556), дальнейшая история манускрипта неизвестна. «Codex Magucellianus» — рукопись VI в., которую упоминает Бэрнс (Baehrens 1879) и которая была им исследована и признана малоценной, поскольку поэма была взята им из изданий Сихарда и Юния. «Codex Varsauiensis» — бумажная рукопись, датируемая, скорее всего, началом XVIII в., которая была утрачена во время Второй мировой войны. Была исследована Мартини-Лагуной (1755–1824), чьи примечания были добавлены к изданию Вернсдорфа (Wernsdorf 1785). По мнению издателей, рукопись была малоценной: она в значительной степени следовала тексту Сихарда, хотя и имела стихотворное расположение, как в «Codex Atrebatensis». В тех случаях, когда ее чтения отличаются от традиционных, они по большей части испорчены. «Codex Barthianus» — известен только по упоминанию исследователя Барта в комментарии к строке 183. Подробнее об известных манускриптах, содержащих «Laus Pisonis», см. Di Brazzano 2004, 11–12.

⁶ «Florilegium Gallicum» — флорилегия, собранная в центральной Франции около середины XII в. Ее составитель, включив поэму в собрание, оставил только 196 строк из 261. Подробнее о существующих версиях текста «Laus Pisonis» во флорилегиях см. Martin 1917, 3–15; Ullman 1929; Reeve 1984, 44; Di Brazzano 2004, 11–22.

⁷ Подробно об истории изданий «Laus Pisonis» см., Di Brazzano 2004, 22–45.

⁸ Gryphius 1534.

шестой книги своего труда «Animadversa» как поэму Лукана⁹. Он указал в качестве своего источника «Codex Atrebatensis», о последующей судьбе которого тоже ничего не известно.

В 1573 году «Laus Pisonis» был издан в составе «Appendix Virgiliana» с примечаниями Иосифа Юстуса Скалигера (переиздавалась с примечаниями Фредерика Линденброга в 1575, третье издание в 1595 г.)¹⁰. Как приложение к изданиям Овидия и Лукана текст издал Грегор Берсман в 1582 и 1589 годах¹¹.

В XVIII веке появились первые издания с критическим аппаратом. В 1726 году в переводе «Bellum civile» Лукана под редакцией Готтлиба Кортте¹² были отмечены основные на тот момент издания «Laus Pisonis» и предположения филологов конца XVI века.

Издание 1785 года «Poetae Latini minores» под редакцией Иоганна Кристиана Вернсдорфа¹³ — это первое издание с введением, затрагивающим все основные моменты: фигура адресата «Похвалы», вновь идентифицированного как заговорщик Пизон; автор — Салий Басс, упоминаемый Тацитом в «Dialogus de oratoribus». Кроме того, впервые приводятся наблюдения Каспара фон Барта и других ученых XVII и XVIII веков с точными ссылками и по имени автора. В издание включены четыре трактата, посвященные конкретным вопросам: цитате из Цицерона (стк. 35–36); велеречивому Неаполю (стк. 91–92); игре в мяч (стк. 185–187) и латрункулам (стк. 192–208).

В 1793 году «Laus Pisonis» вошла в сборник «Sylloge opusculorum veterum poeticonum Latinorum» под редакцией Генриха Готфрида Райхарда¹⁴.

Первым изданием в XIX веке и первым, в котором «Laus Pisonis» издавалась отдельно без каких-либо сопровождающих текстов, стало издание 1831 года под редакцией Юлиуса Хельда «Incerti auctoris ad Calpurnium Pisonem carmen»¹⁵.

Издание Карла Бека «P. Papinii Statii ad Calpurnium Pisonem poemation»¹⁶ 1835 года открывается предисловием, в котором делается попытка доказать авторство Стация, а адресат отождествляется с неясным Кальпурнионом (который при всей правдоподобности является вымышленным персонажем).

Издание под редакцией Карла Фридриха Вебера «Incerti auctoris carmen panegyricum in Calpurnium Pisonem cum prolegomenis et adnotatione critica» вышло в 1859 году¹⁷ и было дополнено приложением «Adnotationes ad carmen panegyricum Pisoni» в 1861 году. На протяжении почти столетия было, а в некоторых отношениях и остается, каноническим изданием «Laus Pisonis» под редакцией Эмиля

⁹ Junius 1556, 249–260.

¹⁰ Scaliger 1573.

¹¹ Bersman 1582, 410–419; 1589.

¹² Kortte 1726, 343–353.

¹³ Wernsdorf 1785, 36–48; 72–77; 236–282; 389–419; 859–869.

¹⁴ Reyhard 1793, 44–64.

¹⁵ Held 1831.

¹⁶ Beck 1835.

¹⁷ Weber 1859.

Беренса, вошедшее в первый том «Poetae Latini minores» в 1879 году в серии «Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana»¹⁸.

В начале XX века основным латинским изданием «Laus Pisonis» стал труд американской исследовательницы Глэдис Мартин, в основе которого лежит диссертация, защищенная автором в 1917 году в Корнельском университете¹⁹. В этой работе дается обстоятельный комментарий к тексту и исчерпывающее введение, посвященное истории текста, адресату и автору, в котором Г. Мартин, возвращаясь к старой традиции, видит Лукана.

После публикации латинского текста и критики текста, представленной в латинских изданиях, появляются исследования, группирующиеся по основным направлениям, в которых авторы видят ключ к загадке «Laus Pisonis». Это проблема авторства и поиск адресата «Похвалы» (Б.Л. Уллман²⁰, М.Д. Рив²¹, Э. Чэмплин²²); исследования исторического контекста ее создания (С.Дж. Грин²³, Г. Мадер²⁴, М. Левенталь²⁵); сравнительные исследования текстов и поиски заимствований с целью датировки текста (А.А. Белл²⁶). В XX и XXI веках появляются первые переводы «Похвалы» на современные языки — английский²⁷, французский²⁸, немецкий²⁹, итальянский³⁰.

КОМУ АДРЕСОВАНА «LAUS PISONIS»?

Если по поводу авторства «Похвалы» до сих пор ведутся научные споры, то относительно адресата большинство исследователей сходятся во мнении, что это с большой вероятностью был Гай Кальпурний Пизон. В панегирике отражена яркая социальная жизнь человека из известного древнеримского рода. При Клавдии Пизон стал консулом, но не проявлял настоящих амбиций³¹. Он был одной из самых популярных фигур в Риме благодаря своим прекрасным манерам и ораторскому дару. В 65 г. н. э. он стал номинальным главой заговора против Нерона, но оказался бесполезным руководителем и после разоблачения не помышлял ни о каких действиях, кроме самоубийства³². Не вызывает сомнений, что панегирик написан во времена его славы и расцвета политической карьеры. Это

¹⁸ Baehrens 1879, 221–236.

¹⁹ Martin 1917.

²⁰ Ullman 1929.

²¹ Reeve 1984.

²² Champlin 1989.

²³ Green 2010.

²⁴ Mader 2013.

²⁵ Leventhal 2021.

²⁶ Bell 1985.

²⁷ Martin 1917.

²⁸ Verdière 1954.

²⁹ Seel 1969.

³⁰ Di Brazzano 2004. Ди Браццано указывает как первый перевод на итальянский язык издание Этторе Болисани, опубликованное в 1965 г. в «Atti dell'istituto Veneto di Scienze, Lettere e arti», vol. 108. Это издание, по его мнению, имеет ряд существенных недостатков. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 38–39.

³¹ Bell 1985, 107.

³² Hornblower *et al.* 2012, 280.

позволяет сузить датировку самого текста до I в. н. э. и ограничить 65 г. н. э., когда Пизон был казнен. Однако в тексте нет четких указаний на события, произошедшие при Нероне, и некоторые события из жизни Пизона после 40 г. н.э., поэтому пока атрибуция адресата текста как Гая Кальпурния Пизона является только гипотезой и оставляет простор для дальнейших исследований.

СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ «LAUS PISONIS»

Автор стремится одновременно повысить политический имидж Пизона, наделив его впечатляющими добродетелями, и заручиться покровительством великого человека. «Технически грамотный, концептуально причудливый», — такое определение не без оснований дал этому тексту исследователь Э. Чэмплин³³. Панегирик строится вокруг тем, которые, как правило, не на первом месте в идеальном наборе похвал³⁴. «Laus Pisonis» содержательно можно разделить на следующие части:

1–2: Введение и цель.

3–24: Восхваление предков Пизона.

25–80: Красноречие Пизона в суде и (72–80) извинение за то, что не приводит конкретные примеры этого красноречия.

81–96: Восхваление гостеприимного дома Пизона. Риторические занятия Пизона: декламация и литература.

97–108: Аспекты поведения и характера Пизона.

109–137: Похвальные отношения Пизона с коллегами и клиентами (по сравнению с нормами того времени).

137–208: Легкие занятия Пизона (140–163: оправдание более легких занятий; 164–165: занятия поэзией, стихосложением; 166–168: игра на лире; 169–177: оправдание игры на лире; 178–184: соревнования по оружию; 185–189: ludus pilae; 190–208: ludus latrunculorum).

209–261: Вывод: извинения автора за то, что он не написал работу, достойную Пизона, и обещание написать произведения лучше, если в дальнейшем его поддержит меценат.

Характерные особенности текста — разнообразие обращений и приемов их использования: зывания к адресату, обращения-сравнения, игра с местоимениями *я* и *мы*. Анонимный автор работает в древнеримской традиции панегириков золотого века римской литературы, подражает Горацию, Овидию, Проперцию, использует лукановские обороты³⁵.

Самый значительный вклад в исследование стилистики текста «Похвалы» внес немецкий исследователь Арно Зеель, защитивший в 1969 году диссертацию «Laus Pisonis: текст, перевод, комментарий»³⁶. В панегирике, он видит юношеское произведение Лукана, который, если еще не созрел с точки зрения композиционной

³³ Champlin 1989, 101.

³⁴ О традиции анонимных произведений в Древнем Риме и необычном характере «Laus Pisonis» в их ряду см. Geue 2019, 199–200.

³⁵ Подробнее о метрических и стилистических особенностях текста «Laus Pisonis» см. Verdière 1971; Bell 1985, 872; Di Brazzano 2004, 87–116.

³⁶ Seel 1969.

техники и выразительных форм, тем не менее по своему политическому чувству уже почти идентичен Лукану из «Bellum civile». В своем исследовании он заметил, что жанр панегирика требует высокого стиля (*genus grande*), а темы, которые чаще всего затрагивает панегирист, ближе всего к простому стилю, *genus subtile*. Для исправления этого положения поэт должен был приложить все усилия, чтобы придать своему произведению типичный облик. А. Зеель выделил три направления, которые помогают анонимному автору достичь *genus grande*: 1) возвышение Пизона до уровня эпического героя (сравнения Пизона с Одиссеем, Менелаем, Нестором, Ахиллесом и с его собственными предками, великими полководцами); 2) использование стиха, свойственного эпической поэзии, гекзаметра; 3) подражание эпическим образцам, прежде всего Гомеру и Вергилию. Для достижения этой цели автор использовал формулы, такие как *io superi* и *felix illa dies*.

В нашем переводе мы следуем за европейской традицией (большинство переводов «*Laus Pisonis*» выполнены прозой и не передают гекзаметр) и даем прозаический эквивалентный перевод, максимально приближенный к оригиналу. Текст снабжен указанием номера строки в оригинале для удобства цитирования и ориентирования в латинском тексте. В ссылках даны комментарии и анализ сложных для интерпретации мест, аллюзий и метафор.

Перевод с латинского выполнен по тексту издания: Stefano Di Brazzano, *Laus Pisonis, Introduzione, edizione critica, traduzione e commento*. Pisa, 2004³⁷, в котором были учтены все разночтения латинского текста, проанализированы предшествующие латинские издания «Похвалы», дан обширный критический аппарат и подробные комментарии. Перевод публикуется на русском языке впервые.

ПОХВАЛА ПИЗОНУ³⁸

Латинский оригинал по изданию Stefano Di Brazzano 2004:

Vnde prius coepti surgat mihi carminis ordo
quosue canam titulos, dubius feror. Hinc tua, Piso,
nobilitas ueterisque citant sublimia Calpi
nomina, Romanas inter fulgentia gentes;

5 hinc tua me uirtus rapit et miranda per omnes
uita modos, quae, si dasset tibi forte creato
nobilitas, eadem pro nobilitate fuisset.
Nam quid imaginibus, quid auitis fulta triumphis
atria, quid pleni numero consule fasti

10 profuerint, si uita labat? Perit omnis in illo
gentis honos, cuius laus est in origine sola.
At tu, qui tantis animum natalibus aequas
et partem tituli, non summam, ponis in illis,
ipse canendus eris: nam quid memorare necesse est

³⁷ Di Brazzano 2004, 122–144.

³⁸ Хотя общеизвестным названием текста является «*Laus Pisonis*», судя по рубрикам флорилегий, первоначальное название текста было «*De laude Pisonis*», то есть «О похвале Пизону». Подробнее о научной дискуссии вокруг названия см. Di Brazzano 2004, 147.

- 15 ut domus a Calpo nomen Calpurnia ducat
claraque Pisonis tulerit cognomina prima
humida callosa cum pinseret hordea dextra?
Nec, si cuncta uelim breuiter decurrere, possim;
et prius aetheriae moles circumuaga flammae
- 20 annua bis senis reuocabit mensibus astra
quam mihi priscorum titulos operosaque bella
contigerit memorare. Manus sed bellica patrum
armorumque labor ueteres decuere Quirites,
atque illos cecinere sui per carmina uates.
- 25 Nos quoque pacata Pisonem laude nitentem
exaequamus auis. Nec enim, si bella quierunt
occidit et uirtus: licet exercere togatae
munera militiae, licet et sine sanguinis haustu
mitia legitimo sub iudice bella mouere.
- 30 Hinc quoque seruati contingit gloria ciuis
altaque uictrices intexunt limina palmae.
Quin age, maiorum, iuuenis facunde, tuorum
scande super titulos, et auitae laudis honores
armorumque decus praecedere forensibus actis.
- 35 Sic etiam magno iam tunc Cicerone iubente
laurea facundis, cesserunt arma togatis.
Sed quae Pisonum claros uisura triumphos
olim turba uias impleuerat agmine denso,
ardua nunc eadem stipat fora, cum tua maestos
- 40 defensura reos uocem facundia mittit.
Seu trepidos ad iura decem citat hasta uirorum
et firmare iubet centeno iudice causas,
seu capitale nefas operosa diluis arte,
laudibus ipsa tuis resonant fora. Dum rapis omnem
- 45 iudicis affectum possessaque pectora tentas,
uictus sponte sua sequitur quocumque uocasti:
flet si flere iubes, gaudet gaudere coactus
et te dante capit iudex, si non habet, iram.
Sic auriga solet feruentia Thessalus ora
- 50 mobilibus frenis in aperto flectere campo,
qui modo non solum rapido permittit habenas
quadrupedi, sed calce citat, modo succutit arte
flexibiles rictus et nunc, ceruice rotata,
incipit effusus in gyrum carpere cursus.
- 55 Quis non attonitus iudex tua respicit ora?
Quis regit ipse suam, nisi per tua pondera, mentem?
Nam tu, siue libet pariter cum grandine nimbos
densaque uibrata iaculari fulmina lingua,
seu iuuat astrictas in nodum cogere uoces

- 60 et dare subtili uiuacia uerba catenae,
uim Laertiadae, breuitatem uincis Atridae;
dulcia seu mauis liquidoque fluentia cursu
uerba, nec incluso, sed aperto pingere flore,
inclita Nestorei cedit tibi gratia mellis.
- 65 Nec te, Piso, tamen, populo sub iudice, sola
mirantur fora; sed numerosa laude senatus
excipit et meritas reddit tibi curia uoces.
Quis digne referat, qualis tibi luce sub illa,
gloria contigerit, qua tu, recinente senatu,
- 70 cum tua bis senos numeraret purpura fasces,
Caesareum grato cecinisti pectore numen?
Quodsi iam ualidae mihi robur mentis inesset
et solidus primos impleret spiritus annos,
auderem uoces per carmina nostra referre,
- 75 Piso, tuas; sed fessa labat mihi pondere ceruix
et tremefacta cadunt succiso poplite membra.
Sic nec olorinos audet Pandionis ales
parua referre sonos nec, si uelit, improba, possit;
sic et aëdonia superantur uoce cicadae
- 80 stridula cum rapido faciunt conuicia soli.
Quare age, Calliope, posita grauitate forensi,
limina Pisonis mecum pete: plura supersunt
quae laudare uelis inuenta penatibus ipsis.
Huc etiam tota concurrit ab Vrbe iuuentus
- 85 auditura uirum, si quando, iudice fesso,
turbida prolatis tacuerunt iurgia rebus.
Tunc etenim leuibus ueluti proludit in armis
compositisque suas exercet litibus artes.
Quin etiam facilis Romano profluit ore
- 90 Graecia, Cecropiaeque sonat grauis aemulus urbi.
Testis, Acidalia quae condidit alite muros
Euhoicam referens, facunda Neapolis, arcem.
Qualis, io superi, qualis nitor oris amoenis
uocibus: hinc solido fulgore micantia uerba
- 95 impleuere locos, hinc exornata figuris
aduolat excusso uelox sententia torno.
Magna quidem uirtus erat, et si sola fuisset,
eloquio sanctum modo perfulcire senatum,
exonerare pios modo, nunc onerare nocentes;
- 100 sed super ista mouet plenus grauitate serena
uultus, et insigni praestringit imagine uisus.
Talis inest habitus, qualem nec dicere maestum
nec fluidum, laeta sed tetricitate decorum
possumus: ingenitae stat nobilitatis in illo

- 105 pulcher honos et digna suis natalibus ora.
Additur huc et iusta fides et plena pudoris
libertas animusque mala ferrugine purus,
ipsaque possesso mens est opulentior auro.
Quis tua cultorum, iuuenis facunde, tuorum
- 110 limina pauper adit, quem non animosa beatum
excipit et subito iuuat indulgentia censu?
Quodque magis dono fuerit pretiosius omni,
diligis ex aequo, nec te fortuna colentum
natalesue mouent: probitas spectatur in illis.
- 115 Nulla superborum patiuntur dicta iocorum,
nullius subitos affert iniuria risus:
unus amicitiae summos tenor ambit et imos.
Rara domus tenuem non aspernatur amicum
raraque non humilem calcat fastosa clientem;
- 120 illi casta licet, licet et sine crimine constet
uita, tamen probitas cum paupertate iacebit:
sed lateri nullus comitem circumdare quaerit
quem dat purus amor, sed quem tulit impia merces;
nec quisquam uero pretium largitur amico,
- 125 quem regat ex aequo uicibusque regatur ab illo,
sed miserum parua stipe fociat, ut pudibundos
exercere sales inter conuiuia possit.
Ista procul labes, procul haec fortuna refugit,
Piso, tuam, uenerande, domum: tu mitis et acri
- 130 asperitate carens positoque per omnia fastu
inter ut aequales unus numeraris amicos,
obsequiumque doces et amorem quaeris amando.
Cuncta domus uaria cultorum personat arte,
cuncta mouet studium: nec enim tibi dura clientum
- 135 turba rudisue placet, misero quae freta labore
nil nisi summoto nouit praecedere uulgo,
sed uirtus numerosa iuuat. Tu pronus in omne
pectora ducis opus, seu te grauiora uocarunt
seu leuiora iuuant. Nec enim facundia semper
- 140 adducta cum fronte placet, non semper in armis
bellica turba manet, nec tota classicus horror
nocte dieque gemit, non semper Gnosius arcu
destinat, exempto sed laxat cornua neruo,
et galea miles caput et latus ense resoluit.
- 145 Ipsa uices natura subit uariataque cursus
ordinat, inuersis et frondibus explicat annum.
Non semper fluidis adopertus nubibus aether
aurea terrificis obcaecat sidera nimbis:
cessat hiems, madidos et siccat uere capillos;

-
-
- 150 uer fugit aestates; aestatum terga lacessit
pomifer autumnus, nimbis cessurus et undis.
Ignea quin etiam superum pater arma recondit
et Ganymedeae repetens conuiuia mensae
pocula sumit ea, qua gessit fulmina, dextra.
- 155 Temporibus seruire decet: qui tempora certis
ponderibus pensauit, eum si bella uocabunt
miles erit, si pax, positis toga uestiet armis:
hunc fora pacatum, bellantem castra decebunt.
Felix illa dies totumque canenda per aeuum,
- 160 quae tibi, uitales cum primum traderet auras,
contulit innumeras intra tua pectora dotes.
Mira subest grauitas inter fora, mirus ommissa
paulisper grauitate lepos: si carmina forte
nectere ludenti iuuit fluitantia uersu,
- 165 Aonium facilis deducit pagina carmen;
siue chelyn digitis et eburno uerbere pulsas,
dulcis Apollinea sequitur testudine cantus
et te credibile est Phoebos didicisse magistro.
Nec pudeat pepulisse lyram, cum pace serena
- 170 publica securis exultent otia terris,
nec pudeat: Phoebea chelys sic creditur illis
pulsari manibus quibus et contenditur arcus:
sic mouisse fides saeuus narratur Achilles,
quamuis mille rates Priameius ureret heros
- 175 et grauis obstreperet modulatis bucina neruis:
illo dulce melos Nereius extudit heros
pollice, terribilis quo Pelias ibat in hostem.
Arma tuis etiam si forte rotare lacertis
inque gradum clausis libuit consistere membris
- 180 et uitare simul, simul et captare petentem,
mobilitate pedum celeres super orbibus orbes
plectis et obliquis fugientem cursibus urges:
nunc quoque uiuaci scrutaris pectora dextra,
nunc latus aduersum necopino percutis ictu.
- 185 Nec tibi mobilitas minor est, si forte uolantem
aut geminare pilam iuuat aut reuocare cadentem
et non sperato fugientem reddere gestu.
Haeret in haec populus spectacula, totaque ludos
turba repente suos iam sudabunda relinquit.
- 190 Te si forte iuuat studiorum pondere fessum
non languere tamen lususque mouere per artem,
callidiore modo tabula uariatur aperta
calculus, et uitreo peraguntur milite bella,
ut niueus nigros, nunc et niger alliget albos.

- 195 Sed tibi quis non terga dedit? Quis, te duce, cessit
calculus? Aut quis non, periturus, perdidit hostem?
Mille modis acies tua dimicat: ille petentem
dum fugit, ipse rapit; longo uenit ille recessu
qui stetit in speculis; hic se committere rixae
- 200 audet et in praedam uenientem decipit hostem;
ancipites subit ille moras, similisque ligato
obligat ipse duos; hic ad maiora mouetur
ut citus effracta prorumpat in agmina mandra
clausaque deiecto populetur moenia uallo.
- 205 Interea sectis quamuis acerrima surgant
proelia militibus, plena tamen ips phalange
aut etiam pauco spoliata milite uincis,
et tibi captiua resonat manus utraque turba.
Sed prius emenso Titan uersetur Olympo
- 210 quam mea tot laudes decurrere carmina possint.
Felix et longa iuuenis dignissime uita
eximumque tuae gentis decus: accipe nostri
certus et hoc ueri complectere pignus amoris.
Quod si digna tua minus est mea pagina laude,
- 215 at uoluisse sat est: animum, non carmina iacto.
Tu modo laetus ades: forsan meliora canemus
et uires dabit ipse fauor, dabit ipsa feracem
spes animum: dignare tuos aperire penates,
hoc solum petimus. Nec enim me diuitis auri
- 220 imperiosa fames et habendi saeua libido
impulerint, sed laudis amor. Iuuat, optime, tecum
degere cumque tuis uirtutibus omne per aeuum
carminibus certare meis: sublimior ibo
si famae mihi pandis iter, si detrahis umbram.
- 225 Abdita quid prodest generosi uena metalli
si cultore caret? Quid inertis condita portu,
si ductoris eget, ratis efficit, omnia quamuis
armamenta gerat teretique fluentia malo
possit et excusso demittere uela rudenti?
- 230 Ipse per Ausonias Aeneia carmina gentes
qui sonat, ingenti qui nomine pulsat Olympum
Maeoniumque senem Romano prouocat ore,
forsitan illius nemoris latuisset in umbra
quod canit, et sterili tantum cantasset auena
- 235 ignotus populis, si Maecenate careret.
Qui tamen haud uni patefecit limina uati
nec sua Vergilio permisit numina soli:
Maecenas tragico quatientem pulpita gestu
euexit Varium, Maecenas alta tonantis

- 240 eruit, et populis ostendit nomina Graiis;
 carmina Romanis etiam resonantia chordis
 Ausoniamque chelyn gracilis patefecit Horati.
 O decus, in totum merito uenerabilis aeuum,
 Pierii tutela chori, quo praeside tuti
- 245 non umquam uates inopi timuere senectae!
 Quod si quis nostris precibus locus et mea uota
 si mentem subiere tuam, memorabilis olim
 tu mihi Maecenas tereti cantabere uersu.
 Possumus aeternae nomen committere famae,
- 250 si tamen hoc ulli de se promittere fas est
 et deus ultor abest; superest animosa uoluntas
 ipsaque nescio quid mens excellentius audet.
 Tu nanti protende manum, tu, Piso, latentem
 exsere. Nos humilis domus, et sincera parentum
- 255 sed tenuis fortuna sua caligine celat.
 Possumus impositis caput exonerare tenebris
 et lucem spectare nouam, si quid modo laetus
 annuis et nostris subscribis, candide, uotis.
 Est mihi, crede, meis animus constantior annis,
- 260 quamuis nunc iuuenile decus mihi pingere malas
 coeperit et nondum uicesima uenerit aestas.

(1) Обдумываю в сомнениях, откуда же [стоит] начать мне песнь, за которую взялся, или какие титулы мне прежде воспеть. (3) С одной стороны, Пизон, потрясают твоя знатность и величественные имена [потомков] древнего Кальпа³⁹, блистающие среди римских родов; с другой стороны, пленяет меня твоя доблесть и жизнь, достойная восхищения во всех ее проявлениях, которая, даже если бы случайно не хватило тебе благородства по рождению, сама заменила бы [тебе] знатное происхождение. (8) Ибо что могут дать залы, укрепленные образами и триумфами предков, что могут дать фасты, полные многочисленных консулов, если жизнь не тверда? (10) Гибнет вся честь рода в том, чья слава только в происхождении. (12) Но ты, чей дух равен столь прославленным предкам и чья слава лишь отчасти жидется на славе рода, ты и сам будешь воспет: ведь что за нужда помнить, что дом Кальпурниев ведет название от Кальпа и от него же взял первое славное родовое прозвище [когномен] Пизон⁴⁰, так как тот своей мозолистой правой рукой толоч⁴¹

³⁹ Кальп – предполагаемый сын Нумы Помпилия, второго римского царя. Кальпурнии, которые со времен первой Пунической войны образовывали одну из самых прославленных семей, называли себя его потомками.

⁴⁰ Когномен Пизон происходит от глагола *pinsere* – «толочь, растирать, молоть». До того как были изобретены устройства для дробления зерна, оно измельчалось в ступе. Плиний дает такое же объяснение происхождению когномена (Plin. *NH*. XVIII. 10).

⁴¹ Редкий глагол *pinsere*, по мнению Ди Браццано, сам поэт считал вышедшим из употребления и использовал лишь для попытки этимологического анализа в русле традиции ученых республиканской эпохи. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 160.

необработанные зерна ячменя⁴²? (18) Если бы я даже хотел изложить все кратко, не смог бы; скорее громада небесного пламени, движущаяся по кругу двенадцать⁴³ месяцев, вновь призовет ежегодные звезды⁴⁴, прежде чем мне удастся вспомнить титулы и тяжелые войны древних. (22) Но ратный труд отцов и подвиги в битвах украшали древних квиритов, и их в свое время воспели в песнях поэты.

(25) Мы также приравниваем⁴⁵ к предкам и блистающего своей мирной славой Пизона. (26) Ибо если войны утихли, не пропадает доблесть: и войску в то же можно исполнять свой долг, можно и без кровопролития вести мирные битвы перед законным судьей. (30) Отсюда и происходит слава о спасенном гражданине, и пальмы, свидетельствующие о победе, оплетают высокие двери⁴⁶. (32) Ну же, красноречивый юноша, поднимись выше титулов своих предков и почестей дедовской славы и возвысь над величием воинов судебными деяниями! (35) Так же было, когда по воле великого Цицерона [воинские] лавры⁴⁷ уступили

⁴²Что касается эпитета *humida* или в прочтении Мартин – *umida* – «влажные, сырые», его употребление здесь является спорным, поскольку данный эпитет едва ли может описывать состояние ячменя во время помолы. Плиний пишет, что на одной из стадий приготовления ячменной крупы греки замачивали ячмень в воде, но затем его высушивали и обжаривали перед помолом. Римляне же никогда не замачивали ячмень перед помолом (Plin. *NH*. XVIII. 72–74). Скалигер предлагает вместо *umida* читать *fumida* – «пропахшие дымом, прокопченные», но более подходящим кажется вариант *horrida* – «щетиновые, грубые, необработанные, неровные, бугристые» или *tumida* – «вздутые, созревшие». Подробнее см. Martin 1917, 50.

⁴³В тексте *bis senis... mensibus* – дословно два по шесть, дважды шесть месяцев. Перифраза *bis senis* использована, так как *duodecim* метрически не подходит. Такая замена распространена в латинской поэзии. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 165.

⁴⁴Здесь описано видимое годичное движение солнца по эклиптике, которая проходит по зодиакальным созвездиям (традиционно их 12). Еще в глубокой древности было установлено, что солнце перемещается по небу, переходя из одного созвездия в другое, совершая таким образом полный оборот в течение года. В данном отрывке имеется в виду годичное обращение земли вокруг солнца. Другими словами, года не хватит, чтобы вспомнить все заслуги древних.

⁴⁵Автор использует множественное число. В тексте 10 раз встречаются глаголы и местоимения в форме множественного числа, когда автор начинает говорить от первого лица (стк. 26, 74, 104, 212, 216, 219, 249, 254, 256, 258): «мы приравниваем», «мы не можем», «мы споем», «наши стремления» и т.д. Однозначно объяснить такое использование трудно. В ряде случаев это может означать «мы, люди этого века», в отличие от древних квиритов (например, в стк. 26, 74, 104). Некоторые авторы считают это лишь речевым оборотом или ошибкой печати. В переводе на английский (Duff *et al.* 1982) и на итальянский (Di Brazzano 2004) языки многие формы глагола переведены единственным числом. Другая традиция видит в некоторых случаях употребления множественного числа важное послание от автора, скрытый намек. По мнению Зееля, который считал автором «Похвалы» Лукана, множественное число, использованное в стк. 256 и 258, указывает на некоторое количество почитателей Пизона, которые обещают поддержать его в политической борьбе против императора. Подробнее см. Seel 1969, 184. В нашем переводе мы сохраняем формы множественного числа, следуя латинскому тексту.

⁴⁶В Древнем Риме существовала традиция украшать двери дома победившего адвоката ветвями пальм. Подробнее см. Martin 1917, 52.

⁴⁷*Laurea* – имеется в виду *corona laurea*. Этим венком украшали победоносного полководца и солдат, следовавших за его триумфальным шествием. Ранее *laurea* подразумевалась как атрибут арма. Существует этимология *laurea* от *laus*.

красноречивым, оружие – одетым в тоги⁴⁸. (37) Но та толпа, что прежде широким потоком заполняла улицы, стремясь увидеть славные триумфы Пизонов⁴⁹, теперь таким же образом наполняет высокие форумы, когда твое красноречие поднимает голос в защиту несчастных подсудимых. (41) Копье ли вызывает объятых страхом на суд децемвиров⁵⁰ и призывает доказать дела перед центумвирами, ты ли искусным ремеслом добиваешься оправдания [по обвинению] в тяжком преступлении, грозящем смертью или лишением прав, – сами форумы вторят твоим заслугам. (45) Когда ты овладеваешь всем вниманием судьи и поражаешь его плененное сердце, он, побежденный, добровольно следует за тобой, куда бы ты ни позвал: прикажешь плакать – плачет, прикажешь радоваться – радуется, а когда внушаешь гнев, он чувствует его, даже если не был им охвачен. (49) Так обычно фессалийский наездник⁵¹, ловко натягивая удила, управляет разгоряченными лошадьми в открытом поле. (51) Он не только быстро ослабляет поводья стремительного скакуна, но и подстегивает его пяткой; а то крепко [натягивая узду] вздымает податливые морды вверх – и вот мотающих за гривками [коней] направляет по кругу во весь опор. (55) Какой судья, пораженный, не внемлет твоим речам? (56) Кто управляет сам своим разумом, как если не под твоим

⁴⁸ Одно из сложных мест для толкований. В издании Wernsdorf 1785 этому отрывку посвящена отдельная исследовательская глава. Вероятно, автор отсылает к стиху из утраченной поэмы Цицерона «О своем консульстве»: *cedant arma togae, concedat laurea laudi*, «пусть оружие уступит место тоге, воинские лавры – гражданским заслугам». Как показал Вернсдорф, первоначальная форма фразы была «*cedant arma togae, concedat laurea linguae*». Анонимный поэт стучает цicerоновское выражение, используя глагол только один раз. Неясно, с какой целью анонимный автор использует это двусмысленное выражение. Во-первых, эта фраза после публикации «О своем консульстве» использовалась врагами Цицерона, чтобы принизить его роль: как будто его успех обусловлен лишь умением красноречиво говорить. Во-вторых, Вернсдорф отмечает: «меня удивляет, что Салий (по мнению Вернсдорфа, автор «Похвалы». – *Авт.*) хвалит строку и мысль Цицерона в стихотворении, адресованном Пизону, предком которого был Л. Кальпурний Пизон, враг Цицерона, который резко его критиковал и сам в свою очередь был упрекаем Цицероном» (Wernsdorf 1785, 391). Подробнее см. Martin 1917, 53; Di Brazzano 2004, 178–179. По мнению Зееля, этот отрывок и упоминание Цицерона отражает антиимперское настроение автора «Похвалы» и его оппозицию к правлению Нерона. Подробнее см. Seel 1969, 177. Ди Браццано же не разделяет данную гипотезу, ссылаясь на то, что сквозь все произведения проходит идея о счастье в мирное время в отличие от прошлого, характеризующегося чередой войн. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 177–178.

⁴⁹ Возможно, автор имеет в виду Гая Кальпурния Пизона, претора 186 г. до н. э., получившего в управление Дальнюю Испанию. Как свидетельствует Тит Ливий, Гай Кальпурний Пизон первым справил триумф над лузитанами и кельтиберами, причем в процессии было пронесено восемьдесят три золотых венка и двенадцать тысяч фунтов серебра (Liv. XXXIX. 42. 2–3).

⁵⁰ Децемвиры – коллегия из 10 человек, избираемая для выполнения специальных государственных поручений. Центумвиры – «100 мужей», коллегия судей по гражданским делам, чьим атрибутом было копье. Вероятно, в прошлом оно использовалось для обозначения места проведения собраний. Согласно Светонию (Suet. Aug. 36), со времен Августа децемвиры начали исполнять обязанности председателей суда и должны были созывать «суд ста».

⁵¹ Фессалия славилась своими лошадьми и наездниками. Подробнее о фессалийских наездниках см. Mader 2013, 627.

влиянием⁵²? (57) Ведь пожелаешь ли ты метать вместе с градом бури и непрерывные молнии острым языком, угодно ли тебе связать краткие речи в узел⁵³ и обернуть пыльные слова в изящную цепочку – ты превосходишь силой [слова] Лаертида⁵⁴, краткостью – Атрида,⁵⁵ а когда сладкие речи, струящиеся чистым потоком, ты предпочитаешь расцветить не скромным, но пышным украшением, тебе уступает и прославленное изящество медоточивого Нестора. (65) И не только форумы, полные народом-судьей⁵⁶, тобою, Пизон, восхищаются, но и щедрой хвалой встречает сенат, и курия заслужено вознаграждает тебя одобрительными возгласами. (68) Кто же достойно поведает, какая слава тебе досталась в тот день, когда ты в пурпурной тоге, насчитывающей двенадцать фасций⁵⁷, под аплодисменты сената благодарною душою воспел божественное величие Цезаря?

(72) Если бы имела у меня мощь зрелого ума и твердый дух наполнял юные годы, я дерзнул бы в наших стихах привести твои речи, Пизон, но клонится под тяжестью бремени моя усталая шея, подкосились колени и, содрогаясь, падает тело. (77) Так не смеет скромная птица Пандиона⁵⁸ издавать лебединые звуки, и даже если бы захотела дерзкая – не смогла бы; так и соловьиное пение превосходит цикад, стрекочущих под палящим солнцем.

(81) Что ж, Каллиопа⁵⁹, давай, отложив судебные тяжбы, устремись со мной к дверям Пизона: многое есть, что захочешь ты похвалить, многое найдется в самих пенатах⁶⁰. (84) Сюда также сбегается молодежь со всего Рима послушать [се-го] мужа всякий раз, когда бурные тяжбы смолкают, как только судья устает и судебные дела приостанавливаются. (87) Тогда же он, словно разминаясь с легким оружием, оттачивает свое мастерство, продумывая судебные прения. (89) И даже более того: с легкостью греческая речь льется из римских уст, и звучит достойный противник городу Кекропса⁶¹. (91) Свидетель этому – воздвигший свои стены под водительством акидалийской птицы⁶² велеречивый Неаполь, напоминающий эвбейскую крепость⁶³. (93) Сколько, о боги, сколько великолепия в изыс-

⁵² *Pondus verborum* – специальный ораторский термин, имеющий значение «серьезность, достоинство, торжественность в словах». Здесь поэт хочет сказать, что судья не в состоянии направить свой разум сам, но только через авторитетные слова Пизона.

⁵³ Согласно комментарию Ди Браццано, «связать слова в узел» – значит выковывать сухие предложения, отличающиеся особой лаконичностью. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 203.

⁵⁴ Т.е. Одиссея.

⁵⁵ Т.е. Менелая.

⁵⁶ Под «народом-судьей» подразумевается трибунная комиция (от лат. *coire* – «сходиться, собираться») – народное собрание граждан по территориальным округам – трибам, наделенное законодательной и судебной властью.

⁵⁷ Знаки отличия римских консулов – вышитая пурпуром тога, а также секиры и фасции.

⁵⁸ Здесь аллюзия на историю Филомены. Дочь Пандиона превратилась в соловья или, по некоторым версиям, в ласточку.

⁵⁹ Каллиопа (греч. Καλλιόπη, «красноречивая») – одна из девяти муз. Покровительница не только эпической поэзии, но и красноречия.

⁶⁰ Дом Пизона.

⁶¹ Город Кекропса (Кекропия) – древнее название Афин.

⁶² Акидалийская птица – голубь.

⁶³ Неаполь был основан колонистами из Эвбеи. Их флоту, по преданию, путь указывал голубь (акидалийская птица). Подробнее см. Martin 1917, 64.

канных словах [слетающих с его] уст: здесь то слова, сверкающие ярким блеском, наполняют избранные места, то слетает, словно выточенное резцом, легкое, украшенное риторическими фигурами изречение. (97) Великим был бы талант, даже если имел бы ты только его: лишь речью поддерживать священный сенат, то освобождать невинных, то обвинять преступников; но помимо всего этого впечатляет лицо, полное безмятежной серьезности, и облик поражает внушительным видом. (102) Такой ему присущ облик, который мы не можем назвать ни унылым, ни расслабленным, но пристойным, вследствие отрадной серьезности: в нем пребывает славная честь врожденного благородства и достойное его рода красноречие. (106) К этому добавляется верность справедливости, и свобода [в обращении], преисполненная скромности, и дух, чистый от ржавчины порока, и сам ум его, богаче принадлежащего ему золота.

(109) Красноречивый юноша, кто из твоих почитателей, придя к твоему порогу в бедности, остается непринятым и не одаренным нежданным подношением твоей бдительной щедрости? (112) И что драгоценнее любого дара, так это то, что ты считаешь его как равного и тебя не заботят ни успешность, ни происхождение почитателей: в них ты ищешь только порядочность. (115) Ни одна речь не терпит надменных шуток, ничье недовольство не приносит внезапных насмешек: единое дружеское устремление объединяет как высших, так и низших. (118) Редкий дом не отвергает бедного друга, и редкий надменный [дом] не угнетает мелкого клиента; и пусть жизнь его чиста и безупречна, но честность его будет прозябать вместе с бедностью. (122) Однако никто не ищет себе союзника, которого можно добыть, одарив его простой привязанностью, но того, кого приносит презренная прибыль; никто не одаривает деньгами истинного друга, чьим покровителем является и под покровительством которого находится в такой же мере, но обездоленного малым даянием оживляет, чтобы он мог на пиру упражняться в сдержанных островах⁶⁴. (128) Этот позор, эта участь сторонятся твоего дома, досточтимый Пизон: ты кроткий, лишенный беспощадной суровости и надменности, встречающейся повсюду, считаешься одним среди равных друзей, ты учишь послушанию и любовью стяжаешь любовь. (133) Весь дом оглашается разнообразными произведениями посетителей, он весь побуждает к деятельности, ибо не нравится тебе грубая и невежественная толпа клиентов, которые, полагаясь на свой жалкий труд, не знают ничего, кроме как шествовать вперед, когда расчищен от народа путь⁶⁵; но всевозможные достоинства тебе приятны. (137) Тебе присуще вкладывать душу во всякое дело, будь ты вовлечен в сложное или легкое, приносящее радость. (139) Ведь красноречие не всегда уместно [сочетать] с нахмуренным лбом:

⁶⁴ Трудность в интерпретации этого отрывка, по-видимому, связана с разночтениями в версиях текста. Предположительно здесь речь идет о том, что во времена автора среди патронов и клиентов были распространены отношения, которые основываются не на почтении или искреннем уважении, а исключительно на жажде материальных благ и выгоде. Подробнее об интерпретациях этого отрывка см. Di Brazzano 2004, 266.

⁶⁵ Здесь автор указывает на обязанности ликтора, заключающиеся в том, чтобы, разогнав толпу, очистить путь магистрату. В стк. 134–136 автор показывает, что Пизон не благоволил грубым, неотесанным клиентам, которые исполняли для него только черную службу ликторов и не имели больших амбиций.

и войско не всегда в бою; и трубы войны не издают день и ночь свой ужасающий вой⁶⁶; и житель Кносса не всегда прицеливается из лука, но, тетиву освободив, лук опускает; и воин снимает шлем с головы и с пояса убирает меч. (145) Сама природа склонна к переменам, своим непостоянством руководит ходом времени и сменой листьев направляет год. (147) Не всегда нависшие тучи, затянув небо во время страшных бурь, закрывают золотые звезды: заканчивается зима⁶⁷, и мокрые волосы сушит весной; весна проносится, [сменяясь] летним зноем; у лета за спиною дразнит богатая плодами осень, готовясь уступить бурям и водам. (152) Даже всевышних отец⁶⁸ прячет огненное оружие и, возвращаясь на пиршества, берет бокалы со столов Ганимеда⁶⁹ той самой десницей, которой держал молнии. (155) Следует подчиняться [требованиям] времени⁷⁰: кто взвесил время верной мерой, того сраженья позовут — и он будет воин, а если мир — сложив оружие, он облачится в тогу: ему в мирное время приличествуют форумы, а в военное — лагеря. (159) Блажен и должен быть воспет в веках тот день, который вдохнул в тебя дыханье жизни, собрал в тебе бесчисленные дарования. (162) Удивительная серьезность присуща тебе на форуме, но стоит лишь на миг ее тебе отбросить, как тотчас ты являешь удивительное остроумие. (163) Если однажды понравилось сплестать стихи, текущие играющей строфой, аонийский стих легко струится по странице; или если ты ударяешь по лире пальцами и плектром из слоновой кости, сладостная песнь льется из аполлонова инструмента и нет сомнений, что учителем твоим был Феб⁷¹. (169) Да не устыдимся играющей лиры, когда в мирное время в безмятежных землях царит народный отдых. (171) Да не устыдимся: ведь считают, что по фебовой лире бряцают те же руки, которые натягивали лук. (173) Рассказывают, что так суровый Ахиллес играл на лире⁷², хотя герой, [сын] Приама⁷³, жег тысячу кораблей и грозный военный рог заглушал мелодичные струны: герой, из рода Нереев⁷⁴, извлек сладкую песнь тем же пальцем, посредством которого ужасное [копье] Пелея⁷⁵ направлялось на врага.

⁶⁶ Существительное среднего рода *classicum* обозначает трубу или звук трубы, но в сочетании *classicus horlog* мы встречаемся с необычным употреблением этого слова в качестве прилагательного. Подробнее см. Martin 1917, 73.

⁶⁷ Здесь использован глагол *cessare* в юридическом значении «терять силу». Возможно перевести как «зима теряет силу».

⁶⁸ Юпитер.

⁶⁹ Ганимед — сын троянского царя Троса, похищенный Зевсом из-за своей необыкновенной красоты и ставший виночерпием на Олимпе.

⁷⁰ Распространенное выражение, встречающееся в разных вариациях, в частности у Цицерона и Сенеки. Подробный разбор примеров использования этого выражения у древних авторов см. в Di Brazzano 2004, 298.

⁷¹ Музыка, исполняемая на лире Пизона, достойна музыки Аполлона. Поэт льстиво называет ее лирой Аполлона. Аргументацию этого прочтения см. в Di Brazzano 2004, 311.

⁷² Ахиллес, вынужденный отдать Брисиду Агамемнону, отказался от дальнейшего участия в войне и остался в своем шатре, где утешался игрой на лире (Ном. II. IX. 186–191).

⁷³ Т.е. Гектор.

⁷⁴ Ахиллес, сын Фетиды и следовательно внук Нерея, то есть потомок, и в широком смысле потомок, сын Нерея.

⁷⁵ *Pelias* — имеется в виду *hasta Pelias*, копье Пелея. Речь идет о копье Ахилла, которое было выковано на горе Пелион кентавром Хироном и вручено в качестве свадебного подарка

(178) Если вдруг тебе захотелось — ты замахваешься оружием, напряженно замираешь и, уклоняясь, тотчасразишь противника, ложными выпадами теснишь бегущего, ловкостью ног быстро сплетая круг за кругом: то ты бьешь в грудь стремительной правой рукой, то поражаешь другой бок неожиданной атакой. (185) И не меньше у тебя ловкости, ведь она помогает перекинуть случайно летящий мяч или удержать падающий и отбить проносящийся неожиданным движением⁷⁶. (188) Народ, привлеченный этим зрелищем, всей разгоряченной толпой тотчас оставляет свои игры. (190) Если случается так, что ты устал под бременем занятий, ты не расслабляешься, однако через искусство игры продолжаешь движение: еще более искусным способом перемещаются шашки на открытой доске, и разыгрываются битвы стеклянным солдатиком: то белые преследуют черных, то черные — белых⁷⁷. (195) Но кто не отступал перед тобой? Какая шашка дрогнула под твоим командованием? Или какая, готовая уже погибнуть, не сразила противника? (197) Тысячью способов сражается твое войско: одна [шашка], отступая, сама захватывает своего преследователя; другая, что стоит на стенах, приходит из отдаленного убежища; третья решается вступить в борьбу и обманывает идущего за трофеем врага; та [еще одна] наталкивается на препятствия с обеих сторон и, будто уже пойманная, сама схватывает двоих; другая теперь стремится к большему, чтобы, прорвав линию защиты, быстро устремиться в толпу, а когда падет вал, разграбить окруженный лагерь⁷⁸. (205) Сколько бы ни завязывалось жесточайших боев среди разрозненного войска, и полной фалангой, и даже потерявшей нескольких воинов, ты все же побеждаешь, и гремят в обеих руках у тебя множество плененных шашек.

Пелею, отцу героя: оно было так тяжело, что его могли бросить только Ахилл и его отец. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 321–322; Martin 1917, 77–78.

⁷⁶ Известны разные виды мячей (*harpastum*, *follis*, *trigon*, *paganica*). Речь, вероятно, идет об игре, в которой используется тригон — *pila trigonalis* или просто *trigon*. Игроки стояли по углам равностороннего треугольника, левой рукой мяч передавался от игрока к игроку или ловился. Марциал также описывает эту игру, называя ее разминкой (Mart. 4. 9; 4. 5; 14. 46; 7. 27; 12. 83). Часто игра проводилась перед посещением терм. «Перекинуть случайно летящий мяч» — мяч отбивается, не будучи при этом пойманным, и таким образом возвращается к бросившему его игроку. Использование *geminare* как синонима к *reddere* или *remittere* обосновано, возможно, стремлением автора придать выразительность тексту.

⁷⁷ Автор текста описывает игру в латрункулы (*ludus latrunculorum*). Правила игры достоверно неизвестны, однако, вероятно, имели некоторое сходство с правилами шахмат или шашек. В игре использовались расчерченная на квадраты доска (археологические находки дают разные размеры досок: 8 × 8, 9 × 9 и др.), а также камешки (*calculi*) разных цветов (чаще всего стеклянные), напоминающие шашки (в тексте переведены как шашки из-за наибольшего соответствия по форме). Суть игры состояла в том, чтобы забрать с доски как можно больше камешков противника, передвигая по полю свои и устраивая для соперника «ловушки». Подробнее об игре в латрункулы см. Schädler, 1994, 47–67.

⁷⁸ Автор текста метафорично описывает ход игры. Одно из предположений о правилах игры состоит в том, что шашка противника должна была быть заблокирована шашками другого игрока с двух сторон, чтобы последний мог убрать ее с доски. Для победы таким образом требовалось проявить стратегическое мышление, наличие которого у Пизона автор и восхваляет в этом отрывке. См. Schädler 1994, 47–67.

(209) Но скорее Титан обойдет изъезженный Олимп, чем мои стихи сумеют описать столько достоинств⁷⁹. (211) О счастливый и достойнейший долгой жизни юноша, несравненное украшение своего рода, прими с уверенностью и признай этот залог нашей истинной любви. (214) Ибо если мое сочинение недостойно твоей похвалы, то достаточно моего желания: я душу жертвую, не стих. (216) Лишь только ты одаришь своим счастливым присутствием, быть может, мы споем еще лучше, и сама твоя благосклонность придаст силы, сама надежда даст благодатное вдохновение: изволь распахнуть твои пенаты — только к этому мы стремимся. (219) Ибо меня будут вдохновлять не властная жажда несметных богатств и неистовое стремление обладать, но любовь к прославлению. Отраднo, славнейший, жить с тобой и весь век состязаться с твоими достоинствами в моих стихах: я выше вознесусь, если ты откроешь мне путь к славе, если выведешь из тени. (225) Какая польза от скрытой жилы благородного металла, если нет старателя? (226) Что доставит судно, укрытое в тихой гавани, если нет капитана, хоть имело бы оно все корабельные снасти и, развязав канат, могло расправить на гладкой мачте развевающиеся паруса?

(230) Тот самый, кто среди италийского народа Энеевы песни⁸⁰ поет, кто именем великим сотрясает Олимп и римскими устами бросает вызов Маэонийскому старцу, пожалуй, пел бы так, неведомый народам, в тростнике бесплодном, и песнь его скрывалась бы в тени рощи⁸¹, если бы не было Мецената⁸². (236) Однако Меценат распахнул двери не одному поэту и не только Вергилия одарил своим покровительством: он прославил Вария⁸³, трагическим жестом потрясающего подмостки, открыл вершины громовержца и явил греческим народам [их] имена⁸⁴; также открыл он песни, звучащие на римских струнах, и италийскую лиру утонченного Горация. (243) О, слава, во все времена справедливо почитаемая, покровительница Пиерейского хора⁸⁵, под защитой которой не знающие опасности поэты никогда не боялись нищей старости!

⁷⁹ «Титан обойдет изъезженное небо» — *Olympus* в латинском тексте используется как метафора для неба. Титан, вероятно Гиперион (отец Гелиоса, согласно Hes. *Theog.* 371–374), отождествляется в тексте с солнцем.

⁸⁰ «Энеевы песни» — речь идет об «Энеиде» Вергилия, которая далее противопоставляется творчеству маэонийского старца, Гомера, и его поэме «Илиада».

⁸¹ Ди Браццано предполагает, что *umbra*, «тьма», здесь употребляется в двойном значении: буквальном, поскольку оно относится к *nemus*, а также метафорическом — «анонимности». См. Di Brazzano 2004, 378.

⁸² Меценат — Гай Цильний Меценат, известен своей поддержкой римских поэтов, среди которых были в том числе Вергилий и Гораций. Автор текста просит Пизона о такой же поддержке, какую в свое время Меценат оказал Вергилию, что открыло для мира его талант.

⁸³ Есть предположение, что здесь речь идет о Л. Ваврии Руфе, который редактировал «Энеиду» вместе с Плотием Туккой и писал в жанрах эпоса, элегии и трагедии. Подробнее об этой гипотезе см. Duff *et al.* 1982, 312; Martin 1917, 92–93.

⁸⁴ «Открыл вершины громовержца и явил греческим народам их имена» — в этом отрывке текста существуют разночтения, поэтому точная интерпретация затруднительна. «Вершины громовержца» — речь может идти о поэтах высокой речи, то есть Меценат открыл поэтов, обладавших высоким красноречием, и сообщил их имена народам Греции.

⁸⁵ Пиериды — музы.

(246) Ибо если есть хоть какое-либо место моим прошениям и если мои молитвы проникли в твою душу, однажды ты будешь воспет мною в хорошо отточенных стихах, досточтимый Меценат. (249) Мы можем покрыть имя вечной славой, если только кому-нибудь дозволено себе самому такое предвещать и бог не будет мстителем за это; все превосходит смелое желание, и я не знаю, на что более высокое может дерзнуть сам разум. (253) Протяни ты руку блуждающему, ты, Пизон, открой сокрытое. Скромный дом и честное, но скудное наследство⁸⁶ скрывают нас своим мраком. (256) Мы можем освободить голову от окутывающей тьмы и увидеть новый свет, если каким-то образом ты, блистательный, с радостью одобришь и поддержишь наши стремления⁸⁷. (259) Поверь мне, мой дух крепче моих лет, несмотря на то что [только] сейчас юношеская гордость начала покрывать мои щеки и [мое] двадцатое лето еще не наступило.

Литература / References

- Baehrens, E. (ed.) 1879: *Poetae Latini minores*. Vol. I. Leipzig.
- Beck, C. (ed.) 1835: *P. Papinii Statii ad Calpurnium Pisonem poemation*. Ansbach.
- Bell, A.A. Jr. 1985: A New Approach to the “*Laus Pisonis*”. *Latomus* 44/4, 871–878.
- Bersman, G. 1582: *Publii Ovidii Nasonis carmina amatoria*. Leipzig.
- Bersman, G. 1589: *M. Annaei Lucani de Bello civili, vel Pharsaliae libri decem. M. Annaei Lucani ad Calpurnium Pisonem panegyricum, sive Ecloga*. Leipzig.
- Champlin, E. 1989: The Life and Times of Calpurnius Piso. *Museum Helveticum* 46/2, 101–124.
- Di Brazzano, S. 2004: *Laus Pisonis. Introduzione, edizione critica, traduzione e commento*. Pisa.
- Duff, J.W., Duff, A.M., Goold, G.P. (eds.) 1982: *Minor Latin Poets*. Vol. I. Reprint. Cambridge.
- Geue, T. 2019: *Author Unknown: The Power of Anonymity in Ancient Rome*. Cambridge (MA).
- Green, S.J. 2010: ‘(No) Arms and a Man’: The Imperial Pretender, the Opportunistic Poet and the *Laus Pisonis*. *Classical Quarterly* 60/2, 497–523.
- Gryphius, S. (ed.) 1534: *P. Ovidii Nasonis amatoria*. Lyon.
- Held, J. (ed.) 1831: *Incerti auctoris ad Calpurnium Pisonem carmen*. Breslau.
- Hornblower, S., Spawforth, A., Eidinow, E. (eds.) 2012: *The Oxford Classical Dictionary*. Oxford.
- Junius, H. 1556: *Lucani poema ad Calpurnium Pisonem ex libro Catalecton in Animadversorum Libri sex*. Basel.
- Kortte, G. (ed.) 1726: *Marci Annaei Lucani Pharsalia sive De bello civili libri X eidemque adscriptum Carmen ad Pisonem*. Lipsiae.
- Leventhal, M. 2021: Politics and Play in the *Laus Pisonis*. *Classical Quarterly* 71/2, 741–758.
- Mader, G. 2013: Re-presenting Piso: Poetic and Political Agenda in the “*Laus Pisonis*”. *Classical World* 106/4, 621–643.
- Martin, G. 1917: *Laus Pisonis*. PhD thesis. Ithaca (NY).
- Reeve, M.D. 1984: The Addressee of “*Laus Pisonis*”. *Illinois Classical Studies*, 9/1, 42–48.
- Reychard, H.G. (ed.) 1793: *Sylloge opusculorum veterum poetarum Latinorum*. Leipzig.
- Scaliger, J. (ed.) 1573: *Lucani ad Calpurn. Pisonem Panegyricum*. In: J. Scaliger (ed.), *Publii Vergilii Maronis Appendix*. Lyon, 122–130, 545–548.

⁸⁶ По мнению Зееля, fortuna здесь обозначает не состояние или наследство, а некие внешние обстоятельства, которые и помешали Лукану (автору «Похвалы» согласно Зеелю) раскрыть свою личность. Подробнее см. Seel 1969, 166.

⁸⁷ *Subscribis nostis* – здесь использован глагол, имеющий юридическое значение, и опять используется местоимение множественного числа. Согласно предположению Зееля, в этом можно усмотреть призыв заговорщиков присоединиться к ним, подписав тайный договор. Такая идея, по мнению немецкого ученого, прослеживается и в использовании *vota* – термина, который в императорские времена мог обозначать торжественные ежегодные мольбы о здоровье принцепса, перенесенные здесь на Пизона. Подробнее см. Seel 1969, 184.

- Schädler, U. 1994: Latrunculi – ein verlorenes strategisches Brettspiel der Römer. In: *Homo Ludens. Der spielende Mensch IV*. Salzburg, 47–67.
- Seel, A. 1969: *Laus Pisonis: Text, Übersetzung, Kommentar*. Diss. Erlangen.
- Sichard, I. (ed.) 1527: *P. Ovidii Nasonis opera*. Basil.
- Ullman, B.L. 1929: The Text Tradition and Authorship of the Laus Pisonis. *Classical Philology* 24/2, 109–132.
- Verdière, R. 1954: *T. Calpurnii Siculi, De laude Pisonis et Bucolica, et M. Annaei Lucani, De laude Caesaris, Einsidlensia quae dicuntur carmina*. Brussels.
- Verdière, R. 1971: *Études prosodique et métrique du De laude Pisonis et des Bucolica de T. Calpurnius Siculus*. Rome.
- Vitale-Brovarone, A. 2020: La “Laus Pisonis” traduite par Simon de Hesdin: la première traduction française d’un texte très rare. Quelques problèmes d’orientation du premier humanisme français. *Studi Francesi* 190/1, 77–83.
- Weber, C.F. 1859: *Comentatio de carmine panegyrico in Calpurnium Pisonem*. Marburg.
- Wernsdorf, J.Ch. (ed.) 1785: *Poetae Latini minores*. Vol. IV. Altenburg.

Maria S. Golikova,

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

Email: golikoff@list.ru

ORCID: 0009-0002-6326-409X

М.С. Голикова,

к. филос. н., доцент
Московского государственного
лингвистического университета,
Москва, Россия

Elena A. Vishnevskaya,

Donetsk State University,
Donetsk, Russia

E-mail: u.elena.vishnevskaya@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8493-1413

Е.А. Вишневецкая,

преподаватель Донецкого
государственного университета,
Донецк, Россия

Ivan A. Sheludeshchev

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

E-mail: shelv22@gmail.com

ORCID: 0009-0004-4939-1943

И.А. Шелудешев,
преподаватель кафедры классической филологии,
аспирант Московского государственного
лингвистического университета,
Москва, Россия

Regina R. Khabibullina

Independent researcher,
Neftekamsk, Russia

E-mail: beafor@mail.ru

ORCID: 0009-0003-0341-5762

Р.Р. Хабибуллина,
независимый исследователь,
Нефтекамск, Россия

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» В 2024 ГОДУ

	№	Стр.
<i>Fratantuono L.</i> (Maynooth, Ireland) — Nero's New Troy: The Reception of Virgil and Horace in the <i>Ilias Latina</i>	1	119
<i>Александров Б.Е.</i> (Москва) — Салманасар I в Шинаму: к двум аспектам новой Среднеассирийской надписи из Учтепе	3	597
<i>Бехтер А.П., Ильина Ю.И.</i> (Санкт-Петербург) — Граффити и дипинти из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева. 6. Частновладельческие граффити	4	933
<i>Бобровникова Т.А.</i> (Москва) — Представления о множественности душ в поэтико-антикварной традиции древнего Рима	3	664
<i>Богданов И.В.</i> (Санкт-Петербург) — Загадочная судьба египетской стелы Rio de Janeiro 658 [2446]	3	611
<i>Брайловская А.А., Круглова К.В.</i> (Москва) — Δέλταc в поэмах Гомера: возможные следы микенского слоя в эпической традиции	4	916
<i>Ведешкин М.А.</i> (Москва) — Утраченный источник о персидском походе Юлиана Отступника	3	708
<i>Вигасин А.А.</i> (Москва) — К интерпретации «Махабхашьи»	1	47
<i>Вигасин А.А.</i> (Москва) — Надписи на колонне Гелиодора.....	2	266
<i>Гарбузов Г.П.</i> (Ростов-на-Дону) — Античное межевание таманско-ольвийского типа в районе Нижнего Поднепровья	1	77
<i>Гринцер Н.П.</i> (Москва) — Гораций комментирует Аристофана	2	357
<i>Гуськов Е.А.</i> (Москва) — Численность штата преторианских когорт в I—II вв. н. э.	3	676
<i>Демидчик А.Е.</i> (Санкт-Петербург) — «Я хоронил старика» и похожие высказывания в древнеегипетских жизнеописаниях: историко-культурный комментарий	4	877
<i>Журавлев Д.В., Гурьева П.В., Коваленко Е.С., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б.</i> (Москва) — Кипрские фигурные сосуды эпохи бронзы из собрания государственного исторического музея: взгляд внутрь	2	275
<i>Иванчик А.И.</i> (Москва/Бордо, Франция) — К вопросу об историческом и этнографическом методе Геродота: Геродот и его источники	2	300
<i>Короленков А.В.</i> (Москва) — Бокх глазами Саллюстия: штрихи к портрету	1	107

<i>Кузнецов В.Д., Остапенко С.Н.</i> (Сенной/Москва) — Средневековая Фанагория: новые открытия	2	386
<i>Ладынин И.А.</i> (Москва) — Царь Рамсес и Бактрия. Об одном мотиве позднеегипетского историописания	1	5
<i>Лурье П.Б.</i> (Санкт-Петербург) — ‘Неизвестное письмо’ Бактрии: неопубликованные материалы и новые интерпретации	2	319
<i>Можайский А.Ю.</i> (Москва) — «Гипофивы» Илиады как свидетельство начала формирования фиванского полиса	3	618
<i>Мосолкин А.В.</i> (Москва) — Роль птиц в мифе о Реме и Ромуле	4	956
<i>Никольский И.М.</i> (Москва) — Драконций о Гомере и Вергилии в прологе к «Похищению Елены»	3	721
<i>Подосинов А.В.</i> (Москва/Петрозаводск) — <i>Imperium Romanum ‘sine fine’</i> и <i>orbis terrarum</i> на Певтингеровой карте мира	2	371
<i>Рунг Э.В.</i> (Москва/ Казань) — Повеления Дария I и Ксеркса в корпусе царских надписей Ахеменидов	1	27
<i>Рунг Э.В.</i> (Москва) — Соправительство, регентство или выбор наследника? Аспекты династической политики в Ахеменидской империи ..	4	892
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) — Аристотелево определение олигархии и олигархические режимы в Афинах V—IV вв. до н.э.	1	55
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн, Германия) — Редкие бронзовые сосуды и инструменты V в. до н.э., связанные с винопитием из некрополя Волна 1 на Таманском полуострове	3	640
<i>Фролов Р.М.</i> (Ярославль) — Никаких ограничений? Интерпретация триумвирата <i>rei publicae constituendae</i> как магистратуры <i>ad tempus incertum</i>	4	975

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Foça S.</i> (Çanakkale, Türkiye), <i>Tanriver C., Akar Tanriver D.</i> (İzmir, Türkiye) — A Stone Block From Old Smyrna. Pente Grammai? Abacus?	3	743
<i>Yatan H.</i> (Çanakkale, Türkiye) — Three New Funerary Inscriptions from Tenedos	3	731
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Москва/Сенной/Магнитогорск), <i>Кузнецов В.Д., Остапенко С.Н.</i> (Москва/Сенной) — Монеты из синагоги в Фанагории	4	998
<i>Захаров Е.В., Смирнов С.В.</i> (Москва) — Клад селевкидских бронзовых монет из Южного Дагестана	1	131
<i>Николаев А.Н.</i> (Санкт-Петербург) — Две деревянные дощечки с упоминанием бога Тота в собрании Государственного Эрмитажа	4	1019

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Anokhina E.A.</i> (Moscow), <i>Makeeva N.V.</i> (Saint Petersburg) — Six Ostraca of The Teaching of Khety in the State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow	1	163
---	---	-----

<i>Васильева О.А., Томашевич О.В.</i> (Москва) — <i>Erotica</i> . К проблеме происхождения и бытования так называемых фаллических терракот в греко-римском Египте (на материале собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина)	3	755
---	---	-----

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Свойский Ю.М., Ольховский С.В., Романенко Е.В., Зайцев А.В., Гирич А.П., Глотова А.П.</i> (Москва) — Амфорные клейма. Проблемы документирования, публикации, информатизации	2	465
--	---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Кириллова М.Н.</i> (Москва) — Что печаталось в «Вестнике древней истории» в 1939 г.: отзыв В.П. Волгина на выпуски журнала и его обсуждение	2	421
<i>Ковалев М.В., Метель О.В.</i> (Москва) — Советские антиковеды в пространстве социалистического блока: к проблеме участия ученых из СССР в работе комитета «Эйрене»	4	1029
<i>Крих С.Б.</i> (Омск) — Египетское рабство в раннем творчестве М.А. Коростовцева	1	163
<i>Тункина И.В.</i> (Санкт-Петербург) — М.И. Ростовцев. Родственный контекст. Часть 3. Страховские	2	400

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Бугаева Н.В.</i> (Москва) — L. Canfora. <i>Catilina. Una rivoluzione mancata</i> . Bari, 2023	4	1064
<i>Короленков А.В.</i> (Москва) — D. Rafferty. <i>Provincial Allocations in Rome 123—52 BCE</i> . Stuttgart, 2019	2	484
<i>Короленков А.В.</i> (Москва) — E.H. Shaw. <i>Sallust and the Fall of the Republic</i> . Leiden—Boston, 2021	3	807
<i>Короленков А.В.</i> (Москва), <i>Хрусталёв В.К.</i> (Санкт-Петербург/Псков) — G.-P. Schietinger (Hrsg.). <i>Gnaeus Pompeius Magnus. Ausnahmekarrierist, Netzwerker und Machtstrategie</i> . Rahden (Westfalen), 2019	4	1047
<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород) — Римский императорский двор как политический и социокультурный феномен (B. Kelly, A. Hug (eds.). <i>The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC — c. AD 300. Vol. 1: Historical Essays. Vol. 2: A Sourcebook</i> . Cambridge, 2022)	1	184
<i>Смирнова О.П.</i> (Мезон-Лаффит, Франция) — V. Dasen, Th. Daniaux (éd.). <i>Locus Ludi : quoi de neuf sur la culture ludique antique?</i> (Pallas: Revue d'études antiques, 119). Toulouse, 2022	1	178
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) — C.J. Joyce. <i>Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy</i> . Edinburgh, 2022	4	1054

<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) — M. Marren. Plato and Aristophanes: Comedy, Politics, and the Pursuit of a Just Life. Evanston, 2022	2	492
<i>Суриков И.Е., Габелко О.Л.</i> (Москва) — L. Prandi. Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti. Roma—Bristol, 2020	3	796

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Андреева Е.Н., Давыдова О.А., Елисеева Л.Г., Иванова А.В., Кириллова М.Н., Ляпустина Е.В., Соломатина Е.И.</i> (Москва) — Ежегодная конференция «Цивилизации древнего Ближнего Востока и античности: историческая динамика общего и особенного» (Москва, 21—22 июня 2023 г.)	1	197
<i>Апенко М.С., Давыдова О.А., Елисеева Л.Г., Иванова А.В., Коваль С.А., Ляпустина Е.В., Меркин Д.Б., Соломатина Е.И.</i> (Москва) — Всероссийская научная конференция «Историк и текст: к 90-летию со дня рождения академика Григория Максимовича Бонгард-Левина» (Москва, 20—22 декабря 2023 г.)	2	440
<i>Бугаева Н.В., Дурново М.В., Ладынин И.А., Обухов С.В., Сафронов А.В., Апенко М.С.</i> (Москва) — XXII Сергеевские чтения на кафедре истории древнего мира Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 1—3 февраля 2023 г.)	3	817
<i>Бугаева Н.В., Снедкова Е.В.</i> (Москва) — «Ломоносовские чтения» на кафедре древних языков и кафедре истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 7, 11 апреля 2023 г.)	1	194
<i>Габелко О.Л.</i> (Москва) — XIV Всероссийская конференция «Миусские античные посиделки» (Москва, 29—30 марта 2024 г.)	4	1093
<i>Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б.</i> (Москва) — Всероссийская научная конференция «Экономическая история античности в мировой историографии» (Москва, 30 января 2024 г.)	4	1085
<i>Кириллова М.Н.</i> (Москва) — Научный семинар ИВИ РАН «Античность в современности» в 2023 г.	4	1076
<i>Кириллова М.Н., Карпюк С.Г.</i> (Москва) — Всероссийская научная конференция «Советская древность — IX» (Москва, 23—24 ноября 2023 г.)	3	833
<i>Климов О.Ю., Кулишова О.В., Пантелеев А.Д., Жестоканов С.М.</i> (Санкт-Петербург) — Юбилейная конференция «XXV Жебелёвские чтения» в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 25—27 октября 2023 г.)	1	211
<i>Криволапов Г.Л., Иванов В.А., Апенко М.С.</i> (Москва) — Всероссийский круглый стол «Плиний Старший и его “Естественная История”: К 2000-летию со дня рождения» (Москва, 13—14 октября 2023 г.)	1	205
<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород) — Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева (Нижний Новгород, 20 января 2024 г.)	4	1079

PERSONALIA

Посвящение Г.М. Бонгард-Левину	2	265
Юбилей Инны Андреевны Гвоздевой	3	836
<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород) — К 70-летию проф. С.К. Сизова ...	3	839

ПРИЛОЖЕНИЕ

Laus Pisonis, «Похвала Пизону». Вступительная статья, перевод с латинского и комментарий <i>М.С. Голиковой</i> (Москва), <i>Е.А. Вишневской</i> (Донецк), <i>И.А. Шелудешева</i> , <i>Р.Р. Хабибуллиной</i> (Москва)	4	1099
Апокрифическое «Завещание Иова». Вступительная статья, перевод с древнееврейского и комментарий <i>Л.В. Шулякова</i> (Москва)	3	842
Осия 2. Вступительная статья, перевод с древнееврейского и комментарий <i>Л.Е. Когана</i> (Москва), <i>В.Р. Гордон</i> (Иерусалим, Израиль) и <i>М.М. Юровицкой</i> (Москва)	1	220
Староассирийская легенда о Саргоне. Вступительная статья, перевод с аккадского и комментарий <i>И.С. Архипова</i> (Москва) и <i>А.Ф. Успенского</i> (Москва/Санкт-Петербург)	2	502

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия
- АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия
- АРАН — Архив Российской Академии наук, Москва, Россия
- ВДИ — *Вестник древней истории*. Москва
- ГАХ — Соломоник, Э.И. *Граффити античного Херсонеса*. Киев, 1978
- КБН(=CIRB) — Струве, В.В. и др. (ред.), *Корпус боспорских надписей*. Москва—Ленинград, 1965
- НА ИРИ РАН — Научный архив Института российской истории Российской Академии наук, Москва, Россия
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия
- ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия
- ЦГАМ — Центральный государственный архив Москвы, Москва, Россия
- SEG I — Hansen, P.A. *Carmina epigraphica Graeca saeculorum VIII—V a.Chr.n.* Vol. I. Berlin—New York, 1983
- CG — *Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire*. Le Caire.
- CH XI — Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. *Coin Hoards*. Vol. XI. *Greek Hoards. The Cimmerian Bosphorus*. (Colloquia Antiqua, 32). Leuven—Paris—Bristol, 2021
- СН — Chwolson, D. *Corpus Inscriptionum Hebraicarum, enthaltend Grabschriften aus Krim und andere Grabschriften u. Inschriften in alter hebraischer Quadratschrift, so wie auch Schriftproben aus Handschriften vom IX—XV Jahrhundert*. Sankt Petersburg, 1882
- CIL — *Corpus inscriptionum latinarum*. Berolini
- DELG — Chantraine, P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Т. 1—4. Paris, 1968—1980
- DMic I — Aura Jorro, F. (red.), *Diccionario Micénico*. Vol. I. (Diccionario Griego-Español, 1). Madrid, 1985
- DOC I — Bellinger, A.R. *Anastasius I to Maurice. 491—602*. (Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, Vol. I). Washington, 1966
- ICS — Masson, O. *Les inscriptions chypriotes syllabiques: recueil critique et commenté: Réimpression augmentée*. Paris, 1983
- IG — *Inscriptiones Graecae*. Berolini
- I.Fayoum III — Bernard, É. *Recueil des inscriptions grecques du Fayoum*. Т. III. Leiden, 1981

-
-
- IGDOP – Dubois, L. *Inscriptions grecques dialectales d’Olbia du Pont*. Genève, 1996
- IJO (=I.Jud. Orientis) – Noy, D., Panayotov, A., Bloedhorn, H. (eds.), *Inscriptiones Judaicae Orientis*. Vol. I. *Eastern Europe*. Tübingen, 2004
- IOSPE – Latyshev, B. et al. (ed.), *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Ed. 1. Vol. I, II, IV. Petropoli, 1885–1901. Ed. 2. Vol. I. Petropoli, 1916. Ed. 3. Vol. I, III, V. Digital ed., 2015–2017. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index.html>
- ILS – Dessau, H. *Inscriptiones Latinae Selectae*. T. I–V. Berolini, 1892–1916
- Hatzopoulos, Mac. Inst. II – Hatzopoulos, M.B. *Macedonian Institutions under the Kings*. Vol. II. *Epigraphic Appendix*. (Μελετήματα, 22). Athens, 1996
- LFgrE – Snell, B., Meier-Brügger, M. (eds.), *Lexikon des frühgriechischen Epos*. Göttingen, 1955–2010
- LGPn – *A Lexicon of Greek Personal Names*. Oxford
- LGG – Leitz, Ch. (Hrsg.), *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. I–VIII. Leuven, 2002–2003
- LSJ – Liddell, H.G., Scott, R.A., Jones, H.S., *Greek-English Lexicon with a Revised Supplement*. Oxford, 1996
- MÚ a AAV ČR – Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky [Masaryk Institute and Archives of the Czech Academy of Sciences], Prague, Czech Republic
- PM III.2 – Porter, B., Moss, R.L.B., Malek, J. (eds.), *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. III. *Memphis*. Pt. 2. *Saqqāra to Dahshūr*. 2nd ed. Oxford, 1981
- PNM – Ilin-Tomich, A. *Persons and Names of the Middle Kingdom and Early New Kingdom*. URL: <https://pnm.uni-mainz.de/info>
- PS – Vinogradov, Ju.G. *Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeer-Raumes*. Mainz, 1997
- SEG – *Supplementum epigraphicum Graecum*. Leiden–Boston
- Wb. – Erman, A. Grapow, H. (eds.), *Wörterbuch der Ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. 4. Aufl. Berlin, 1982
- Welles, RC – Welles, C.B. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. London, 1934

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Демидчик А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – «Я хоронил старика» и похожие высказывания в древнеегипетских жизнеописаниях: историко-культурный комментарий	877
<i>Рунг Э.В.</i> (Москва) – Соправительство, регентство или выбор наследника? Аспекты династической политики в Ахеменидской империи	892
<i>Брайловская А.А., Круглова К.В.</i> (Москва) – Δέλας в поэмах Гомера: возможные следы микенского слоя в эпической традиции	916
<i>Бехтер А.П., Ильина Ю.И.</i> (Санкт-Петербург) – Граффити и дипинти из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева. 6. Частновладельческие граффити	933
<i>Мосолкин А.В.</i> (Москва) – Роль птиц в мифе о Реме и Ромуле.....	956
<i>Фролов Р.М.</i> (Ярославль) – Никаких ограничений? Интерпретация триумvirата rei publicae constituendae как магистратуры ad tempus incertum	975

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Абрамзон М.Г.</i> (Москва/Сенной/Магнитогорск), <i>Кузнецов В.Д., Остапенко С.Н.</i> (Москва/Сенной) – Монеты из синагоги в Фанагории	998
<i>Николаев А.Н.</i> (Санкт-Петербург) – Две деревянные дощечки с упоминанием бога Тота в собрании Государственного Эрмитажа	1019

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Ковалев М.В., Метель О.В.</i> (Москва) – Советские антиковеды в пространстве социалистического блока: к проблеме участия ученых из СССР в работе комитета «Эйрене»	1029
---	------

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Короленков А.В.</i> (Москва), <i>Хрусталёв В.К.</i> (Санкт-Петербург/Псков) – G.-P. Schietinger (Hrsg.). Gnaeus Pompeius Magnus. Ausnahmekarrierist, Netzwerker und Machtstrategie. Rahden (Westfalen), 2019	1047
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – С. J. Joyce. Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy. Edinburgh, 2022	1054
<i>Бугаева Н.В.</i> (Москва) – L. Canfora. Catilina. Una rivoluzione mancata. Bari, 2023	1064

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Кириллова М.Н., Карпюк С.Г.</i> (Москва) – Научный семинар ИВИ РАН «Античность в современности» в 2023 году	1076
<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород) – Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева (Нижний Новгород, 20 января 2024 г.)	1079
<i>Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б.</i> (Москва) – Всероссийская научная конференция «Экономическая история античности в мировой историографии» (Москва, 30 января 2024 г.)	1085
<i>Габелко О.Л.</i> (Москва) – XIV Всероссийская конференция «Миусские античные посиделки» (Москва, 29–30 марта 2024 года)	1093

ПРИЛОЖЕНИЕ

Laus Pisonis, «Похвала Пизону». Вступительная статья, перевод с латинского и комментарий <i>М.С. Голиковой</i> (Москва), <i>Е.А. Вишневецкой</i> (Донецк), <i>И.А. Шелудешева</i> (Москва), <i>Р.Р. Хабибуллиной</i> (Нефтекамск)	1099
---	------

CONTENTS

<i>A.E. Demidchik</i> (Saint Petersburg) – “I Buried an Old Man” and Similar Statements in Ancient Egyptian Autobiographies: Historical and Cultural Commentary.....	877
<i>E.V. Rung</i> (Moscow) – Co-rulership, Regency, or Choice of Heir? Aspects of Dynastic Politics in the Achaemenid Empire	892
<i>A.A. Braylovskaya, K.V. Kruglova</i> (Moscow) – Δέπας in Homer: Possible Traces of the Mycenaean Layer in the Epic Tradition	916
<i>A.P. Bekhter, Yu.I. Il'ina</i> (Saint Petersburg) – Graffiti and Dipinti from the Excavations of E.I. Levi and A.N. Karasev. 6. Private Ownership Graffiti	933
<i>A.V. Mosolkin</i> (Moscow) – The Role of Birds in the Myth of Remus and Romulus.....	956
<i>R.M. Frolov</i> (Yaroslavl) – No Limits? The Triumvirate <i>rei publicae constituendae</i> as a Magistracy <i>ad tempus incertum</i>	975

PUBLICATIONS

<i>M.G. Abramzon</i> (Moscow/Sennoy/Magnitogorsk), <i>V.D. Kuznetsov, S.N. Ostapenko</i> (Moscow/Sennoy) Coins from the Synagogue at Phanagoria	998
<i>A.N. Nikolaev</i> (Saint Petersburg) – Two Inscribed Boards Mentioning Thoth in the Collection of the State Hermitage Museum	1019

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>M.V. Kovalev, O.V. Metel</i> (Moscow) – Soviet Historians of Antiquity in the Space of the Socialist Bloc: About the Participation of Soviet Scholars in the Work of the Committee “Eirene”	1029
--	------

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>A.V. Korolenkov</i> (Moscow), <i>V.K. Khrustalev</i> (Saint Petersburg/Pskov) – G.-P. Schietinger (Hrsg.). Gnaeus Pompeius Magnus. Ausnahmekarrierist, Netzwerker und Machtstrategie. Rahden (Westfalen), 2019	1047
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – C. J. Joyce. Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy. Edinburgh, 2022	1054
<i>N.V. Bugaeva</i> (Moscow) – L. Canfora. Catilina. Una rivoluzione mancata. Bari, 2023	1064

NEWS AND EVENTS

<i>M.N. Kirillova, S.G. Karpuyuk</i> (Moscow) – Academic Seminar of the Institute of World History of the RAS “The Ancient World in Modern Days” in 2023	1076
<i>A.V. Makhlayuk</i> (Nizhny Novgorod) – Second Symposium on History and Archaeology <i>in memoriam</i> of Evgeniy Alexandrovich Molev (Nizhny Novgorod, January 20, 2024)	1079
<i>I.A. Gvozdeva, T.B. Gvozdeva</i> (Moscow) – All-Russian Academic Conference “Economic History of Antiquity in the World Historiography” (Moscow, January 30, 2024)	1085
<i>O.L. Gabelko</i> (Moscow) – All-Russian Conference “Mius Classical Table-talk XIV” (Moscow, March 29–30, 2024)	1093

SUPPLEMENT

Laus Pisonis. Introduction, Translation from Latin and Commentary by <i>M.S. Golikova</i> (Moscow), <i>E.A. Vishnevskaya</i> (Donetsk), <i>I.A. Sheludeshv</i> (Moscow), <i>R.R. Khabibullina</i> (Neftekamsk)	1099
--	------